ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

1974

Александр Николаевич Самойлович

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

Сборник, посвященный памяти выдающегося советского тюрколога акад. А. Н. Самойловича, содержит статьи, продолжающие и развивающие тематику научных исследований ученого. В статьях рассматриваются лингвистические, этнографические, литературоведческие проблемы, а также вопросы, связанные с исследованием письменных памятников на тюркских языках.

Т $\frac{10602\text{-}048}{013\,(02)\text{-}78}$ 163-77

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. 1974

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *Л. С. Ефимова*
Младший редактор *И. И. Исаева*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректор *Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 13197

Сдано в набор 14/IV 1977 г. Подписано к печати 3/I 1978 г. А-06402. Формат 60×90/16.
Бум. № 2. Печ. л. 19,0 + 0,125 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 19,14. Тираж 1750 экз. Изд. № 3631
Зак. 317. Цена 2 р. 40 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
1-я типография изд-ва «Наука». 199034 Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

Памяти академика
Александра Николаевича
Самойловича
посвящается

«А. Н. Самойловичу больше многих других русских востоковедов приходилось работать „в поле“, добывать новый материал и изучать современную жизнь; но в то же время им не забывались основные задачи тюркологии вообще — русской тюркологии в частности в области изучения прошлого».

В. В. Бартольд

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

5—7 июня 1973 г. в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР состоялась VI Тюркологическая конференция, посвященная памяти выдающегося советского тюрколога акад. Александра Николаевича Самойловича [1]. В работе конференции приняли участие 139 тюркологов из Абакана, Алма-Аты, Ашхабада, Баку, Бийска, Бухары, Еревана, Казани, Ленинграда, Москвы, Нальчика, Новокузнецка, Нукуса, Самарканда, Тарту, Ташкента, Тбилиси, Томска, Уфы, Ферганы, Фрунзе, Чебоксар, Черкесска. На трех пленарных и 14 секционных заседаниях были заслушаны 81 доклад и 114 выступлений.

Два пленарных заседания были посвящены памяти выдающегося советского тюрколога акад. А. Н. Самойловича, 12 докладов — научному наследию А. Н. Самойловича в области тюркского языкознания, литературоведения, истории и этнографии, а также роли А. Н. Самойловича в организации тюркологических исследований в СССР. В докладах, сделанных на третьем пленарном заседании, были освещены вопросы, касающиеся основных этапов развития общественной мысли Турции в новое время, методов и источников сравнительно-исторических исследований тюркских языков, периодизации истории узбекского языка, основных направлений историографической интерпретации древнетюркских памятников.

На секционных заседаниях работали следующие симпозиумы: «Методы и источники сравнительно-исторических исследований в тюркских языках» (руководитель — А. Н. Кононов); «Морфология и лексикология тюркских языков» (руководитель — Д. М. Насилов); «Общественно-политическая мысль Турции в XIX — начале XX в.» (руководитель — Ю. А. Петросян); «Тюрк-

---

[1] Подробнее см.: В. Г. Гузев и др., VI Тюркологическая конференция в Ленинграде, — СТ, 1973, № 5, стр. 128—135; резолюция конференции — там же, стр. 135—137. В этом и следующем номерах журнала опубликованы некоторые материалы конференции, в том числе и доклады, посвященные различным аспектам тюркологической деятельности А. Н. Самойловича.

ская поэтика» (руководитель — З. Х. Ахметов); «Древнетюркская литература как исторический источник» (руководитель — С. Г. Кляшторный).

Особое внимание участников конференции привлекла работа лингвистических симпозиумов, на которых состоялся весьма полезный обмен мнениями по затронутым вопросам. На заседаниях секции истории и литературы Турции были заслушаны доклады, посвященные важным проблемам политической, идеологической и культурной жизни Османской империи в новое время. Симпозиум по вопросам тюркской поэтики был посвящен некоторым общим и частным проблемам теории тюркского стиха. На симпозиуме по древнетюркской литературе обсуждались проблемы, касающиеся разработки эпиграфических и документальных источников на тюркских языках.

В настоящий сборник включены материалы конференции, а также и другие материалы, в которых нашли отражение результаты последних исследований советских тюркологов в упомянутых разделах тюркологической науки.

Ф. Д. Ашнин

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ САМОЙЛОВИЧ
1880—1938

Александр Николаевич Самойлович * родился 17 (29) декабря 1880 г. в Нижнем Новгороде в семье директора классической гимназии. Выбившиеся в люди ценой огромных усилий, родители Самойловича весь свой достаток тратили на то, чтобы дать образование своим детям, которых у них было шестеро. Александра удалось устроить в 1888 г. в привилегированную классическую гимназию, так называемый Нижегородский дворянский институт, который он окончил с серебряной медалью в 1899 г. В том же году Александр по совету отца поступил на факультет восточных языков Петербургского университета по арабско-персидско-татарско-турецкому разряду.

Александр Николаевич был счастлив в учителях, среди которых мы видим блестящего и разностороннего тюрколога-лингвиста проф. П. М. Мелиоранского, превосходного знатока турецкого языка и литературы проф. В. Д. Смирнова, ученого-энциклопедиста проф. В. В. Бартольда, археолога проф. Н. И. Веселовского, ираниста проф. К. Г. Залемана, арабистов проф. В. Р. Розена, проф. А. Э. Шмидта и др. Позже он прошел основательную школу у крупнейшего тюрколога того времени акад. В. В. Радлова, непосредственно причастного к дешифровке древнетюркских рунических памятников.

---

* Биографические сведения извлечены мною из указанной ниже (стр. 288—292) «Литературы об А. Н. Самойловиче», материалов Государственного исторического архива Ленинградской области, Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области, Архива АН СССР, Архива внешней политики СССР, сборников «Наука и научные работники СССР» и из хроники, содержащейся в «Вестнике АН СССР» и некоторых других журналах. Ценную помощь мне оказали Н. Н. и П. А. Самойловичи и ученики А. Н. Самойловича: акад. А. Н. Кононов, проф. С. К. Кенесбаев, проф. У. Турсунов и Б. В. Ржевин, а также университетский товарищ А. Н. Самойловича проф. В. И. Филоненко. Пользуюсь случаем, чтобы выразить им здесь свою горячую признательность.

Уже на студенческой скамье А. Н. Самойлович по предложению и под руководством проф. В. В. Бартольда и на основании его историко-географических работ составил и напечатал в виде пособия для студентов книгу «Западный Туркестан со времени завоевания арабами до монгольского владычества» (под ред. В. В. Бартольда и Н. И. Веселовского).

Однако началом самостоятельной научной деятельности А. Н. Самойловича следует считать его студенческую командировку в Туркмению в 1902 г., которую он предпринял по совету и указаниям П. М. Мелиоранского для изучения туркменского языка и последующего написания дипломной работы. Располагая для пребывания в Туркмении только летними месяцами, А. Н. Самойлович ограничился тогда изучением одного текинского диалекта. Собрав значительный материал (сказки, загадки, пословицы и т. п.) и записав его в так называемой академической транскрипции, А. Н. Самойлович по возвращении в Петербург обработал этот материал и написал на его основе довольно полный фонетический и грамматический очерк исследованного им диалекта. Факультет, куда была представлена работа, отметил «новизну и сложность предмета, а также несомненно обнаруженную автором способность и любовь к самостоятельному научному труду» и признал ее достойной награждения золотой медалью [1].

Как успешно окончивший университет, А. Н. Самойлович был с 1 июня 1903 г. оставлен при нем для приготовления к профессорской деятельности по кафедре турецко-татарской словесности.

Свое положение магистранта А. Н. Самойлович использовал не только для сдачи обычных магистерских экзаменов, но и для совершенствования своих знаний в области общих вопросов тюркологии и древне- и среднетюркских языков под руководством П. М. Мелиоранского и В. В. Радлова.

Первое выступление А. Н. Самойловича в кругу ученых состоялось 29 апреля 1904 г., когда он прочел в Восточном отделении Русского археологического общества свой доклад «Туркменская поэма о столкновениях туркмен с персами в 60-х годах XIX столетия» [2]. Доклад был тогда же опубликован в виде статьи под заглавием «Книга рассказов о битвах текинцев. (Предварительное сообщение)». «Уже в этой статье, — отмечал позже В. В. Бартольд, — обратили на себя внимание качества, редко соединяющиеся в одном лице: с одной стороны, темперамент пионера и талант популяризатора, а с другой — строгая точность ученого, во всех случаях

---

[1] См.: «Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1903 г.», СПб., 1904, раздел о наградах, стр. 74.

[2] См.: ЗВОРАО, т. 16, вып. 4, 1906, стр. XXIX.

тщательно отделяющего свои личные наблюдения от расспросных сведений, достоверно доказанное от возможного и вероятного» [3].

Начав научную деятельность как исследователь-туркменовед, А. Н. Самойлович очень скоро должен был пробовать свои силы в других областях. В 1906 г. скоропостижно скончался его учитель проф. П. М. Мелиоранский, и А. Н. Самойловичу в качестве приват-доцента (он был утвержден в этой должности 1 июля 1907 г.) пришлось принять на себя всю тяжесть преподавания турецкого языка и литературы в университете, читать лекции по введению в тюрко-татарские языки, вести семинар по чтению орхоно-енисейских памятников и «Кутадгу билиг» и наблюдать за изданием работы П. М. Мелиоранского «„Шейбани-намэ“ Мухаммеда Салиха».

В 1908 г. А. Н. Самойлович избирается действительным членом Русского археологического общества по его Восточному отделению и почти одновременно — членом Русского географического общества по Этнографическому отделению, причем в последнем с 1910 и до 1915 г. он состоит секретарем отделения и принимает участие в редактировании журнала «Живая старина». В 1912 г. он избирается действительным членом Таврического общества истории, археологии и этнографии и Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. Свое членство в этих обществах А. Н. Самойлович оправдывал многочисленными публикациями в их печатных органах (см. ниже, «Список трудов А. Н. Самойловича»).

В начале 1911 г. к преподавательской деятельности в университете добавляется работа в качестве хранителя Восточного музея, где он среди прочих занятий увлекается описанием монет. В этом же году А. Н. Самойлович начал преподавание турецкого языка в Практической восточной академии, продолжавшееся до 1917 г. Летом 1911 г. А. Н. Самойлович совершил вторую поездку в Турцию (первая была предпринята в 1900 г. с учебными целями), где изучал литературный и народно-разговорный язык, проверил и пополнил свою рукописную грамматику турецкого языка и приобрел огромную коллекцию газет, журналов и книг, так что когда в 1912 г. В. В. Бартольд организовал журнал «Мир ислама», А. Н. Самойлович подготовил и опубликовал в нем великолепный обширный обзор мусульманской периодической печати в России и Турции (см. № 64 в «Списке трудов А. Н. Самойловича» в конце книги). В это же время А. Н. Самойлович принял участие в составлении «Русской энциклопедии» и «Малой энциклопе-

---

[3] См.: «Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук СССР по Отделению гуманитарных наук, избранных 12 января и 13 февраля 1929 г.», Л., 1930, стр. 116.

дии» Мейера (русск. изд.), в которых опубликовал ряд заметок [4], не нашедших отражения в прилагаемом ниже списке его трудов.

Летом 1912 г. А. Н. Самойлович побывал в Крыму и на Ставрополье, где читал лекции по грамматике крымскотатарского языка для татар-учителей, собирал диалектный и этнографический материал и изучал (в Таврическом обществе истории, археологии и этнографии) восточные рукописи (см. № 73 и др. под 1913 г.).

В 1913 г. состоялась его поездка в Будапешт, Вену, Париж и Берлин, главным образом для занятий в рукописных хранилищах. Важнейшим результатом этой поездки было предварительное изучение двух рукописей Парижской национальной библиотеки: «Хосрев и Ширин» и «Собрание стихотворений императора Бабура», которые тогда же были выписаны в Петербург, но лишь вторую из них А. Н. Самойлович смог обработать и издать (см. № 116).

В начале 1915 г. А. Н. Самойлович успешно защитил опубликованную в предыдущем году книгу «Абду-с-Саттар казы. Книга рассказов о битвах текинцев» в качестве диссертации на соискание ученой степени магистра турецко-татарской словесности.

В 1916 г. ученый предпринял интересную научную поездку по маршруту Петроград—Ярославль—Кострома (Татарская Слободка)—Казань — Самара — Оренбург — Ташкент — Красноводск — Баку—Тифлис—Владикавказ—Крым и привез с собой большую коллекцию старых рукописей и новых публикаций на тюркских языках, а также этнографические материалы [5]. Результатом этой поездки был ряд работ ученого (см. № 106, 107, 109, 110, 114, 117, 125, 138, 139 и др.).

Когда в нашей стране совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, А. Н. Самойлович без колебаний поставил себя на службу молодой рабоче-крестьянской республике и уже 17 декабря 1917 г. был избран экстраординарным профессором тюрко-татарской словесности Петроградского университета.

В 1918—1920 гг. он работает, уже в качестве профессора, одновременно в Петрограде (университет и Восточный отдел Академии Генерального штаба) и в Москве (в бывш. Лазаревском институте) и принимает активное участие в перестройке старых востоковедных заведений в соответствии с потребностями нового строя. Во вновь созданном осенью 1920 г. Петроградском институте живых восточных языков (позже ЛИЖВЯ им. А. С. Ену-

---

[4] См. отчеты о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1910 и последующие годы.

[5] См.: «Отчет о состоянии и деятельности Петроградского университета за весеннее полугодие 1916 г.», стр. 148—150.

кидзе) избирается проректором и одновременно является профессором этого института и ведет занятия по турецкому и узбекскому языкам. С осени 1920 г. до начала 1922 г. совмещает работу в петроградских вузах со службой в Наркоминделе РСФСР в качестве консультанта отдела Востока.

С 9 марта 1921 г. по 19 января 1922 г. А. Н. Самойлович командируется Наркоминделом РСФСР в Туркестанскую АССР, Бухарскую и Хорезмскую народные советские республики. Благодаря своим знаниям языков, нравов и обычаев проживающих там народов ученый оказывает большую помощь полпредствам РСФСР в Бухаре и Хиве в налаживании более тесных и глубоких связей Российской Федерации с молодыми народными республиками, в укреплении республиканских советских и партийных органов власти, проведении в жизнь ленинской национальной политики: принимает участие в местных советских и партийных курултаях и переводит обращенные к ним речи полпредов, помогает назирам составлять доклады для курултаев, выступает от имени полпредов на народных митингах, организует всенародные праздники единения узбеков с туркменами, редактирует узбекский текст конституции, изучает актуальные в то время вакуфный и земельно-водный вопросы, близко знакомится с положением юстиции и просвещения в республиках, переводит с узбекского на русский «Историю Бухарской революции» Айни и т. д.

В 1922 г. А. Н. Самойлович избирается ректором Петроградского института живых восточных языков и продолжает работу на его османско-турецком и сартско-узбекском разрядах, где он кроме турецкого и узбекского языков преподает также историю Турции. Одновременно читает введение в изучение тюркских языков и народов и другие курсы (в частности, преподает туркменский язык) в университете, состоит членом Научно-исследовательского института истории языков и литератур Запада и Востока им. А. Н. Веселовского и заведует (вплоть до ноября 1929 г.) этнографическим отделом Государственного Русского музея. Наиболее заметный след в истории тюркологии оставил организованный А. Н. Самойловичем осенью 1924 г. в ЛИЖВЯ специальный тюркологический семинарий, ставший настоящей кузницей тюркологических кадров для тюркоязычных республик (см. № 184 и 187).

В 1924 г. А. Н. Самойлович избирается членом-корреспондентом АН СССР, и с этого времени его деятельность протекает в стенах Академии, ЛИЖВЯ (преобразованного в 1927 г. в Ленинградский восточный институт) и Ленинградского университета, включая и отпочковавшийся от него Ленинградский государственный историко-лингвистический институт.

12 января 1929 г. А. Н. Самойлович избирается действительным членом АН СССР, почти одновременно становится академиком-секретарем ее Отделения гуманитарных наук. С введением

Устава 1930 г. А. Н. Самойлович в марте 1930 г. избирается академиком-секретарем Отделения общественных наук и остается на этом посту до марта 1933 г. Когда в 1932 г. принимается решение о создании Казахстанской базы АН СССР, А. Н. Самойлович назначается первым председателем ее президиума и принимает участие в организации ее первых институтов. В то же время А. Н. Самойлович возглавляет киргизскую и казахстанскую, а также узбекскую секции Совета по изучению производительных сил страны. С начала 1934 г. и до самой смерти А. Н. Самойлович — директор Института востоковедения АН СССР, где одновременно заведует также сектором литературы. 13 февраля 1938 г. А. Н. Самойловича не стало.

* * *

А. Н. Самойлович принадлежал к тому типу ученых, которые по преимуществу пишут произведения малых форм — статьи небольшого объема, но, взятые в совокупности, они охватывают самые разнообразные области тюркологии — от древнетюркских памятников до современных литературных языков, от первых зачатков тюркоязычной литературы до современных поэтов и прозаиков. Его интересовала духовная жизнь тюркских народов в ее многообразных проявлениях, поэтому среди его работ мы видим статьи и о языке, и о литературе, и о театре, и о быте. Для всех его сочинений характерны четкость в постановке вопроса, ясность и краткость изложения. Вместе с тем в каждом из них легко обнаруживается та широта кругозора, которая составляет обаяние всего его творчества.

Наибольшей известностью в тюркологическом мире пользуются небольшие по объему, но ценные своим содержанием «Некоторые дополнения к классификации турецких (т. е. тюркских. — *Ф. А.*) языков» (1922) А. Н. Самойловича, явившиеся результатом критического пересмотра известных классификаций В. В. Радлова и Ф. Е. Корша в процессе преподавания в университете начиная с 1907 г. и получившие дальнейшее развитие в статье «К вопросу о классификации турецких (т. е. тюркских. — *Ф. А.*) языков» (1926). Классификация А. Н. Самойловича построена исключительно на фонетических признаках, и уточняющие названия по странам света и по народности введены в нее лишь из практических соображений: I. Туркменская, или огузская (юго-западная), *ол*-диалектная группа. II. Кыпчакско-туркменская (средняя) *таглы*-группа *бол*-диалекта. III. Чагатайская, или карлукская (юго-восточная), *таглык*-группа с двумя подгруппами. IV. Кыпчакская (северо-восточная) *тау*-группа с тремя подгруппами. V. Уйгурская (северо-восточная) *д*-группа с тремя подгруппами. VI. Булгарская *р*-группа, составляющая особый отдел, противостоящий группам I—V, объединенным в *з*-отдел (ср. чуваш. *тă-*

хäр 'девять' и *токуз*, *докуз* и т. д. с тем же значением во всех остальных языках) [6].

Конечно, эта классификация тюркских языков не могла удовлетворить всех в одинаковой степени. В дальнейшем разными учеными были предложены новые классификационные схемы, но, по-видимому, ни одну из них нельзя признать более удачной, чем классификация Самойловича, базировавшаяся на собственно лингвистических критериях [7].

Следует заметить, что сам А. Н. Самойлович отнюдь не считал свою классификацию совершенной. Судя по его отчетам о работе в качестве действительного члена Академии наук СССР за 1929 и последующие годы, ученый продолжал уточнять и совершенствовать классификацию, о чем свидетельствуют такие, например, доклады в разных научных учреждениях, как «Новые дополнения к классификации турецких языков», «Третья редакция моей классификации», «Проект этнографической классификации турецких народов» (см. ниже, разд. «Литература о А. Н. Самойловиче», № 26—32).

Среди многочисленных работ А. Н. Самойловича есть несколько значительных по объему. Первым по времени выхода в свет является упомянутое выше критическое издание «Книги рассказов о битвах текинцев», которую ученый охарактеризовал как единственный из дошедших до нас памятников туркменского искусственного исторического эпоса и исследовал ее с лингвистической и литературоведческой сторон. Как литературовед, А. Н. Самойлович определяет место «Книги» в истории туркменской литературы, анализирует стихотворную форму поэмы и ее метрику, рассматривает принятые в ней приемы версификации и исследует поэтические элементы ее языка. Как лингвист, Самойлович выясняет особенности правописания поэмы в его отношении к туркменской фонетике и своеобразие в употреблении морфологических, синтаксических и словарных средств поэмы, сообщает ценные сведения и наблюдения по грамматике живого туркменского языка и делает замечания принципиального характера о языке памятников так называемых провинциальных тюркских литератур Средней Азии. К сожалению, эта «Книга» давно стала раритетом и в Ашхабаде едва ли представлена даже одним экземпляром, хотя языковеды-туркменоведы испытывают в ней огромную нужду.

Две другие большие работы А. Н. Самойловича — это «Опыт краткой крымско-татарской грамматики» (1916; см. № 104) и «Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого

---

[6] Классификация А. Н. Самойловича четко изложена Т. Менцелем и Р. Рахмати Аратом (см. рец. под № 129).

[7] См.: Б. А. Серебренников, К проблеме классификации тюркских языков, — ВЯ, 1961, № 4, стр. 60 и сл.

языка» (1925; см. № 169). Написанные как учебные пособия, они тем не менее являются вполне научными грамматиками и до сих пор сохраняют свое значение. Обе грамматики явились результатом личных наблюдений их автора над соответствующими литературными и народно-разговорными языками в течение ряда лет: первая является переработкой его лекций, прочитанных им в Симферополе в 1912 и 1913 гг. для учителей-татар, материал которых был уточнен в экспедициях в те же годы, вторая — последней редакцией его «Руководства для практического изучения османско-турецкого языка» (1916 и 1917 гг.), уточненной во время поездки в Турцию летом 1911 г. В обоих случаях автор стремился быть свободным от влияния чуждых тюркским языкам грамматических схем и исходить из природы каждого данного языка, руководствовался правилом «грамматику изобрести нельзя, ее можно только открыть» (№ 104, стр. 2).

Как в крымскотатарском, так и в особенности в турецком языках А. Н. Самойлович отметил отсутствие непереходимых граней между отдельными частями речи, подчеркнул их «текучий» характер и при описании грамматического строя языка стремился держаться строго грамматического принципа (наличие или отсутствие специальных морфологических показателей), дав при этом оригинальную классификацию частей речи. Его девизом было: «Решительно воздерживаться от смешения морфологического подхода с подходом синтаксическим» (№ 169, стр. 36—37). Правда, А. Н. Самойловичу не удалось создать стройную, до конца обоснованную и общепризнанную схему организации грамматического материала, тем не менее совершенно бесспорно, что его высказывания по этому вопросу, как и по вопросу о тюркском синтаксисе, оказали серьезное влияние на его последователей (Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов, А. К. Боровков, Н. А. Баскаков и др.).

Еще в 1911 г. А. Н. Самойлович установил, что турецкий язык «отнюдь не является, хотя бы даже в говорах анатолийских крестьян и пастухов, языком чисто турецким (т. е. чисто тюркским. — *Ф. А.*) ни в словарном, ни в грамматическом, ни в звуковом отношениях» (№ 169, стр. 11), и с удовлетворением отметил стремление турок к упрощению и демократизации своего литературного языка. Близкое знакомство с живыми говорами крымскотатарского языка в его южнобережной, горной, «городской» и степной части убедило ученого в том, что огузский характер носит только южнобережный диалект, тогда как остальные говоры, «несмотря на проникшие в них в разной степени южнотурецкие (т. е. южнотюркские, огузские. — *Ф. А.*) элементы», явно кыпчакского типа (№ 104, стр. 7), что действовавший в то время литературный крымско-татарский язык «становится понятен крымским татарам только после специального его изучения» (там же, стр. 8) и что необходимо преобразовать этот литературный язык «на истинно народных нача-

лах» (там же). Эту занятую ученым с самого начала четкую позицию по вопросу о характере будущего литературного крымско-татарского языка ему не пришлось менять позже, когда он в 1934 г. был приглашен на III Всекрымскую языковую конференцию (см.: № 331, 339, 342—344).

К сожалению, тюркологи не получили в свое распоряжение «Пособия для изучения узбекских наречий», которое А. Н. Самойлович обрабатывал на протяжении ряда лет во время преподавания узбекского языка в Ленинградском университете и ЛИЖВЯ, собирался — по настоятельной просьбе товарищей [8] — опубликовать [9], да так и не опубликовал. По-видимому, рукопись безвозвратно пропала, как пропали не изданные вовремя материалы по языку ставропольских туркмен и ногайцев, о которых он доложил Восточному отделению Русского археологического общества еще в 1912 г. (см. № 75; ср. № 185, стр. 137). Неизвестна также судьба морфологической части радловской «Сравнительной грамматики тюркских северных языков», которая была передана автором А. Н. Самойловичу в рукописи в незаконченном виде (см. № 84, стр. 27, прим.).

Свои взгляды на строй тюркских языков, и в частности свою грамматическую концепцию, А. Н. Самойлович изложил также в реферативном виде в статье «Тюркские языки» в трехъязычной «Энциклопедии ислама» (см. № 281). Общетюркологический интерес представляют работы «Турецкие и монгольские элементы в населении Авганистана» (1923; № 143), «К вопросу о наследниках хазар и их культуры» (1924; № 150), «Кавказ и турецкий мир» (1926; № 180), «Литовские татары и арабский алфавит» (1926; № 181) и «К истории культурных и этнических отношений в Волжско-Уральском крае» (1927; № 194).

Среди работ А. Н. Самойловича по диалектологии заслуживают быть отмеченными статьи «О классификации узбекских диалектов» (1928; № 223) и «Элементы диалекта „джокчи“ в литературном чагатайском языке» (1930; № 245, 246). Последняя представляет собой фрагмент из доклада, прочитанного в 1926 г. в Коллегии востоковедов при Азиатском музее, на тему «К вопросу о джеканье и зеканье в тюркских языках».

Постоянное внимание уделял А. Н. Самойлович лексике, интерес к которой он унаследовал от В. В. Радлова, в течение ряда лет работая рядом с ним над его «Опытом словаря тюркских наречий». Если бы последний том радловского словаря был снабжен послесловием, то из него мы узнали бы, что А. Н. Самойлович

---

[8] Например, К. К. Юдахин, см.: «В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927, стр. 402, прим.

[9] На обложке раб. № 129 оно было анонсировано среди «подготовляющихся к печати» под заглавием «Начальный учебник узбекского языка».

сотрудничал в нем и просматривал корректуру четвертого тома. Непосредственное участие принимал А. Н. Самойлович и в издании другого большого тюркоязычного словаря — знаменитого «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского. В вып. 7 (1925) этого словаря его составитель счел своим долгом выразить глубокую признательность проф. А. Н. Самойловичу «за неизменный просмотр корректурных листов. . . на протяжении многих лет». Это общение с двумя крупнейшими лексикографами-тюркологами наложило глубокий отпечаток на всю научную деятельность А. Н. Самойловича.

В ежегодных отчетах о деятельности Академии наук СССР за вторую половину 20-х—первую половину 30-х годов в разделе о деятельности различных научных подразделений сообщается о большой работе ленинградских тюркологов-лингвистов по переизданию «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова в свете требований и достижений новейшей тюркологии (см. № 203 и 219), которая велась под руководством А. Н. Самойловича. К сожалению, по экстралингвистическим причинам эта работа первостепенной важности не была доведена до конца. В отчетах — в разделе о работе действительных членов Академии наук СССР — отмечается также, что А. Н. Самойлович из года в год «участвовал в редактировании Академического словаря русского языка в отношении слов тюркского происхождения» (см. разд. «Литература об А. Н. Самойловиче», № 26—32).

Среди большого числа лексикологических работ А. Н. Самойловича особенно выделяются статьи о тюркских количественных числительных (№ 208) и о словах «богатый» и «бедный» в тюркских языках (№ 373). Первая статья подводит итог почти столетнему изучению длинного ряда слов и указывает, что́ уже сделано и может быть принято как доказанное, что́ нуждается в некоторой доработке и что́ должно быть безусловно отвергнуто как явно фантастическое. Вторая статья представляет собой семасиологический этюд, посвященный только двум словам, но слова эти исследованы с такой глубиной и тщательностью, что в итоге мы имеем перед собой настоящий шедевр, рядом с которым можно поставить разве что знаменитый этюд В. А. Гордлевского о «босым волке» из «Слова о полку Игореве».

Много у А. Н. Самойловича историко-этимологических работ, в том числе посвященных выяснению происхождения этнонимов и топонимов: *казак* (№ 199 и 403), *киргиз* (№ 98), *сарт* (№ 40), *Крым* (№ 231) и др., а также отдельных слов вроде переднеазиатского *гиль* 'дом', 'семья' (№ 174), узбекского *кўпкари* 'козлодрание во время состязаний' < *кўк бури* 'серый волк' (№ 107), текинского *сäргäздан* 'гуляка' < перс. *сäргäрдāн* (№ 12) и т. д.

Целую серию работ А. Н. Самойлович посвятил критическому изучению древнетюркских памятников и золотоордынских и

крымских официальных документов как памятников культурной истории тюрков. К памятнику из Ихе-Хушоту (Центральная Монголия) А. Н. Самойлович обращался трижды: в 1912 г. с предварительным сообщением по поводу доклада монголиста В. Л. Котвича о найденном им памятнике (№ 89), в 1927 г. в связи со статьей о самых древних случаях упоминания арабов в тюркской литературе (№ 207) и в 1928 г. в связи с публикацией самого памятника (№ 224), в которой ему принадлежит дешифровка надписи. Оказалось, что этот памятник был поставлен в честь Ышбара-Бильге-Кюли-чура и датируется приблизительно VIII в. А. Н. Самойловичу принадлежит также публикация рунического памятника на черепице (№ 333), который он отнес к эпохе Тоньюкука (№ 330), и наскальной надписи с горы Хугуну-хан (см. № 359).

Большая заслуга принадлежит А. Н. Самойловичу в исправлении и уточнении ранее опубликованных памятников и документов. Например, со времени публикации В. В. Радловым третьего выпуска «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei» в 1895 г. из книги в книгу кочевало странное слово *bäl* со значением 'идол' (см. № 358, стр. 44—45). Однако радловская выучка и хорошее знание литературы помогли А. Н. Самойловичу исправить эту ошибку: мистическое слово *bäl* оказывается замененным понятным словом *el* 'племя', 'государство'. Точно так же новое, предложенное А. Н. Самойловичем, чтение «зубчиков» и «хвостиков» в уйгуро-письменном ярлыке Тохтамыш-хана (см. № 198), а именно чтение *tidimiz bulaj* 'мы сказали так' вместо *tib Temir Pulad* 'сказав, Темир Пулад', позволило специалистам по русской гражданской истории покончить с интриговавшим их загадочным ханом Темир-Пуладом или Тимур-Пуладом. Вполне обоснованна и рекомендация А. Н. Самойловича читать прозвище баласагунского правителя Элик-туркана, в котором В. В. Бартольд видел персидскую форму множественного числа от слова *турк* [10], как уничижительное в устах завоевателей кара-китаев *Элик-царь-баба* (№ 375). Не менее существенны и другие исправления (см. № 119, 123, 149, 151, 217, 298 и др.).

Важное место в научной деятельности А. Н. Самойловича занимают вопросы истории различных тюркских литературных языков. Решение серьезно заняться этими вопросами созрело у него еще во время работы над магистерской диссертацией (см. № 83, стр. XIV, прим. 2). Особенно успешно занимался А. Н. Самойлович историей так называемого среднеазиатско-турецкого литературного языка в его отношении к литературному переднеазиатско-турецкому, т. е. староосманскому, языку и «литературным языкам „провинциальным“, хотя и тесно связанным с классическим

---

[10] См.: В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, — Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 549.

языком, но имеющим свои местные особенности» (там же, стр. XV). Эти занятия строились на изучении длинного ряда рукописей, начиная от «Кутадгу-билиг» и золотоордынских ярлыков через Навои и Бабура до хивинских и туркменских поэтов конца XIX в. включительно, и привели А. Н. Самойловича к выводам, с которыми согласились большинство последующих ученых.

Прежде всего А. Н. Самойлович выступил против расширительного толкования термина «чагатайский» (XII—XIX вв.), против столь же неопределенного термина «восточнотюркский» (turk oriental, ost-türkisch). По его мнению, «было бы правильнее признавать *единый „среднеазиатско-турецкий (а не 'чагатайский' или 'восточнотурецкий') литературный язык исламской эпохи*" и установить внутри этого языка несколько периодов его развития в зависимости от культурных и этнических и иных условий каждого из этих очагов, разных для разных периодов» (№ 218, стр. 21), а именно: первый период — «с центром в Кашгаре и с исходным моментом образования караханидского государства» (там же) — охватывает приблизительно XI—XIII вв. и представлен в первую очередь «Кутадгу-билиг»; второй период, названный позже золотоордынским, — «с центрами в бассейне нижнего течения Сырдарьи и в Хорезме и с исходным моментом укрепления ислама среди огузов и кыпчаков» (там же) — обнимает приблизительно XIII—XIV вв. и представлен такими произведениями, как «Мухаббат-наме» Хорезми, «Хосров и Ширин» Кутба, «Гулистан» Саади, «Нахдж ал-фарадис», отражающие кыпчакский и огузский диалекты, существовавшие в пределах Джучиева улуса; третий, собственно чагатайский, период — «с рядом центров в оседлой части Чагатайского улуса и с исходным моментом укрепления культурной жизни в тимуридских владениях» (там же) — длится с XV в. вплоть до начала XX в. и представлен творениями Мир Алишера Навои, диваном Хусейна Байкары, сочинениями Атаи и многими другими, составившими вместе золотой век в истории среднеазиатской тюркоязычной литературы; наконец, четвертый период развития литературного среднеазиатского тюркского языка — это период, который пришел на смену чагатайскому и связывается уже всецело с современным литературным узбекским языком.

Эти периоды определяются автором на основании тогдашнего состояния разработки темы и трактуются как разные этапы развития одной и той же литературной традиции. Отсюда, между прочим, следует как вполне возможное, что староосманский и староазербайджанский литературные языки уходят своими корнями в Среднюю Азию, откуда могли быть вынесены под давлением кочевых орд, предводительствуемых монголо-татарами, семена среднеазиатского тюркского литературного языка. Во всяком случае, несомненно, что ко второму, золотоордынскому, или кып-

чакско-огузскому, периоду относится зарождение основной массы современных тюркских литературных языков.

Само собою разумеется, что А. Н. Самойлович не считал для себя окончательно решенными все эти вопросы. Напротив, он усиленно продолжал работать над ними. Так, в упомянутой статье «К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка» (1928; № 218) мы встречаем, на стр. 6, указание на то, что он «давно» приступил к подготовке издания золотоордынского памятника XIV в. «Хосров и Ширин» Кутба и что им была написана специальная статья о языке памятника XIII в. «Кысса-и Юсуф» Али, в которой он оспаривает его анатолийско-турецкий характер, однако ни то, ни другое в печать не попало и, по-видимому, безвозвратно потеряно для науки [11].

В работе «Из истории туркменской литературы» (1927; № 191) А. Н. Самойлович обронил фразу, что «скоро появится» его статья о ленинградской рукописи «Огуз-наме». Теперь тюркологи располагают всесторонним исследованием «Огуз-наме» (Риза-Нур, В. Банг, П. Пельо, Э. Н. Наджип и А. М. Щербак), но мы, по-видимому, уже никогда не узнаем компетентного мнения А. Н. Самойловича по этому вопросу. Почти то же самое можно было бы сказать относительно «Мухаббат-наме».

В 1934 г. А. Н. Самойлович выступил с докладом «Литературный язык Золотой орды» на II съезде Турецкого лингвистического общества, в котором подробно развил свои идеи относительно второго, золотоордынского, периода развития «среднеазиатско-турецкого» литературного языка. К сожалению, доклад был напечатан только по-турецки (см. № 362) и содержащийся в нем материал мало используется советскими лингвистами и историками. Известно также, что А. Н. Самойлович вплотную занимался историей отдельных тюркских литературных языков, публиковал специальные статьи по этому вопросу (см. № 193, 404) и выступал с докладами. В частности, один такой доклад на тему «Историческое развитие туркменского литературного языка» был сделан 21 мая 1936 г. в Ашхабаде на I Туркменском лингвистическом съезде. Так как доклад отражал результаты более чем тридцатилетнего исследования, то своевременная его публикация была бы настоящим событием в туркменском языкознании. Однако он не был напечатан (о нем было лишь краткое сообщение в газетных отче-

---

[11] Известный польский ученый А. Зайончковский детально обследовал названный золотоордынский памятник по той самой парижской рукописи, по которой работал наш ученый. См.: A. Zajączkowski, Zabytek językowy ze Złotej Ordy «Ḫusrev u Šīrīn» Qutba, — RO, 1954, t. XIX, стр. 45—123; А. Зайончковский, Старейшая тюркская версия поэмы «Хосрев-у-Ширин» Кутба, — «Charisteria Orientalia», Praha, 1956, стр. 387—396, и последующую публикацию самого памятника в серии «Prace Orientalistyczne», t. 6, 8 и 9.

тах о работе съезда). По-видимому, и этот материал следует также считать потерянным для науки, если, конечно, он не всплывет случайно благодаря усилиям туркменских архивистов и языковедов старшего поколения.

Ныне нам трудно решить, какие аспекты проблемы литературных тюркских языков занимали внимание А. Н. Самойловича в последние годы жизни. Может быть, тот самый аспект, который он сформулировал еще в 1914 г., — отношение «среднеазиатско-турецкого» литературного языка к «переднеазиатско-турецкому», т. е. староосманскому. Во всяком случае, в статье «Стамбульские впечатления 1936 года» (стр. 54) мы читаем: «. . . я же собирал материалы по предметам своей ближайшей специальности — по истории литературы и литературного языка тюркских народов Средней Азии».

* * *

Будучи по преимуществу лингвистом, А. Н. Самойлович много поработал и в области изучения литературы тюркских народов. Отметим, прежде всего, что именно А. Н. Самойлович написал первый советский очерк «Литература турецких (т. е. тюркских. — *Ф. А.*) народов», вышедший в 1919 г. в издательстве «Всемирная литература». Конечно, сегодня мы не можем считать его полным отражением всего многообразия литературного творчества тюркских народов даже того времени. Но он ценен для литературоведа, так как содержит все необходимые отправные данные.

Особенно много А. Н. Самойлович сделал для изучения истории туркменской литературы. Уже свое первое выступление в ученом обществе в апреле 1904 г. он посвятил малоизвестному туркменскому поэту XIX в. Абду-с-Саттару. В дальнейшем, во время своих путешествий в Среднюю Азию в 1906—1907 и 1908 гг., он собрал большое количество материалов, которые позволили ему открыть более 70 туркменских поэтов и поведать о них миру (см. № 45, 88 и 232), в то время как западные ученые судили о туркменской литературе по сборнику стихотворений 1879 г., в котором был представлен, и притом плохо, один Махтумкули. В результате этого открытия слава Махтумкули отнюдь не померкла в глазах А. Н. Самойловича: он остался для него «всетуркменским корифеем» (№ 232, стр. 134), «родоначальником целого цикла народных поэтов-певцов Туркмении и Хивы» (№ 50, стр. 0126, прим. 5); А. Н. Самойлович специально занимался инвентаризацией песен Махтумкули (№ 41, 50 и 232). Поэтому В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург и И. Ю. Крачковский были совершенно правы, когда отметили, что работы А. Н. Самойловича в области туркменской литературы «доставили европейской науке больше всего нового материала» (см. ниже, разд. «Литература об А. Н. Самойловиче», № 13, стр. 553).

Туркменскую литературу А. Н. Самойлович считал одной из продолжательниц письменной тюркской литературы Туркестана раннего средневековья, о чем, между прочим, свидетельствует «бесспорный памятник огузской литературы» «Кысса-и Юсуф» некоего Али (см. № 232, стр. 136—137), а одним из очагов формирования ее полагал просвещенный Хорезм (тюркизированный к XIII в.), где обучались и осваивали законы тюркского стихосложения и туркмены (см. № 218, стр. 20, и № 232, стр. 139) и где была создана «Мухаббат-наме» с ее явно огузской окраской. Все же «бесспорные доказательства участия туркменского языка в среднеазиатско-турецкой письменности» относятся только к XIV в. (№ 232, стр. 137). В целом «литература закаспийских туркменов является преимущественно слушаемой, а не читаемой, распространяясь не столько через книгу, сколь устным путем» (№ 232, стр. 130). Этим самым она обнаруживает сходство с литературой казахской и киргизской.

Конечно, это утверждение правильно только для давно пройденного этапа развития туркменской литературы, и сегодня мы не можем принять его безоговорочно, ибо сейчас больше стало известно о средневековых туркменских авторах, а главное — после Октября сложилась богатая советская литература, мы знаем произведения Берды Кербабаева, Ата Каушутова, Нурмурата Сарыханова, Агахана Дурдыева, Хыдыра Дерьяева, Кара Сейтлиева и других туркменских писателей и поэтов. Однако мы не можем не признать ценности предпринятой А. Н. Самойловичем попытки написать «Очерки истории туркменской литературы» с древнейших известных ее памятников, попытки, предпринятой в условиях, когда была далека от решения задача по выявлению, собиранию и критическому изучению этих памятников.

Много внимания уделил А. Н. Самойлович также чагатайской и узбекской литературам. Достаточно напомнить его публикацию стихотворений Бабура (№ 116) [12] и предварительные исследования по Навои (№ 120 и 178), Эмири (№ 177), Атаи (№ 197), Лютфи (№ 186), Абулгази (№ 200), «Мухаббат-наме» (№ 213), «Таашшук-наме» (№ 202 и 213), «Хорезм-наме» (№ 38) [13] и этюд по «Шейбани-наме» (№ 52). Предмет особых занятий составила для А. Н. Самойловича хивинская литература, которая с 1915 г. представлялась ему также «одним из звеньев той, можно сказать, бесконечно длинной и утомительной однообразной цепи, которая соединяет Среднюю Азию XX века с тимуридской Средней Азией XV века» (№ 109, стр. 188), будучи в то же время последним рефлексом классической литературы золотого века (см. № 55, 60,

---

[12] Позже А. Н. Самойлович подготовил специальный указатель слов к стихотворениям Бабура, но он, к сожалению, не был опубликован.

[13] По поводу появления русских в Хиве в 1873 г.

80, 109, 210 и др.). Еще в 1908 г. ученый сумел объективно оценить ее роль и место в среднеазиатской литературе и выразил надежду на появление «молодой, живой, близкой народу по языку и содержанию» поэзии. Его предсказание исполнилось: наставала новая эра и притом «не только для поэзии, но и для прозы», — писал он в статье (№ 107, стр. 73), посвященной совершенно новому явлению в истории Средней Азии, а именно драматической литературе, произведения которой «написаны на живом разговорном сартовском (т. е. узбекском. — *Ф. А.*) наречии» (там же, стр. 74).

А. Н. Самойлович придавал особое значение и словесному творчеству тюрков и, где только представлялась возможность, скрупулезно его изучал. Одно перечисление того, что удалось ему сделать, заняло бы очень много места. Укажем только, что здесь мы встретим работы и по героическому эпосу (№ 44, 191, 325, 381, 408), и по сказкам (№ 39, 47—49, 86, 91, 124), и по песням (№ 6, 37, 43, 77, 96), и по загадкам (№ 3, 21, 151), и по скороговоркам (№ 122, 108). И не было решительно ничего необычного в том, что А. Н. Самойлович, которому не приходилось бывать в Якутии и слушать исполнение старинных якутских литературных произведений на месте, взялся за написание вступительной статьи к книге «Якутский фольклор» (М., 1936). Оставаясь на позициях среднеазиатских и алтайских тюркских народов с их богатым фольклором, он тем не менее увидел в якутских олонхо совершенно новый, очаровательный мир, полный поэзии и могучих красок, и, плененный страстной поэзией олонхо, вынес впечатление, что «героический эпос якутов, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, сохранился в еще более художественно богатом и своеобразном состоянии, чем у киргизов Средней Азии с их пользующейся заслуженной известностью героической поэмой Манас или у тюрок Алтая с их героическими сказками» (там же, стр. 20).

А. Н. Самойловичу принадлежит также целый ряд этнографических работ. Правда, все они носят характер эмпирических исследований. Но, может быть, именно поэтому они доступны даже неспециалисту и читаются с исключительным интересом. Не будет никакого преувеличения, если мы скажем, что именно здесь с наибольшей полнотой развернулся несомненный писательский талант А. Н. Самойловича. Возьмете ли вы его статью «Этнографические мелочи из дневников путешествовавшего по Туркмении» (1908; № 15) или «Туркменские развлечения» (1909; № 27), «Туркменские заговоры» (1912; № 66), «Из хивинских сказаний о животных» (1910; № 39) или другие его работы (см. № 56, 63, 76, 94, 117, 125, 131, 139, 173, 192), включая такую большую, как «Казаки Кошагачского аймака Ойротской автономной области» (1930; № 241), и вы обязательно найдете массу интересных

наблюдений, любопытных подробностей из области местного быта, мастерски выполненных зарисовок отдельных колоритных типов (см., например, № 6).

Много интересного содержат также многочисленные путевые заметки и отчеты А. Н. Самойловича, начиная с его отчета о поездке в Туркестан и кончая стамбульскими впечатлениями 1936 г. (№ 14, 25, 59, 74, 79, 170, 175, 196, 205, 241, 356 и 379). А. Н. Самойлович оставил целую галерею портретов ученых: П. М. Мелиоранского (№ 4 и 5), И. Н. Березина (№ 171), Н. Ф. Катанова (№ 132 и 156), В. Д. Смирнова (№ 141), В. В. Радлова (№ 84, 135, 392 и 393), С. А. Новгородова (№ 153), Г. Ибрагимова (№ 216 и 222), В. Томсена (№ 85 и 215), М. А. Кастрена (№ 195), Э. К. Пекарского (№ 337), С. Ф. Ольденбурга (№ 336 и 354), Л. Я. Штернберга (№ 243) и Н. Я. Марра (№ 324, 327—329, 355 и 357). Каждый из них представляет собой результат серьезного предварительного изучения жизни и научной деятельности ученых, содержит глубокие, продуманные и блестяще оформленные оценки.

Но не только преподавательской и научной деятельностью ценен для нас А. Н. Самойлович. Все, кому довелось близко наблюдать жизнь и деятельность этого ученого, отмечают его замечательные организаторские способности, присущее ему чувство нового и готовность поддержать это новое, если его предлагают другие. Эти качества ученого особенно пригодились молодой Советской власти, когда перед ней во весь рост встали грандиозные задачи по культурному строительству в стране.

В 1920 г. А. Н. Самойлович принял активное участие в организации Петроградского института живых восточных языков и в 1922 г. стал его ректором. Демократу по убеждениям, ему не надо было делать особых усилий над собой, когда аудитории первых советских вузов заполнились не гимназистами со знанием классических языков, а рабочими от станков и вчерашними красноармейцами, хорошо знакомыми с диалектикой классовой борьбы, но часто не имевшими достаточной общеобразовательной подготовки. Он быстро разглядел под рабочими блузами и гимнастерками новое поколение людей с небывалой жаждой знаний и в качестве ректора Института живых восточных языков с помощью общественных организаций мобилизовал все здоровые силы старой профессуры на то, чтобы дать Советской стране полноценные востоковедные кадры научных и практических работников. При этом особый упор А. Н. Самойлович делал на подготовку таких кадров из представителей национальных республик и областей, для чего при институте был создан целый ряд специальных семинариев (см. № 184 и 187).

В 1922 г. мы видим А. Н. Самойловича в числе членов—учредителей Всероссийской научной ассоциации востоковедов. В том же

году он выдвигает идею созыва тюркологического съезда и становится секретарем оргкомитета. Осенью 1923 г. он едет в Баку для чтения лекций в университете и высшем педагогическом институте и для того, чтобы на месте познакомиться с участниками созданного в 1922 г. Комитета нового тюркского алфавита под руководством председателя АзЦИКа С. Агамалы-оглы. «Познакомившись лично с участниками комитета, — писал в статье об азербайджанском латинизированном алфавите А. Н. Самойлович, — с величайшим самоотвержением, увлечением и преданностью ведущими свою работу, я не мог не приветствовать их революционную смелость» (№ 152, стр. 390). Местные ученые и общественные деятели использовали пребывание авторитетного ученого в Баку для того, чтобы с его помощью создать Общество обследования и изучения Азербайджана, которое и было создано 2 ноября 1923 г. под председательством А. Н. Самойловича и сыграло большую роль в выявлении естественных ресурсов, мобилизации духовных сил и освоении культурных ценностей республики, в том числе в изучении фольклора и живых диалектов [14].

Поскольку идея создания новой, доступной народу письменности вынашивалась не только в Азербайджане, но и в Якутии, Узбекистане и других республиках и уже формулировалась в Петрограде и Москве, А. Н. Самойловичу было ясно, что необходим неотложный созыв тюркологического съезда для обмена мнениями и принятия согласованных решений об унифицированном алфавите. Он разъясняет свою позицию в статье «Нужен тюркологический съезд» в бакинском журнале «Маариф ве медениет», № 10 за 1923 г. (№ 144), а по возвращении в Ленинград делает 14 марта 1924 г. в Институте живых восточных языков доклад «О необходимости созыва тюркологического съезда для обсуждения и решения неотложных практических вопросов просвещения и культуры в тюркоязычных республиках и областях» (частично воспроизведенный латинизированным алфавитом в азербайджанской газете «Ени ёл» от 6 июня 1924 г., см. № 159). В то же самое время в Радловском кружке был заслушан доклад Самойловича о проектах применения латинского алфавита к тюркским языкам, на основе которого были сделаны рекомендации для Баку, Ташкента и Якутска. На состоявшемся в конце февраля—начале марта 1926 г. I Всесоюзном тюркологическом съезде было принято принципиальное решение о переходе на новый, латинизированный алфавит. А. Н. Самойлович выступил на съезде

---

[14] Так как в середине 20-х годов изучение фольклора, живых диалектов и этнографии местных народов мыслилось у нас как часть краеведческой работы, А. Н. Самойлович в дальнейшем участвует в целом ряде краеведческих съездов (в Махачкале, Сухуми, Баку и Москве в 1924 г.), состоит членом Центрального бюро краеведения и пишет ряд краеведческих работ.

с докладом на тему «Современное состояние и ближайшие задачи изучения тюркских языков».

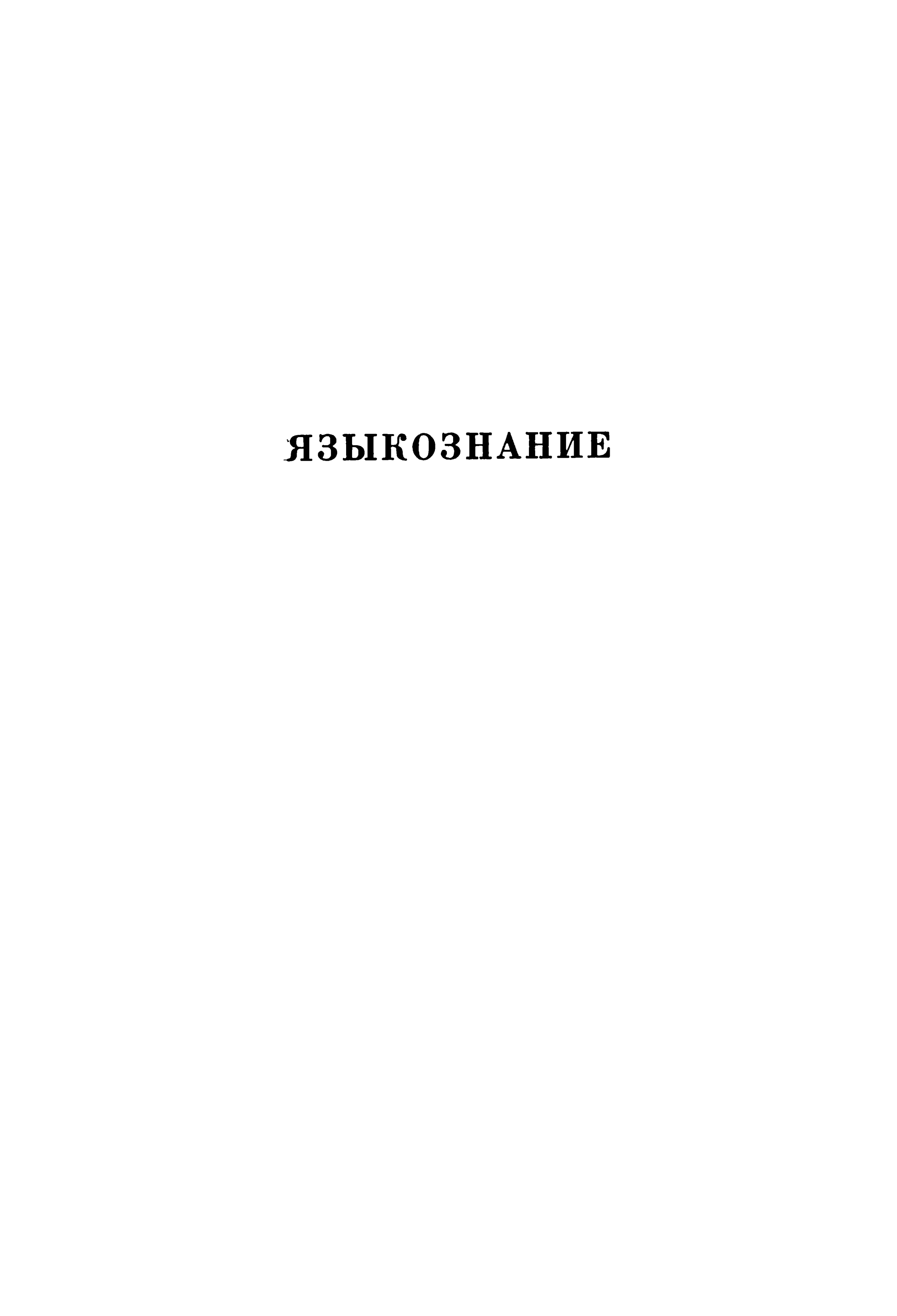
Несмотря на большую занятость в Академии наук СССР, А. Н. Самойлович живо интересуется практикой языкового строительства в национальных республиках и в 1931 г. принимает приглашение войти в состав научного совета ВЦК НА, незадолго перед этим значительно ослабленный из-за того, что оттуда были выведены за так называемый индоевропеизм два крупных ученых — проф. Е. Д. Поливанов и проф. Б. В. Чобан-заде. Помощь тюркоязычным республикам выражалась в участии А. Н. Самойловича в ряде конференций на местах. Так, в январе 1928 г. он участвует в Первой азербайджанской конференции по орфографии (см. № 220), в мае 1929 г. — в узбекской конференции по языку и орфографии (№ 235, 301), в мае 1930 г. — на IV пленуме ВЦК НА в Алма-Ате (делает доклад об унификации и упрощении алфавитов — см. № 274, 276) и в туркменской языковой конференции, в феврале 1933 г. — на I Пленуме Научного совета ВЦК НА (№ 316, 317), в октябре 1934 г. — на III Всекрымской конференции по вопросам литературного языка, орфографии и терминологии (№ 331, 339, 342—344) и, наконец, в мае 1936 г. — на 1-м лингвистическом съезде Туркмении.

Особо следует остановиться на роли А. Н. Самойловича в установлении научных связей с Турцией. Первая же после Великой Октябрьской социалистической революции его поездка в Турцию, в 1925 г., сулила успешное развитие этих связей; турки тепло приняли ученого и обещали тесное сотрудничество. Второй раз А. Н. Самойлович ездил в республиканскую Турцию в 1933 г. по приглашению турецкого правительства вместе с акад. Н. Я. Марром для установления постоянного сотрудничества в области истории и лингвистики между научными учреждениями соседних дружественных стран (см. № 321). Эта поездка привела к созданию при Академии наук СССР Комиссии содействия постоянному советско-турецкому научному сотрудничеству и к дальнейшему укреплению взаимных связей (с начала 1935 г. во главе комиссии стоял А. Н. Самойлович). Налаживался обмен литературой. Поездки 1934 и 1936 гг. были связаны с участием в работах II и III конгрессов Турецкого лингвистического общества (см. № 356, 379 и 380), на которых он достойно представлял советскую науку и научную общественность. В беседах А. Н. Самойловича с официальными лицами и отдельными турецкими учеными и писателями речь шла о дальнейшем расширении и укреплении советско-турецких научных связей и даже об издании специального советско-турецкого журнала «СССР—Турция» принципиальное решение о котором было уже принято.

На всех постах А. Н. Самойлович честно служил своему народу, отдавая все свои знания, весь свой опыт и могучий талант

подъему его социалистической культуры во имя светлого коммунистического будущего. Он оставил после своей смерти многочисленных учеников: среди них акад. А. Н. Кононов, член-корр. АН СССР А. К. Боровков, акад. АН ГрузССР С. С. Джикия, акад. АН КазССР С. К. Кенесбаев, акад. АН КиргССР К. К. Юдахин, профессора В. Д. Аракин, С. Асфендиаров, К. Жубанов, М. С. Михайлов, А. Д. Новичев, Л. П. Потапов, У. Турсунов, Н. Г. Хакимов, а также известные тюркологи Т. Г. Баишев, Г. Е. Давлетшин, Н. П. Дыренкова, А. А. Попов, Б. В. Ржевин, А. Сатыбалов, А. С. Тверитинова. Эти ученые обогатили отечественную тюркологию трудами высокого научно-теоретического значения, продолжив таким образом дело своего незабвенного учителя.

Александр Николаевич Самойлович и поныне в строю, ибо оставленное им колоссальное научное наследие продолжает верно служить новым поколениям советских тюркологов.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В. Д. Аракин

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИССЛЕДОВАНИЯХ А. Н. САМОЙЛОВИЧА

Блестящий знаток многих тюркских языков, талантливый исследователь духовной культуры тюркских народов, любимый ученик проф. П. М. Мелиоранского, чье имя он неоднократно с благоговением произносил на своих увлекательных, изобиловавших богатым и разносторонним фактическим материалом лекциях в Ленинградском институте живых восточных языков (ЛИЖВЯ), Александр Николаевич Самойлович сложился как ученый-тюрколог в ту эпоху, когда в языкознании господствовало научное направление младограмматизма.

Ближайшие и непосредственные учителя А. Н. Самойловича проф. П. М. Мелиоранский, рано ушедший из жизни, и «богатырь тюркологии» [1] акад. В. В. Радлов (1837—1918) в многочисленных и строгих по своему подходу научных исследованиях также разделяли взгляды этой лингвистической школы и, следовательно, стояли на позициях сравнительно-исторического языкознания. Основой их исследовательских приемов был сравнительно-исторический метод, который определяется как «система научно-исследовательских приемов, используемых при изучении родственных языков для построения картины исторического прошлого этих языков в целях раскрытия закономерностей их развития, начиная от языка-основы» [2].

Как явствует из приведенной цитаты, одним из основных положений сравнительно-исторического метода служит допущение о том, что современные родственные языки, т. е. языки, имеющие материально-тождественные корневые и грамматические морфемы и строгие фонетические соответствия, образуют группу или семью

---

[1] А. Н. Кононов, В. В. Радлов и отечественная тюркология, — «Тюркологический сборник. 1971», М., 1972, стр. 14.

[2] И. Добронравов, Конвенционализм, — «Философская энциклопедия», т. 3, М., 1964 (цит. по: «Общее языкознание. Методы лингвистических исследований», М., 1973, стр. 12).

родственных языков, восходящих в далеком прошлом к одному общему предку, именуемому языком-основой. Одной из задач сравнительно-исторического языкознания является учет материальных и структурных компонентов сопоставляемых языков и определение степени их взаимной близости, вследствие чего возникает возможность объединения языков в близкородственные языковые группы, а последних — в историко-генетическую классификацию определенной семьи языков.

Для тюркских языков были разработаны такие классификации, основанные на учете только одних фонетических критериев (В. В. Радлов [3]) и на сочетании фонетических и морфологических критериев (Ф. Е. Корш [4]). Однако они были далеко не полными, так как вследствие тогдашнего уровня тюркологии не охватывали все тюркские языки.

Так, акад. В. В. Радлов в своей классификации исключал чувашский и якутский языки, считая первый тюркизированным языком угро-финской семьи, а якутский — тюркизированным языком «неизвестного происхождения», смешавшимся впоследствии с монгольским. Этой точки зрения В. В. Радлов придерживался всю свою жизнь.

Фундаментальные исследования Н. И. Ашмарина, в которых он доказал ближайшее родство чувашского и булгарского языков [5], строгие системные фонетические соответствия между чувашским, с одной стороны, и другими тюркскими языками — с другой (явление ротацизма и ламбдаизма, соответствие чувашского *ç* в начальной позиции согласным *й-*, *дж-*, *ж-*, *ч-* других тюркских языков и т. д.), создали надежные основания для отнесения чувашского языка к числу тюркских языков. То же можно сказать и о якутском языке, также признанном тюркским языком. Отход от точки зрения В. В. Радлова ясно виден в классификации Ф. Е. Корша, который включил эти два языка в свою классификацию, хотя и объединил их в одну группу, названную им смешанной.

Исследование древнетюркских элементов в современном венгерском языке, проведенное З. Гомбоцем [6], блестяще подтвердило те фонетические характеристики булгарского языка, которые были намечены Н. И. Ашмариным.

---

[3] W. W. Radloff, Vergleichende Grammatik der nördlichen Türk sprachen, Erster Theil. Phonetik der nördlichen Türksprachen, Leipzig, 1882—1883. Классификация тюркских языков дана в разделе «Classification der Türk-Dialecte nach den phonetischen Erscheinungen», стр. 280—291.

[4] Ф. Е. Корш, Классификация турецких племен по языкам, — «Этнографическое обозрение», М., 1910, кн. 84—85.

[5] Н. И. Ашмарин, Болгары и чуваши (К вопросу о волжских болгарах и их отношении к нынешним чувашам), Казань, 1902.

[6] Z. Gombocz, Die bulgarische-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache, — MSFOu, 1913, XXX.

А. Н. Самойлович, которому к началу 20-х годов нашего столетия было известно значительно больше конкретных данных и реально существующих тюркских языков, чем, может быть, его учителям, не только не опроверг названные выше классификации, но, наоборот, внес в них существенные «некоторые дополнения», как он скромно назвал свой труд, и тем самым сделал удачную попытку утвердить в науке результаты, добытые с помощью приложения к тюркским языкам сравнительно-исторического метода.

Именно учет сравнительных данных тюркских языков дал А. Н. Самойловичу твердые основания для: 1) выделения в составе этих языков еще одной, шестой, по сравнению с предшествующими классификациями, группы тюркских языков — булгарской, со включением в нее булгарского, хазарского и чувашского языков; 2) определения места якутского языка в составе особой подгруппы северо-восточной, или уйгурской, группы.

Внося существенные дополнения в классификацию тюркских языков, А. Н. Самойлович исходил из наличия некоего или неких языков-основ, из которых со временем развилась данная группа современных тюркских языков. Так, говоря о юго-западной группе тюркских языков, он высказывает мысль о том, что «в основе всех тюркских языков и наречий рассматриваемой группы лежит старый огузско-туркменский язык, на котором говорили огузы (гуззы, узы). . .» [7]. Несколько выше он пишет: «Большинство современных турецких (т. е. тюркских. — *В. А.*) народов, говорящих на языках и наречиях северо-западной группы, по своему происхождению связаны со старым народом кыпчаков (иначе, половцы, куманы), по имени которого эту группу можно было бы назвать кыпчакской» [8]. Аналогичная мысль высказана и в отношении третьей группы: «Заключая в себе старые и современные языки восточной или точней северо-восточной части турецкого мира, она может также именоваться *северо-восточной* (в противоположность *юго-западной*), а по основному своему языку — уйгурской . . .» [9].

Из сказанного явствует, что генетическое родство тюркских языков воспринималось А. Н. Самойловичем как вполне реальный, не вызывающий сомнения факт. Иначе говоря, А. Н. Самойлович разделял одно из основных положений сравнительно-исторического языкознания.

Особенностью предложенной классификации следует считать то, что ее автор, А. Н. Самойлович, не счел для себя возможным оперировать широко распространенным в то время в науке понятием гипотетического тюркского праязыка. Его утверждения ограни-

[7] А. Н. Самойлович, Некоторые дополнения к классификации турецких языков, Пг., 1922, стр. 16.
[8] Там же, стр. 10.
[9] Там же, стр. 9.

чились лишь признанием наличия нескольких древних тюркских языков — туркменского, кыпчакского, уйгурского, булгарского, из которых впоследствии развились современные тюркские языки. Все эти языки представлены письменными памятниками, и поэтому реальность их существования и постепенное выделение из них современных языков не подвергаются сомнению.

В то же время А. Н. Самойлович прекрасно понимал, что условия, при которых станет возможным и реальным дать полноценную, соответствующую действительности классификацию тюркских языков, появятся значительно поздней. В связи с этим он писал: «Попытки классифицировать турецкие (т. е. тюркские. — *В. А.*) языки увенчаются окончательным успехом, кто бы их ни предпринимал, не ранее чем завершится сравнительно-историческое изучение этих языков, т. е. весьма еще не скоро» [10]. Эти слова свидетельствуют о том, что ученый видел пути дальнейшего развития тюркологии как развитие одного из разделов сравнительно-исторического языкознания.

Однако уровень науки о тюркских языках — тюркологии — был тогда явно недостаточен для всестороннего исследования этих языков в сравнительно-историческом плане: целый ряд тюркских языков — башкирский, кумыкский, каракалпакский, гагаузский и многие другие — еще не был сколько-нибудь описан. Зная это, А. Н. Самойлович призывает своих коллег-тюркологов прежде всего заняться описанием современных тюркских языков. Он пишет о необходимости «обрабатывать свое собственное поле, чтобы наилучшим образом подготовить почву для сравнительных работ более широкого алтайского, урало-алтайского и т. д. масштабов» [11].

Бурное развитие исследований в области тюркологии как в центре, так и в тюркоязычных республиках Советского Союза значительно ускорило этот процесс. Уже в начале 50-х годов нашего столетия стало возможным на основе учета многочисленных и разнообразных фактов тюркских языков, и в их числе языков, мало известных к моменту опубликования А. Н. Самойловичем своего труда «Некоторые дополнения. . .», разработать новые классификации тюркских языков — классификации С. Е. Малова [12] и Н. А. Баскакова [13], получившие в настоящее время общее

---

[10] Там же, стр. 3.

[11] А. Н. Самойлович, Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования, — «Языковедные проблемы по числительным, I. Сборник статей», Л., 1927, стр. 156.

[12] С. Е. Малов, Древние и новые тюркские языки, — ИАН СССР, 1952, № 2, стр. 135—143.

[13] Н. А. Баскаков, Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования, — «Труды Ин-та языкознания АН СССР», 1952, т. I, стр. 7—57.

распространение. За рубежом в это же время появились классификации И. Бенцинга и К. Г. Менгеса [14]. Эти работы, пополненные новыми данными, добытыми в наше время, не только не отрицают того, что предложил А. Н. Самойлович, но, наоборот, дополняют, развивают и уточняют основные положения разработанной им классификации тюркских языков.

Сравнительно-исторический метод исходит из положения о том, что звуковая система каждого из ныне существующих языков, входящих в группу родственных языков, представляет собой продукт постепенного и закономерного развития звуковой системы, существовавшей в языке-основе. Благодаря этому наука имеет полную возможность проследить эволюцию каждой отдельной фонемы в данном конкретном языке с древнейших эпох до настоящего времени. К этому следует еще прибавить тот непреложный факт, что закономерный характер фонетических изменений имеет массовое проявление, т. е. конкретное изменение охватывает соответствующую фонему во всех словах, где она встречается. И наконец, фонетические изменения происходят объективно, не зависят от сознательной воли людей, но распространяются на всех членов данного языкового коллектива, за исключением носителей диалектов, на которых данное фонетическое изменение может и не распространяться.

Все эти свойства сравнительно-исторического метода дают в руки языковеда-компаративиста точное и безотказное орудие исследования, с помощью которого исследователь может проникать в такие глубины истории человеческого общества, когда этнография и антропология и даже палеонтология остаются немыми.

А. Н. Самойлович, видимо, полностью признавал эти положения сравнительно-исторического метода. И хотя среди его трудов мы не найдем специальных работ, в которых бы исследовались проблемы изменений звуковой системы языка в тот или иной период его развития, тем не менее ряд своих выводов и весьма ценных заключений он делал именно на основании учета закономерных звуковых изменений.

Как он сам отмечает, разработанная им классификация, как и классификация В. В. Радлова, «построена исключительно по фонетическим признакам» [15]. В самом деле, исключение из восточной группы по классификации Ф. Е. Корша чагатайского и половец-

---

[14] J. Benzing, K. H. Menges, Classification of Turkish languages, — PhTF, t. I, 1959, стр. 1—10; K. H. Menges, The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies, Wiesbaden, 1968, стр. 58—66.

[15] А. Н. Самойлович, Некоторые дополнения к классификации. . ., стр. 14.

кого языков, по существу совершенно правильное, произведено А. Н. Самойловичем только на основании учета единственного фонетического критерия — наличия интервокального *-й-*, характерного для языков кыпчакских, в противоположность дентальному согласному в том же положении в других тюркских языках.

Подразделение восточной группы на три подгруппы произведено также на основании учета характера интервокального согласного и его системных соответствий в остальных тюркских языках. «Делая еще один шаг вперед по пути неизбежного увеличения признаков классификации, — писал А. Н. Самойлович, — я ввожу дополнительно к фонетическому признаку Корша еще один тоже фонетический, который я считаю основным и который позволяет уточнить классификацию во всем ее объеме. Признак этот — чередование звуков: „д (т), з (с), й" в средине и на конце слов: адак, атак, азак, айак „нога", код, кот, кос, кой „положи"» [16]. Выделение особой булгарской группы, объединяющей булгарский, хазарский, а из современных — чувашский язык, по единственному фонетическому признаку соответствия *з—р*, например, орх. *токуз*// чув. *тăх(х)ăр* ʽдевять', который автор относит «к категории первостепенных» [17], определение встретившегося в древнерусской летописи «единственного заимствования из булгарского языка — слова *турун*», которое было сопоставлено с формой *тудун* в хазарском, аварском и старотурецком языках на основании учета звукового соответствия *д—р*, — все эти данные, равно как и те, которые были изложены выше, говорят с достаточной убедительностью о том, что А. Н. Самойлович в своих исследованиях широко использовал принципы системных фонетических соответствий, что, как уже упоминалось выше, характерно для сравнительно-исторического метода.

Одной из основных задач сравнительного языкознания всегда было исследование истории отдельного языка или группы родственных языков. Любая история общественных явлений, в том числе и история конкретного языка, всегда сталкивается с проблемой периодизации истории данного общественного явления. Во времена А. Н. Самойловича разработка и создание истории отдельного тюркского языка наталкивались на серьезные трудности. Прежде всего, необходимо отметить, что в то время наука еще не произвела учет и инвентаризацию конкретных данных по языкам и не исследовала материал обильных рукописей, хранящихся в восточных отделах наших государственных книгохранилищ. Далее, существование общих литературных языков для ряда тюркских народов, как, например, уйгурского в Джу-

---

[16] Там же, стр. 8.

[17] А. Н. Самойлович, Турун-тудун. (Еще пример турко-булгарского ротацизма), — СМАЭ, т. 5, вып. 1, 1918, стр. 398—400.

чиевом улусе, очень заметно нивелировало характерные индивидуальные черты местных тюркских языков. Наконец, недостаточная изученность развития звуковой системы и грамматического строя отдельных языков также служила серьезным тормозом на пути разработки как критериев, так и самой периодизации истории данного тюркского языка.

А. Н. Самойлович был едва ли не первым ученым среди тюркологов, который сделал попытку наметить периодизацию одного из тюркских языков, бытовавших на территории Средней Азии. Для того чтобы определить периоды истории любого языка, необходимо разработать строгие лингвистические критерии, которые в своей совокупности характеризуют данный период истории языка. В отношении истории тюркских языков такие критерии еще не были разработаны. Что же касается языковой ситуации в Средней Азии, где в период с XII по XVI в. происходила постоянная смена состава населения, государственных границ, политической власти, то установление характеристик языка определенной эпохи приобретает исключительно важное значение.

А. Н. Самойлович принял в качестве основного критерий лексический. Он пристально изучил словарный материал «Мухаббат-наме» Хорезми (XIV в.), «Кысса-и Юсуф» Али (XIII в.) и «Хосров и Ширин» Кутба (XIV в.), сопоставив его со словарным материалом других литературных произведений, возникших в Средней Азии. Анализ лексики с убедительностью показал, что язык «Мухаббат-наме» и «Кысса-и Юсуф» отличается от «чагатайского» языка, в противовес существовавшему тогда мнению. Фонетические особенности — отсутствие конечных *г* и *ҕ* в аффиксе *-лы//-ли//-лу//-лӳ*, отсутствие начальных *г*, *ҕ* в аффиксе дательного падежа, отсутствие *н* перед аффиксом 3-го лица в дательном, исходном и местном падежах; наличие формы *-јур* в причастиях с основами на гласный, употребление глагольной формы с аффиксом *-ысар* — все это также отличает язык «Мухаббат-наме» от произведений, написанных на чагатайском языке.

Это исследование дало ученому возможность выдвинуть совершенно новое деление по периодам языка, который он в отличие от традиционного наименования «чагатайский» или «восточно-турецкий» предлагает называть «единым среднеазиатско-турецким литературным языком исламской эпохи» [18]. Принципиально новым в этом выводе следует считать признание многовековой непрерывной языковой традиции в Средней Азии, уводящей нас к XI—XII вв., в отличие от прежнего взгляда о наличии якобы сменявших друг друга языков. Намечаются следующие периоды

---

[18] А. Н. Самойлович, К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, — сб. «Мир-Али-Шир», Л., 1928, стр. 21.

истории среднеазиатско-турецкого языка: первый период — караханидский, охватывающий XI—XII вв., в течение которого этот язык был распространен на территории Караханидского государства (ок. 932—ок. 1165); второй — огузско-кыпчакский, охватывающий период XIII—XIV вв., когда этот язык распространялся на территории с центрами в бассейне нижнего течения Сырдарьи и в Хорезме; третий период — охватывающий XV—XX вв. (за языком закрепляется название языка «чагатайского» периода, распространенного на оседлой части территории Чагатайского улуса). На этом языке написаны произведения Алишера Навои (1441—1501), Захираддина Мухаммада Бабура (1483—1530) и ряда других авторов. Четвертый период — это период развития и становления литературного узбекского языка.

Тот же метод был использован для определения языка одного из крымскотатарских памятников XVII в. — документа, адресованного министром хана Селим-Гирея I, Бехадыр-агой, русскому князю В. Д. Голицыну. Внимательный анализ фонетических особенностей, в том числе наличие аффиксов *-ыҕ* и *-уҕ*, аффикса *-лы*, равно как и исследование словарного материала документа, позволили ученому определить язык этого документа как язык кыпчакских степей, еще и в XVI в. отчетливо сохранявший свой кыпчакский тип, несмотря на то что культурное влияние Турции, в состав которой тогда входило Крымское ханство, давало себя ясно чувствовать, что в достаточно сильной степени сказалось также и на языке [19].

С разработкой истории языка неразрывно связана деятельность по прочтению, толкованию, а во многих случаях и исправлению древних текстов. Это имеет исключительно важное значение в отношении текстов, написанных древнеуйгурским и в особенности арабским алфавитом, где, как известно, буквы различаются между собой положением в начале, середине или конце слова и количеством точек над или под соответствующей буквой.

Особое место среди древних текстов занимают ханские ярлыки. К сожалению, до нас не дошли ханские ярлыки первой половины XIV в., выданные русским митрополитам; сохранились лишь переводы на русский язык, которые были тщательно исследованы В. В. Григорьевым (1816—1881) в отношении синтаксической структуры и лексики, доказавшим их соответствие исчезнувшим оригиналам [20].

---

[19] А. Н. Самойлович, К истории крымско-татарского литературного языка, — «Вестник Научного общества татароведения», 1927, № 7, стр. 27—33.

[20] В. В. Григорьев, О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой орды русскому духовенству, СПб., 1842.

Публикация же сохранившихся подлинников ярлыков начинается лишь в первой половине XIX в.[21].

Комментирование же дошедших до нас ярлыков начинается поздней, в трудах И. Н. Березина (1818—1896) [22] и В. В. Радлова [23].

Однако состояние тюркологии того времени, уровень критического изучения древних текстов еще не достигли той высоты, которая давала бы возможность правильно истолковать недостаточно ясные места текста.

А. Н. Самойлович, с его глубоким знанием материала тюркских языков, не только современных, но также и древних, внес свою лепту в проблему уточнения и исправления текста дошедших до нас ярлыков [24]. Так, в тексте ярлыка Тохтамыш-хана от 1381 г., написанного уйгурским алфавитом на имя крымца Бек-хаджи, А. Н. Самойлович обнаружил слова, которые были прочитаны И. Н. Березиным как *tib Temir Pulad* и которые показались ему недостаточно исторически обоснованными. Применяя метод сравнения этого неясного места с данными других текстов, в данном случае с текстом копии ярлыка Темир-Кутлуга, А. Н. Самойловичу удалось буквально расшифровать его и предложить новое чтение неясного места как *tidimiz* 'мы сказали' вместо непонятных слов *tib Temir*, что позволило ему определить этот ярлык как «изначальный», а не как «подтвердительный», т. е. позволило не только правильно прочесть самый текст, но и определить его историческую значимость.

В тексте ярлыка Тохтамыш-хана от 1393 г., адресованного литовскому великому князю Ягайле, наряду с довольно многочисленными мелкими исправлениями А. Н. Самойлович обратил внимание на перевод на русский язык встретившегося в ярлыке слова в форме винительного падежа *kilečingni*, которое у И. Н. Березина было переведено как «присланника», а у В. В. Радлова — как «челобитчиков», т. е. во множественном числе. Тщательный анализ этого слова по данным различных словарей как с точки зрения его звуковой формы, так и со стороны

---

[21] В. В. Григорьев, Ярлыки Токтамыша и Сеадет Герея, — ЗООИД, 1844, т. I.

[22] И. Н. Березин, Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Сеадет-Гирея, с введением, перепиською, переводом и примечаниями, Казань, 1851; его же, Тарханные ярлыки крымских ханов (Ярлык Менгли-Гирея Ходжа Бию), — ЗООИД, 1872, т. VIII; его же, Ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея, — там же.

[23] В. В. Радлов, Ярлыки Токтамыша и Тимур-Кутлуга, — ЗВОРАО, 1889, т. 3.

[24] А. Н. Самойлович, Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга, — ИРАН, сер. 6, 1918, № 10, стр. 1109—1124; его же, Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана, — ИТОИАЭ, 1927, т. I (58), стр. 141—144.

его значений убедил А. Н. Самойловича в том, что слово *kileči* в данном ярлыке следует переводить как «вестник». Попутно следует отметить, что это слово в форме «киличей» со значением «посол», «гонец» появляется в русском языке с середины XIV в.

Тот же метод истолкования темных мест в старых текстах путем широкого привлечения сравнительных фонетических и морфологических данных родственных языков, сопоставления их словарного состава помог А. Н. Самойловичу не только хорошо понять оригинальный текст, но также дать связный перевод одного стиха в «Кутадгу-билиг», в котором сомнение вызвали два слова *älik* и *kÿlbÿc*, оставленные В. В. Радловым и В. Томсеном без внимания. Они были расшифрованы благодаря учету родственных слов в якутском и сойотском (современный тувинский) языках. Как выяснилось, непонятное слово *älik* означает «самец косули», а *kÿlbÿc* — «самка косули» [25].

В другом случае учет фонетических закономерностей и соответствий в близкородственных языках позволил А. Н. Самойловичу определить недостаточно ясное слово *боуз*, встретившееся в небольшой надписи на глиняном кувшинчике, выполненной арабским шрифтом. В этом слове А. Н. Самойлович видит слово *боɣуз* 'глотка', в котором древнетюркское *ɣ* > *w* в кыпчакских языках не позднее XIV в. Другим сомнительным словом было слово *jолуг* 'жертва', для разъяснения которого ученый привлек большой материал памятников среднеазиатских и половецких. Все данные, извлеченные им из языкового материала этой надписи, предоставили ему достаточно убедительные основания, чтобы предположить, что время составления надписей подобного типа — приблизительно XIII в. н. э.[26].

Примером удачного нахождения нужной этимологии благодаря учету закономерных звуковых соответствий некоторых родственных языков может служить истолкование слова *бу* в тексте одной из загадок Codex Cumanicus.

При чтении кыпчакской пословицы со словом *бу* как указательным местоимением, т. е. *bu bardi izi joh — ol kemä dir*, загадка лишена всякого смысла. Вот это-то обстоятельство и побудило А. Н. Самойловича попытаться дать ей свое объяснение. С этой целью он проанализировал пословицы в других тюркских языках. Оказалось, что в якутском языке бытует пословица, где говорится, что «кобыла пробежала и следа не оставила». Пословица навела ученого на мысль рассматривать *бу* как название животного, которым и оказалось слово *буɣу* 'лось', 'олень'. Регулярное

---

[25] А. Н. Самойлович, Дополнение к предложенным Радловым и Томсеном переводам одного стиха Кутадгу-билиг, — «Вестник Научного общества татароведения», 1930, № 9—10, стр. 27—28.

[26] А. Н. Самойлович, Среднеазиатско-турецкие надписи на глиняном кувшине из Сарайчика, — ЗВОРАО, 1912, т. 21, стр. 038—047.

отражение согласного *ḫ* в кыпчакском как *w* закономерно дало кыпчакское *буу*, что вполне разрешило вопрос о содержании кыпчакской пословицы, которую ученый прочитал: *Буу барды, изи йох* ‘олень (лось) пошел, следа нет’ [27].

Последовательное использование сравнительно-исторического метода дало А. Н. Самойловичу возможность разобраться в таком запутанном вопросе, как происхождение названия «Крым» [28]. По установившейся в тюркологии ошибочной традиции название «Крым» отождествлялось с существительным *кырым* ‘ров’, что и было зарегистрировано в известном словаре Л. З. Будагова. Привлекая данные различных тюркских языков и диалектов, сопоставляя звуковые формы слов с учетом звуковых соответствий, А. Н. Самойловичу удалось доказать, что сло́ва *кырым* в значении «ров» не существует и не существовало, а имеется в некоторых тюркских языках, например в туркменском, слово *карым* с тем же значением и что собственное имя «Крым» не имеет к нему никакого отношения и должно быть объяснено исходя из каких-то иных данных.

Среди работ представителей сравнительно-исторического направления особое место занимают труды по установлению родственных отношений групп слов, чаще всего объединенных какой-либо семантической сферой. Наиболее надежным в смысле сохранения исконного лексического состава, как показали многочисленные исследования, оказываются существительные, обозначающие отношения родства, названия частей тела и предметов окружающей нас природы, имена числительные.

Как известно, исследование словарного состава оказывается во многих случаях обусловленным экстралингвистическими факторами, и в первую очередь историей общества, его культуры, хозяйственного уклада, о чем еще в 1895 г. писал М. М. Покровский [29].

Для успешного исследования словарных групп в сравнительно-историческом плане ученый должен не только глубоко знать закономерные звуковые соответствия фонем одного родственного языка фонемам или вариантам фонем другого родственного языка в синхронном плане; он также должен превосходно ориентироваться в исторической фонологии тюркских языков и, следовательно, ясно представлять себе развитие и постепенное изменение фонологической системы в диахроническом плане.

---

[27] А. Н. Самойлович, К истории и критике Codex Cumanicus, — ДРАН-В, апр. — июнь, 1924, стр. 86—89.

[28] А. Н. Самойлович, Объяснено ли название «Крым»?, — ИТОИАЭ, 1929, т. III (60), стр. 61—62.

[29] М. М. Покровский, Семасиологические исследования в области древних языков, — «Избранные работы по языкознанию», М., 1959, стр. 61—170.

Он также должен отдавать себе полный отчет в закономерном соотношении значений исследуемых слов как в лексической системе данного языка, так и в сравниваемых языках. Наконец, он не сможет прийти к убедительным выводам в отношении исследуемой группы слов, если не будет достаточно глубоко ориентирован в истории данного народа, истории материальной и духовной культуры носителей соответствующих языков.

А. Н. Самойлович в полной мере владел всем этим обширным арсеналом знаний на уровне тогдашней лингвистики, что можно достаточно легко усмотреть из его различных работ.

Прежде всего необходимо назвать те лексические группы, которые привлекли внимание ученого и на изучение которых он направил свои усилия. Это имена числительные в тюркских языках, названия дней недели, так называемые запретные слова в лексиконе тогдашних казахской и алтайской женщин, служащие для обозначения близких родственников. Наконец, это слова, обозначающие предметы материальной культуры.

К тому времени, когда ученый стал заниматься числительными в сравнительном плане, эта часть речи была уже исследована достаточно хорошо, о чем можно судить по целой серии соответствующих работ.

Интерес к тюркским числительным, видимо, подогревался тем обстоятельством, что в этих языках числительные, обозначающие единицы, и числительные, обозначающие соответствующие десятки, имеют различные корневые морфемы; ср. тат. *ике*, кирг. *эки* — тат. *егерме*, кирг. *жыйырма*; тат. *биш*, кирг. *беш* — тат. *илле*, кирг. *элуу*. В этих условиях, когда исследуемая проблема имела почти столетнюю давность, ученому было трудно сказать что-либо новое; поэтому он на первых порах предпочел дать подробный итоговый разбор основных работ по этой проблеме с широким охватом конкретных фактов из современных тюркских языков [30]. Однако то обстоятельство, что на эту группу слов было обращено внимание исследователя, свидетельствует о том, что исследование проводилось в рамках проблем, которыми занимается сравнительно-историческое языкознание.

Слова, составляющие семантическое поле дней недели, несомненно, представляют собой очень интересный объект исследования, так как их анализ дает обильный материал для суждения и выводов о духовной культуре носителей конкретного языка и об ее исторических связях с культурами других народов. Так, анализ названий дней недели в германских и романских языках раскрывает картину древнегерманского и римского пантеона и свидетель-

---

[30] А. Н. Самойлович, Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования, — «Языковедные проблемы по числительным, I. Сборник статей», стр. 135—156.

ствует о том, что каждый день недели как бы имел своего покровителя: ср. англ. *Wednesday* 'среда' — день, посвященный Водану-Одину, фр. *jeudi* 'четверг' — день, посвященный Юпитеру.

В славянских языках предпочтение отдается порядковому числу дня: ср. рус. *вторник*, *четверг*, *пятница*, польск. *wtórek*, *czwartek*, *piątek*.

Тюркские языки рисуют совершенно иную картину. При анализе названий дней недели А. Н. Самойлович исходил из предпосылки о материальном тождестве слов указанного семантического поля как языков генетически родственных. Исследование показало, что древним тюркам не было знакомо понятие недели. Наименьшей величиной времени, которое существовало у древних тюрков и которое представлено во всех современных тюркских языках, является слово *кӱн* 'день' в различных фонетических вариантах. Поскольку понятия «неделя» у древних тюрков не было, то и не существовало никаких слов — названий дней недели. Сравнительный анализ существительных данного семантического поля с полной наглядностью показал, что эти названия возникли в современных тюркских языках как результат многообразных исторических и культурных связей каждого отдельно взятого тюркского народа с соседними культурами — христианской культурой у тюркских народов Сибири, отчасти Поволжья, персидско-мусульманской, арабско-мусульманской у тюркских народов Средней Азии, отчасти Азербайджана и Восточной Европы, несторианско-сирийской у тюркских народов Сирии и Дагестана [31].

Систематизируя собранный материал по названиям дней недели в азербайджанских диалектах [32], А. Н. Самойловичу удалось выделить шесть районов на территории распространения азербайджанского языка, в которых исследуемые названия носят местный характер. К сожалению, причины, вызвавшие столь значительные расхождения, не были вскрыты А. Н. Самойловичем. А это могло бы дать весьма ценный материал для определения источников влияния соседних культур и установления проникновения этого влияния.

Даже в 30-е годы, когда А. Н. Самойлович живо интересовался «новым учением» о языке Н. Я. Марра и даже пытался применить его методы к исследованию тюркских языков, он все же не смог отойти от приемов исследования, разработанных сравнительно-историческим языкознанием. Об этом говорит, например, проведенное им исследование истории слов «богатый» и «бедный» в тюркских языках [33].

---

[31] Там же, стр. 113 и сл.

[32] А. Н. Самойлович, Названия дней у азербайджанских турков, — «Яфетический сборник», 3, М.—Л., 1925, стр. 65—70.

[33] А. Н. Самойлович, *Богатый* и *бедный* в тюркских языках, — ИАН СССР, отд. обществ. наук, 1936, № 4, стр. 21—66.

Прежде всего следует отметить, что сама тема, которую разрабатывал ученый, — «история определенной группы слов», — безусловно входит в число проблем, которыми живо интересуется сравнительно-историческое языкознание. К сожалению, однако, раздел истории групп слов и отдельных слов всегда был отстающим в трудах представителей сравнительно-исторического метода. Далее, сам выбор слов, основанный на признании их генетической общности и учете закономерных фонетических изменений в процессе развития от древнейшего состояния до современности (ср. «богатый» — *bar* с вариантами по языкам: *bār*, *var*, *par*, *por*, и «бедный» — *yoq* с вариантами по языкам: *yōq*, *ʒoq*, *coq*), является следствием признания ученым основных положений сравнительно-исторического языкознания и приемов сравнительно-исторического метода.

На обширном материале литературных и фольклорных источников прослеживает А. Н. Самойлович историю развития этих слов. Примечательно, что исследование ведется не только со стороны формы слов, но также и со стороны семантики, причем делаются попытки, может быть и не всегда удачные, установить прямую связь между развитием формальной стороны исследуемых слов и развитием общественных форм. Так, А. Н. Самойлович устанавливает следующие этапы в истории развития каждой из избранных им групп слов: первый этап, когда исследуемые слова еще несут в себе «следы большой своей древности в виде некоторых признаков аморфно-синтетического строя и связанного с ним полисемантизма» [34], о чем якобы свидетельствует тот факт, что слова *bar* и *yoq* по своему значению могут быть одновременно и именами существительными, и именами прилагательными.

На втором этапе происходит образование производных слов с помощью аффиксов от первоначальных основ *bar-* и *yoq-*, что якобы связано с ростом классов в тюркском обществе. В течение этого этапа каждая из групп пополняется рядом новых слов, что, как считает А. Н. Самойлович, связано с «дальнейшим ростом классового начала» у тюркских народов. На третьем этапе в исследуемых группах появляются новые слова с теми же значениями, возникающие в речи господствующих классов продолжающего развиваться феодального общества. Многие из этих слов отражают различные хозяйственные и культурные связи их носителей со своими соседями. Наконец, четвертый этап, для которого характерно пополнение исследуемых групп словами арабского и персидского происхождения, связан с процессом внутреннего развития тюркских народов, усилением межгосударственных, политических, экономических и культурных отношений, главным образом с арабо- и персоязычными странами.

---

[34] Там же, стр. 21—22.

Итак, изучение научного наследия А. Н. Самойловича приводит нас к выводу о том, что, несмотря на свое временное увлечение «новым учением» о языке, он стоял на позициях сравнительно-исторического языкознания. Используя сравнительно-исторический метод в своих исследованиях, ему удалось пересмотреть существовавшие до него классификации тюркских языков и, принимая во внимание все то новое, что стало известно в тюркологии со времени их появления, внести в них существенные изменения и дополнения. Учет длительной языковой традиции в условиях многократных политических и государственных сдвигов и потрясений в Средней Азии убедил его в существовании единого «среднеазиатско-турецкого» языка, периодизацию которого он разработал впервые. Использование строгих фонетических соответствий между отдельными тюркскими языками и группами языков создало возможность определить язык одного из ханских ярлыков XVII в., внести ценные исправления в тексты ханских ярлыков XIV в., успешно расшифровать «темные» места в древних текстах и, наконец, вскрыть историю отдельных групп слов на обширном фактическом материале современных тюркских языков.

Н. А. Баскаков

ИЗОМОРФИЗМ СТРУКТУРЫ СЛОВА И СЛОВОСОЧЕТАНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Проблема изоморфизма словосочетания и морфологической структуры слова отмечалась исследователями различных языков, но специальных работ, посвященных этой проблеме в тюркских языках, до настоящего времени не было.

Отталкиваясь от высказанного нами ранее общего положения об изоморфизме сложного слова и словосочетания и о составе слова как «непрерывной цепи соединяющихся между собой трехзвучных корней с различной степенью фонетической редукции и выпадения отдельных корневых элементов из состава корней, образующих аффиксы, т. е. по схеме СГС + (С) ГС + СГ (С) + (С) Г (С). . . и т. д.» [1], мы пришли к некоторым более детальным обобщениям и выводам не только о внешнем, формальном, но и смысловом изоморфизме словосочетания и слова, осложненного словообразовательными аффиксами.

Наблюдения показывают, что структура слова, включающая корневую морфему и морфемы аффиксальные, как в формальном, так и в семантическом и синтаксическом планах изоморфна структуре словосочетания, а в некоторых редких случаях и предложения.

Изучение зависимости конструктивных элементов слова — аффиксов, сохранивших в некоторой степени реальное значение, представляет собой изучение своеобразного синтаксиса морфем, напоминающего собой синтаксис словосочетания. Как в словосочетании конечный результат соединения слов образуют субстантивно-атрибутивные и атрибутивно-атрибутивные (адвербиальные и адъективные) конструкции, так и в слове конечный результат соединения корневой и аффиксальных морфем образуют слова либо с субстантивным, либо с атрибутивным (адвербиальным и

[1] Н. А. Баскаков, Введение в изучение тюркских языков, М., 1962, стр. 79—80; его же, Тюркские языки (Общие сведения и типологическая характеристика), — «Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки, М., 1966.

адъективным) значениями. Как в синтаксисе словосочетания конструкция словосочетания распадается на два конструктивных члена, определение и определяемое, так и в конструкции слова (представляет ли оно простое сочетание корневой морфемы и аффикса или сложное сочетание одной корневой морфемы и многих аффиксов) выражены две зоны — определяющая и определяемая. Отношения корневой и аффиксальной морфем в простейших конструкциях слов изоморфны отношениям определения (функцию которого выполняет более конкретная по своей семантике корневая морфема) и определяемого (функцию которого выполняет более абстрактная по своей семантике аффиксальная морфема). В сложных же конструкциях слова с многими аффиксальными морфемами одно сочетание морфем образует, как и в словосочетании, зону определения, а другое сочетание морфем или чаще конечная аффиксальная морфема — зону определяемого. Причем с присоединением каждого аффикса в многоаффиксальном слове происходит перераспределение определяющих и определяемых групп морфем.

Как в словосочетании, так и в структуре слова определение или зона определения относится как признак к субстанции, если результат сочетания морфем образует слово с субстантивным значением, или как признак признака, если результат сочетания морфем образует слово с атрибутивным значением.

Как в формировании словосочетания конечный результат соединения слов соответствует той или иной части речи, так и в структуре слова конечный результат соединения морфем образует ту или иную часть речи.

То же следует сказать и об изоморфизме отношений структурных элементов словосочетания, т. е. самостоятельных слов, и структурных элементов слова — морфем, которые, как и самостоятельные слова, по своему понятийному значению могут соответствовать существительным и глаголам, прилагательным и местоимениям, наречиям и количественным словам.

Образуя в конечном результате ту или иную часть речи, сочетания морфем соответствуют, следовательно, либо глагольной, либо именной основе.

Итак, морфологическая структура слова теснейшим образом связана также с его семантической структурой. Семантика слова непосредственно связана и непосредственно зависит от того или иного сочетания морфем в слове, причем каждая морфема в слове содержит соответствующую сему, т. е. единицу значения. Различные сочетания морфем и соответствующих и непосредственно связанных с ними сем и формируют морфологический состав слова и соответствующее общее его значение.

Единство, которое образуют каждая морфема с соответствующей ей в плане содержания семой, позволяет рассматривать каж-

дую морфему в семантическом плане, равно как единство, которое образуют каждая морфема и соответствующее ей фонетическое оформление, позволяет рассматривать каждую морфему в фонологическом плане. В связи с этим следует отметить, что если для изучения фонемной структуры морфем принято в языкознании название «морфонология», то для изучения семасиологической структуры морфем правомерно было бы назвать соответствующий раздел языкознания морфосемасиологией.

Морфосемасиология способствует уточнению семантического анализа как простых, так и более сложных понятий. Свойство агглютинации тюркских языков позволяет не только формально разложить слово на составные его морфемные элементы, но благодаря значению каждой морфемы, имеющей определенное понятийное содержание, разложить каждое сложное понятие на простейшие его элементы значения, т. е. на простейшие его семы, поскольку за каждой морфемой закреплено определенное понятийное содержание; ср., например, к.-калпакск. *kel-is-tir-üw-ši-lik* 'посредничество' — сложное слово, состоящее из шести морфем и соответственно шести сем: *kel* 'приходить', 'приближаться'; *-is* 'взаимно, совместно действовать'; *-tir* 'способствовать', 'побуждать'; *-üw* — понятие субстантива действия; *-ši* 'действующее лицо'; *-lik* — понятие субстантива имени, которые в последовательном присоединении образуют все более усложняющееся по своей форме и значению слово.

Все шесть сем данного слова служат понятийными элементами, составляющими данное сложное понятие, равно как шесть морфем составляют формальное выражение каждого понятийного элемента — каждой семы; ср. их морфосемасиологический анализ:

kel — корневая морфема, содержащая общую идею приближения, прихода — корень глагола 'приходить';

-is — аффикс взаимно-совместного залога — морфема глагольного значения (т. е. генетически происходящая из знаменательного слова — глагола), модифицирующая первое значение и указывающая на взаимность совершения первого действия, выраженного в корневой морфеме; вместе с корневой морфемой семантически образуют сложный глагол со значением «взаимно приближаться», «сближаться»;

-tir — аффикс побудительного залога — морфема, также глагольного значения (т. е. также генетически происходящая из основы глагола), модифицирующая предыдущую сложную форму глагола и указывающая на способствование или побуждение к совершению первого действия, выраженного первыми двумя морфемами: «взаимно сближаться», «взаимно приходить друг к другу»; аффикс вместе с этим сложным понятием семантически образуют сложный глагол со значением «способствовать, побуждать взаимно сбли-

жаться». С присоединением аффикса *-tir* завершается реализация лексико-грамматического словообразования, т. е. реализация основного лексического значения данного действия — глагола;

-üw — аффикс, образующий субстантивную функциональную форму масдара от сложного глагола, который образуется предыдущими морфосемами, — морфема функционально-грамматического словообразования, конвертирующая глагольную сложную основу, которая состоит из предыдущих морфосем, в субстантивную функциональную форму масдара со значением результата или названия действия: «побуждение или способствование взаимному сближению, подходу друг к другу».

-ši — аффикс профессии — морфема именного значения, т. е. генетически происходящая из знаменательного слова — имени — деятеля, действующего лица, орудия и пр. (ср. возможное происхождение аффикса *-džy/-dži*, *-čy/-či*, *-šy/-ši* < кит. *dži* 'человек'), модифицирующая предыдущее значение и указывающая на деятеля соответствующего действия, семантика которого заключена в предыдущих морфосемах, т. е. со значением «деятель, или действующее лицо, реализующее способствование или побуждение к взаимному сближению» = «посредник»;

-lik — аффикс субстантивирующий — морфема именного значения, указывающая на субстантивность понятия, выраженного в предыдущих морфосемах, т. е. со значением «деятельность способствования, побуждения к взаимному сближению» = «посредничество».

Итак, слово *kel-is-tir-üw-ši-lik* 'посредничество' распадается как на свои морфемы, так и соответственно на свои семы, иллюстрирующие конструирование слова из более простых компонентов, т. е. сем — элементов, составляющих сложное понятие посредничества, в следующих последовательных значениях:

kel-is- 'взаимно приближаться, сближаться друг с другом';

kel-is-tir- способствовать или побуждать сближаться друг с другом';

kel-is-tir-üw 'способствование или побуждение к сближению друг с другом';

kel-is-tir-üw-ši 'действующее лицо, побуждающее, способствующее сближению кого-то друг с другом'='посредник';

kel-is-tir-üw-ši-lik 'деятельность побуждающего, способствующего сближению кого-то друг с другом' ='посредничество'.

Каждая из морфосем имеет самостоятельное значение и морфологически соответствует той или иной части речи, а следовательно, и генетически происходит от самостоятельного слова с тем же значением соответствующей части речи. В синтаксическом же плане каждая предшествующая морфосема служит как бы опреде-

лением к последующей, причем каждая предшествующая морфосема или группа морфосем по своему значению более конкретна, чем последующая — более абстрактная морфосема.

В многоаффиксальных словах при присоединении некоторых морфосем происходит перераспределение определяющей и определяемой групп морфосем, образуется определенное сцепление морфосем, получающих в новом сочетании новое, простое или сложное значение.

Ср., например, процесс образования приведенного выше сложного слова *kel-is-tir-üw-ši-lik* 'посредничество':

kel + морфосема *-is* с глагольным значением взаимности действия, т. е. с семантикой, более отвлеченной по отношению к корневой морфеме, которая служит как бы определением к морфосеме *-is* — аффиксу, генетически относившемуся к самостоятельной корневой морфеме глагола со значением «совмещать», «обмениваться», «сцепляться» и т. п., но в процессе грамматикализации утерявшему знаменательное глагольное значение; сочетание *kel-is-* в формальном отношении аналогично современному сочетанию, например в кумандинском диалекте алтайского языка, глаголов *kel* + + *čit* (< *kel-* 'приходить' + вспомогательный глагол *čit-* < *čat-* ~ ~ *jat-* 'лежать', образующий видовую форму настоящего времени данного момента);

kel + *is-* 'сближаться друг с другом' + морфосема *-tir* с глагольным значением способствования или побуждения, т. е. также с более отвлеченной семантикой по отношению к предыдущей сложной глагольной основе *kel-is-*, которая служит как бы определением к морфосеме *-tir*, генетически также представлявшей знаменательное слово — глагол со значением «побуждать», «приказывать», «предлагать», «способствовать» и в сочетании *kel-is-tir-* 'способствовать или побуждать сближаться друг с другом' аналогична, например, по своей структуре сочетанию в куманд. *akel čit-* 'приносить в данный момент' (*a* < *al-* 'брать, 'взять' + *kel* 'приходить' + + *čit-* < *čat* ~ *jat-* 'лежать' > *al-kel-čit* 'брать' + 'приходить' + + 'лежать' > 'приносить в данный момент');

kel-is-tir- 'побуждать сближаться друг с другом, сближать друг с другом, способствовать сближению' + морфосема *-üw* с функциональным значением субстантива, т. е. с отвлеченной семантикой по отношению к сложной основе глагола *kel-is-tir-*, которая служит процессуальным определением к морфосеме *-üw* со значением отвлеченной масдарной формы, генетически восходящим к значению результата действия.

С присоединением релятивного аффикса *-üw* к конечному результату лексико-грамматического словообразования, реализующего вещественное значение *kel-is-tir-* 'побуждать взаимно сближаться, способствовать взаимному сближению', образуется функциональная форма с субстантивным значением *kel-is-tir-üw* 'по-

буждение к взаимному сближению', 'способствование взаимному сближению', и тем самым завершается оформление определяющей зоны в структуре данного слова.

Зона определяемая в структуре данного слова состоит из сложного аффикса *-ši-lik* с именным значением названия деятельности, профессии. Входящий в его состав аффикс *-ši* (со значением деятеля) мог бы самостоятельно служить определяемым элементом в структуре данного слова, и тогда зона определяющей части в структуре слова состояла бы из тех же элементов *kel-is-tir-üw* 'способствование, побуждение к взаимному сближению', но зона определяемая состояла бы из одного аффикса *-ši* (со значением деятеля), и слово в целом имело бы значение: *kel-is-tir-üw-ši* 'деятель, способствующий, побуждающий к взаимному сближению'='посредник'. Соединение же аффиксов *-ši* и *-lik* образует сложный аффикс со значением 'деятельность, профессия'; в сочетании с определяющей зоной в структуре данного слова *kel-is-tir-üw-ši-lik* он придает последнему окончательное значение 'деятельность, способствующая, побуждающая к взаимному сближению друг с другом'='посредничество'.

Как видно из данного примера, морфосемы в структуре сложного слова могут группироваться, образуя своеобразные морфосемасиологические синтагмы, изоморфные простейшим синтагмам в структуре сложного словосочетания.

Подобное расчленение сложных слов со сложным значением на морфосемы применимо к любому слову, ср., например, к.-калпакск. *džara-m-sa-q-la-n-uw-šy* 'подхалим', которое состоит из шести морфосем:

džara- 'нравиться', 'быть приятным', 'годиться' — корневая морфема;

-m- — аффикс, обозначающий результат действия;

-sa- — аффикс, генетически восходящий к основе глагола со значением «желать»;

-q- — аффикс, указывающий на свойство субъекта действия;

-la- — аффикс, указывающий на значение «действовать»;

-n- — аффикс, указывающий на направление действия на себя;

-uw- — аффикс, указывающий на понятие субстантива действия — масдар;

-šy — аффикс, указывающий на значение действующего лица.

Все эти морфосемы в последовательном сочетании друг с другом образуют все более усложняющееся по своей форме и значению слово:

džara-m 'то, что нравится', 'приятность', 'пригодность';

džara-m-sa- 'желать нравиться', 'желать быть приятным'; сочетание же *džara-m* по отношению к *sa-* 'желать' синтагматически относится как дополнение к дополняемому, по аналогии с *suw-sa-*

'желать воды', 'жаждать', где *suw* 'вода' относится к *sa-* как объект к глаголу *sa-* 'желать';

džara-m-sa-q 'свойство того, кто желает нравиться, кто желает быть приятным';

džara-m-sa-q-la- 'действовать с целью реализации желания нравиться, быть приятным';

džara-m-sa-q-la-n- 'действовать с той же целью для себя, в свою пользу';

džara-m-sa-q-la-n-uw 'действие для себя, в свою пользу с целью реализации желания нравиться, быть приятным';

džara-m-sa-q-la-n-uw-šy 'действующее лицо, которое действует для себя, в свою пользу с целью реализации желания нравиться, быть приятным' > 'подхалим'.

Как видно из данного примера, здесь каждая из морфем имеет свое самостоятельное реальное значение и соответствует той или иной части речи: *džara-* 'нравиться, быть приятным'; *sa-* 'желать'; *la-* 'действовать' — с глагольным значением и остальные — с именным.

В синтагматическом плане морфосемы в данном слове распадаются на две зоны — определяющую *džara-m-sa-q-la-n-uw* 'действие для себя, в свою пользу с целью реализации желания нравиться, быть приятным' и определяемую *-šy* 'действующее лицо'; в структурном же отношении — на четыре группы: 1) *džara-m* 'то, что нравится, приятность, пригодность'; 2) *-sa-q* — сложный аффикс, указывающий на свойство того, кто желает быть приятным, кто желает нравиться; 3) *-la-n-* — сложный аффикс со значением, указывающим на действие, направленное на себя, для себя, в свою пользу; 4) *-uw-šy* — сложный аффикс со значением, указывающим на действующее лицо.

Выше были приведены слова со сложной морфосемасиологической структурой, характеризующей последовательное расчленение морфосем на простейшие, а также на процессы формирования сложных понятий. Те же процессы можно наблюдать и в более простых и простейших комбинациях морфосем, ср., например, к.-калпакск. *kel-me-gen-ler* 'не приходившие' < 'некоторое количество действующих лиц, отказывающихся приходить';

suw-sa-γan 'жаждавший' (< 'воду желавшее лицо'); *temir-ši* 'кузнец' (< 'железо + человек, имеющий пристрастие');

šyda-m-syz-lyq 'нетерпение' (< 'терпеть + результат действия + отсутствие' > 'отсутствие терпения' > 'нетерпение');

öl-tir-üw-ši 'убийца' (< 'умирать + побуждение + действующее лицо' > 'действующее лицо, способствующее умиранию' > 'убийца');

tas-la-maq-šy 'намеревающийся бросить' (< 'камень + действовать + намерение + человек' > 'человек, намеревающийся действовать камнем');

tüs-in-be-w-ši-lik ‘недоразумение’ (< ‘понимать + отсутствие + результат действия + свойство’ > ‘свойство, полученное в результате отсутствия понимания’);

erkek dawys-ly ‘с мужским голосом’ (< ‘мужчина + голос + наличие’ > ‘имеющий мужской голос’);

džaman nijet-lik ‘гнусность’ (< ‘плохое намерение + наличие’ > ‘наличие плохого намерения’) и пр.

Во всех приведенных выше примерах, независимо от того, состоят ли они из одной корневой морфемы и аффиксов или из сложных слов, содержащих не одну корневую морфему, — семантическая их структура единообразна, т. е. конечное значение в результате сочетания одной корневой морфосемы с аффиксами или сочетания нескольких корневых морфем с аффиксами формируется по одним и тем же общим закономерностям. Причем предшествующий элемент всегда служит определением к последующему независимо от того, является ли он самостоятельным словом или аффиксом.

Итак, процессы агглютинации как в малоаффиксальном, так и в многоаффиксальном слове характеризуются не простым сочленением корневой морфосемы с аффиксальными морфосемами, но сложной структурой взаимозависимых между собой морфосем, изоморфной структуре сложного словосочетания, состоящего из двух иногда весьма сложных по своему составу групп определения и определяемого.

М. И. Боргояков

К ИСТОРИИ ЯЗЫКОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В САЯНО-АЛТАЙСКОМ РЕГИОНЕ (IX—XII вв.)

Государство древних кыргызов существовало на территории Хакасско-Минусинской котловины не менее семи-восьми веков. Во второй половине VI — первой половине VII в. и в начале VIII в. оно входило в состав Тюркского каганата, а во второй половине VIII в. — в империю древних уйгуров, но в ходе многолетних войн сокрушило Уйгурский каганат в Монголии (840 г.). В IX в. кыргызское государство включало в свои границы всю область верхнего течения Енисея (Тува), прилегающие к долине верхнего Енисея территории Южной Сибири, а также часть территории Монголии. Оно погибло в 1207 г. во время монгольского нашествия. Этнические группы, входившие в это государство, являются предками современных хакасов, тувинцев, алтайцев, шорцев и тофаларов. Многие факты, указывающие на родственные связи современных народов Саяно-Алтая в области языка, культуры и происхождения, восходят главным образом к этому времени [1]. В состав этого государства входили не только тюркоязычные племена, но и самодийско-, угро- и кетоязычные. Ниже речь пойдет только о тюркоязычном, преобладающем населении Саяно-Алтая.

Еще в период уйгурского господства в этом регионе происходили соприкосновение языков, их неизбежное взаимодействие, а также ассимиляция. Причем взаимодействовали разговорные языки. Язык же орхоно-енисейских памятников древнетюркской письменности, как теперь общепризнано, был литературным языком [2], которым пользовалось, в числе других, и тюркоязычное население Саяно-Алтая. Это был язык с *d*-признаком в середине

---

[1] См.: Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, изд-во МГУ, 1969, стр. 124—129.

[2] См.: С. Г. Кляшторный, Древнетюркская письменность и культура Центральной Азии, — «Тюркологический сборник. 1972», М., 1973, стр. 260.

слова (*adak* 'нога' вм. *ajak*, *azak*), которым пользовались и древние уйгуры Монголии. По словам Э. Р. Тенишева, тюркские литературные языки древнего периода — языки искусственно созданные. Они лишь в незначительной степени опираются на живые языки [3].

Одновременно здесь широко бытовали народно-разговорные языки (или диалекты). Как полагает Э. Р. Тенишев, народно-разговорным языком средневековых хакасов (кыргызов) был *z*-язык (*azak* вм. *ajak*, *adak* 'нога') с «джеканьем» в начале слова. Глухие и звонкие согласные различались в начале, середине и конце слов [4]. Как отметил еще С. Е. Малов, современные «желтые уйгуры Центрального Китая, в провинции Ганьсу, — несомненные ближайшие потомки древних уйгуров-буддистов, говорят и теперь на *z*-языке». По мнению автора, «здесь письменно-книжное d произносилось более культурным населением ближе к написанию, как d, а более простые народные массы произносили в этих же словах звук z» [5]. Следовательно, народно-разговорным языком древних уйгуров, как полагает С. Е. Малов, был, так же как и у кыргызов, *z*-язык. Возможно, это обстоятельство послужило поводом для заявления о сходстве уйгурского и кыргызского языков. Так, например, китайские источники сообщают, что письмо и язык хакасов (кыргызов) были совершенно сходны с уйгурскими [6]. Обычаи кыргызов отличаются от обычаев всех других владений. Их язык похож на язык уйгуров [7].

Утверждение А. М. Щербака о том, что «нет никаких лингвистических данных для сближения его (т. е. языка орхоно-енисейских памятников. — *М. Б.*) с тувинским и хакасским языками» [8], звучит слишком категорично. Бытуя в местной среде, язык енисейских надписей, естественно, окрашивался особенностями местных диалектов. В какой мере это происходило, еще надлежит изучить. По данным некоторых тюркологов, древние фонетические черты языка енисейской (и таласской) группы памятников наиболее четко сохранились в тувинском, хакасском, шорском языках [9].

---

[3] Э. Р. Тенишев, «Кутадгу билиг» и «Алтун ярук», — СТ, 1970, № 4, стр. 31.

[4] Э. Р. Тенишев, О языке кыргызов уезда Фуюй (КНР), — ВЯ, 1966, № 1, стр. 94.

[5] С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования, М.—Л., 1951, стр. 126.

[6] См.: Г. Е. Грум-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Л., 1926, стр. 358.

[7] Е. И. Кычанов, Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII в., — «Известия АН КиргССР. Серия общественных наук», Фрунзе, 1963, т. V, вып. 1, стр. 59.

[8] А. М. Щербак, Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения, — «Тюркологический сборник. 1970», М., 1970, стр. 132.

[9] См., например: И. А. Батманов, Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках. — «Древние тюркские диалекты и их

В Хакасско-Минусинской котловине, т. е. в местах традиционного обитания хакасов (кыргызов), в тот период существовал народно-разговорный язык с *z*-признаком в середине слова. Он состоял из отдельных диалектов, одним из которых был диалект с *j* в начале слова, о чем свидетельствуют топонимы *jul* 'ручей', 'горная река', *jyš* 'чернь', 'гора, покрытая густым лесом', бытовавшие в литературном и разговорном языках древних кыргызов и уйгуров. В современных хакасских диалектах указанные термины употребляются с начальным *č*, *š* (*čul*, *šul*; *čys*, *čyš*). Можно полагать, что в одном из диалектов разговорного языка средневековых хакасов (кыргызов) был также *č*- или *dž*-признак в начале слова вместо *j*-признака в других диалектах и письменном языке. В основу последнего легли, видимо, диалекты с *j*-признаком в начале и *d*-признаком в середине слова (и некоторыми другими). Естественно, язык надписей мало отражал разговорный язык тюркоязычного населения Южной Сибири, хотя местные диалекты и говоры частично проникали в этот стандартизованный язык.

О том, что здесь был распространен общий язык, частично свидетельствует и топонимика. Так, например, ареал топонимов *kirbĭ* (ороним), *jyš*/*čyš*, *čys*; *jul*/*čul*, *šul* и некоторых других охватывает главным образом эту территорию. Только здесь они зафиксированы в живом бытовании. Причем *jyš* и *jul* в указанных же значениях наличествуют в древнетюркских памятниках рунической письменности, так же как и божество *Umaj*.

По данным Е. И. Убрятовой, большинство тюркских языков Сибири и Алтая (хакасский, алтайский, шорский, чулымский, тувинский) имеет единую систему причастных форм, как первичных, так и вторичных, и эта система причастных форм совпадает с системой причастных форм современного киргизского языка. Кроме того, эти языки объединяют и стяженные формы с вспомогательными глаголами *tyr*- (*tur*-), *čat*-, *ča*- и др., чего не было в древних тюркских языках Монголии и в енисейских памятниках и что свойственно кыпчакским языкам. Классификации, построенные на фонетическом принципе, обычно относили эти языки к разным группам [10]. Как полагает автор, древний кыргызский язык относился к языкам кыпчакского типа. Распространение его в среде разноязычных племен и дало разные племенные языки с общей основой, что и обеспечило в дальнейшем постепенное их сближение. Способствовало этому также и то, что носители этих племенных

отражение в современных языках», Фрунзе, 1971, стр. 5; М. И. Боргояков, К вопросу о формировании общенародного хакасского языка (дооктябрьский период), — «В братской семье народов», Абакан, 1968, стр. 102—108.

[10] См.: Е. И. Убрятова, Вопросы диалектологии тюркских языков, — «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. III, Баку, 1963, стр. 86.

языков — народы, населяющие Минусинскую котловину, — с древнейших времен находились в тесных отношениях друг с другом и даже входили в единое государственное объединение [11]. Наблюдаемая общность системы причастных форм в языках народов Саяно-Алтая сложилась, по всей видимости, именно в средневековый период их истории.

Как уже говорилось, в Хакасско-Минусинской котловине бытовал *z*-язык кыпчакского типа. В результате распространения и «расщепления» этого языка в последующие столетия развились самостоятельные тюркские языки Южной Сибири, составляющие ныне так называемую хакасскую подгруппу тюркских языков. Общие признаки, объединяющие эту подгруппу языков (хакасский, шорский, северные диалекты алтайского языка, чулымско-тюркский, язык желтых уйгуров, язык кыргызов из Маньчжурии), восходят ко времени древнехакасского (кыргызского) государства периода IX—XII вв., когда здесь наряду с письменным (стандартным) языком надписей существовал (в диалектах) разговорный язык.

Об этом языке мы знаем мало. Частично можем судить о нем по данным языков и диалектов хакасской подгруппы тюркских языков, в особенности по языкам тех народностей, которые когда-то откололись от тюрков Енисея или тесно контактировали с ними и, живя потом в изоляции, могли сохранить древние особенности разговорного языка или диалектов.

Тюркоязычные племена Саяно-Алтая расселялись вплоть до Маньчжурии, особенно в период монгольского владычества. Так, например, архимандрит Палладий писал: «Некогда были в Маньчжурии оседлые колонии тюркских племен с Енисея: из кэргиз, урянхайцев и хакасы, которых Хубилай перевел (в 1293 г.) в Абалаху по близости к Амуру». В связи с этим Н. А. Аристов сообщает, что главная масса этих переселенных в конце XIII в. на юго-восток от Байкала енисейских тюрков могла состоять не только из собственно кыргызов, но и из соплеменных им сагайцев [12]. В 1276 г. монголы в Приамурье (нижнее течение Сунгари) в области Апалаху основали город Чжао-Чжоу и населили его «людьми из племени Усухань, Ханас (Хакас? — *М. Б.*) и Цилицзис» (по Л. Р. Кызласову).

Именующая себя ныне кыргызами народность района Фуюй (Северо-Восточный Китай) является отколовшейся частью енисейских тюрков, и, по мнению Э. Р. Тенишева, их язык удержал много древнего и фонетически очень близок к разговорному языку

---

[11] Там же, стр. 87.

[12] Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, — ЖС, 1896, год 6, вып. 3—4, отд. этногр., стр. 332.

древних кыргызов. Как показывает автор, будучи языком *z*-группы, язык фуюйских кыргызов наиболее тесно связан с языками этой группы — хакасским, шорским и сарыг-югурским. И эта языковая близость, как замечает Э. Р. Тенишев, может быть объяснена этногенетическими причинами [13]. Следует отметить, что язык фуюйских кыргызов особенно близок к хакасским диалектам XVIII—XIX вв., в частности к качинскому.

Язык фуюйских кыргызов, таким образом, восходит к языку енисейских кыргызов XVI—XVII вв., а последний, в свою очередь, к древнекыргызскому разговорному языку IX—XII вв.

Можно предположить, что желтые уйгуры (сарыг-югуры) или часть их представляют собой обособившиеся группы тюркоязычного населения с *z*-языком и что они сохранили в какой-то мере, как и кыргызы уезда Фуюй, древний облик разговорного языка тюрков Саяно-Алтая. Эта народность проживает ныне в окрестностях городов Цзюцюань (округ Сучжоу) и Чжанъе (округ Ганьчжоу) в западной части провинции Ганьсу (КНР). Предки современных юйгу (китайская транскрипция слова уйгур), тюркоязычные уйгуры, по сведениям китайских источников, переселились в Западный Китай из бассейна р. Селенги в конце VII—начале VIII в. н. э. Новый поток уйгуров хлынул в середине IX в., после того как Уйгурский каганат в Монголии был разгромлен кыргызами.

Древние связи сарыг-югуров с племенами Саяно-Алтая несомненны. Тюркологи отмечали это не раз. Так, С. Е. Малов указывал, что «кроме желтых уйгуров (с языком *z*-группы) среди тюркских народов есть хакасы и шорцы, которые также принадлежат к этой же языковой группе, — довольно старые народы» [14]. Согласно классификации тюркских языков А. Н. Самойловича сарыг-югурский язык входит в «северо-восточную» группу и вместе с койбальским, сагайским, качинским, бельтирским, шорским, кызыльским диалектами составляет подгруппу *z*-диалектов (языков) [15]. По классификации Н. А. Баскакова в составе уйгуро-огузской группы тюркских языков отдельную подгруппу составляет хакасская. Эта подгруппа представлена двумя подразделениями. В первое входят хакасский язык (его диалекты), сарыг-югурский, камасинский [16] и язык чулымских татар. Второе подразделение объединяет кондомский диалект шорского языка, а также северные диалекты алтайского, а именно: диалект черневых татар (йыш-кижи, туба), диалект кумандинцев и лебединцев —

[13] Э. Р. Тенишев, О языке кыргызов уезда Фуюй (КНР), стр. 94.

[14] С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности. . ., стр. 126.

[15] А. Самойлович, Некоторые дополнения к классификации турецких языков, Пг., 1922, стр. 8—9, 15.

[16] Камасинский как самостоятельный язык ныне не существует.

народов, общих и по нормам языка, и, вероятно, по этническому составу [17].

После исследований Э. Р. Тенишева к этой же подгруппе, к первому ее подразделению, следует отнести и язык кыргызов уезда Фуюй.

По данным Э. Р. Тенишева, в племенной состав хакасов и сарыг-югуров входит древний кыргызский элемент. В лингвистическом аспекте хакасский и сарыг-югурский языки относятся к *z*-языкам (в середине имен и в конце основ глаголов звук *z*: *azak* 'нога', *koz*- 'положи'). Четыре сарыг-югурских рода, по мнению автора, можно так или иначе считать родами или ответвлениями древних кыргызов [18]. Как сообщает автор, примерно пятая часть родо-племенных подразделений сарыг-югуров имеет соответствия среди родов и племен хакасов, шорцев, тувинцев, алтайцев и некоторых тюркоязычных народов западной ветви.

Добавим от себя, что этноним *soqalyγ*, состоящий из основы *soqa* и аффикса *-lyγ* и бытующий среди сарыг-югуров, может быть сопоставлен с хакасским (качинским) этнонимом *соха* или *сохы* (*кöк сохы*, *хара сохы*, *ах сохы*). Слово *soqa* в сарыг-югурском означает «кочка земли с корнями степной травы». Относительно хакасского *сохы* записано предание, по которому этот сеок (род) происходит из страны *моол* (*моҷол*) [19], т е. из Монголии. По другим преданиям, этот род происходит из Западной Сибири (бассейн р. Тобола).

С. Е. Малов полагал, что желтые уйгуры (сарыг-югуры) поселились в местах своего теперешнего местожительства лет с тысячу тому назад, придя частью с запада (Восточный Туркестан), а частично спустившись несколько южнее из Монголии, из бассейна рек Орхона и Селенги (после войны с киргизами) [20]. Как теперь известно, кыргызы нанесли сокрушительный удар по Уйгурскому каганату с помощью одного из уйгурских военачальников по имени Цзюйлу Мохэ (Кюлюг-Бага). Он призвал кыргызов, и удар был нанесен объединенными силами. Это обстоятельство облегчило кыргызам разгром каганата. Как сообщает А. Г. Малявкин, группа Цзюйлу Мохэ должна была остаться на месте. Что стало с нею впоследствии — откочевала ли она вместе с кыргызами на север или рассеялась, — источники об этом не сообщают. Когда кидани захватили этот район, они не нашли здесь уйгуров. По сообщению А. Г. Малявкина, в обеих хрониках династии Тан

---

[17] См.: Н. А. Баскаков, Введение в изучение тюркских языков, М., 1969, стр. 326—327.

[18] Э. Р. Тенишев, Этнический и родо-племенной состав народности юйгу, — СЭ, 1962, № 1, стр. 65.

[19] С. Д. Майнагашев, Отчет по поездке к турецким племенам Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губернии летом 1914 г., — ИРКСА, сер. II, 1914, № 3, стр. 127.

[20] С. Е. Малов, Язык желтых уйгуров, Алма-Ата, 1957, стр. 3—4.

имеется еще сообщение о небольшой группе уйгуров, которая была захвачена кыргызами в южной части Большого Хингана и уведена на север [21]. Возможно, они осели в Туве и постепенно ассимилировались в местной среде.

Как видно из сообщений источников, в составе кыргызов находились и уйгуры, которые могли постепенно ассимилироваться. Вероятно, группа уйгуров Кюлюг-Бага была в какой-то мере уже «окыргызившимися» уйгурами в пределах Саяно-Алтая. Может быть, именно части таких групп населения влились в состав желтых уйгуров? Как сообщает С. Е. Малов, в языке желтых уйгуров, естественных потомков древних уйгуров, сохраняются многие старые черты древнеуйгурского языка их былых предков [22].

Э. Р. Тенишев полагает, что язык сарыг-югуров представляет собой результат взаимодействия языков уйгуров и кыргызов во время пребывания этих племен в Монголии [23]. В IX в. вместе с потоком древних уйгуров сарыг-югуры переселяются на территорию Китая и Центральной Азии [24]. Очевидно, автор, как и С. Е. Малов, полагает, что желтые уйгуры подверглись кыргызскому языковому влиянию в Монголии в IX в. При этом следует предположить, что так называемые кыргызы включали в себя не только собственно кыргызов, но и другие родо-племенные группы тюркоязычного населения Саяно-Алтая, на что указывают сходные черты современного сарыг-югурского и тюркских языков Южной Сибири.

Но поскольку сейчас известно, что кыргызы после победы над уйгурами в Монголии долго не задержались, а ушли обратно, на север от Танну-Ола, можно предположить, что взаимодействие разговорных языков (или ассимиляция и смешение) происходило еще до кыргызского наступления на уйгуров Монголии, т. е. когда части предков сарыг-югуров проживали в пределах Саяно-Алтая и тогда же говорили на *z*-языке и находились в тесном контакте с местными тюркскими *z*-диалектами. В IX в. в едином потоке с уйгурами (или позднее) они переселяются на свою современную родину уже с определенными языковыми признаками, родственными языкам и диалектам Южной Сибири.

В Туве *z*-признак (*azak* ʻнога’) не получил распространения, там восторжествовал *d*-признак (*adak* ʻнога’), присущий древнеуйгурскому (письменно-книжному) языку, что свидетельствует о заметном влиянии древних уйгуров и орхонских тюрков на местное население Тувы.

---

[21] А. Г. Малявкин, К вопросу о расселении уйгуров после гибели Уйгурского каганата, — ИСО АН СССР, 1972, вып. I, № 1, стр. 35.

[22] С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности. . ., стр. 6.

[23] Э. Р. Тенишев, Заметки об уйгурских языках, — ВЯ, 1971, № 1, стр. 89.

[24] Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева, Язык желтых уйгуров, М., 1966, стр. 38.

По *č*-признаку (вм. *j*) в начале слова тувинский язык, однако, находится в одной группе с хакасским, шорским и среднечулымским языками, что, очевидно, может свидетельствовать о частичном взаимодействии древнекыргызского разговорного языка (или его диалектов) с языком предков современных тувинцев, ибо языку орхоно-енисейских и древнеуйгурских памятников был присущ *j*-признак в начале слова.

Как уже говорилось, близкое сходство языка желтых уйгуров с языками Саяно-Алтая может быть объяснено этногенетическими причинами или близким контактированием. Приведем некоторые из сходных признаков. Так, одним из специфических признаков сарыг-югурского и хакасского, шорского, среднечулымского языков является употребление глухого *p* в начале слова (*pas*, *paš* 'голова' вм. *bas*, *baš* в других тюркских языках). Следовательно, языком кыргызов (или местного населения), взаимодействовавшим с языком предков сарыг-югуров, был язык (или диалект) с *p*-признаком в начале слова (*pas*, *paš*). В то же время другая часть населения с *z*-языком говорила на языке (диалекте) с *b*-признаком в начале слова (*bas*, *baš*). От нее, видимо, откололись фуюйские кыргызы, говорящие ныне на языке, который также характеризуется *b*-признаком в начале слова.

Отметим, что *b*-признак характерен для усть-абаканского говора качинского диалекта, а *p*-признак — для сагайского, шорского диалектов современного хакасского языка и для среднечулымского диалекта.

Эти факты свидетельствуют, очевидно, о том, что в разговорном языке средневековых хакасов (кыргызов) существовали диалекты.

Приведенный признак (начальный глухой согласный *p*) А. П. Дульзон рассматривал как результат ассимиляции тюрками предшествующего нетюркского субстрата. Так, по его мнению, одна из наиболее ярких языковых особенностей — распределение в слове глухих и звонких смычных — была отмечена Ф. Коршем: в начале слова употребляются только глухие, внутри слова между гласными — только звонкие (*paš* 'голова', *pažy* 'его голова'). Как отмечает А. П. Дульзон, эту особенность имеют хакасский, шорский, алтайский, чулымско-тюркский и др. Та же особенность характерна для угро-самодийских языков (мансийский, хантыйский, ненецкий, селькупский) и енисейских (аринский, ассанский, коттский) [25]. По данному признаку к ним примыкает и чувашский язык.

Таким образом, приведенная особенность (начальный глухой *p*) в указанной группе тюркских языков свидетельствует о том, что в языке-субстрате в начале слова употреблялись только глухие

---

[25] А. П. Дульзон, Этнолингвистическая дифференциация тюрков Сибири, — «Структура и история тюркских языков», М., 1971, стр. 203.

звуки или что глухие и звонкие в начальной позиции в слове не различались.

Далее, как сообщает Э. Р. Тенишев, для сарыг-югурского языка характерен перебой согласных *š* > *s*, частично компенсируемый типично кыпчакским перебоем *č* > *š*. Примеры: *tas* 'камень' вм. *taš*; *pas* 'голова' вместо *paš* и т. д. Однако наряду с *s*-основами здесь существуют и *š*-основы: *paš* 'голова' [26] и т. д. Подобный же перебой согласных *č*, *š* > *s* мы наблюдаем в хакасских диалектах XVIII в. (качинский, сагайский, бельтирский), но в их современном бытовании *č*, *š* заменены *s*: *aγaš*, *aγač* > *aγas* 'дерево'; *šaš* > *sas* 'волосы'.

Специфической особенностью хакасского и шорского языков является то, что в определенной группе слов в них употребляется в начале слов *n* вместо *j* в других тюркских языках и *č* — в тувинском: *nā* (хак.), *čā* (тув.), *saŋa* (якут.), *jaŋa* (тат.) 'новый'. В языке сарыг-югуров этой особенности не наблюдается. Но в древнеуйгурском языке замечено употребление *n* вместо *j* в середине слова, как диалектный вариант для так называемого *n*-диалекта. Наряду с обычным *ajyγ* в *n*-диалекте — *anyγ* [27]. Возможно, в древнетюркский период чередование *j* ~ *n* ~ *č* происходило более регулярно в определенной группе диалектов (языков). Пережиточно оно сохраняется в хакасском и шорском языках.

Общим признаком языка сарыг-югуров и качинского диалекта хакасского языка является переход *š*, *s* в *č* — в сарыг-югурском и *s* в *č* — в качинском диалекте в позиции между гласными: *paš* 'голова', *pačyn* 'его голову' (с.-югур.) и *aγas* 'дерево', *aγaču* 'его дерево' (кач.) [28].

Другой фонетический признак сближает сарыг-югурский с тувинским и тофаларским языками. Имеется в виду явление фарингализации. Как сообщает С. Е. Малов, слово *ат* 'лошадь' в сарыг-югурском произносится с сильным придыханием, как бы *ахт*; слово же *ат* 'имя' — с обычной, меньшей инкурсией. В сказках и рассказах глаголы в прошедшем времени (от основ на гласный звук) произносятся медленно, с очень большим придыханием: *пармате* (как *пармахте*), *тет*! (почти *техт*!). По мнению автора, придыхание при сильных звуках — особенность языка желтых уйгуров, подобное явление отчасти отмечено еще только в тувинском языке [29].

Некоторые исследователи полагают, что фарингализация, наблюдаемая в тувинском и тофаларском языках, имеет субстратное происхождение (В. М. Наделяев, В. И. Рассадин, Г. К. Вернер).

---

[26] Э. Р. Тенишев, Заметки об уйгурских языках, стр. 90.
[27] В. М. Насилов, Древнеуйгурский язык, М., 1963, стр. 8.
[28] См. подробно: М. И. Боргояков. О переходе *s* в *č* в качинском диалекте хакасского языка, — СТ, 1973, № 3.
[29] С. Е. Малов, Язык желтых уйгуров, стр. 163.

Как известно, это явление получило широкое распространение в енисейских языках. Сказанное, очевидно, можно распространить и на язык желтых уйгуров. Данный признак мог быть приобретен предками желтых уйгуров в пределах Саяно-Алтайского нагорья.

Другой особенностью языка желтых уйгуров является протеза (*h*) в начале некоторых слов: *haja* 'ладонь', *hajas* 'ясное небо', *harva* 'хлебные зерна', *hora-* 'обертывать', 'завертывать' (по С. Е. Малову). В хакасском и других тюркских языках указанные слова бытуют без начального *h*: *aja*, *ajas*, *arba*, *ora-*. Но, как отмечают тувинские диалектологи, протетический *h* встречается в отдельных диалектах современного тувинского языка.

Таким образом, по отмеченным двум признакам язык сарыг-югуров сближается с тофаларским и тувинским языками. Это, очевидно, свидетельствует о том, что в состав сарыг-югуров частично влились предки тофаларов и тувинцев или же они когда-то жили на одной территории. Однако больше сходства наблюдается у языка сарыг-югуров с языками хакасской подгруппы. Некоторые параллели имеются в области топонимики. Так, первый компонент названия провинции Ганьсу, где проживают сарыг-югуры, явно перекликается с южносибирской топонимикой. Ср. Хантигир и Кан — притоки Енисея; Ханкуль — название озера в Хакасии; Хан хара суг — гидроним и т. д. О других языковых параллелях между сарыг-югурским и хакасским, шорским, чулымским языками следует говорить особо.

Э. Р. Тенишев предполагает, что сарыг-югурский язык до VIII—IX вв. был *d*-языком. Под воздействием древних кыргызов он трансформировался в *z*-язык.В какой-то мере его коснулось кыпчакское влияние (йотированное произношение начальных широких гласных, причастие и прошедшее время на *-ған*) [30].

Можно указать еще на то, что у сарыг-югуров отмечены остатки шаманства, что также сближает их с народностями Сибири. Средневековые хакасы (кыргызы) в основной массе, как известно, были шаманистами.

Таким образом, желтые уйгуры (сарыг-югуры) по своим языковым и другим особенностям тесно связаны с тюркоязычными народами Саяно-Алтая. Их язык, очевидно, имеет мало общего с современным уйгурским языком. В связи с этим С. Е. Малов писал, что «этот язык желтых уйгуров трудно считать уйгурским, поскольку мы знаем и разговорный уйгурский язык (Синьцзяна) и письменный (обширный, главным образом, буддийской литературы), а он представляет из себя или окиргизившийся в давнее время (какой-то) уйгурский язык или совсем другой язык» [31].

---

[30] Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева, Язык желтых уйгуров, стр. 40.
[31] С. Е. Малов, Язык желтых уйгуров, стр. 7.

Таким образом, исходя из данных разговорных языков кыргызов уезда Фуюй, сарыг-югуров, а также хакасского, шорского, чулымского языков, можно, вслед за Э. Р. Тенишевым, полагать, что общим, преобладающим признаком разговорного языка тюркоязычных хакасов (кыргызов) IX—XII вв. был *z*-признак в середине слова (*azak* 'нога' вм. *ajak*, *adak* в других тюркских языках). Существовала также небольшая группа тюркоязычного населения с *j*-признаком в середине слова (*ajak*). Однако в разговорном языке общего населения Хакасско-Минусинской котловины преобладал *z*-признак. С одной стороны, этот язык включал в себя диалект кыпчакского типа с *b*- и *dž-/ž*-признаками в начале слова (*bir* 'один', *büzeg* 'высокий' и *džis*, *žis* 'медь', *džol*, *žol* 'дорога', 'путь'); здесь также бытовал диалект с *j*-признаком в начале слова (*jul* 'ручей', *jyš* 'чернь', 'густой лес'). С другой стороны, в него входил и диалект с *p*- и *č*-признаками в начале слова (*pir* вм. *bir* 'один', *püzik* вм. *bözik* 'высокий'; *čul* и *čys* вм. *jul* и *jyš*). Указанные признаки в разговорном языке населения Хакасско-Минусинской котловины сохранялись до XVI—XVII вв.

В течение XVIII—XX вв. происходило дальнейшее формирование самостоятельных языков в Южной Сибири. Наступило время их обособленного развития, стремления диалектов и говоров к консолидации в рамках определенных территорий, к территориальному единству. Так развились современные хакасский, шорский, чулымско-тюркский (или чулымский) языки, составляющие вместе с сарыг-югурским и языком кыргызов уезда Фуюй хакасскую подгруппу тюркских языков.

Н. З. Гаджиева

О ТРЕХ ЭТАПАХ ИЗМЕНЕНИЙ АНЛАУТНЫХ СОГЛАСНЫХ В ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Изменения звуков в языках обычно характеризуются переходом из одного качественного состояния в другое и сравнительно редко представляют состояние неустойчивости даже в пределах одного языка. Ср., например, такие общеизвестные переходы, как изменения носовых *о* > *у* и *е* > *я* в русском языке: рус. *круг* из более древнего *кронг*, рус. *пять* из более древнего *пенть*. Ср. еще переход звука *л* особого качества в звук *ш* почти во всех тюркских языках, кроме чувашского: *кыш* при чуваш. *хĕл* ʻзимаʼ. Показательно и изменение анлаутного тюркского *с* в *h* в башкирском языке: татар. *сары* ʻжелтыйʼ при башк. *hары*.

Однако состояние анлаутных согласных в тюркских языках, в особенности в диалектах, являет ничем не регулируемое соответствие глухих и звонких пар типа *п* ~ *б*, *т* ~ *д*, *к* ~ *г*, *с* ~ *з*, *ч* ~ *дж* и т. д. Примером могут служить такие внутридиалектные соответствия, как: азерб. диал. *палта* ~ *балта* ʻтопорʼ, кирг. диал. *путак* ~ *бутак* ʻветкаʼ, казах. диал. *пал* ~ *бал* ʻмедʼ, а также к.-калпакск. диал. *пал* ~ *бал*, ног. диал. *пышакъ* ~ *бышакъ* ʻножʼ, узб. диал. *пӯтӯн* ~ *бутун* ʻвесь, целыйʼ, туркм. диал. *палта* ~ *балта* ʻтопорʼ и т. д.

Такие необычные отклонения свидетельствуют о том, что здесь действуют закономерности особого рода.

Перебой непридыхательных согласных, т. е. превращение исконных звонких в глухие, известный и на материале языков других типологических систем (ср. германские языки), объясняется при допущении сильного экспираторного ударения на первом слоге, которое не способствовало работе голосовых связок и исключало возможность образования звонких. Факты оглушения начальных согласных, связанные с ударением на первом слоге, известны не только на материале германских, но и прибалтийско-финских языков.

Современное состояние тюркских языков, и особенно их диалектов, хранит немало косвенных признаков, указывающих на правомерность гипотезы о первоначальном глухом анлауте.

1. Ударение на первом слоге и отсюда глухое начало связаны с такой типологической особенностью тюркских языков, как закон сингармонизма, поскольку ведущий гласный, на который ориентируются и к которому по действующему правилу приспосабливаются другие гласные, должен был быть более четко произносимым.

2. Отсюда наличие узких вариантов аффиксов в конечных слогах, т. е. непостоянство гласного элемента в аффиксах. Ср. аффиксы с двухрядным составом: *-ган//-гын*, *-гач//-гыч*, *-жак//-жык*, *-гала//-гыла* и т. д.

3. Гипотетически предполагаемое ударение на первом слоге ослабляло последующие слоги до возможности их полного исчезновения. Отсюда нередко при сопоставлении созвучных тюркских и монгольских слов тюркские слова оказываются короче монгольских (типа монг. *беки* 'крепкий' ~ тюрк. *бек/пек*, монг. *түне* 'мрачный' ~ тюрк. *түн*, *дүн* 'ночь' и т. д.).

4. Дифтонгизация долгих гласных в первом слоге, особенно ярко проявляющаяся в якутском и оставившая многочисленные следы в других тюркских языках, также указывает на первоначальное ударение, падающее на первый слог в тюркском праязыке. Ср. иллюстрации типа туркм. марыйск. *гыйз* 'девушка', узб. кураминск. *ийт* 'собака' и др., т. е. ударение на долгих гласных первого слога создавало участок напряжения, который ослабился путем создания дифтонга. Действующий в системе звуковых законов закон компенсации не допускал совместимости двойного напряжения, т. е. глухости и долготы.

5. Зарегистрированные в тюркских языках многочисленные случаи протезы — *й*-отовой, *х*-вовой и *в*-овой также являются косвенным показателем ударения, первоначально падающего на первый слог. Начальное ударение, как правило (что известно по истории звуковых изменений различных языков), благоприятствует протезе, потому что оно создает так называемые приступы.

6. Первоначальное отсутствие сонантов *м*, *р*, *л*, *н* в исконно тюркских словах (есть основания рассматривать *м* как результат фонетического развития согласного *б*) является также одним из доказательств того, что начало слова действительно было глухим; поскольку, как известно, названные выше сонанты ведут себя в языке как звонкие согласные.

7. Подыскание пар слов с оппозициями глухих и звонких в тюркском анлауте довольно затруднительно. Если бы существовали в тюркских языках изначально и глухие и звонкие согласные, то они закономерно либо сохранялись, либо изменялись бы.

Фактический материал не дает оснований для выявления каких-либо закономерностей.

Второй этап изменений анлаутных согласных в истории тюркских языков был связан с фонетическим процессом озвончения анлаута.

Глухое начало слова содержит целый ряд лингвотехнических неудобств. Оно ограничивает дистинктивные возможности языка, поскольку исключает противопоставление фонем по глухости и звонкости. В последнее время экспериментально установлено, что основное количество информации падает на начало слова, поэтому звуки в начале слова должны быть более слышимыми. Тенденция к образованию звонкого анлаута существует в самых разнообразных и разносистемных языках.

Звонкие согласные появились во всех тюркских языках без исключения, чему в немалой мере способствовало перемещение ударения. Можно предполагать, что перемещение ударения в тюркских языках было вызвано стремлением создать условия для звонкого начала в этих языках. Однако следует иметь в виду, что звонкий анлаут, вероятно, возникал неравномерно в тюркских языках — бóльшая частотность анлаутных согласных в огузской группе и мéньшая — в кыпчакской группе. Не случайно Н. К. Дмитриев по признаку преобладающих согласных в слове предлагал разбить тюркские языки на две условные категории: языки с относительно свободным типом начальных согласных и языки с относительно несвободным типом начальных согласных. К первой категории принадлежат языки с преобладающими огузскими элементами (азербайджанский, туркменский, гагаузский, южнокрымский диалект крымскотатарского языка), ко второй группе — языки с преобладающими кыпчакскими элементами (казахский, киргизский, ногайский, каракалпакский, узбекский и др.). Относительная свобода в выборе начального согласного для языков первой категории заключается в том, что эти языки допускают в абсолютном начале слов звонкие *д* и *г*, тогда как языки второй категории имеют соответственно глухие *т* и *к*. Таким образом, словам *дагъ* 'гора' и *гель* 'приходи' в языках второй группы будут соответствовать формы *тагъ* ~ *тав* и *кель* [1]. Озвонченный анлаут в азербайджанском, туркменском, а также кумыкском языках Н. К. Дмитриев объясняет как характерную черту для тюркских языков Прикаспия, которую следует связывать с вопросом об иранско-тюркском языковом скрещении [2]. Такого рода объяснение озвонченного анлаута за счет внешнего фактора довольно распространено в тюркологической литературе.

---

[1] Н. К. Дмитриев, Грамматика кумыкского языка, М.—Л., 1940, стр. 14.

[2] Там же, стр. 37.

Представляется, что роль внешнего фактора в данном случае вполне допустима, однако не следует его переоценивать. Иранское влияние явилось лишь известным импульсом—ускорителем активизации фонетического процесса озвончения. Иранское влияние состоялось, поскольку оно было поддержано благоприятными возможностями фонетической системы тюркских языков; последним объясняется то, что процесс озвончения происходил повсеместно. И поэтому благодаря стихийному и вместе с тем системно обусловленному действию тенденции к озвончению анлаута в отдельных тюркских языках и диалектах произошло нерегулярное озвончение первоначально глухих, тогда как в других языках и диалектах в отдельных случаях могло сохраниться прежнее состояние.

Соответствие *й* ~ *дж*, или аффрикатизация *й*, отражает, как представляется, общую тенденцию к озвончению анлаута.

История различных языков знает довольно многочисленные случаи превращения начального *й* в позиции перед гласными в аффрикату *дж*. Начальный латинский *j* в положении перед гласными превращался в аффрикату *дж* в истории испанского, португальского, каталанского, французского, провансальского и ретороманского языков. Древнеиндийскому начальному *й* соответствует аффриката *дж* в некоторых новоиндийских языках. Превращение *й* в *дж* происходило также в иранских языках. Известны случаи превращения начального *й* в аффрикатоподобное *д'* в угро-финских языках.

Если в разных языках начальный *й* в положении перед гласными довольно часто превращается в *дж*, то это уже не случайность, а определенная типовая линия видоизменения звука в этой позиции, определенная типологическая фреквенталия, которая может быть положена в основу вероятностного обоснования гипотезы о первичности начального *й* в тюркских языках.

Материалы ареального исследования свидетельствуют о том, что переход *й* в *дж* не был внезапным, а вначале имели место многочисленные колебания, постепенный захват старого *й*. Зарегистрированные зоны вибраций *й*, *дж*, *ж* отражают такие состояния языков, когда либо начинается аффрикатизация *й*, но она не полностью завершилась, либо, наоборот, происходит йотизация *дж* вследствие контактирований. Действовала и тенденция освободиться от старого *й* как звука более слабого и заменить его аффрикатой *дж*. Сам процесс аффрикатизации *й* сохранил в реликтовом состоянии промежуточные ступени, в числе которых одной из ранних является ступень *й* > *д*/*д'*, а вся схема может быть представлена в виде ряда *й* > *д'* > *дж* > *ж'* > *ж* > *з*. Ср. казах. (в Кустанайской области): *дүзік* ~ *жүзік* 'кольцо', *дүз* ~ *жүз* 'сто'; галля-аральский говор Самаркандской области узб. яз.: *дастық* вместо *жастық* 'подушка'; к.-калпакск. диал. *дастык*;

азерб. диал. *думрух* вм. *йумрух* 'кулак', к.-балк. диал. *дулдуз* ~ *жуздуз* ~ *зулдуз* 'звезда' и т. д.

В тюркских языках, особенно в их диалектах, зарегистрированы многочисленные случаи внутридиалектного соответствия *й* ~ *дж* ~ *ж*, с одной стороны, и *й* ~ *ч*, представляющего собой результат оглушения *дж*, — с другой. Чем же объясняется необычайная склонность начальных *й* и *дж* к диалектному чередованию? Звук *дж*, представляющий звонкую аффрикату, является достаточно слышимым, и не случайно, что в истории самых различных языков мира начальный *й* заменяется более звонкой и слышимой аффрикатой. Есть некоторые косвенные доказательства, свидетельствующие о том, что в тюркских языках, имеющих в настоящее время начальный *дж*, некогда ему предшествовал начальный *й*. Общей особенностью киргизского и алтайского языков Б. Юнусалиев считает выпадение аффрикаты *дж/дз* перед узкими гласными, например: кирг. и алт. *ыр* ~ каз. *жыр* ~ тат. *йыр* 'песня'; кирг. и алт. *ыраак* ~ каз. *жырак* ~ уйг. *йирек* 'далеко', 'далекий' [3]. В действительности аффриката *дж* не может утратиться перед узкими гласными. Для этого нет необходимых фонетических условий. Утрачивался здесь в действительности начальный *й*, который может утрачиваться перед узкими гласными типа *и*, *ы*. Возможность такой утраты хорошо подтверждает азербайджанский язык: ср. азерб. *ил* 'год', тур. *yıl*, азерб. *илан* 'змея', тур. *yılan*, азерб. *үрәк* 'сердце', тур. *yürek*. Следовательно, киргизская словоформа *ыр* 'песня' возникла в ту эпоху, когда в языке еще существовал начальный *й*. Когда он позднее превращался в аффрикату *дж*, то в ряде слов перед узкими гласными успел уже утратиться, откуда и современное киргизское *ыр* 'песня' из *йыр*.

Что касается сходно звучащих монгольских слов с начальным *дж*, например монг. *džiru* 'рисовать', тат. *jaz* 'писать', то такие примеры не показательны, поскольку превращение начального *й* в аффрикату могло происходить самостоятельно, подчиняясь той же тенденции к устранению слабых согласных в начале слова.

Помимо общей тенденции к замене слабого начального *й* более слышимой аффрикатой в языках могут существовать факторы, не благоприятствующие превращению *й* в *дж*, и факторы, благоприятствующие такому преобразованию. Так, например, наличие в языке или диалекте фонемы *ц* вместо *ч* не благоприятствует аффрикатизации *й*. Языки, для которых характерна ассимиляция начального согласного аффикса множественного числа и некоторых других аффиксов, более склонны к аффрикатизации. Исключение

---

[3] Б. М. Юнусалиев, К вопросу о формировании общенародного киргизского языка, — «Труды Института языка и литературы АН КиргССР», Фрунзе, 1956, вып. VI, стр. 28.

составляет башкирский язык, в котором аффрикаты вообще отсутствуют, хотя ассимиляция развита довольно сильно. В языках, уже имеющих фонемы *й* и *дж*, как, например, турецкий и азербайджанский, *й* менее склонен к аффрикатизации. В языке типа татарского, в котором существует одна аффриката *ч* с сильно ослабленной смычкой, но не было *дж*, наблюдается частичная аффрикатизация *й*. Таким образом, такое фонетическое изменение анлаута, как озвончение, должно рассматриваться во всем объеме других сопряженных фонетических явлений в системе тюркских языков.

Известно, что якутскому начальному *с* в словах типа *суох* 'нет', *суол* 'путь' соответствует, например, в турецком *yok*, *yol*. Однако любопытно, что слово *якут* звучит в якутском как *саха*, что дает основания связывать *саха* и рус. *якут*. Очевидно, рус. *якут* отражает тот исторический момент, когда *саха* звучало как *йаха*.

Третий этап изменений анлаутных согласных в истории тюркских языков связан со вторичным оглушением.

В свое время В. А. Богородицкий высказал весьма интересное предположение о возможности оглушения начальных согласных в некоторых тюркских языках под влиянием субстратов. Можно принять, пишет В. А. Богородицкий, что *џ* и *ж* представляют дальнейшее развитие *j*, подобное изменению, например, народнолатинского *j* в итал. *дж* и фр. *ж*, ср. итал. *guigno* и фр. *juin*'июнь'. В Восточной Сибири — в тувинском, карагасском и хакасском — рефлексом данной фонемы является шипящий *ч*, представляющий собой приглушение по отношению к *џ*; это приглушение захватывает и диалект шорцев (алтайская группа), которые примыкают с запада к хакасам, и в этом соседстве можно усматривать причину одинаковости рефлексов, тогда как кызыльцы, самые северные в хакасской группе, обитающие в верховьях р. Чулыма, по которым ниже расположены чулымские татары, сохраняющие *j* (как и остальные зап.-сиб. диалекты), имеют *j*, так что и здесь географической близостью можно объяснить одинаковость отражения фонемы *j*. Отступление якутского языка, показывающего *с*, т. е. свистящий спирант, представляется характерным и вместе с тем понятным, ибо в этом языке и первичное *ч* отражается в виде *с* (быть может, под иноязычным цокающим влиянием), причем якутский рефлекс по своему приглушению гармонирует с названными восточными языками и диалектами. Рефлекс же *ч*, в последних результат приглушения *џ* из *j*, представляет собой явление, родственное с приглушением *б*, захватывающим подряд сибирские диалекты, начиная от карагасского и тувинского на востоке и кончая кюэрикским и барабинским на западе [4].

---

[4] В. А. Богородицкий, Введение в татарское языкознание, Казань, 1953, стр. 106.

Для чувашского рефлекса *ç* принимается В. А. Богородицким в качестве предшествующего этапа аффриката *ц*, которая еще существовала в эпоху мадьярско-булгарских сношений (VIII—IX вв.), судя по мадьярским заимствованиям, и сохранялась до XIV в. в языке волжских булгар. Чувашский рефлекс *ç* (мягкий свистящий спирант) позволяет предполагать, что указанная смягченная аффриката могла представлять диалектальное чередование шипящего и свистящего типа, причем приглушение ее аналогично общему приглушению начальных звонких согласных в чувашском [5].

Общая типология возможных звуковых изменений не дает нам оснований для непосредственного возведения чувашского анлаутного *ç* (*s*') (типа *çул* 'дорога' ~ тур. *yol*) к *й*. *Ç* мог развиться только через промежуточную ступень *дж*. Начальный *й* в положении перед гласным в древнечувашском превращается в аффрикату *дж*. Это, очевидно, совершилось в ту эпоху, когда в чувашском наряду с глухими согласными в анлауте существовали звонкие согласные, что подтверждают заимствования чувашских слов в венгерском языке. Ср. такие булгарско-тюркские заимствования в венгерском, как *béka* 'жаба', *búzå* 'пшеница', *borsō* 'горох', *bor* 'вино', *dårå* 'манная крупа'.

Если бы звонкие согласные в начале слова не были возможны, *й* не мог бы перейти в *дж*, который позднее ослабился в *ж*' (*z*'). Затем, по-видимому, под влиянием марийского субстрата в древнечувашском языке происходит оглушение всех начальных звонких, после чего *ж*' (*z*') переходит в *с*' (*s*'), сохранившийся и до настоящего времени. В пользу того, что в чувашском языке существовала переходная ступень *ж*' (*z*') и современный *с*' (*s*') представляет третий этап в изменении тюркского анлаута, свидетельствует, например, заимствованное коми-зырянским языком из древнечувашского слово *зеп* 'карман'. Аналогичное заимствование в удмуртском языке *зеп* отражает более древнюю аффрикату. Промежуточная ступень *з*' (*z*') отражена не только в коми-зырянском, но и эрзя-мордовском, ср. эрзя-мордовское *зепе* 'карман'. В конечном же счете эти заимствования из древнечувашского восходят к арабскому *džaib* 'карман'.

Анлаутный *й* в хакасском и шорском соответствует *ч* (*чер* 'земля' при тур. *yer*). Анлаутный *ч* также не мог непосредственно возникнуть из *й*. *Ч* является результатом оглушения промежуточной ступени *дж*.

Таким образом, в истории развития тюркского анлаута наблюдается три этапа — первоначально глухое начало, появление звонких и вторичное оглушение в ряде тюркских языков отчасти под влиянием субстрата.

---

[5] Там же, стр. 107.

А. Н. Кононов

СПОСОБЫ И ТЕРМИНЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТРАН СВЕТА У ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Необходимость выбора ориентиров для определения положения на местности возникла у человека на самых ранних этапах его существования, буквально с первых шагов его по земле; вначале это была слаборазвитая, инстинктивная, как у многих высших животных, способность ориентироваться на местности — находить дорогу к своему «дому». Постепенно, по мере накопления сведений об окружающей среде, рельефе местности, месте восхода и захода солнца, о солнечной и теневой сторонах и т. п., сведения эти систематизировались, приобретая некое подобие точного знания предмета; так, например, данные нивхского языка, носители которого еще в XIX в. жили в условиях охотничьего быта, свидетельствуют о том, насколько тонко определяются в нем различные детали ландшафта [1].

Языки даже высокоразвитых народов сохраняют часто представления давно минувших эпох, реалии которых уже прочно забыты.

Индийцы, как и многие другие народы, для целей ориентации [2] на местности обращались лицом к восходящему солнцу и потому восток обозначался словом *pracī*, происходящим от слова *prāc* 'передний', 'находящийся впереди'; три других страны света соответственно назывались: *paçcimā* 'запад' < *paçcat* 'сзади', 'позади', *dakṣiṛā* 'юг' < *dakṣiṛa* 'правый', *uttarā* 'север' < *uttara* 'верхний', 'вышний' [3].

---

[1] См.: Е. А. Крейнович, Выражение пространственной ориентации в нивхском языке (К истории ориентации в пространстве), — ВЯ, 1960, № 1, стр. 79.

[2] Само слово «ориентация» свидетельствует о том, что исходным пунктом для определения своего местоположения по отношению к странам света романские народы избрали понятие oriens — orientis 'восходящее солнце'.

[3] M. Monier Williams, A Sanscrit-English Dictionary, Oxford, 1899.

Китайцы, как позднее и монголы, при определении исходного положения обращались лицом к полуденной стороне небосклона, т. е. на юг (см. ниже).

Кроме ориентации на восходящее или полуденное солнце у многих народов мира, в том числе у индийцев и китайцев, существовала тонко разработанная система цветового обозначения стран света, т. е. цветовая геосимволика. У тюркских народов существовали обе системы обозначения стран света: 1) линейная (солярная) и 2) цветовая. Ниже мы остановимся на линейном обозначении стран света у тюрков.

У древних тюрков для определения стран света использовались, как иногда пережиточно используются и поныне, четыре позиции:

Первая позиция: лицом к восходящему солнцу, т. е. на восток.

Вторая позиция: лицом к полуденной стороне — к тому месту, где солнце в зените (*кӱн орту*), т. е. на юг.

Третья позиция: лицом к полуночной стороне — к тому месту, где ночь в зените (*тӱн орту*), где ярко светит Северная Полярная звезда (*Темир || Демир ķазыķ ~ ғазыķ*).

Четвертая позиция: лицом вверх, т. е. определение положения на местности по вертикальной линии: верх — низ.

Первая позиция — ориентация на восток, по-видимому, была связана с культом восходящего солнца, который, по словам В. В. Бартольда, «был свойствен не только турецкому (=тюркскому. — *А. К.*), но и монгольскому шаманизму» [4]; об этом же свидетельствует тюрко-монгольский обычай строить жилье входом (дверьми) на восток [5].

В тюркских рунических памятниках начала VIII в. сохранились точные указания на то, что древние тюрки при определении своего положения на местности обращались лицом в сторону восходящего солнца; эта позиция обозначалась формами, производными от слов *il*, *öӊ* 'перед': *ilгäрӱ Шантуӊ йазыķа тäгi сӱläдiм* [6] (Малов, Кюль-тегин, 3) 'Вперед (т. е. на восток) я ходил с войском вплоть до Шантунгской равнины'; ... *сабы антäг*: *öӊдäн ķағанғару сӱ йорылым тiмiс* (Малов, Тон., 29) '... речь его такова: поведем войско на кагана, с востока, сказал он'.

---

[4] В. В. Бартольд, К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов, — Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 393. См. еще: С. М. Абрамзон, Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, Л., 1971, стр. 116—117.

[5] В. В. Бартольд, К вопросу о погребальных обрядах. . ., стр. 393.

[6] Примеры из рунических памятников приведены (с заменой латиницы русской транскрипцией) по изданиям: С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951 (далее — Малов); T. Tekin, A Grammar of Orkhon Turkic, The Hague, 1968 (далее — Текин).

Этой позицией: вперед — лицом к восходящему солнцу, т. е. на восток, определялись другие страны света (данные рунических памятников):

направо — юг: *бір*, *быр*, *бірійä*, *бäрійä*, *бäрідäн*, *бір(і)гäрÿ*;

назад — запад: *кірÿ*, *ķурыйа*, *ķуруйа*, *ķурығару*; *кісрä*, *кäсрä*, *кідірті*;

налево — север: *йыр*, *йір*, *ір* [7], *ірдін*, *йырайа*, *йырыйа*, *йыр(ы)ғару*.

Примеры: *Бірійä табғач бодун йағы äрміс*, *йырыйа Баз ķаған тоķуз оғуз бодун йағы äрміс* (М а л о в, КТб, 2) 'Справа (т. е. с юга) народ табгач был [ему] врагом, слева (т. е. с севера) народ токуз-огузов [во главе] с Баз-каганом был [ему] врагом'; . . .*ķурығару Йінчÿ ÿг(ÿз) кäчä Тäмір ķапығķа тäгі сÿлäдім*, *йырғару Йір Байырķу йірің̧ä тäгі сÿлäдім* (М а л о в, КТм, 3—4) '. . .назад (т. е. на запад), перейдя Сырдарью, я ходил с войском вплоть до Темир-капыга (горный проход Бузгала, по дороге из Балха в Самарканд), налево до земли Йир-Байырку'; . . .*ilгäрÿ Кадыркан йышķа тäгі кірÿ Тäмір ķапығķа тäгі ķонтурмыс* (М а л о в, КТб, 2) '. . . впереди (т. е. на востоке), вплоть до Кадырканской черни, назад (т. е. на западе), вплоть до Темир-капыга они расселили [свой народ]'. (См. еще примеры: М а л о в, КТб, 17, 21, 23—24, 28.)

Слова, определяющие направление по четырем странам света, нередко сочетаются со словами: *йан* (*йäн*), *йаķ*, *йың̧аķ*, *сың̧ар*, *булуң̧* 'сторона', 'край', 'бок': . . .*бäрійäкі бодун*, *ķурыйаķы*, *йырйаķы*, *öң̧рäкі бодун кäлті* (М а л о в, Тон., 17) '. . . [к нам] пришел народ, [обитавший] с правой стороны (т. е. на юге), [пришли к нам] народы, [обитавшие] с задней стороны (т. е. на западе), с левой стороны (т. е. с севера), с передней стороны (т. е. с востока)'. (См. еще пример: М а л о в, Тон., 14 [8]).

Табғач бäрідäн йäн тäг! *Ķытаń öң̧дäн йäн тäг*! *Бäн йырданта йан тäгäйін* . . . *тірмäн* (М а л о в, Тон., 11—12) [9] 'Табгачи, нападайте с правой стороны (с юга)! Кидане, нападайте с передней стороны (с востока)! Я нападу с левой стороны (с севера) . . . говорю я'.

В этом примере исходный падеж используется в функции обстоятельственного (выделительного) определения: *бäрідäн йäн* 'сторона (от) правого бока'.

[7] Ср.: ДТС, стр. 211; *ir* 'солнечная сторона горы' (МК, I, 464); *ér* 'солнечная сторона' (Divanü Lûgat-it-Türk dizini, Ankara, 1972, стр. 42); *ertä* 'рано утром' (ДТС, стр. 182).

[8] О толковании значения этого примера см.: G. C l a u s o n, Some notes on the inscription of Toñuquq, — «Studia Turcica», Budapest, 1971, стр. 125—132; Ср.: G. H a z a i, Sur un passage de l'inscription de Tonyuquq, — «Turcica», t. II, Paris, 1970, стр. 25—31.

[9] Текин исходный падеж при этих словах транскрибирует с узким гласным: *-дін*, *-дÿн*, *-дын*.

Древнеуйгурский памятник: *Йімä қалты кÿн ортуда сыңар йіl турсар öтрÿ ол булғақларығ ірдін сыңар äliтір тäгірер*[10] 'Снова если подует ветер с [той] стороны, где солнце в зените, он унесет то волнение [моря] в сторону слева (т. е. на север)'.

Öңтÿн йыңақ кäдін йыңақ äкідін сыңар булаң . . . äтміш кäргäк (ДТС, стр. 121) 'С передней (восточной) стороны и с задней (западной) стороны, с обеих сторон, следует устроить айван'.

При определении стран света нередко линейное обозначение (вперед, назад, направо, налево) сопровождалось указанием на положение солнца:

. . . *ilгäрÿ кÿн тоғсық(қ)а, біргäрÿ кÿн ортусыңару, қурығару кÿн батсықыңа, йырығару тÿн ортусыңару, анта ічрäкі бодун коп м[аңа кöрÿр]* . . . (Малов, КТм, 2) '. . . впереди, где восходит солнце, справа, где солнце в зените, позади, где заходит солнце, слева, где ночь в зените, — обитающие там народы, все м[не подвластны]'.

. . . *öңрä кÿн тоғсықда Бöкli чöl(l)іг il*. . . (Малов, КТб, 4) '. . . впереди, где восходит солнце, народ Бёклийской степи. . .'; ср.: *ilгäрÿ кÿн тоғсықда Бöкli қағанқа тäгі сÿlä̈йÿ бірміс, қурығары Тäмір қапығқа тäгі сÿlä̈йÿ бірміс* (там же, 8) 'Вперед, где восходит солнце, они ходили с войском вплоть до Бёклийского кагана, назад (т. е. на запад) они ходили с войском вплоть до Темир-капыга'.

Из этих примеров следует, что *öңрä* и *ilгäрÿ* использовались как дублеты.

Двойное — линейно-солярное — обозначение стран света используется также в Онгинском памятнике:

Тÿрк бодун öңрä кÿн тоқсуқыңа кісрä кÿн батсықыңа тäгі бірійä табғачқа йырайа йыш[қа тäгі]. . . (стк. 2)[11] '[А затем] тюркский народ [рассеялся] вперед, вплоть до того [места], где восходит солнце, назад (т. е. на запад), вплоть до того [места], где заходит солнце, направо (т. е. на юг), [вплоть] до [земли] табгачей, налево (т. е. на север) до [Отюкенской] черни. . .'

Двойное — линейно-солярное — обозначение стран света можно, по-видимому, объяснить тем, что не все тюркские племена одинаково обозначали свое положение на местности (см. ниже).

В современных тюркских языках система древнетюркской ориентации в сторону восходящего солнца полностью сохранилась у якутов и тофаларов:

---

[10] A. v. Le Coq, Türkische Manichaica aus Chotscho, III.

[11] С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.—Л., 1959, стр. 8; Текин, 255.

Якуты:

ilін, *iliŋ* 1) 'перед', 'передний'; 2) 'восток' [12];
арға̄, *арға̄н*, *кäliн* 1) 'тыл', 'зад'; 2) 'запад' [13];
уŋа, *уŋа̄* 1) 'правый'; 2) 'южный' [14];
хаŋас, *хаға̄с* 1) 'левый'; 2) 'северный' [15].

У якутов, по-видимому пережиточно, сохраняются признаки определения стран света по вертикали (см. стр. 82): *соғору*, *соғорӯ*, *соŋору* (ср. тюрк. *йоқары* 'вверх') 'юг' [16], что, конечно, было связано с культом юга, с культом Полуденного солнца; ср. еще якутское: *ӱöса̄*, *ӱса̄* (тюрк. *ӱст*) 1) 'высота', 'глубь', 'вершина,' 'верховье'; 2) 'юг' [17]; *хоту* (ср. тюрк. *қоды*, *қойы* 'вниз'; бур. *хоiто* 'север', монг. *коiту* 'северный', — та сторона, где находится Северная Полярная звезда) 1) 'покатое положение'; 'север', 'полночь'; 'на север'; 'вниз', 'долу', 'по течению'; 2) у туруханских якутов: 'юг' [18]; *аллара̄* (*аллара̄н*) 'низ'; 'нижний мир'; 'нижний'; 'внизу'; 'под'; 'вниз по реке'; 'по течению'; 'н а с е в е р' (ср.: *хоту*) [19].

Обозначение у якутов севера словом «вниз», юга — словом «вверх» Е. И. Убрятова объясняет тем, что «эти слова, по-видимому, в древнеякутском языке употреблялись для обозначения понятий „вниз“ и „вверх“ по реке, что совпало с северным (вниз) и южным (вверх) положением Лены — самой большой реки в районе первоначального расселения якутов» [20].

У долган *аллараа* 1) 'низ', 'вниз', 'внизу', 2) 'север'; *үүһэ* 1) 'высота', 'вершина'; 2) 'юг' [21].

Тофалары:

ƀurunүarь 1) 'вперед'; 2) 'восток'
soŋүarь 1) 'назад'; 2) 'запад'

---

[12] Э. К. П е к а р с к и й, Словарь якутского языка, 924, 926.
[13] Там же, 142, 1021; ср. телеутское: *арқа јаны* 'запад' (Р а д л о в, Словарь, I, 285); уйгурское: *кäдiн*, *кiдiн* 1) 'зад'; 2) 'запад' (М а л о в, 394).
[14] Э. К. П е к а р с к и й, Словарь якутского языка, 3020. В «Якутско-русском словаре» (М., 1972) слово *унга* (стр. 436) приведено только в одном значении — «правый».
[15] Э. К. П е к а р с к и й, Словарь якутского языка, 3311.
[16] Там же, 2257, 2260.
[17] Там же, 3156—3157. В «Якутско-русском словаре» слово *үөһээ* (стр. 456) приведено только в значении «верхний».
[18] Э. К. П е к а р с к и й, Словарь якутского языка, 3534. См. еще: В. М. И о н о в, К вопросу об изучении дохристианских верований якутов, — СМАЭ, т. V, вып. 1, Пг., 1918, стр. 157.
[19] Э. К. П е к а р с к и й, Словарь якутского языка, 78. В «Якутско-русском словаре» дается только значение «нижний», «под».
[20] Е. И. У б р я т о в а, О языке долган, — сб. «Языки и фольклор народов Сибирского Севера», М.—Л., 1966, стр. 61.
[21] Там же.

оŋүаг 1) 'направо'; 2) 'юг'
ziŋүаг[22] 1) 'налево'; 2) 'север'[23].

Отголоски системы ориентации на юг можно усмотреть в тофаларском слове *arha* 'северный склон горы'[24]; у тувинцев *арга* 'горный лес'.

Чуваши сохранили одну из древнейших систем ориентации на местности — солярную систему, целиком связанную с положением солнца на небосклоне: восход, заход, полдень, полночь; солярная система для обозначения востока и запада, судя по современному чувашскому языку, дублировалась линейным обозначением: «передняя сторона», «задняя сторона»:

восток — 1) *хӗвелтухӑҫ, тухӑҫ* 'восход солнца'
2) *мал; мал ен* 'передняя сторона'
запад — 1) *хӗвеланӑҫ, анӑҫ* 'заход солнца'
2) *кай ен* 'задняя сторона'
юг — *кӑнтӑр енӗ* 'полуденная сторона'
север — *ҫурҫӗр енӗ* 'полночная сторона'

У семитических народов, в частности у древних евреев и арабов, обозначение стран света также было связано с культом Восходящего солнца, что видно из семантики терминов, обозначающих «юг» и «север»: др.-евр. *jāmin*, араб. *jaman* 1) 'правая сторона', 2) 'юг' (ср.: *al Jaman* 'правая сторона' > 'Йемен'); др.-евр. *śᵉmol*, араб. *ša'm, ša'mal, šam'al, šamāl* 1) 'левая сторона', 2) 'север' (ср.: *Šām* 'левая сторона' > 'Сирия'); словом *ǧanib* арабы обозначают «юг» (собственно 'ветер, дующий с правой стороны')[25].

Азербайджанский, турецкий и узбекский языки наряду с собственно тюркскими обозначениями для востока и запада сохраняют в своем словаре арабские термины:

восток — *шарг* (*машриг*)
запад — *гарб* (*магриб*)
юг — *джануб, дженуб*
север — *шимал, шимол* (узб.), *шамал, шымал* (кирг.)[26].

В диалектах азербайджанского языка, в современном турецком литературном языке (как инновация) юг обозначается словами *гуней* (азерб.), *güney* (тур.) < *гун, gün* 'солнце'; ср. узб.

---

[22] Заимствовано из бурятского языка: *ziŋ*.

[23] Н. П. Дыренкова, Тофаларский язык, — «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 12.

[24] В. И. Рассадин, Фонетика и лексика тофаларского языка, Улан-Удэ, 1971, стр. 72.

[25] K. Tallqvist, Himmelsgegenden und Winde. Eine semasiologische Studie, — «Studia Orientalia», Helsingforciae, 1928, II, стр. 125—126.

[26] В каракалпакском — *шамал*, туркменском — *шема:л*, узбекском — *шамол*, уйгурском — *шамал*, киргизском — *шамал* «ветер»; ср.: казах. *самал* «свежий приятный ветерок во время жары».

кунгай 'солнечный', 'обращенный к солнцу'; 'север' — словами *гузей* (азерб.), *kuzey* (тур.) < *гуз*, *güz* 'осень', *гуней*, *гузей* < *гун*, *гуз* + *-ей* < **кей* 'сторона'.

В узбекских диалектах север обозначается также словами: *ҳишлиҳ* 'зимняя сторона', *сўл ҳўл* 'левая рука', *Темир ҳозиҳ* 'Железный кол' > 'Северная Полярная звезда'; восток — *кун туғиш*, *кун чиҳиш* 'восход солнца'; запад — *кун ботиш* 'заход солнца'; юг — *кун томон* 'солнечная сторона' [27]; ср. еще восток — *кун чиҳар*; запад — *кун ботар* [28].

Почти во всех современных тюркских языках восток обозначается сложным словом «восход солнца», запад — «заход солнца» (см. сводную таблицу ниже, стр. 86).

Вторая позиция — лицом к полуденному солнцу, к тому месту, где солнце в зените, т. е. на юг, — вероятно, столь же древняя, как и позиция лицом к восходящему солнцу.

Культ Юга, культ Полуденного солнца, в противоположность культу Востока, культу Восходящего солнца, был свойствен многим народам Востока. «Обращение к югу при религиозных, и в частности погребальных, обрядах наблюдается, как известно, — писал В. В. Бартольд, — в Китае и в подчинившихся влиянию Китая культурных областях, например в Корее; отсюда естественно возникает предположение, что и в степи культ Востока был вытеснен культом Юга под влиянием китайской культуры. Из кочевых народов мы встречаем поклонение югу прежде всего у китаев, или, как их называли китайцы, киданей. . .» [29].

Поэтому весьма вероятно, как предполагал В. В. Бартольд, «культ Юга начал распространяться в Монголии в эпоху могущества киданей (X—XII вв.). При Чингиз-хане этот культ сделался официальным для всей степи, подчинившейся монголам, и в настоящее время едва ли не во всех местностях Средней Азии, входивших некогда в состав монгольской империи, юрты кочевников, как монголов, так и турков, обращены к югу» [30].

Однако из сказанного не следует делать того вывода, что культ Юга повсеместно, в тюркско-монгольском мире, вытеснил культ Востока. «В настоящее время, — писал В. В. Бартольд, — мы находим следы культа Востока как у турецких (=тюркских. — *А. К.*), так и у монгольских народностей, если они остались в стороне от политических и культурных движений, вызванных образованием монгольской империи» [31].

---

[27] Ҳ. Ҳ. Ҳасанов, Русча-ўзбекча ва ўзбекча-русча география терминлари, Тошкент, 1964, стр. 23.

[28] «Узбекско-русский словарь», М., 1959, стр. 223.

[29] В. В. Бартольд, К вопросу о погребальных обрядах. . ., стр. 392.

[30] Там же, стр. 392—393.

[31] Там же, стр. 393.

Это положение В. В. Бартольда подтверждается наличием в бурятских и монгольских диалектах следов ориентации на восходящее солнце, т. е. на восток [32]; то же наблюдается и в тунгусо-маньчжурских языках, в которых словом «вперед» обозначается то восток, то юг [33].

Ориентация на юг, как реальное проявление культа Юга, у тюркских народов, принявших ислам (VIII—IX вв.), была подкреплена традиционной мусульманской ориентацией на *киблу*.

Известно, что со времени прибытия Мухаммеда в Медину Ка'ба была объявлена *киблой*, т. е. той стороной, куда мусульмане должны обращаться во время молитвы [34]. Слово *кибла* означает «юг» и происходит от арабского глагола *кабила* 'идти к югу'; ср. татарск. *кыйбла як* 'южная сторона'.

Кибла — направление на Мекку как при молитве, так и при постройке мечети — изменялась в каждой мусульманской стране и соотносилась с географическими координатами Мекки и данного пункта [35].

В силу этого обстоятельства *кибла* у киргизов (*кыбыла*) и узбеков (*қибла*) означает «запад».

Наиболее полно — в части лексической терминологии — ориентация на юг сохранилась в тувинском языке:

юг — *мурнуу чук* 'передняя сторона'; *бурунгаар* 'вперед'
запад — *барыын чук* 'правая сторона'
восток — *чөөн чук* 'левая сторона'
север — *соңгу чук* 'задняя сторона'; *соңгаар* 'назад'.

Тувинская ориентация на юг была навеяна бурят-монгольской традицией:

юг — монг. *урд*, бур. *урда* 'передний'
запад — бур. *баруун* 'правый'
восток — бур. *зүүн* 'левый'
север — монг. *хойт*, бур. *хойто* 'задний'.

Фуюйские киргизы (КНР) под воздействием принятой у китайцев ориентации на юг также основным ориентиром избрали южную сторону:

---

[32] W. Kotwicz, Mongol terms of orientation, — RO, t. IV (1926), стр. 188—189; его же, Sur les modes d'orientation en Asie Centrale, — RO, t. V (1927), стр. 87—91; П. К. Козлов, Монголия и Кам, М., 1947, стр. 135.

[33] Г. М. Василевич, Некоторые термины ориентации в пространстве в тунгусо-маньчжурских и других алтайских языках, — сб. «Проблема общности алтайских языков», Л., 1971, стр. 223—226.

[34] Кирг. «*кыбыла* — кыбла, сторона Мекки (сторона, к которой мусульмане обращаются лицом во время молитвы, во время сна; так же кладут покойника в могилу)» (К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, М., 1965, стр. 475); ср. тур.: *kible* 1) 'сторона, куда обращаются во время намаза'; 2) 'южный ветер' (Türkçe Sözlük, Ankara, 1969, стр. 439).

[35] И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. IV. Арабская географическая литература, М.—Л., 1957, стр. 18.

юг — *илгер* 'вперед'
запад — *усансар*?
восток — *асансар*?
север — *гетер* 'назад' [36].

В составе слов *усансар*, *асансар* легко выделяется вторая часть *сар* < *сары* 'сторона'; что касается первых частей: *усан-*, *асан-*, то выяснить их происхождение пока не удалось.

У некоторых других тюркских народов культ Юга, получивший свое выражение в ориентации на полуденное солнце, терминологически сохраняется только для обозначения юга и его противоположной стороны — севера; так, например, у ногайцев «южная сторона небосклона», как отражение культа Юга, обозначалась словосочетанием *алды як* 'передняя сторона' или, реже, арабским словом *кубыла* < араб. *кибла*; северная сторона небосклона обозначается через *керуьв як* или *сырт як*, что одинаково значит «задняя сторона». Но «восток» и «запад» обозначаются словами «восход солнца» (*куьн тувар*) и «заход солнца» (*куьн батар*).

У каракалпаков, в туркменских диалектах и у узбеков южных районов УзССР [37] как напоминание о существовавшем когда-то культе Юга [38] для обозначения северной стороны небосклона используется слово *арқа* 'спина', 'зад' (у узбеков также и *арқа бет* 'тыльная сторона'). Корень этого слова *ар* (< **ару* ~ *ары*) в монгольском и бурятском (*ара*) языках имеет то же значение: 1) «зад», «спина»; 2) «север» [39]; *арқа* < *ар* + *-қа* < *қай* ~ *кей* 'сторона'.

В современном киргизском языке это слово в том же значении находим в словосочетании *арка кыргызы* или *аркалык* 'северные киргизы' [40]; слово *арка* в значении «север» известно в диалектах Северной Киргизии [41].

Для обозначения южной стороны небосклона каракалпаки, как и некоторые другие тюркские народы, используют слово *түслик*, корень которого *түш*, *түс*, *тус*, *дүш*, *төш*, *чүш* 'пол-

---

[36] Э. Р. Тенишев, О языке киргизов уезда Фуюй (КНР), — ВЯ, 1966, № 1, стр. 90—91.

[37] Қ. Хуррамов, Дунё томонлари англатувчи терминлар, — «Ўзбек тили ва адабиёти», Тошкент, 1973, № 3, стр. 72 (далее — К. Хуррамов, Термины стран света); А. Н. Кононов, Родословная туркмен, М.—Л., 1958, стр. 292.

[38] Каракалпаки ставили юрту дверью на юг (см.: С. М. Абрамзон, Киргизы, Л., 1971, стр. 116).

[39] «Монгольско-русский словарь», М., 1957, стр. 40; К. М. Черемисов, Бурят-монгольско-русский словарь, М., 1951, стр. 59.

[40] К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, М., 1965, стр. 67, 68.

[41] Ж. Мукамбаев, Кыргыз тилинин диалектологиялык сөздүгү, т. I, Фрунзе, 1972, стр. 116.

день', 'полуденная сторона' [42] известен многим тюркским языкам [43].

У казахов и киргизов слова *түстік*, *түштүк* 'полуденное время' приобрели номенклатурное значение «часть света», которое уточняется словом *сол* 'левый' для обозначения «северной стороны» (ориентация на Восток!): казах. *сол түстік*, кирг. *сол түштік*; словом *оң* 'правый' обозначается «южная сторона»: казах. *оң түстік*, кирг. *оң түштүк*.

Казахи для обозначения северной стороны небосклона используют также слова *терістік*, *терiскей* (< *теріс* < *терс* 'оборотная, обратная сторона' +*кей* 'сторона'; ср.: *арқа*), что является напоминанием об ориентации на полуденное солнце, на юг; ср. узб.: *терс* 1) 'обратный'; 2) 'север': *Деразамиз қуёшга терс* 'наше окно [выходит] на север' («Узбекско-русский словарь», М., 1959, стр. 426); *терскай* 'обращенный на север' (там же); кирг. *тескей* (< *терскей*) 'несолнечная, теневая сторона'; 'северный склон горы' (К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, стр. 729); у южных киргизов: *тескери шамал* 'восточный ветер' (там же).

В узбекских диалектах южных районов УзССР для обозначения северной стороны небосклона кроме слов *арқа*, *арқа бет* (см. выше) используются также слова *сая* 'тень', *саярўй бет* (*саяравбет*) 'теневая сторона', *Самарқанд бет* 'Самаркандская сторона', *кун тегмас* (*тиймас*) 'солнце не достает' (К. Хуррамов, Термины стран света, стр. 72); ср. тадж.: *офтобру* 'солнечная сторона', 'обращенный на юг'; *сояру* 'находящийся в тени'; 'обращенный на север' («Таджикско-русский словарь», М., 1954, стр. 291, 365).

Как отзвук ориентации лицом к восходящему солнцу в киргизском языке сохранилось слово *сол* 1) 'левый'; 2) 'северный' (К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, стр. 652).

Третья позиция — лицом к полуночной стороне небосклона.

Киргизы, подобно монголам, делились на два крыла — правое (*оң*) и левое (*сол*). Как пишет В. В. Бартольд, «левые занимали крайний запад (разрядка моя. — *А. К.*) территории киргизов, именно местность у Таласа. Из этого можно заключить, что киргизы при определении стран света становились лицом на север, а не на восток, как древние турки, и не на юг, как монголы» [44].

---

[42] Ср. рус.: полдень, полудень — 'юг, южный ветер'; полночь — 'север, норд, зимняя сторона' (Вл. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. III, М., 1955, стр. 250, 252).

[43] M. Räsänen, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen, Helsinki, 1969, стр. 507.

[44] В. В. Бартольд, Киргизы. Исторический очерк, — Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 533.

Существование такой позиции — лицом к полуночной стороне небосклона — подтверждается наличием в древнеуйгурском языке словосочетания *ködün jyŋaq* 'южная сторона', 'южное направление'; слово *ködün* С. Е. Малов (стр. 395) сопоставляет с турецким *götün* 'назад', 'позади'; следовательно, это слово («назад», «позади») могло обозначать «южное направление» только при обращении лицом на север.

Четвертая позиция — определение положения на местности по вертикальной линии: верх — низ.

Обозначение востока словом «верх», запада словом «низ» известно также монголам; по мнению П. Пельо, это обозначение связано с движением солнца, которое поднимается на востоке и опускается на западе [45].

У тюрков Золотой Орды было в ходу заимствованное у ираноязычных народов деление на шесть стран света: справа, слева, спереди, сзади, сверху, снизу [46].

Махмуд Кашгарский так описывает Китай: «Чин, в основе своей, состоит из трех частей: Первая — Верхний Чин (*Yukarı Çin*), который находится на Востоке, его называют Тавгач. Вторая — Средний Чин (*Orta Çin*), это — Хытай. Третья — Нижний Чин (*Aşağı Çin*), это в Кашгарии» [47].

Слово *yukarı* 'верхний' здесь используется для обозначения востока, слово *aşağı* 'нижний' — для запада, так как Нижний Чин, находящийся в Кашгарии, по отношению к Верхнему Чину оказывается на западе. На известной круглой карте мира, приложенной к «Дивану» Махмуда Кашгарского, восток — наверху, запад — внизу.

Этот способ ориентации на местности сохраняется в современном туркменском языке:

ёкары 'вверх' — 'восток'
аша:к 'вниз' — 'запад'
илери 'вперед' — 'юг'
гайра 'назад' — 'север' [48].

Корень слова *гайра* ~ *ķайра* (< *гай-/ķай-* + *-ра* — аффикс направительного падежа) сохранился в чувашском языке: *кай*

[45] P. Pelliot, Les mots à H initiale aujourd'hui amuie dans le Mongodes XIIIe et XIVe siècles, — JA, April — Juin 1925, стр. 232, 233—234.

[46] A. Zajączkowski, Sur quelques termes cosmographiques et éthniques dans le monument litteraire de la Horde d'Or, — AO Bud., t. XV, № 1—3, стр. 365.

[47] Divanü lûgat-it-Türk tercümesi. Çeviren B. Atalay, I. Ankara, 1939, стр. 453. См. еще: Х. Хасанов, Географическое наследие ученых Средней Азии. Автореф. докт. дисс., Ташкент, 1967, стр. 32; его же, Маҳмуд Кошғари, Тошкент, 1963, стр. 44.

[48] «Грамматика туркменского языка», I, Ашхабад, 1970, стр. 108. По «Туркменско-русскому словарю» (М., 1968): *гайра* 'северо-восток'; *гайра:к* 'на северо-восток' (стр. 142).

1) 'зад', 'задняя часть', 'задний'; 2) 'западный'; *кайра* 'назади', 'позади' [49]; ср. еще: *ӄай-* 'обратиться назад' (Р а д л о в, Словарь, II, 4); в таком случае слово *ӄайра* можно рассматривать как деепричастие на *-а* от понудительного залога глагольной основы *ӄай-* : *ӄай-ыр* + *-а* > *ӄайра*.

Этот способ ориентации соединил в себе две идеи: восток и запад определяются по вертикали (вверх — вниз), юг и север — путем обращения к полуденной стороне небосклона (вперед — назад).

У сарыг-югуров (желтых уйгуров), саларов и хакасов: верх — юг, низ — север, перед — восток, зад — запад [50].

Язык сарыг-югуров (желтых уйгуров):

п о С. Е. М а л о в у [51]:

север — *ӄужаӄ* (< *ӄузы* // *ӄузу* 'низ' + *йаӄ* // *жаӄ* 'сторона')
юг — *йуры* // *йураӄ* // *йораӄ* (< *йуры* // *йорыр* // *йоры* 'верх' + *йаӄ* 'сторона')
восток — *ӱндӱн* // *ундун* (< *ӱн* // *ун* 'перед' + кит. *туӈ* 'восток')
запад — *арт*, *арджаӄ* (< *арт* 'зад' + *жаӄ* 'сторона')

п о Э. Р. Т е н и ш е в у:

север — *qozaq* (< *qozy* 'низ' + *jaq* 'сторона')
юг — *jiraq* // *juraq* (< *jory* 'верх' + *jaq* 'сторона')
восток — *indaq* (< *öndön* // *öndün* < *ön* 'перед' + кит. *tuŋ* 'восток')
запад — *yrzaq* (< *art* 'зад' + *jaq* 'сторона').

Саларский язык:

север — *eĭše*, *eiʃa*, *enʃa*, *enʃe*;
eŋši, *ěše* 'низ'; кит. *cü*
юг — *örä*, *ore*, *ori*, *ory*; *öre*, *ör'*, *üri* 'верх'
восток — *iʃci* (< **üst-i* 'верх'); *kunčiqqan* 'восход солнца'
запад — *kunpatqan* 'заход солнца'.

Хакасский язык:

север — *алтынзарых* 'нижняя сторона'
юг — *ӱстӱнзарых* 'верхняя сторона'

---

[49] В. Г. Е г о р о в, Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары, 1964, стр. 84—85.

[50] Приведенными ниже сведениями из сарыг-югурского и саларского языков я обязан любезности Э. Р. Тенишева.

[51] С. Е. М а л о в, Язык желтых уйгуров, Алма-Ата, 1957 (Словарь, см. по алфавиту).

восток — *іскер* 'вперед' [52] (у кызыльцев — *ілгер* 'вперед')
запад — *кидер* 'назад' [53]; *кидеркізі*.

Хакасы ориентируются на местности также и по солнцу:

север — *кӱн тоғыр сары* ('сторона против солнца')
юг — *кӱн орты сары*
восток — *кӱн сығыжы сары*
запад — *кӱн кірізі сары*.

У хакасов, по-видимому пережиточно, сохраняется обозначение западной стороны небосклона словом *чоғар* (ср.: *йоқары*) 1) 'вверх', 2) 'запад' [54]; таким образом, словами «верхняя сторона», «вверх» (если это не ошибка составителей словаря!) обозначается у хакасов юг и запад, что, по всей вероятности, следует объяснить различием диалектального или хронологического порядка.

В узбекских диалектах южных областей Узбекистана восток обозначается словами: *юқори*, *юқори бет*, *юқори томон*, т. е. 'вверх', 'верхняя сторона', 'верхнее направление', а также словами *тоғ* (*тов*), *тоғ* (*тов*) *томон* ~ *бет*, т. е. 'гора', 'по направлению к горе', 'горная сторона'. По мнению К. Хуррамова (Термины стран света, стр. 70), обозначение востока словами «вверх», «верхняя сторона» связано с тем, что в этих районах реки текут с востока на запад. В древнеуйгурских памятниках *тағ* 'гора' — 'север' (см. стр. 85).

В Сурхандарьинской и Кашкадарьинской областях УзССР запад обозначается словами *этак* 'подол', 'пола', *қуйи* 'низ'; юг — словами *манглай*, *манглай бет* 'лоб', 'лобовая (передняя) сторона' (К. Хуррамов, Термины стран света, стр. 71—72).

Следовательно, при обозначении стран света по вертикали исходной может быть позиция лицом: 1) на восток: верх — восток, низ — запад; 2) на юг: верх — юг, низ — север.

Таким образом, с полной очевидностью обнаруживается, что вертикальный способ ориентации на местности связан с культом Восходящего солнца (верх — восток), с одной стороны, и с культом Полуденного солнца (верх — юг) — с другой; хакасское *чоғар* 'верх' — 'запад' является изолированным примером, требующим дополнительных изысканий.

* * *

В ряде тюркских (и не только тюркских) языков северная сторона небосклона ассоциируется с понятием темноты и обозна-

[52] Ср. ойротское: *ичкери* 'вперед', см.: «Ойротско-русский словарь», М., 1947, стр. 65.
[53] «Хакасско-русский словарь», М., 1953, стр. 24, 73, 257.
[54] Там же, стр. 319.

чается словом *тӱн*, *төн* 'ночь'; южная сторона небосклона узнается по солнцу в зените и обозначается словом *тӱш* 'полдень' (см. стр. 80) или словом *кӱн*, *гӱн*, *көн* 'солнце' + слово *яҟ* 'сторона':

Язык	Север	Юг
Алтайский	*тӱндӱк*	*тӱштӱк*
Башкирский	*төньяк*	*көньяк*
Киргизский	*түндүк*	*түштүк*
Татарский	*төньяк*	*көньяк*

Кумыки и туркмены для обозначения северной стороны горизонта используют словосочетание *темиркъазыкъ* (кумык.), *демиргазыҟ* (туркм.) [55], которое в ряде тюркских языков (в турецком, татарском, киргизском, узбекском, древнетюркском и др.) имеет значение «Полярная звезда».

Современное туркменское словосочетание для обозначения южной — солнечной — стороны: *гүнорта* 'юг' ('полдень') находит параллель в древнетюркском *kün ortu* 1) 'полдень'; 2) 'юг' (ДТС, стр. 326); ср.: *tün ortu* 1) 'полночь'; 2) 'север' (ДТС, стр. 597).

Слово *таҕ* 'гора' в древнеуйгурских текстах используется в значении «север»: *taγdïn sïŋar jüzlänip* 'повернувшись в сторону севера (букв. в направлении гор)' [56]; *öndün* 'спереди' — 'восток', *kidin* 'сзади' — 'запад', *küntün* 'с солнечной (стороны)' — 'юг'.

Из обстоятельной работы доцента Софийского университета Е. П. Боева известно, что в тюркских говорах Болгарии восток обозначается словами: *gündudu*, *gündusu*, *dowu*, *duu*, запад — словами *günbatısı*, *batı*. Южная сторона чаще обозначается словом *kıble*. Наибольшее разнообразие наблюдается в названии северной стороны: *kış tarafı* 'зимняя сторона', *Tuna tarafı* 'Дунайская сторона', *Romanya tarafı* 'Румынская сторона' [57].

Обозначение стран света в современных тюркских языках можно представить в виде сводной таблицы (табл. 1).

В древнетюркских памятниках страны света обозначаются следующим образом (табл. 2).

---

[55] Ср.: узб. диал. *Темир ҟозиҟ*; тув. *Алтын кадыс* ('золотой кол') 'Полярная звезда' (Л. П. Потапов, Очерки народного быта тувинцев, М., 1969, стр. 292); монг. *Алтан гадас* 'Полярная звезда'; уйг. *Алтун ҟезиҟ* 'Полярная звезда'; др.-тюрк. *Altun qazuq* (ДТС, стр. 40) 'Полярная звезда'.

[56] ДТС, стр. 504; см. еще: Л. Будагов, Словарь, I, 726; A. v. Gabain, Alttürkische Grammatik, Leipzig, 1950, стр. 337.

[57] Е. П. Боев, Изследвания и материали по татарска диалектология в България, I, София, 1971, стр. 132—133.

Таблица 1

Язык	Восток	Запад	Север	Юг
Азербайджанский	*шәрг; күн чыхан*	*гәрб; күн батан*	*шимал*	*дженуб*
Алтайский	*кӱн чыгыш*	*кӱн бадыш*	*тӱндӱк*	*тӱштӱк*
Башкирский	*көнсыгыш*	*көнбатыш*	*төнъяк*	*көнъяк*
Казахский	*күн шығыс*	*күн батыс*	*солтүстік; теріс, теріскей, терскей*	*оңтүстік*
Каракалпакский	*күн шығыс; күн шығар*	*күн батыс; күн батар*	*арҡа*	*түслик; ҡубла*
Карачаево-балкарский	*кюн чыкъкъан джаны*	*кюн батхан джаны*	*шимал*	*къыбыла*
Киргизский	*күн чыгыш*	*күн батыш; кыбыла*	*түндүк; түн жак; сол*	*түштүк; күн жак; күн жүрүш; күн жүрүш жагы*
Ногайский	*куьн тувар*	*куьн батар*	*сырт як; керуьв як*	*алды як; кубла*
Саларский	*ісчі; күн чіккан*	*күн паткан*	*ейше; ейса; енса; енсе*	*öрä, ора, ори, оры, öрä, öр, ӱрі*
Сарыг-югурский	*ӱндӱн; ундуң; индак*	*арт, арджаҡ; ыржаҡ*	*ҡужаҡ; ҡожаҡ*	*йуры; йураҡ; йораҡ; йыраҡ; йураҡ*
Татарский	*көн чыгыш*	*көн батыш*	*төньяк*	*көньяк*
Телеутский *	*кӱн чыкыжы (чыккыжы); кӱн öскöзі*	*кӱн падыжы*	*тӱн јаны*	*тӱш јаны; кӱн тӱштӱгі*
Тофаларский	*бурунгары*	*сэңгары*	*зуңгары*	*оңгары*
Тувинский	*чөөн чүк*	*барыын чүк*	*соңгу чүк; соңгаар*	*мурнуу чүк; бурунгаар*

* «Грамматика алтайского языка», Казань, 1869 (Русско-алтайский словарь).

Таблица 1 (*продолжение*)

Язык	Восток	Запад	Север	Юг
Турецкий	*шарқ; доғу*	*ғарб; баты*	*шимал; қузей*	*дженуб; гӱней*
Туркменский	*гүн догар; ёкары*	*гүн батар; аша:к*	*демир газык; гайра арқа*	*гүн орта; илери*
Тюркский в Болгарии	*гӱндӱси; дову; дуу*	*гӱн батысы; баты*	*қыш тарафы; Туна тарафы; Романйа тарафы*	*қыбле*
Узбекский	*шарқ; кун чиқар; кун туғиш; юқори (бет, томон) тоғ (тов) бет～томон*	*ғарб; кун ботар; кун ботиш; қибла; этак, қуйи*	*шимол; қишлиқ; сул қўл; Темир Козық; терскай, арқа (бет); сая; саярўй; кун тегмас; Самарқанд бет*	*жануб; кун томон; кунгай; кунгей; кун тегар; манглай (бет); офтобрўй*
Уйгурский	*шәрқ; күн чиқиш*	*гәрб; күн патиш*	*шимал*	*жәнуб*
Фуюйские киргизы	*асансар*	*усансар*	*гетер*	*илгер*
Хакасский	*іскер*	*кидер (кізі); чоғар*	*шимал; алтынсарых*	*устінсарых*
Чувашский	*хӗвелтухăҫ; тухăҫ*	*хӗвеланăҫ; анăҫ; кай енӗ*	*ҫурҫӗр (енӗ)*	*кăнтăр (енӗ)*
Шорский	*кӱн сағыжы чаны*	*кӱн кіріжі чаны*	*кӱн тоғыр чаны*	*кӱн орты чаны*
Якутский	*ilін, ilің*	*арғā; арғāн; кäliн*	*хаңас; хағас; хоту; алларaa* (у долган)	*уңа; уңā; соғору, соғорӯ; соңору; ӱöсā, ӱсā; хоту* (туруханск.); *аллара, алларан; үүhэ* (у долган)

Таблица 2

Памятники	Восток	Запад	Север	Юг
Рунические	*ilгäрÿ; öңрä; öңдiн*	*кiрÿ, кiсрä; кäсрä; кiдiрmi; ḳурыйа; ḳуруйа; ḳурыгару*	*йiр; iр; iрдiн; йыр; йырайа; йырыйа; йыр(ы)гару*	*бiр; быр; бiрiйä; бäрiйä; бäрiдäн; biр-(i)гäрÿ* *
Древнеуйгурские	*kün toγsuγ(g); kün toγuš; öŋdün, kün toγušu; öngdürti, öngre; soltun; tang*	*kün batïsï; kün batsïγ(q), kün batuš; kedin, kidin* **, *kidirti*	*taγdïn (sïŋar); tün ortu; kidin; tün sarï*	*ködün jyŋaq; kün ortu; küntün; kündin*
«Кутадгу билиг»	*toγar* ***	*batar* ****		
«Тефсир»	*кÿн тогар*	*кÿн батар* *****		

* О различных формах этих слов и примеры на их употребление в рунических и древнеуйгурских памятниках см.: R. R. Arat, Türkçe'de cihet mefhumu. См. еще: Е. П. Боев, Исследвания. . ., стр. 124—134.

** ДТС, стр. 293 и 306.

*** ДТС, стр. 571.

**** ДТС, стр. 89.

***** А. К. Боровков, Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв., М., 1963, стр. 305,

Из древнеуйгурских памятников известно, что уйгуры различали деление стран света на четыре, восемь и десять сторон [58].

Деление на восемь сторон:

kidin-kündin bulung 'юго-западная сторона'
kidin-taǧdïn bulung 'северо-западная сторона'
öngdün-küntün bulung 'юго-восточная сторона'
öngdün-taǧdïn bulung [59] 'северо-восточная сторона'

При делении на десять сторон принимались во внимание: четыре основные стороны+четыре полустороны (например, северо-восток)+низ+верх [60].

В современных тюркских языках известно деление на восемь сторон; см., например, в татарском языке:

северо-восток — *төньяк-көн чыгыш*
северо-запад — *төньяк-көн батыш*
юго-восток — *көньяк-көн чыгыш*
юго-запад — *көньяк-көн батыш.*

* * *

Итак, у тюркских народов в настоящее время, как и в историческом прошлом, сохраняются (с различной степенью полноты и точности) четыре способа обозначения стран света. Ориентация на восходящее солнце, на восток, была связана с культом Восходящего солнца; ориентация на полуденное солнце, на юг, — с культом Юга, с культом Полуденного солнца; оба эти способа ориентации известны многим народам в разных краях земного шара. Ориентация на полуночную сторону небосклона, бытующая преимущественно у северных народов, определялась Полярной звездой, единственным ориентиром на фоне темного, северного неба. Определение стран света по вертикали: верх — низ, связано с восходящим и заходящим солнцем, т. е. представляет собой разновидность первого способа — ориентацию на восходящее солнце или на полуденное солнце.

Сложная картина определения стран света у современных тюркских народов (см. табл. 1) связана с историей формирования этих народов, вбиравших на разных этапах своего сложения разные племенные образования, которые имели различные, привычные для них способы ориентации на местности.

Многообразие применявшихся и применяющихся тюркскими народами способов и связанных с ними терминов для обозначения стран света является еще одним напоминанием о сложном и долгом пути, пройденном тюркскими народами в их культурном развитии.

---

[58] R. R. Arat, Türkçe'de cihet mefhumu, стр. 3.
[59] Там же, стр. 16—17.
[60] Там же, стр. 3.

Д. М. Насилов

ОБ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ

(К истории проблемы)

В настоящее время накопленный отечественной тюркологией материал позволяет перейти к созданию сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, что, естественно, будет стимулировать дальнейшее углубленное изучение отдельных языков и в целом способствовать общему прогрессу нашей тюркологической науки [1]. Именно эта задача поставила перед тюркологией и новые проблемы как в особой организации языковых фактов, так и в методике их использования. Одной из таких дискуссионных проблем является вопрос о возможности и целесообразности привлечения при тюркских реконструкциях данных других алтайских языков, а также степени «зависимости тюркской и общеалтайской сравнительно-исторических грамматик» [2]. Здесь намечаются в общем два противоположных подхода. Мнение ряда тюркологов отчетливо выразил в следующих словах А. Н. Кононов: «. . . единственный путь, с помощью которого можно рассчитывать на успешное решение основной проблемы — создание сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, — есть путь, выводящий исследователя за пределы тюркской языковой семьи. Только на основе материалов „алтайских" языков. . . возможно приблизительно реконструировать фонетический и морфологический строй каждого из членов этой большой семьи» [3].

---

[1] См.: «Тюркское языкознание в СССР за пятьдесят лет», — СТ, 1972 № 6, стр. 15—16.

[2] Там же, стр. 16.

[3] А. Н. Кононов, Тюркская филология в СССР. 1917—1967, М., 1968, стр. 22; ср. также: Э. Р. Тенишев, К понятию «общетюркское состояние», — СТ, 1971, № 2, стр. 14—15; Э. А. Макаев, Вопросы построения сравнительной грамматики тюркских языков, — там же, стр. 23—25; М. З. Закиев, Некоторые вопросы формирования сложноподчиненных предложений, — там же, 1972, № 2, стр. 23—31; Н. З. Гаджиева, Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков, М., 1973, стр. 32—58; Н. А. Баскаков, Ареальная консолидация древнейших на-

С другой стороны, утверждается, что «на вопрос о возможности использования монгольских и тунгусо-маньчжурских материалов при реконструкции тюркских праформ необходимо ответить отрицательно» [4].

Решение этого спорного вопроса зависит во многом от достижений современной алтаистики, определяющихся возможностью предоставить тюркологам (resp. монголистам и т. д.) определенное количество апробированных алтайских реконструкций всех языковых ярусов. Сейчас объем и глубина алтаистических исследований и в нашей стране, и за рубежом год от года возрастают. В связи с этим, видимо, назрела необходимость оглянуться на историю алтаистики, рассмотреть ее становление, а также формирование и развитие некоторых основных алтаистических идей. Представляется, что обращение к истории будет интересным не только для ученых-алтаистов, но и для широкого круга тюркологов, поскольку обобщающих описаний на русском языке явно недостаточно (зарубежные работы часто малодоступны, кроме того, исторические разделы представлены в них обычно эскизно) [5]; к тому же многие ранние алтаистические труды стали ныне библиографической редкостью. Имеющиеся исследования по истории изучения отдельных групп алтайских языков не могут полностью компенсировать этот пробел [6].

Алтаистика является самостоятельной отраслью общего сравнительно-исторического языкознания. Ее особенность состоит в том, что ей приходится оперировать значительным числом языков (более пятидесяти), объединяемых в три группы близкородственных между собой языков (тюркская, монгольская и тунгусо-мань-

---

речий и генетическое родство алтайских языков, — «Проблемы общности алтайских языков», Л., 1971, стр. 315—321; С. К. Кенесбаев, К вопросу о тюркско-монгольской языковой общности, — там же, стр. 322—330; Э. В. Севортян, К источникам и методам пратюркских реконструкций, — ВЯ, 1973, № 2, стр. 35—45; А. П. Дульзон, Происхождение падежных аффиксов алтайских языков, — там же, 1973, № 1, стр. 50—63, и др.

[4] А. М. Щербак, Сравнительная фонетика тюркских языков, Л., 1970, стр. 12; ср.: Г. Дёрфер, Можно ли проблему родства алтайских языков разрешить с позиций индоевропеистики?, — ВЯ, 1972, № 3, стр. 50—66.

[5] См.: Дж. Г. Киекбаев, Введение в урало-алтайское языкознание, Уфа, 1972; Н. А. Баскаков, Предисловие, — Г. И. Рамстедт, Введение в алтайское языкознание, М., 1957, стр. 5—20; его же, Предисловие, — В. Котвич, Исследование по алтайским языкам, М., 1962, стр. 5—17; ср. также: J. Benzing, Einführung in das Studium der altaischen Philologie und der Turkologie, Wiesbaden, 1953; N. Poppe, Introduction to Altaic Linguistics, Wiesbaden, 1965; D. Sinor, Introduction à l'étude de l'Eurasie Centrale, Wiesbaden, 1963.

[6] См.: А. Н. Кононов, История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период, Л., 1972; Н. А. Баскаков, Введение в изучение тюркских языков, М., 1969; В. А. Горцевская, Очерк истории изучения тунгусо-маньчжурских языков, Л., 1959; K. H. Menges, The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies, Wiesbaden, 1968.

чжурская), иногда сюда присоединяют корейский и японский языки. Поскольку подавляющее число народностей, говорящих на алтайских языках, проживает в пределах нашей страны, исключительно важен вклад отечественных ученых, занимающихся изучением этих языков. Особенно большие успехи достигнуты в советское время, после Великой Октябрьской социалистической революции. Труды отечественных ученых, а также и зарубежных востоковедов послужили основой для успешного развития алтаистических исследований. Совершенно очевидно, что успехи алтаистики зависят от объема имеющегося по каждому алтайскому языку материала и от степени его изученности. Поэтому при обращении к истории алтаистики приходится говорить также и о путях накопления и последовательного введения в научный оборот фактического материала, его объеме и добротности, так как очевидно, что его ограниченность отрицательно сказывалась на общем уровне алтаистики, особенно на начальных этапах ее развития.

С другой стороны, развитие алтаистики неразрывно связано с развитием всей языковедческой науки, и в первую очередь с успехами сравнительно-исторического языкознания, ставшего основой подлинно исторического изучения языков, проникновения в их далекое прошлое и научного доказательства их родственных связей на основе конкретной методики. Осознанное применение методов сравнительно-исторического языкознания к алтайскому материалу поставило перед алтаистами задачу обоснования правомерности объединения тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских (и других) языков в алтайскую семью. Именно с этого момента и можно говорить о возникновении с о в р е м е н н о й алтаистики как отрасли сравнительно-исторического языкознания. Принимая во внимание сказанное выше, следует считать, что до первой четверти XIX в., т. е. до распространения сравнительно-исторического метода в языкознании, алтаистики как науки собственно и не существовало. Поэтому имевшие место в XVII и XVIII вв. замечания отдельных ученых о связях между алтайскими языками можно расценивать как «донаучные» построения. Однако смотреть на большинство работ того времени лишь как на предмет исторического интереса, а значит, и не касаться всего этого в историческом обзоре, начав его непосредственно с XIX в., представляется не совсем правильным, ибо в этот период накапливались факты, закладывался фундамент, на котором оказалось возможным строить алтаистические исследования в XIX в. Кроме того, сами идеи XVIII в. о связи языков представляют несомненный исторический интерес. Но, с другой стороны, с ними связаны некоторые, как нам кажется, заблуждения в освещении истории алтаистики. Таким образом, указанные причины дают повод в общих чертах затронуть и самый ранний

этап изучения алтайских языков, чему и посвящается настоящая статья.

Интерес к алтайским языкам зародился очень давно. Правда, на первых порах он определялся преимущественно практическими целями, и прежде всего необходимостью общения с носителями этих языков. Затем пробуждаются и чисто научные интересы, особенно после открытия письменных памятников отдельных алтайских языков. В XVII в. появляются первые печатные грамматические описания на европейских языках — грамматики турецкого (1612, И. Мегизер), монгольского (1672, М. Тевено) и маньчжурского (после 1680 г., П. Верби — М. Тевено) языков, с которыми прежде всего столкнулись в Европе при установлении контактов с Востоком. С XVII в. начинается знакомство и с другими алтайскими языками: калмыцким, тунгусскими, якутским, чувашским и пр., хотя отдельные сведения об этих языках и их носителях проникали в литературу и ранее [7].

Одним из первых опубликовал сведения о якутском, татарском, эвенском, эвенкийском, бурятском, калмыцком, а также и некоторых финно-угорских и палеоазиатских языках России голландец Николас Витсен (1641—1717) в своем труде «Северная и Восточная Тартария» [8]. Записи отдельных слов, небольшие словарики, переводы молитв (обычно «Отче наш») были собраны Н. Витсеном за время пребывания в Москве (он жил там около года — в 1664—1665 гг. — как член голландского посольства [9]), а также получены позднее уже в Голландии от русских корреспондентов [10]. Значение книги Н. Витсена состоит в том, что она познакомила ученый мир с новыми народностями и языками, а также показала важность и необходимость собирания нового материала по многочисленным языкам народностей Севера и Востока.

Активнейшим пропагандистом подобной задачи явился крупнейший немецкий ученый-философ того времени Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716) [11]. Видный математик, физик,

---

[7] См.: М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарий. XIII—XVII вв., изд. 2, Иркутск, 1941.

[8] N. Witsen, Noord en Oost Tartarye. . ., Amsterdam, 1692 (изд. 2 — 1705; изд. 3 — 1785).

[9] См.: С. Е. Фель, Критика некоторых источников по истории русской геодезии и картографии, — «Труды Ин-та истории естествознания и техники. История геолого-географических наук», М., 1962, т. 42, вып. 3, стр. 174.

[10] См.: А. Н. Кононов, История изучения. . ., стр. 23; И. С. Вдовин, История изучения палеоазиатских языков, М.—Л., 1954, стр. 11—13; В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, Л., 1925, стр. 192.

[11] И. Б. Погребысский, Готфрид Вильгельм Лейбниц. 1646—1716, М., 1971, стр. 178.

психолог, историк, юрист, дипломат, Лейбниц внес свой заметный вклад и в языкознание [12]. Резко выступив против весьма популярной в то время теории моногенетического происхождения всех языков из древнееврейского, Лейбниц, естественно, осознал необходимость выяснения родственных отношений между языками на основе серьезных этимологических разысканий по многим языкам; с другой стороны, его наивные диалектические догадки вели к пониманию важности изучения истории языков и связи истории языков с историей народов, отсюда и его убежденность в том, что с помощью языка можно познать и историю народа [13]. «И так как языки вообще являются самыми древними памятниками народов, возникшими до письменности и искусств, то они лучше всего свидетельствуют об их происхождении, родстве и переселениях. Вот почему правильно понятые этимологии были бы крайне интересны и важны, надо только сопоставлять языки нескольких народов и не делать слишком больших скачков от одного народа к другому, очень отдаленному, не имея для этого надлежащих оснований. . . Я желал бы, чтобы ученые поработали также над уэльским, бискайским, славянским, финским, турецким, персидским, армянским, грузинским и другими языками, чтобы лучше установить гармонию между ними, которая, как я только что сказал, окажется особенно полезной при объяснении происхождения народов» [14]. Лейбниц был убежден, что «со временем будут записаны все языки вселенной и составлены будут словари их и грамматики и будет произведено сравнение всех языков. . .» [15].

Лейбниц познакомился с трудом «Северная и Восточная Тартария» и вел переписку с его автором около двадцати лет, стремясь пополнить свои знания о северных языках как от самого Витсена, так и через его русских корреспондентов. Он настоятельно добивался получения «образчиков всех языков, употребляющихся в России». После 1712 г., когда Лейбниц был зачислен на русскую службу, он постоянно обращается к русскому правительству, к самому Петру I, его сподвижникам с рекомендациями собрать сведения по этим языкам [16]. По его мнению, лучше всего было для

[12] В. Томсен, История языковедения до конца XIX века (Краткий обзор основных моментов), М., 1938, стр. 44—45.

[13] См.: М. В. Мачавариани, Воззрения Локка и Лейбница о языке. Автореф. канд. дисс., Тбилиси, 1958; Г. Г. Майоров, Гносеология Готфрида В. Лейбница. Автореф. канд. дисс., М., 1969; Вл. Герье, Лейбниц и его век, СПб., 1868.

[14] Г. В. Лейбниц, Новые опыты о человеческом разуме, М.—Л., 1936, стр. 248—249.

[15] Там же, стр. 296.

[16] См.: Вл. Герье, Лейбниц и его век, т. II (Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке), СПб., 1871; С. К. Булич, Очерк истории языкознания в России, т. I (XIII в. — 1825), СПб., 1904.

этой цели получать подстрочные переводы на разные языки одинакового текста, а также составлять «списки обыкновенных, самых употребительных слов». В качестве такого текста-теста Лейбниц предложил использовать молитву «Отче наш» (ведь по идее Лейбница нужно было еще и нести «свет религии темным народам»!).

Не объясняется ли огромным влиянием авторитета Лейбница то, что популярные в XVIII в. «Словари всех языков и наречий» составлялись преимущественно по переводам «Отче наш» и небольшим спискам слов! Это имело и свои отрицательные последствия, так как ограничивало собираемые материалы.

Несмотря на скудные сведения, Лейбниц неплохо для своего времени ориентировался в «туземных» языках России, пытаясь их классифицировать. «Я до сих пор знаю в Скифии только 3 очень распространенных языка: 1) сарматский, на котором говорят русские, словаки, поляки, богемцы; 2) татарский, на котором говорят турки, калмыки, монголы; 3) финский употребляется лапонцами, финляндцами, венгерцами. . . Я не знаю, куда отнести. . . язык самоедов, сибиряков, мордвы, черкесов и черемисов. . .» (из письма к Убриху, 1708 г.) [17]. Хотя эти его попытки объединения языков, в том числе и алтайских, были неточны (опять-таки из-за скудости сведений), они строились Лейбницем на совершенно реальной основе языковых сопоставлений, что было огромным шагом вперед для лингвистики того времени [18].

Таким образом, Лейбниц своей деятельностью возбудил интерес к языкам многонациональной России. «Он положил начало традиции „признания“ России великими культурными деятелями западноевропейского мира» [19]. Своими лингвистическими занятиями он многое сделал для утверждения взгляда о возможности через язык прояснить историю народа. Уже в начале XIX в. Ф. Аделунг отметил, что «мысль о соединении всех языков земного шара в одно целое, дабы пояснить из того происхождение, связь и переселения народов, столь обыкновенна, что уже с давнего

---

[17] См.: Вл. Герье, Лейбниц и его век, т. II, стр. 71. Лейбниц одним из первых познакомился с известным тюркским памятником Codex Cumanicus, который он верно определил как «образчик языка куман», относящегося к «татарским», и использовал в своей работе (см. там же, стр. 7); ср.: K. Grönbech, Kumanische Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus, København, 1942.

[18] См.: G. Lefmann, Zur Geschichte der Sprachwissenschaft der neuern Zeit, — ZfVps, 1871, Bd VII, 4, стр. 358—364; G. v. d. Gabelentz, Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse, Leipzig, 1891, стр. 27; L. Richter, Leibniz und sein Russlandbild, Berlin, 1946, стр. 75—87.

[19] И. Чучмарев, Г.-В. Лейбниц и русская культура. Из истории международных научных и культурных связей, М., 1968, стр. 42.

времени занимала ученых всех стран»[20]. Лейбниц своими многочисленными «коррешпонденциями» (письмами) фактически определил программу собирания лингвистического материала у малых народностей России. Осуществлению его устремлений способствовал тот процесс освоения Севера и Востока России, который интенсивно происходил в петровское время. «Петр I еще в начале своего царствования отчетливо сознавал, что будущее России в силу ее географического положения неразрывно связано с Востоком и что изучение Востока и его языков является одной из первоочередных задач, возникших перед Россией»[21].

С этого времени становится правилом поручать собирать языковой материал разнообразным экспедициям по России, а также и должностным лицам на местах. Среди первых таких экспедиций следует назвать многолетнее путешествие по Сибири немецкого ученого Даниила Готлиба Мессершмидта (1685—1735), предпринятое им в 1720—1727 гг. по поручению Петра I[22]. Хотя Мессершмидт отправлялся в поездку исключительно для изучения «царства животного, растительного или минерального», он значительно расширил свои научные занятия и в результате доставил в Петербург ценнейшие обширные материалы не только по зоологии и ботанике, но и по минералогии, медицине, географии и картографии, археологии, этнографии, истории и языкознанию. Не приходится удивляться столь многогранной и плодотворной деятельности ученого-путешественника: Мессершмидт получил хорошее для того времени естественнонаучное образование в университетах Йены и Галле. Он с детства увлекался изучением классических языков, а царившая тогда в Галле атмосфера интереса к Востоку и восточным языкам, видимо, повлияла и на Мессершмидта[23].

В его экспедиционных материалах содержатся записи по алтайским языкам: якутскому, чулымскому, барабинскому, калмыцкому, бурятскому, монгольскому, эвенскому, эвенкийскому; уральским языкам и палеоазиатским. Ныне эти записи представляют собой незаменимый, а часто и единственный источник

[20] «Извлечения из сочинения. . . „Ф. Аделунг. Заслуги Екатерины Великой в сравнительном языкознании“», — «Соревнователь просвещения и благотворения», СПб., 1818, ч. 1, № 2, стр. 273—274.

[21] А. Н. Кононов, История изучения. . ., стр. 25.

[22] См.: М. Г. Новлянская, Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири, Л., 1970; D. G. Messerschmidt, Forschungsreise durch Sibirien. 1720—1727. Hrsg. von E. Winter und andere, — «Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas», Bd VIII, T. 1—5, Berlin, 1962—1970; ср.: А. Н. Кононов, История изучения. . ., стр. 47—48; И. С. Вдовин, История изучения. . ., стр. 13—14.

[23] См.: E. Winter, Halle als Ausgangspunkt der deutschen Rußlandkunde im 18. Jahrhundert, Berlin, 1953, стр. 290—302.

сведений о состоянии данных языков в первой четверти XVIII в.[24]. Оценку тунгусо-маньчжурских материалов, собранных Мессершмидтом, данную Г. М. Василевич, можно отнести и к его сведениям по другим языкам: «Широко эрудированный в области языков, Мессершмидт стремился в своих записях точнее отразить произношение каждого слова, отмечая почти все долгие звуки и в большинстве случаев правильно различая две фонемы *i* и *y*. . . [он] вел записи слов, по-видимому, по заранее заготовленному списку, включавшему кроме предметных слов числительные, прилагательные и некоторые наречия. В дальнейшем он перешел на запись по темам (животные, птицы, рыбы, растения и некоторые слова из быта). . . Попутно обращал внимание на формы множественного числа, уменьшения и рода (по половому признаку). В отдельных случаях им записаны синтаксические сочетания» [25]. Мессершмидт не только фиксировал новые слова, но и перепроверял при случае свои прежние записи, а также возвращался при последующей обработке материалов к сопоставлению записей, произведенных в разные годы и в разных местах. Так, 21 августа 1723 г. Мессершмидт записывает у тунгуса названия птиц, а 26 августа у него же — названия трав, но в то же время перепроверяет правильность предыдущей записи; или, например, им были позднее сопоставлены три записи по енисейским языкам от 26 декабря 1721 г., 12 и 16 июня 1723 г. и сделано замечание о том, что «кагмасинский язык» скомбинирован из «лак-остяцкого» и «тавги-самединского» [26]. Используя языковые сопоставления, анализируя народные легенды и этнографические данные, ученый пытался иногда показать этническую историю отдельных народов Сибири, как-то классифицировать их. «Всего в древности он насчитывал четыре основных класса (или группы) народов: 1) древ-

---

[24] См.: А. П. Дульзон, Чулымско-тюркский язык, — «Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки, М., 1966, стр. 446; его же, Словарные материалы XVIII века по кетским наречиям, — УЗ ТомПИ, 1961, т. 19, вып. 2, стр. 152—189; его же, Кетские наречия первой половины XVIII в., — «Труды Томского областного краеведческого музея», 1963, т. 6, вып. 2, стр. 38—44; Г. М. Василевич, К вопросу о тунгусах и ламутах Северо-Востока в XVII—XVIII вв., — УЗ ИЯЛИЯФ, 1958, вып. 5, стр. 92—106; ее же, Значение дневников Мессершмидта для тунгусоведения, — «Изв. СО АН СССР, сер. обществ. наук», 1969, № 6, вып. 2, стр. 116—122; И. С. Вдовин, История изучения. . ., стр. 13—14 (оценку филологической деятельности Мессершмидта следует здесь признать несправедливой); С. К. Булич, Очерк истории. . ., стр. 201—202; В. В. Бартольд, История изучения. . ., стр. 212; А. Н. Кононов, История изучения. . ., стр. 48.

[25] Г. М. Василевич, Значение дневников. . ., стр. 118—119; ср.: А. П. Дульзон, Кетские наречия первой половины XVIII в., стр. 38—39.

[26] См.: D. G. Messerschmidt, Forschungsreise. . ., т. 1, стр. 163; т. 2, стр. 66—67, 70—71, 118, 121.

них гуннов и скифов, 2) арабов, сарматов и скифов, 3) азиатских обских скифов, 4) восточных или северо-восточных скифов. К первому классу он относил остяков, вотяков, черемисов, вогуличей и кондоров, самоедов. Ко второму — татар, башкир и якутов, а к третьему — калмыков, монголов, тунгусов, „мансуров“ (т. е. маньчжуров. — *Д. Н.*), „тангутов“ (т. е. тибетцев. — *Д. Н.*). Наконец, к четвертому — камчадалов, ламутов, коряков, юкагиров. Следует заметить, что. . . Мессершмидт искал свидетельства о племенах Сибири у древних авторов, например, их изображения у Плиния» [27].

К сожалению, эти богатые лингвистические материалы не были в свое время ни полностью опубликованы, ни должным образом использованы (они, несомненно, и сейчас заслуживают глубокого, всестороннего изучения как источник для истории сибирских языков).

Косвенно результаты лингвистических занятий Д. Г. Мессершмидта отразились и в известном труде шведа Филиппа Иоганна Табберта-Страленберга (1676—1747) «Северная и Восточная часть Европы и Азии» [28]. Страленберг, живший более десяти лет в Тобольске, занимался собиранием различных материалов для описания Сибири [29]. Интересовался он и языками народностей Сибири. С именем Страленберга связано также приобретение рукописи «Родословная тюрок» Абу-л-Гази Бахадур-хана и ее первые переводы [30]. Во время пребывания Мессершмидта в Тобольске Страленберг помогал ему в работе, а затем в течение 14 месяцев (март 1721—май 1722 г.) был «честным, набожным, верным и прилежным помощником» в экспедиции [31].

Совместная работа была, видимо, полезна обоим исследователям. Не случайно, что именно из Тобольска сообщал Мессершмидт о своем решении расширить программу научных наблюдений и заняться историей, археологией, этнографией и языками сибирских народов, что могло быть вызвано знакомством с материалами Страленберга и других пленных шведских офицеров.

---

[27] В. Г. Мирзоев, Историография Сибири. XVIII век, Кемерово, 1963, стр. 17; ср.: М. Г. Новлянская, Д. Г. Мессершмидт. . ., стр. 173, 177—178.

[28] Ph. I. Strahlenberg, Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. . ., Stockholm, 1730.

[29] См.: М. Г. Новлянская, Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири, М.—Л., 1966 (здесь же библиография).

[30] См.: А. Н. Кононов, История приобретения, переводов, изданий и изучения сочинения Абу-л-Гази «Родословная тюрок», — СТ, 1971, № 1, стр. 3—12.

[31] См.: М. Г. Новлянская, Ф. И. Страленберг. . ., стр. 32—43; ее же, Д. Г. Мессершмидт. . ., стр. 20—34; Г. Ярош, Ф. И. Страленберг — спутник исследователя Сибири Д. Г. Мессершмидта, — «Изв. СО АН СССР, сер. обществ. наук», 1968, № 1, вып. 1, стр. 68—72.

Со своей стороны, Мессершмидт не мог не способствовать систематизации лингвистических знаний и интересов своего спутника, пробудив в нем, возможно, стремление сопоставлять языки между собой, чтобы обратиться к истории народов. Во всяком случае, мы имеем прямое свидетельство того, что лингвистические проблемы обсуждались двумя путешественниками. Так, Мессершмидт записывает в своем дневнике от 30 мая 1722 г., что он, приводя в порядок свои заметки, зафиксировал разговор с Таббертом о татарском языке: тюркский, или татарский, язык весьма распространен, но «он имеет и большие различия»: его диалекты сильно разнятся произношением, а иногда и словами [32]. Страленберг сожалел об отсутствии «своего близкого друга» (так он обычно называет Мессершмидта в своей книге), который один мог бы в совершенстве обработать сибирские материалы. За те годы, которые предшествовали изданию книги, Страленберг смог познакомиться с новым изданием книги Витсена, с трудами Лейбница и др. Кроме того, по имеющимся сведениям, ему помогали советами немецкий лингвист Иоганн Леонард Фриш и ориенталист Г. Я. Кер [33].

Для нас в книге Страленберга интерес представляют его классификация народов Сибири и сопоставительные таблицы 32 языков, которые сведены в «Tabula Polyglotta», или «Gentium Boreo-Orientalium vulgo Tatarorum Harmonia Linguarum, oder Specimen einiger Zahlen und Wörter derer in dem Nord-Östlichen Teil von Europa and Asia wohnenden Tatar- und Hunno-Scythischen Abstämmlings-Völker. Aus welchen nebst anderen historischen Umständen zu ersehen sein wird, wie solche vor Zeiten entweder unter sich oder mit andern westlichen Völkern combiniert gewesen. . .» («Список слов на многих языках», или «Свод языков северо-восточных народов, в просторечии татар, или Образцы некоторых чисел и слов татарских народов и народов — потомков гунно-скифов, которые живут в северо-восточной части Европы и в Азии. Из коих, наряду с другими историческими сведениями, можно будет усмотреть, как эти народы в давние времена смешивались либо между собой, либо с другими западными народами. . .») [34],

[32] D. G. Messerschmidt, Forschungsreise. . ., т. I, стр. 225—226; ср. письмо Страленберга К. Ф. Вреху от 28.VII.1723 г., где он рассуждает о многообразии и своеобразии языков в Сибири (в кн.: E. Winter, Halle als Ausgangspunkt. . ., стр. 468—469).

[33] См.: М. Г. Новлянская, Ф. И. Страленберг. . ., стр. 77, 84—85.

[34] Здесь нельзя не обратить внимания на тот факт, что в бумагах Г. Л. Хр. Бакмейстера находится написанный рукой Д. Г. Мессершмидта список числительных, весьма похоже озаглавленный: «Specimen der Zahlen einiger Orientalischen und Sibirischen Völker, woraus unter andern Merkmalen auch zu ersehen seyn mögte, wie etwa solche vor Zeiten sowohl unter sich, als mit andern westlichen Völkern combiniert gewesen» («Образцы чисел у некоторых восточных и сибирских народов, из коих среди прочего можно пред-

а также отдельные слова сибирских народов, встречающиеся в тексте книги. Народы, которых на Западе до этого по незнанию обычно называли обобщенно татарами, разделены на шесть классов. Это деление частично совпадает с региональным делением Сибири и Великой Татарии, представленным на карте России и Великой Татарии того же автора («Nova Descriptio Geographica Tatariae Magnae etc.»). Книга, по замыслу автора, должна была быть историко-географическим толкованием этой подготовленной карты, но по ряду причин замысел не удался; и карта, и книга появились в один год (1730), а книга переросла из легенды к карте в «историко-географическое описание древнего и нового времени и со многими неизвестными сведениями. . .» [35]. По-видимому, все это не могло не сказаться на четкости и ясности классификационных принципов и на последовательности изложения и объяснения фактического материала.

Как представляется, Страленберг определял указанные шесть классов народов на основе географических, политико-административных, религиозных, исторических, а также этнолингвистических принципов. В силу этого классификация получилась перекрещивающейся и непоследовательной. Так, в первый класс в «Tabula Polyglotta» объединены народы, образующие в совокупности обро-венгерскую и финскую «нации», имеющие «единый диалект», живущие в Европе и Азии, прародителями которых являлись гунны, или унны. Образчики языков здесь представлены венгерскими, финскими, вогульскими, мордовскими, черемисскими, пермяцкими, вотяцкими и остяцко-хантыйскими словами (список состоял из 60 слов [36]). Второй класс составляют тюркские народы (как образчики языков даются слова якутские, чувашские и сибирскотатарские). Третий класс — шесть самоедских народов; языки народов каждого из данных классов близки между собой. Народы четвертого класса «не состоят под одним управлением», но родственны по вере или издавна входили в один союз — указаны калмыки, маньчжуры и тибетцы, в то же время в пятый класс попали семь народов, «стоящих под управлением русских в Сибирской губернии», причем тунгусы, хотя их три вида, имеют «сходный диалект», а другие четыре народа (камасинцы, арины, коряки, курилы) имеют мало общего в языке. Наконец, пять

положить, как эти народы некогда смешивались как между собой, так и с другими западными народами»). В списке 20 языков: сначала идут девять финно-угорских, затем — якутский, татарско-сибирский, за ними — тунгусский, маньчжурский, ламутский, потом — калмыцкий, или монгольский, тибетский, китайский и др. (см.: F. Adelung, Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde, St.-Pbg., 1815, стр. 8—9).

[35] См.: М. Г. Новлянская, Ф. И. Страленберг. . ., стр. 48—49, 70—84.

[36] О списке слов подробнее см.: А. Н. Кононов, История изучения. . ., стр. 51.

народов шестого класса живут между Черным и Каспийским морями и отличаются друг от друга именно языками, хотя все они говорят на крымскотатарском языке (здесь, видимо, подразумевается то, что в пределах Ногайской орды языком общения разных народностей был тюркский язык).

К принципам деления карты на регионы и к указанным шести классам народов Страленберг обращается в 3-м разделе Введения (стр. 28—55), причем много места он уделяет здесь отождествлению названий этих народов у древних авторов, пытается построить пути их миграций и тем самым определить родственные связи между народами (эти построения Страленберга, как правило, надуманны и фантастичны). Подчеркнув еще раз, что под татарами неправильно понимаются различные народы Сибири, автор указывает, что в каждом из шести классов должны быть выделены главные народы, или «нации» (разрядка наша. — *Д. Н.*), а именно: в первом — угорско-финские (стр. 31—32), во втором — тюркские (стр. 34—35), в третьем — самоеды, в четвертом — халха-монголы и калмыки (это и есть собственно татары! — стр. 37—50), в пятом — тунгусы, которые составляют один народ с маньчжурами (разрядка наша. — *Д. Н.*), живущими в Китае (стр. 51—53). В этот же класс включены живущие на северо-востоке юкагиры, коряки, чукчи, камчадалы, лиуторы, курилы, которые, как указывалось, говорят на разных языках, ввиду чего автор не знает, как соотнести между собой данные народы (стр. 53—55).

В целом эта классификация народов была заметным шагом вперед на фоне тогдашней науки. Располагая неизмеримо бо́льшим объемом достоверных сведений о народностях Сибири, чем его предшественники, Страленберг, как видно, достаточно правильно распределил по родственным связям даже отдаленно обитающие друг от друга народы, что становится ясным из сравнения с упоминавшимися выше попытками Витсена, Лейбница [37], Мессершмидта. Следует также учитывать, что многие сведения о народах он получал из вторых рук, а то и просто понаслышке, поэтому с накоплением более точных данных классификация Страленберга стала уточняться фактически сразу же после выхода книги.

В определении родственных связей между народами Страленберг большое место отводил языкам; на основе последних он стремился описать историю народов, следуя принципу vocabula sunt vestigia, ubi rerum cubicula. Об этом он специально говорил в 4-м разделе Введения (стр. 55—72) — «О Tabula Polyglotta и ее по-

---

[37] Ср., однако, правильно выделенную Лейбницем на основе достаточных данных группу славянских языков (см.: L. Richter, Leibniz und sein Russlandbild, стр. 82—84, прил. — схема «Место славянских языков. . .»).

лезности в разысканиях по древней истории». Правильно понимая, что нельзя при установлении родственных связей между народами полагаться только на их самоназвания или названия их у соседних народов и что в этом деле полезно сравнение языков, как оно, например, представлено в его «Tabula Polyglotta» (даже по числительным можно узнать различия в диалектах — стр. 58), и необходимо этимологизирование «различных древних слов», Страленберг именно в последнем, т. е. в своих этимологических опусах и в выводах из них, оказался совершенно беспомощным и наивным исследователем. За это он был не без оснований подвергнут резкой критике уже своими современниками как «страстный любитель этимологизации, часто не знающий границ своей фантазии» [38]. С другой стороны, труд Страленберга и его карта были высоко оценены с точки зрения того, что́ они внесли нового в познание Сибири; по словам В. Н. Татищева, Страленберг «во многих обстоятельствах света окно отворил» [39]. В целом же «научное качество и научная достоверность труда Страленберга снижалась отсутствием у него необходимой теоретической подготовки и в силу этого — критерия, определяющего истинность фиксируемых событий» [40].

Каков же объективно вклад Страленберга в изучение алтайских языков? Прежде всего им было показано обилие и разнообразие народов Сибири, скрывавшихся ранее за неопределенным именем «татары». Многие этнические наименования, нанесенные на карту, наглядно рисовали картину расселения народностей в начале XVIII в., поэтому карту Страленберга можно рассматривать как одну из первых подробных этнических карт России. Страленберг собрал новый лексический материал по малоизвестным языкам, правда, его записи не отличаются точностью [41]. Он весьма удачно сгруппировал финно-угорские, тюркские, самодийские, тунгусские, монгольские народы, определив близость языков в каждой из групп, что нашло отражение и в его «Tabula Polyglotta». Высказал он и предположение об общности самодийских народов с финно-угорскими, правда опираясь при этом на этногенетические легенды, а не на языковые данные (и те и другие принадлежат к «гуннским народам», это, видимо, «гипербореицы» древних авторов — стр. 36—37). В работе были также зарегистрированы этнографические сведения об алтайских народах.

---

[38] Цит. по: С. К. Булич, Очерк истории. . ., стр. 202; ср.: М. Г. Новлянская, Ф. И. Страленберг. . ., стр. 84—86; И. Э. Фишер, Сибирская история с самого открытия Сибири, СПб., 1774, стр. 6, 58, 73 и др.; [Ф. Миллер], О народах, издревле в России обитавших, СПб., 1773, стр. 3—5, 24, 46 и др.

[39] Цит. по: М. Г. Новлянская, Ф. И. Страленберг. . ., стр. 86.

[40] В. Г. Мирзоев, Историография Сибири. XVIII век, стр. 21.

[41] См.: И. С. Вдовин, История изучения. . ., стр. 15—16.

Таким образом, классификация Страленбергом алтайских народов и — шире — урало-алтайских, а также соответствующих языков явилась весомым вкладом в науку и в дальнейшем подвергалась незначительным уточнениям, преимущественно за счет более точной атрибуции самих народов и расширения, по мере изучения, их числа в каждой группе.

В заключение хотелось бы отметить два момента в оценке вклада Страленберга в алтаистику. Во-первых, сложилось мнение, что деление народов на шесть классов Страленберг производил исключительно на основе сравнения их языков и что в «Tabula Polyglotta» как раз и проводится это сравнение. А если в один класс попадают разные народы, да еще приведены рядом списки слов из их языков, то получается, что Страленберг не разобрался в родстве языков, что им «не выдержан принцип языкового родства». В данном случае ссылаются обычно на его 4 (калмыки, маньчжуры, тибетцы), 5 (тунгусы, палеоазиаты) и 6-й классы. Как было сказано выше, именно эти классы народов выделялись не по языковым признакам (ср., например, указание Страленберга на то, что тунгусы и маньчжуры «составляют один народ», хотя они отнесены им соответственно в 5-й и 4-й классы). Поэтому нет достаточных оснований отождествлять классификацию Страленбергом народов Сибири и Великой Татарии с классификацией их языков.

Во-вторых, Страленберга иногда считают чуть ли не зачинателем алтаистики, который первым «доказал» родство алтайских языков, «установил» типологическое сходство алтайских и финно-угорских языков, а его работа оценивается как исходный пункт последующих алтаистических (или, шире, урало-алтаистических) исследований. Представляется, что такая оценка является излишней модернизацией подхода Страленберга к описываемым им фактам [42]. В его работе отсутствует самый главный «алтаистический» постулат: указание на языковое родство тюркских, тунгусо-маньчжурских и монгольских народов и их языков. И уже только поэтому его нельзя считать первым а л т а и с т о м, если, конечно, под этим не понимать любого, кто вообще упоминает так называемые алтайские народы и их языки. Страленберг не был языковедом (даже в понимании того времени), и в его книге не содержится какой-либо законченной л и н г в и с т и ч е с к о й концепции. Однако ему п е р в о м у удалось дать н а и б о л е е т о ч н у ю для своего времени картину языкового мира северо-восточных народов (и этих его заслуг никак нельзя умалить!). Остается только повторить, что алтаистика возникает как от-

[42] Ср.: А. А. Л е о н т ь е в, Предисловие, — Ф. М. Б е р е з и н, Очерки по истории языкознания в России (конец XIX — начало XX в.), М., 1968, стр. 3—5.

расль языкознания лишь тогда, когда на соответствующем материале строится лингвистическая теория, как таковая, оперирующая набором лингвистических понятий на основе определенных лингвистических методов, т. е. алтаистика является продуктом известного уровня развития теоретического языкознания, сравнительно-исторического метода в нем.

Изучение алтайских народов и пополнение сведений об их языках интенсифицируется с ростом числа научных экспедиций в восточные районы России, особенно после создания в 1724 г. Академии наук в Петербурге [43]. С этого времени становится правилом поручать различным экспедициям попутное собирание лингвистического и этнографического материала по малоизученным народностям России.

Следует заметить, что идея о привлечении данных языков для решения этногенетических проблем в этот период наиболее последовательно реализовывалась в работах историков [44]. Достаточно сослаться на труды Г. Ф. Миллера и И. Э. Фишера по истории Сибири. Г. Ф. Миллер, следуя принципу, «что самыми вескими доказательствами происхождения того или иного народа являются те, которые основаны на его языке» [45], много сделал для собирания нового лингвистического материала [46]. В своих трудах он постарался уточнить родственные связи между народами, более точно характеризовал языки. Так, он обратил внимание на большой пласт монгольских и бурятских слов в якутском языке, внес поправки в данные Страленберга о языке дауров, аринцев, томских остяков и др. «На место произвольных домыслов предшествующей историографии Миллер обосновал научный метод использования лингвистических данных, основанный на принципе сличения, сопоставления и взаимной проверки данных» [47]. По его стопам шел также И. Э. Фишер, который в своей «Сибирской истории» широко пользовался сопоставлением языков. «Я собрал словарь на 40 языков, из которых в каждом 300 слов содержится» [48]. «При всем том охотно я признаюсь, что произве-

[43] См.: П. Пекарский, История имп. Академии наук в Петербурге, т. I—II, СПб., 1870—1872; его же, Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, СПб., 1862; «История Академии наук», т. I—II, М.—Л., 1958—1964.

[44] В отечественной литературе первым и в то же время удачным опытом использования данных языка для установления связей между народами следует признать работу Г. Новицкого об остяках, которая стала известна в немецком переводе уже в 1720 г. (см.: Г. Новицкий. Краткое описание о народе остяцком, 1715, Новосибирск, 1941).

[45] Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, М.—Л., 1937, стр. 183.

[46] См.: А. Н. Кононов, История изучения. . ., стр. 53.

[47] В. Г. Мирзоев, Историография Сибири. XVIII век, стр. 131.

[48] И. Э. Фишер, Сибирская история с самого открытия Сибири . . ., СПб., 1774, стр. 99; см. еще стр. 64—67, 71 (о тунгусах), 105 и др.

дение слов само по себе есть недостаточно к показанию сродства языков; когда оное имеет подпорою географию и историю древних и средних времен, также общие нравы и обыкновения народов, то, по мнению моему, можно с основанием заключать из одного о другом» [49].

Говоря об изучении алтайских языков в XVIII в., нельзя не упомянуть имен еще двух деятелей русской культуры и науки того времени — В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова. С именем первого связана, прежде всего, организация планомерного собирания по заранее составленным анкетам и вопросникам лингвистического материала [50]. В. Н. Татищев и сам интересовался языками народов, населяющих Россию, предпринимал попытки их классификации, в своих исторических трудах стремился увязать историю народа и его язык. Особенно известны его замечания на работу Страленберга (с которым, кстати, он лично встречался), где сделано много уточнений в отношении этногенеза народностей благодаря использованию русских исторических источников (147 поправок в транскрипции и 225 фактических) [51].

Гениальный русский ученый М. В. Ломоносов, который оставил ярчайший след в мировой науке XVIII в., может быть по праву причислен к первым ученым-лингвистам, предвосхитившим целый ряд идей последующего этапа в развитии науки о языке. «На фоне беспорядочного сопоставления самых различных языков, как родственных, так и неродственных, характерного как для зарубежного, так и для русского языкознания XVIII в. . . . Ломоносова характеризует строгость в определении языкового родства. . . Не ограничиваясь установлением языкового родства, Ломоносов стремится выяснить, что собой представляет это языковое родство, как установились те отношения, которые связывают родственные языки. Он объясняет эти отношения в целом так же, как объясняло их последующее сравнительно-историческое языкознание, — как результат развития из единого в прошлом источника» [52].

Последняя четверть XVIII в. ознаменовалась также появлением лексикона «Сравнительные словари всех языков и наречий» (1787), где 285 слов были представлены в переводах среди прочих

---

[49] Там же, стр. 105—106.

[50] См.: А. Н. Кононов, История изучения. . ., стр. 70—73; И. С. Вдовин, История изучения. . ., стр. 17—39; Н. Попов, В. Н. Татищев и его время, М., 1861, стр. 440—575.

[51] См.: В. Г. Мирзоев, Историография Сибири, XVIII век, стр. 63—76; Н. Попов, В. Н. Татищев. . ., стр. 586—587; В. Н. Татищев, Избранные труды по географии России, М., 1950, стр. 173—183, 224 (прим. 25).

[52] П. С. Кузнецов, У истоков русской грамматической мысли, М., 1958, стр. 50—51; ср.: его же, [рец. на:] М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7 — Лингвистический обзор, — ВЯ, 1953, № 6, стр. 113—120; Булич, Очерк истории. . ., стр. 216—219.

и на 149 языков «азиатских» [53]. Словарные материалы, собранные тщанием прежде всего Г. Л. Х. Бакмейстера и других энтузиастов этого дела, были при поддержке Екатерины II обработаны ученым-энциклопедистом того времени Петром Симоном Палласом (1741—1811) [54]. Кроме числительных и местоимений в словник входили термины родства, названия частей тела, пяти чувств, явлений природы, времен года, растений, некоторых животных, цветов, главнейших действий человека, свойств и состояний предметов и т. п. Таким образом, были представлены важнейшие слова словарного состава любого из языков. Из алтайских языков в словаре были зарегистрированы 20 тюркских языков и диалектов, из тунгусо-маньчжурских — семь диалектов эвенкийского языка, два эвенского, маньчжурский, из монгольских — монгольский, бурятский, калмыцкий языки. С небольшими исправлениями это же было повторено во втором издании словаря [55].

Между тем богатые подготовительные материалы, содержащие десятки списков слов по разным, в том числе и алтайским, языкам, остались лежать в дворцовых и академических архивах. К сожалению, за малым исключением, эти лексические и грамматические (что особенно важно!) материалы остаются не использованными алтаистикой до сего дня.

Таким образом, к началу XIX в. был накоплен и стал известен науке некоторый, преимущественно лексический, материал по алтайским языкам. Наибольшим объемом отличались сведения по тюркским языкам. Кроме уже имевшихся и новых грамматик турецкого языка начинают появляться и первые грамматики других тюркских языков — чувашского (1769), татарского (1778, 1801). На втором месте стояли монгольские языки, из них калмыцкий был представлен даже рядом печатных вокабуляриев. Из тунгусо-маньчжурских языков лишь маньчжурский язык был наиболее известен не только со стороны лексической, но отчасти и грамматической, другие же языки (в основном эвенкийский и эвенский) были известны через списки отдельных слов [56].

---

[53] «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Высочайшей особы». Отделение перьвое, содержащее в себе европейские и азиатские языки, ч. I, СПб., 1787.

[54] Подробнее об истории создания словаря и его характеристику см.: А. Н. Кононов, История изучения. . ., стр. 84—88; И. С. Вдовин, История изучения. . ., стр. 53—67; С. К. Булич, Очерк истории. . ., стр. 219—232; F. Adelung, Catherinens der Grossen Verdienste. . ., стр. 1—210; Ф. П. Кеппен, Ученые труды П. С. Палласа, СПб., 1865, стр. 13—14, 48 и сл.; И. А. Окрокверцхова, Путешествия Палласа по России, Саратов, 1962, стр. 5, 45—50.

[55] См.: «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный», ч. I—IV, СПб., 1790—1791.

[56] Подробнее о материалах по «инородческим» языкам, собранных в XVIII в. в России, и об изучении последних см.: С. К. Булич, Очерк истории. . ., стр. 190—232, 365—520.

На основании имеющихся сведений становятся возможными попытки выделить среди алтайских народностей и их языков родственные группы: устанавливается общность тюркских народов, владеющих разными тюркскими языками, монгольских — монголов, бурятов и калмыков, а также тунгусских народов и маньчжуров. Выделение подобных групп в отношении языков можно рассматривать как первые классификации алтайских языков. Поскольку к тому времени уже существовали грамматики отдельных языков каждой из групп алтайских языков, можно было составить представление о типологических особенностях этих языков. И действительно, такая характеристика несколько позже нашла себе место в трудах Р. Раска.

В теоретическом языкознании того времени, за исключением гениальных догадок и предвидений Г. Лейбница и М. В. Ломоносова, еще не существовало ясного и четкого понимания научно доказуемого родства между отдельными языками, поэтому вряд ли можно квалифицировать различные наивные построения о связях между алтайскими языками как «первые алтаистические гипотезы» и тем самым относить возникновение алтайской гипотезы к середине XVIII в.[57]. Исследования XVIII в. составили ту фактологическую базу (пусть еще очень слабую), на которой в XIX в. успешно расцвело сравнительно-историческое языкознание и, следовательно, алтаистика как его отрасль. Но в XVIII в. еще не сложилось осознание того, «что надежным путеводителем через многообразие языков для нахождения их родства и для прослеживания их исторического развития может служить не сходство отдельных слов . . . но прежде всего одна только исчерпывающая разработка всего языкового строя, всей грамматической структуры. Осознание этого принципа в конце XVIII и к началу XIX в. витало, так сказать, в воздухе, и признание его исходило с разных сторон, независимо друг от друга» [58].

Образцом того, что́ знало в самом начале XIX в. западноевропейское языкознание об алтайских языках, может служить обобщающий четырехтомный труд Иоганна Христофа Аделунга [59] (1732—1806) «Митридат, или всеобщее языкознание». Здесь в классе многосложных языков в разделе о Северной и Средней Азии выделены: 1) тюрко-татарские народы и языки (18 языков и диалектов) — на основе материалов Витсена, Палласа, Рычкова, Георги, Беллинсгаузена и др. и грамматик турецкого языка (24 названия); 2) монгольские языки и народы (монголы в соб-

---

[57] Ср.: N. Poppe, Introduction to Altaic Linguistics, стр. 3, 125; O. Donner, Die uralaltaischen Sprachen, — «Finnisch-Ugrische Forschungen», Bd I, H. 1, Helsingfors — Leipzig, 1901, стр. 128—146.

[58] В. Томсен, История языковедения. . ., стр. 50—51.

[59] J. Chr. Adelung, Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde. . ., т. I—IV, Berlin, 1806—1817.

ственном значении, или халха, ортосы, тумюты, калмыки, буряты) — на основе отдельных списков слов; 3) маньчжурские языки и народы (собственно маньчжуры, тагуры, или да-уры по Селенге и у Байкала, тунгусы и ламуты — у них около восьми диалектов, прочие племена: по Амуру — гиляки, язык которых неизвестен, на Сахалине — орочи) — на основе материалов Витсена, Страленберга, Палласа, Георги, Фишера, Лессенса, маньчжурской грамматики Амьо; 4) корейцы [60].

Тюркские, монгольские и маньчжурские народы по языку, а частью и внешностью очень отличны друг от друга, поэтому «их не без величайшего принуждения можно производить один от другого» [61]. Указано, что язык тунгусов сильно отличается от маньчжурского. Следует заметить, что в труде И. Х. Аделунга дается также краткая характеристика языков, которая определяется объемом имевшихся тогда сведений: при наличии грамматик она пространнее. Так, в отношении маньчжурского языка Аделунг замечает, что он богат ономатопоэтическими словами, в нем заметны следы односложного языка (типа китайского).

Таким оставался объем материала по алтайским языкам, подвергаясь лишь незначительным дополнениям, почти до 50-х годов XIX в., когда в изучении алтайских языков совершился значительный количественный и качественный скачок, ознаменовавшийся появлением трудов О. Бётлингка, М. Казембека, М. А. Кастрена, Я. Шмидта, А. Бобровникова. Но это относится также и к иному этапу в развитии науки о языке — этапу зарождения и становления сравнительно-исторического метода в языкознании.

После работ Р. Раска, Фр. Боппа, Я. Гримма, А. Х. Востокова и их последователей, которые принесли в науку новое понимание задач и путей исследования языков индоевропейской семьи, обозначились возможности в изучении языков и других семей [62]. «Главная ценность их работы находит свое отражение в практике научного исследования. . . Сравнительно-историческое изучение языков. . . было тесно связано с формированием идеи о генетических отношениях индоевропейских языков» [63]. Теперь уже в обобщающих работах по различным языкам все большее внимание уделяется вопросам их родства между собой, аргументированию того, почему тот или иной язык включается именно в данную группу, а также углубленному изучению их грамматического строя и лексики. Это следует отнести и к алтайским языкам.

---

[60] См. там же, ч. I, стр. 449—513.

[61] Там же, стр. 451.

[62] См.: В. Томсен, История языковедения. . ., стр. 51—87, 117—135; Б. Дельбрюк, Введение в изучение языка, СПб., 1904; А. В. Десницкая, Вопросы изучения родства индоевропейских языков, М.—Л., 1955.

[63] В. А. Звегинцев, История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. I, М., 1960, стр. 26.

Э. Р. Тенишев

ТЮРКСКИЕ «ОДИН», «ДВА», «ТРИ»

По структурно-семантическим признакам числительные в тюркских языках делятся на первичные и производные.

К первичным относятся количественные числительные — названия единиц, десятков, сотни, тысячи и других более высоких разрядов числительных. К производным принадлежат формы порядковых, собирательных, разделительных, дробных числительных и числительных приблизительного счета.

В основе производных форм лежат количественные числительные, представляющие наибольшую трудность для толкования. Рамки данной статьи позволяют проанализировать только три первых названия из разряда единиц.

I. ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ «ОДИН»

Азерб., туркм., тур., гаг., кумык., к.-балк., кр.-тат., караим., ног., к.-калпакск., узб., уйг., тув., кирг., алт., древнетюрк. *bir*; тат., башк. *bĕr*; казах. *ber*; хак., шор., ч.-тюрк. сал. *pir*; с.-югур. *pir/pyr*; якут. *bīr*; чув. *pĕrrĕ/pĕr*.

Начальный глухой *p* является вторичным по отношению к звонкому *b* большей части тюркских языков. Гласный *i* дал рефлекс *e*, *ĕ* в ограниченном числе языков. Относительно чувашского *-rr-* следует заметить, что геминация корневых согласных не фонологична в тюркских языках и в общем им не свойственна — это результат передвижения слоговой границы или влияния экспрессии. При счете числительные получают акцентированное ударение на первом слоге, что ведет к передвижению слогораздела на согласный. Не случайно полная форма чувашских числительных, употребляющаяся при отвлеченном счете, геминирована, а краткая, функционирующая как определение,— нет. Отсюда следует, что удвоенное *r* в чувашском языке — явление позднее. Учитывая все эти обстоятельства, можно прийти к заключению о том, что реконструируемая форма тюркского числи-

тельного «один» представляет собой *bīr — она совпадает с якутским вариантом.

Прежние и явно устаревшие этимологии числительного приведены А. Н. Самойловичем [1].

Наличие форм *bir* ~ *biri* (ср. *biri-si*) дало повод В. Бангу считать, что первоначальная форма для числительного «один» была *birä* [2] (не элизия ли конечного *ä* привела к удлинению *i*?), а Г. Рамстедт ограничился сопоставлением *biri* с монг. *büri* 'всё', 'все', 'каждый'[3]. В «Корейских этимологиях» Г. Рамстедт предложил другую гипотезу — ряд сопоставлений, целую этимологическую цепочку: кор. *ida-* 'быть' ~ тунг. *bi-*, *bisi* 'быть', 'существовать' ~ монг. письм. *büj*, *büjü* 'этот', 'существующий' ~ ~ **büj/bi* ~ тюрк. *bir* [4].

Необходимо обратить внимание еще на следующее. Древнейший вигезимальный счет так или иначе отражен в системах счисления. Реликты его можно ожидать и в тюркских числительных: тюрк. *beš* ~ чув. *pilĕk* 'пять' (ср. тюрк. *bilek* 'предплечье') [5]. В связи с этим возможно сопоставление **bīr* со словом *barmaq* 'палец': **bīr* ~ **bar* (во избежание нежелательной омонимии с *bar* 'имеется', 'есть' и *bar-* 'ехать', 'идти' гласный претерпел сдвиг *a* > *y* > *i*), второй слог *-maq* можно сравнить с бур., юг. *-ban*; дагур. *-ba*; мог. *-bōn*; хори-бур. *-bă(ŋ)*; в числительных типа *γurban* '3', *dörben* '4', *arban* '10' [6].

Существует мнение о том, что в некоторых языках числительное «один» отражает название местоимения «я». Мотивируется это тем, что понятие «один» формировалось путем осознания человеком своего собственного «я»— нечто такого, что обособлено и противополагается как внешнему миру, так и другим членам той общности, к которой он относился [7].

Принимая во внимание, что реликты вигезимальной системы представлены в количественных числительных ряда языков, можно наметить и другой путь происхождения числительного

---

[1] А. Самойлович, Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования, — «Языковедные проблемы по числительным, I. Сборник статей», Л., 1927, стр. 146—147.

[2] W. Bang, Zur türkischen Wortforschung, II. Zum türkischen Zahlwort, — «Turan», 1918, стр. 9—10.

[3] Г. И. Рамстедт, Введение в алтайское языкознание, М., 1957, стр. 65; J. Németh, Die türkisch-mongolische Hypothese, — ZDMG, 1912, Bd LXVI, H. IV, стр. 560.

[4] G. J. Ramstedt, Studies in Korean Etymology, Helsinki, 1949, стр. 68.

[5] Г. И. Рамстедт, Введение в алтайское языкознание, стр. 65.

[6] W. Kotwicz, Contribution aux études altaïque, — RO, 1931, t. VII (1929—1930), стр. 168.

[7] В. З. Панфилов, Категории мышления и языка. Становление и развитие категории количества в языке, — ВЯ, 1971, № 5, стр. 9; его же, Грамматика нивхского языка, I, М.—Л., 1962, стр. 204.

«один» — по крайней мере для тюркских языков,— связанный с существительным «палец». Палец, как нечто легко выделимое и способное противопоставляться другим пальцам и организму в целом, может осознаваться и как «единица», «один».

Первый путь формирования понятия «один» логически следует считать более ранним, чем второй.

II. ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ «ДВА»

Кр.-тат., кумык., к.-балк., кирг., казах., ног., к.-калпакск., древнетюрк. *eki*; тур., туркм., азерб., древнетюркск. *iki*; уйг. диал. *ike*; тат., башк. *ikĕ*; тув. *iǐi*; караг. *ihi*; чув. *ikĕ*; уйг., сал., с.-югур. *iški*; уйг. диал. *üke*; алт. диал. *öki/ökü*; якут., узб. диал., древнетюрк. *ekki/ikki*; узб. диал. *ekke*.

По начальным гласным числительное «два» в тюркских языках представлено в четырех вариантах — с открытыми *e*, *ö* и закрытыми *i*, *ü*. Э. В. Севортян справедливо полагает, что «первичным представляется открытый гласный, так как он сохранился в морфологически изолированном туркменском, турецком. . . *екиз*, азербайджанском *экиз*, между тем как для «два» в названных языках существует единственная форма *ики*, форма же *еки* в диалектах всех трех языков в научной литературе не отмечалась»[8].

Алтайские и уйгурские диалектные формы с начальными губными *ö*, *ü* надо признать вторичными, образовавшимися на почве соответствий *e* ~ *ö* и *i* ~ *ü*, известных в том и другом языках.

Геминированные формы, как было замечено, являются позднейшими относительно вариантов с одинарными согласными.

Призвук *š* в уйгурском, саларском и сарыг-югурском языках есть следствие оглушения узкого *i* в соседстве с глухим *k*.

Реконструируемая форма числительного «два», совпадающая с наиболее распространенным в тюркских языках вариантом, представляет собою сочетание двух слогов: г+сг — т. е. **eki*. Каково происхождение этой формы?

Ф. Крелитц высказал мысль о связи значений «два» и «следующий» (ср. лат. *secundus* 'второй', 'следующий' и *sĕqui* 'следовать'). Он выделил корень **kij-* (ср. послелог *kijin* 'затем', 'после'), от которого и производил *iki* 'два'[9].

При такой трактовке остается необъясненным появление начального *i/e*.

Следуя той же идее, Г. Рамстедт предложил такую этимологию:

---

[8] Э. В. Севортян, Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные), М., 1974, стр. 338.

[9] F. von Kraelitz-Greifenhorst, Zur Etymologie des türkischen Zahlwortes iki 'zwei', — WZKM, 1929, XXXVI, 3—4, стр. 239—241.

кор. *pegim* 'ближайший', 'следующий', 'второй', восходящий к глаголу **pek* 'следовать', ср. тюрк. *eki*, *iki* и т. д., отсюда производные формы — тюрк. *ekiz*, *ikiz* ~ монг. *ikire* 'близнецы' и уйг. *ekinti* ~ *ikinti* 'второй'[10].

В последних работах Г. Рамстедт уточняет свои предположения. Тюрк. *eki* он рассматривает как имя на *-i* от гипотетической глагольной основы **ek-* < **hek-* < **pek-* 'следовать', откуда кор. имя на *-m* *pegim* (< **pek-im*) 'ближайший', 'следующий', кор. *pegim t'e* 'ближайшее место' и тюрк. *ekinti* 'послеобеденное время'[11].

Представлению Ф. Крелитца можно следовать, оставаясь и на тюркской почве.

В орхонских памятниках встречается редкий в употреблении глагол *er-* 'следовать', 'преследовать'[12]. От него возможна медиальная форма на *-k*: **erik-*. Производное имя от этой основы **erik-i* > **erki* > **eki* 'следующий', 'ближайший' > 'два'.

Любопытно сопоставить согласный *k* в *eki* с *q/k* — показателем собирательности — множественности [13].

Последнее предположение кажется более вероятным (*eki* 'оба' > 'два'), хотя и требует большего обоснования.

III. ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ «ТРИ»

Азерб., тур., туркм., кар. диал., кумык., кирг., узб., уйг., с.-югур., лоб., алт., древнетюрк. *üč*; тат. *ŏč*; кр.-тат. *uč'*; кумык. диал. *uč*; казах., ног., к.-калпакск., узб. диал., уйг. диал., лоб., тув. *uš*; сал. *uʃ*; башк. *ŏs*; хак. диал., якут. *üs*; караг. *uis*; балк. *üc*; кар. диал. *(j)ic*, *oc*; чув. *viśśĕ/viś*.

Веляризованное, редуцированное, негубное и протезированное начала — следствие модификации первичного *ü* в различных тюркских языках. То же самое — в отношении конечного согласного. Конечные *š*, *ʃ* , *s*, *c*, *ś* восходят к одному источнику — *č*. Следовательно, реконструируемая форма числительного «три» будет **üč*. Этот вариант наиболее употребителен в тюркских языках. В одной из ранних работ Г. Рамстедт ограничился простым сопоставлением тюрк. *üč* с монг. *üčüken* 'маленький', 'немного'[14], с чем согласился и В. Банг [15].

---

[10] G. J. Ramstedt, Studies in Korean Etymology, стр. 195.

[11] Г. И. Рамстедт, Введение в алтайское языкознание, стр. 65; G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I. Lautlehre, Helsinki, 1957, стр. 92—93.

[12] ДТС, стр. 175.

[13] А. Н. Кононов, Показатели собирательности — множественности в тюркских языках, Л., 1969, стр. 14—15.

[14] G. J. Ramstedt, Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen. Extrait du JSFOu, XXIV, 1907, стр. 9; J. Németh, Die türkisch-mongolische Hypothese, стр. 562.

[15] W. Bang, Zur türkischen Wortforschung, стр. 518, прим. 4.

Позже Г. Рамстедт сравнивал тюрк. *üč* 'три' с монг. *üčü-ken* 'маленький', тунг. *uču-le-* 'разбивать, делить на куски', гольд. *nuči* и т. д.[16].

У Г. Дёрфера эти сопоставления вызывают сомнение[17].

М. Рясянен относит *üč* 'три' к **ǖč*, булг. *väč-эт*[18].

В последнее время Т. А. Бертагаев сделал заманчивое сближение монгольских основ *γuč-/γuš-* 'правнук' и *γuč(in)/γuš-an* 'тридцать' с тюркскими *uč* ~ *uš* 'три'[19].

Но этот путь оказывается не без трудностей. Числительное *γučin* 'тридцать' исследователи возводят к **γutin* (ср. тунг. *gutin*), где основой является **γut*[20]. Что же касается термина родства, то он представлен в монгольских языках только с начальным *γ*, формы с начальным *u* не отмечены, хотя и для других случаев Т. А. Бертагаев указывает соответствие начальных *γ* ~ ~ ноль.

К. К. Юдахин, наблюдавший игру киргизских детей в альчики, записал систему счета с употреблением *üč* в значении предела счета —'пять'. Он установил, что *üč* в первоначальном виде есть не что иное, как *uč* 'конец' или с долгим *u* — *ūč* 'горсть'[21]. В первом значении *üč* — конец счета. Это же значение в качестве первоначального удобно допустить и для *üč* 'три', поскольку, как показывает фольклорный материал, у тюрков могла существовать троичная система счета[22].

При оформлении современной десятичной системы первоначальный предел счета *uč* получил порядковый номер «три» и изменил огласовку для устранения омонимии.

Таким образом, даже в рамках трех единиц тюркские числительные представляют собою супплетивный ряд, состоящий из осколков различных систем счисления.

---

[16] G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, стр. 148.

[17] G. Doerfer, Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd II, Wiesbaden, 1965, стр. 136.

[18] M. Räsänen, Materialen zur Morphologie der türkischen Sprachen, Helsinki, 1957, стр. 77.

[19] Т. А. Бертагаев, Об анлауте и некоторых этимологических наблюдениях в алтайских языках, — сб. «Структура и история тюркских языков», М., 1971, стр. 306.

[20] Н. Н. Поппе, Монгольские числительные, — «Языковедные проблемы по числительным», Л., 1927, стр. 108; W. Kotwicz, Contribution aux études altaïque, стр. 157.

[21] К. К. Юдахин, Киргизское *üč* — 'пять', — «Труды Института востоковедения», М., 1940, № 2, стр. 191—193. Ср. также: А. Бекбергенов, Қарақалпақ тилиндеги санлықлардың сакраменталь мәнилери, — «Қарақалпақ тили бойынша изертлеўлер», Нокис, 1971, стр. 190.

[22] С. Кеңесбаев, «Жеті», «үш», «тогыз», «қырық» пен байланысты угымдар, — «Известия АН КазССР, серия филологии», Алма-Ата, 1946, вып. 4 (29), стр. 10.

Л. Ю. Тугушева

ОРХОНО-ТЮРКСКИЙ И ДРЕВНЕУЙГУРСКИЙ ЯЗЫКИ, ИХ СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ

Вопрос о взаимоотношении двух древних языков тюркской семьи — орхоно-тюркского и древнеуйгурского — встал вместе с открытием письменных памятников на этих языках уже на первых порах их изучения и остается открытым до настоящего времени. Язык орхоно-тюркский запечатлен в письменных памятниках бассейна р. Орхон, включающих в свой состав крупнейшие из известных рунических памятников Восточнотюркского каганата — памятники в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана, Тоньюкука, Ишбара-тархана, Кули-чора и др., датируемые в основной своей части VIII в. Древнеуйгурский язык использовался в Уйгурском государстве (Восточный Туркестан) в IX—XIII вв.; он отражен в письменных памятниках, найденных в Восточном Туркестане, в числе которых имеются как литературные памятники (по большей части религиозного содержания), так и памятники письменно-делового языка.

О языке древнетюркских письменных памятников в процессе изучения были высказаны разные точки зрения: в одних случаях язык памятников рассматривался как единый язык с незначительными расхождениями [1], в других — как диалекты одного языка [2], в третьих — как разные языки, к тому же расчлененные на подгруппы [3].

В самом деле, с одной стороны, сходство этих языков между собой является неоспоримым; оно распространяется на все уровни

---

[1] Ср.: «Памятники енисейско-орхонской и уйгурской письменностей не дают, по-моему, достаточных доказательств в пользу существования основных различий между языками этих двух письменностей, и я поэтому не склонен резко разграничивать эти языки, хотя, конечно, не смогу отрицать за каждым из них некоторых особенностей» (А. Самойлович, Некоторые дополнения к классификации турецких языков, ПГ., 1922, стр. 7).

[2] W. Radloff, Alttürkische Studien, — ИАН, сер. VI, 1911, т. V, № 6, стр. 427—452.

[3] См., например: Н. А. Баскаков, Тюркские языки, М., 1960, стр. 189—191.

и проявляется в виде черт, присущих только им и отличающих их от прочих тюркских языков, вплоть до того, что некоторые нормы графики и орфографии в обоих языках остаются идентичными независимо от смены алфавитов. Ср., например, сочетание глухого (сильного) согласного с основами, оканчивающимися на сонорный, и употребление его в интервокальном положении как в руническом, так и в уйгурском письме. Лексическая общность проявляется не только в совпадении целого ряда лексем, позже вышедших из употребления, но и в сходстве их фонетической структуры и смыслового наполнения. Ср.: *balïq* 'город', *buluŋ* 'направление', *bodun* 'народ', *čïγaj//čïγañ* 'бедняк', *ärtiŋü* 'чрезвычайно', *ïduq* 'святой', *qodï* 'вниз', 'весь', *quvra-//qubra-* 'собираться', *oruq* 'путь', *o-* 'думать', 'помышлять', *ögläš-* 'советоваться', *ögüz* 'река', *öŋrä* 'впереди', *ötrü* 'другой', *sab//sav* 'слово', речь', *saqïn-* 'думать', *sü* 'войско', *kü* 'слава', 'молва', *süčig* 'сладкий', *törü-* 'создаваться', *tükäti* 'целиком', 'полностью', *üküš* 'много', *jükün-* 'поклоняться', 'покоряться', 'подчиняться' и т. д.

Сходство памятников древнетюркской письменности между собой не ограничивается факторами общеязыкового характера; они объединяются также общностью словесно-художественных приемов, свидетельствующей о единстве типового стиля. Ср., в частности, характер использования параллелизмов и их стилистическую нагрузку в следующих примерах, заимствованных из орхонского памятника и памятника на древнеуйгурском языке:

ilgärü šantuŋ jazïqa tägi sülädim //
talujqa kičig tägmädim //
birgärü toquz ärsänkä tägi sülädim //
tüpütkä kičig tägmädim //

Вперед (~на восток) я ходил войной до Шаньдунской равнины,
немного не дошел до океана;
направо (~ на юг) я ходил войной
до [народа] Токуз эрсенов,
немного не дошел до Тибета (КТм, 3);

körtüm körmäjük jirig:
äši-dim äšidmäjük nomuγ:
tüpkärdim arquru turquru orunlarnïŋ taŋlančïγ qutluγ-ïn:
tükädtim jaruql-lï qaralï jir-lär-niŋ asïγ tusu qïlmïš-ïn:

я видел невиданные места,
слышал неслыханные сутры;
я постиг изумительную благодать стран всех направлений
и пользу [перерождений] инь и ян (букв. светлых
и темных мест) (СЦ, 13а $_{3-9}$).

С другой стороны, исследования памятников показали, что их языковой состав весьма сложен. Существенные языковые расхождения наблюдаются не только между памятниками руниче-

ского письма и древнеуйгурскими, но и внутри самих этих групп [4]. Разные языковые напластования прослеживаются не только в памятниках, относящихся к разным группам по территориальному, культурному и прочим признакам, но и в однотипных памятниках, как, например, в уйгурских юридических, в которых употребляются два типа форм условного наклонения (*-sar*//*-sa*), винительного падежа (*-ïγ*, *-ig*//*-nï*, *-ni*) и пр.[5]. Иными словами, в фактах, подтверждающих как ту, так и другую точку зрения, недостатка не было.

Предпринятые попытки классификации древнетюркских языков строились главным образом на выделении некоторых языковых черт в качестве классификационных признаков, по наличию или отсутствию которых можно было бы определить место того или иного языка в общей классификационной схеме [6]. Только в упомянутых работах, в которых вопросу классификации отведено специальное место, таких признаков выделено более полусотни. Однако при этом бросается в глаза разнобой в самом отборе признаков, доходящий до такой степени, что ни один из них не фигурирует во всех указанных работах одновременно. Каждая новая работа, по существу, оперирует своим особым набором признаков, и признаки, в одних случаях привлекаемые в качестве различительных, в других — остаются без внимания. Столь явное отсутствие единства в отборе признаков само по себе уже является сигналом о неблагополучии, и можно предполагать, что это «неблагополучие» проистекает из самого метода, основанного лишь на учете сходства и несходства материальных, конститутивных элементов языка.

Характер же тюркских языков таков, что основные строевые элементы в них от языка к языку остаются постоянными. Вывод, к которому приходит Г. Ф. Благова на основе системного сопоставления имен действия в современных тюркских языках Средней Азии с соответствующими именами действия в чагатайском языке, а именно, что «во всех названных современных языках. . . присутствуют (в различных пропорциях, соотношениях и степенях

---

[4] См.: W. Radloff, Alttürkische Studien, стр. 427—452; A. von Gabain, Alttürkische Grammatik, Leipzig, 1950, стр. 3—8; ее же, Das Alttürkische, — PhTF, t. I, стр. 21—45.

[5] См.: W. Radloff, Uigurische Sprachdenkmäler, Leningrad, 1928, № 2, 3, 11, 29, 61, 70 и др.

[6] См.: W. Radloff, Alttürkische Studien, стр. 427—452; A. von Gabain, Alttürkische Grammatik, стр. 3—8; С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования, М.—Л., 1951, стр. 71—72; Н. А. Баскаков, Тюркские языки, М., 1960, стр. 187—190; T. Tekin, A Grammar of Orkhon Turkic, Bloomington, 1968, стр. 7—8; K. Menges, The Turkic Languages and Peoples, Wiesbaden, 1968, стр. 62—63; D. Sinor, A propos de la biographie ouigoure de Hiuan-tsang, — JA, 1939, t. CCXXXI, 42, стр. 543—590.

устарелости) почти все те имена действия, которые наблюдаются в чагатайском языке»[7], отражает ситуацию для тюркских языков типическую, и не только в отношении имен действия. По этой причине не достигают цели и такие частные способы сопоставления, как предложенный Ш. Шукуровым способ сопоставлять «по методу исключения»[8] (т. е. выделив предварительно ряд морфологических показателей, общих «для всех памятников и всех периодов развития»[9]) данные староузбекского и современного узбекского литературных языков. При подобном способе сопоставления иного вывода, чем тот, к которому приходит Ш. Шукуров: «в староузбекском и современном узбекском литературных языках основные нормы совпадают»[10], не могло и быть, так как вывод этот предопределен самим способом сопоставления [11].

Языковая ситуация, которая в прошлом имела место в тюркоязычном мире, являла собой довольно пеструю картину. Отдельные языки там можно рассматривать как звенья единой, непрерывной цепи, в которой каждое звено имеет особенности, сближающие его с предыдущими звеньями, с одной стороны, и с последующими — с другой. Поиски же классификационных признаков — не что иное, как попытки найти «указатели», по которым можно было бы безошибочно распознавать границу между языками. Конститутивные элементы языка, взятые сами по себе, в отрыве от прочих условий функционирования языка, такими «указателями» служить не могут [12]. В их поисках, по всей видимости, следует обратиться к иным сторонам функционирования рассматриваемых языков.

* * *

Древнеуйгурские письменные источники свидетельствуют, что авторы и переводчики древнеуйгурских сочинений называют язык, на котором они пишут, тюркским (*türkčä*, *türk tilinčä*) [13]. В то же время, определяя свой этнополитический статус, они используют

---

7 Г. Ф. Благова, Некоторые вопросы развития среднеазиатского тюркского литературного языка, — СТ, 1971, № 4, стр. 73.

8 Ш. Шукуров, Староузбекский и современный узбекский литературные языки. (К вопросу о формировании национального литературного языка), — СТ, 1972, № 1, стр. 92.

9 Там же.

10 Там же, стр. 96.

11 Ср. также: В. Г. Кондратьев, Об отношении языка памятников орхоно-енисейской письменности к языку древнеуйгурских памятников, — СТ, 1973, № 3, стр. 23—27.

12 См.: Г. Ф. Благова, «Кутадгу билиг» и «Бабур-наме» и методика историко-лингвистического сопоставления, — СТ, 1970, № 4, стр. 32—39.

13 A. von Gabain, Maitrisimit. Einleitung von H. Scheel, Wiesbaden, 1957, стр. 15; ее же, Briefe der uigurischen Hüen-tsang-Biographie, — SPAW, 1938, стр. 20; F. W. K. Müller, Uigurica. I, — APAW, 1908, стр. 14 и др.

другие термины, в частности термин *on uyγur* [14]. Это расхождение в терминах позволяет прийти к заключению, что в древнеуйгурском обществе существовало понятие литературного языка, отличного от народного. И в самом деле, древнеуйгурский язык отличается высокой степенью нормализованности, являющейся отличительной чертой литературных языков. Наряду с этим в отдельных памятниках древнеуйгурской письменности появляются своего рода «упрощенные» формы, не отвечающие требованиям нормы: *-γa* вместо *-γaγ*; *-sa* вместо *-sar*; *silär* вместо *sizlär*; *käräk* вместо *kärgäk* [15], просторечные лексические элементы типа *sapsï* [16] и т. д. Возникновение их можно объяснять разными причинами, но наиболее правомерным явится объяснение этого явления влиянием местных диалектов соответствующих областей, так как трудно предположить, чтобы в литературном языке создавались формы, идентичные тем, которые бытовали во взаимодействовавших с ним местных диалектах, совершенно независимо от последних. Попытки истолковать их появление как результат унаследованных или благоприобретенных тенденций в большинстве случаев остаются не более чем умозрительными предположениями.

Таким образом, языковая ситуация в эпоху создания древнетюркских письменных памятников в какой-то мере аналогична той, которая имела место в период распространения литературного языка «тюркú»: обслуживая сферу искусства и делопроизводства, язык «тюркú» также находился в постоянном взаимодействии с народными разговорными языками. С этой точки зрения вопрос о соотношении орхоно-тюркского и древнеуйгурского языков, в сущности, является частью общего вопроса о развитии тюркских литературных языков в их отношении друг к другу и к народным разговорным языкам. Поэтому рассматривать его следует исходя не только из общих законов языковой эволюции в целом, но и с учетом закономерностей образования и развития литературных языков.

На исторически ранних этапах развития для литературных языков характерно стремление отделиться от устной разговорной речи. «Архаизация языка. . . подчеркнутая условность повествовательных приемов, строгое следование жанровому ритуалу — создают облик стиля, сознательно ориентированного на отличие от стихии «обычного языка»[17]. Ранние литературные памятники

[14] См.: Ş. Tekin, Uygur bilgini Singku Seli Tutung'un bilinmeyen yeni bir çevrisi üzerine, — TDAY, 1966, стр. 31; TT IX, стр. 18, стк. 90; J. Hamilton, Toquz-Oγuz et On-Uyγur, — JA, 1962, t. CCL, стр. 39—40.

[15] J. R. Hamilton, Le conte bouddhique du bon et du mauvais prince en version ouigoure, Paris, 1971, стр. 4.

[16] «Altun yaruq», стр. 108.

[17] Ю. М. Лотман, Анализ поэтического текста, Л., 1972, стр. 25.

на тюркских языках буквально пронизаны такого рода условными стилистическими приемами, как повторы, параллелизмы, общие места и пр., используемыми для упорядочения композиции. Поэтические формулы такого типа, как: *bäglik uri oγlïŋ qul boltï esilik qïz oγlïŋ küŋ boltï* 'твои сыновья, призванные стать беками, стали рабами; твои дочери, призванные стать госпожами, стали рабынями' (КТб, $_7$); *ičikigmä ičikdi bodun boltï ölügmä ölti* 'те, кому следовало объединиться, объединились и стали народом; те, кому суждено было погибнуть, погибли' (БК $В_{37}$), звучат как бы рефреном на протяжении всего повествования. В дальнейшем художественные формулы такого рода, став неотъемлемой частью художественной системы, вовлекаются в общеязыковую сферу как особые показатели «литературности» и наряду с общеязыковыми факторами служат для разграничения литературного языка и «обычной речи», способствуя созданию языкового «идеала»[18]. Стремление строить литературную речь в соответствии с установленным идеалом, соблюдая заданные по традиции нормы литературного языка, поддерживающие его престиж как орудия искусства, способствует определенной «заторможенности» развития литературного языка в отличие от народно-разговорной речи.

В процессе распространения литературного языка «тюркй» на различных территориях, населенных тюркоязычными народами, указанной тенденции сохранения литературных норм в языке противостояла иная тенденция, проистекавшая из потребности установления взаимопонимания и способствовавшая в конечном итоге приспособлению литературного языка к местным условиям и сближению его с местными диалектами. «На такой территории, как Северный Хорезм, где туркменские племена жили компактно»[19], литературный язык обогащался «за счет новых огузских элементов», а в кыпчакской среде —«за счет вытеснения огузских элементов кыпчакскими элементами»[20].

Распространяясь на новые территории, литературный язык «тюркй» всякий раз приходил в соприкосновение с местными диалектами, в результате чего создавалась ситуация языковых контактов. Круг вопросов, связанных с языковыми контактами: в каком направлении пойдет изменение языков в ходе контакта, какой из сталкивающихся языков в конечном итоге станет доминировать над другим и т. д., как установлено, не укладывается в рамки одной лингвистики [21], но в компетенцию последней вхо-

[18] А. М. Пешковский, Объективная и нормативная точка зрения на язык, — Избранные труды, М., 1959, стр. 54.

[19] Э. Н. Наджип, О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках, — СТ, 1970, № 1, стр. 88.

[20] Там же.

[21] A. Richard Diebold Jr., Incipient Bilingualism,—«Language», 1961, 37, 1, стр. 97.

дит исследование путей взаимопроникновения контактирующих языков.

Удобным объектом для наблюдений в этом плане может послужить, например, поэма «Юсуф и Зулейха», написанная в начале XIII в. поэтом Кул Гали, выходцем из Булгарии. Этот район достаточно удален от Центральной Азии, где изначально формировались тюркские литературные языки и в более поздние периоды влияние их на местные диалекты Поволжья могло быть лишь опосредованным. В силу этого истоки отдельных явлений в языке поэмы «Юсуф и Зулейха» можно проследить путем сопоставления с более ранними по отношению к нему языками памятников древнетюркской письменности, с одной стороны, и современными языками соответствующих территорий — с другой.

Простое сопоставление на уровне языковых единиц уже показывает, что язык поэмы состоит из разных напластований. В нем можно найти элементы, сближающие его с языком памятников древнетюркской письменности, как, например: аффиксы инструментального падежа *-ïn*, *-in* [*qanïn aγlar* 'плачет кровавыми слезами' (103) [22]], направительного падежа — *-ra*, *-rä* [*ičrä* 'вовнутрь', 'внутри' (103)]; деепричастные формы на *-ïban*, *-ibän*//*-uban*, *-übän* [*tutuban* 'схватив' (103)], *-u*, *-ü*//*-yu*, *-yü* [*aγlayu* 'плача' (98), *süräyü* 'волоча' (101), *diyü* 'говоря' (103)]; причастия на *-dačï*, *-däči* [*ürdäči* 'заплетающий' (108)]; лексемы типа: *kirtü* 'правильно' (104), *yavlaq* 'плохой, дурной', 'очень' (101) и др.

Заметное место в поэме занимают огузские элементы (как лексические, так и грамматические), ср., например, использование фонетической формы вспомогательного глагола *ol-* вместо *bol-* 'становиться' (102); употребление характерной для огузского ареала формы дательного падежа на *-a*: *quyuγa* 'в колодец' (101); использование специфических фонетических форм отдельных слов и типичных для огузского ареала лексем: *var* 'есть' (102), *qurt* 'волк' (102), *čoq* 'много', 'очень' (102), *el* 'рука' (102), *eylä-* (вспом.) 'делать', 'совершать' (103) и др.

Целый ряд черт сближает язык поэмы с булгаро-кыпчакскими диалектами: форма 1-го лица единственного числа настоящего времени по типу *qïlam* 'я делаю' (117), *veräm* 'я даю' (117); форма дательного падежа личного местоимения 3-го лица единственного числа *aŋa* 'ему' (107) и т. д. Смешанный характер языка поэмы, таким образом, не вызывает сомнений, но в данном случае, как уже было сказано, интерес представляет не столько сам факт смешения, сколько его характер.

При анализе языка поэмы в первую очередь бросается в глаза отчетливо выраженное сходство языка памятника с тюркскими

---

[22] Примеры приводятся по кн.: «Борынгы татар әдәбияты», Казань, 1963 (в скобках указаны страницы).

языками Поволжья в плане сигнификации (способы выражения). Словесные обороты и фразеология, используемые в поэме, почти в неизмененном виде встречаются в тюркских языках Поволжья и по сей день, и это обстоятельство говорит в пользу общности истоков. Ср.: *qatï düšman ol-* 'стать непримиримым врагом' (99), *halim bilirmüsän* 'знаешь ли ты о моем положении?' (84), *qadrini aχmaq bilmäz* '(только) невежда не знает ей цены' (83), *ant verip* 'дав клятву' (115), *uzun sačïm darayuban kim ürdäči* 'кто расчешет и заплетет мои длинные волосы?' (108), *tulγan ay tik balqïr idi anïŋ yüzi//bal šikärdin tatlï idi anïŋ sözi* 'как луна в полнолуние, лик его светился, слаще меда [и] сахара была его речь' (91). В то же время уйгуро-карлукские (древнетюркские) и огузские элементы употребляются спорадически; они произвольно заменяются равнозначными булгаро-кыпчакскими элементами в тех случаях, когда оказываются избыточными, т. е. предопределенными благодаря присутствию других элементов того же стилистического плана. Ср., например, постоянное чередование в языке поэмы широкого и узкого вариантов исходного падежа *-dan*, *-dän//-dïn*, *-din*: *közlärindin* 'из его глаз' (107), *andïn bärü* 'с тех пор' (108); использование по необходимости разных форм вспомогательного глагола «быть»: *erdi* (116) и *edi* (117), двух разных форм дательного и винительного падежей: *süräti* (115)//*sürätni* (115); *bizgä* (106)//*yerä* (106), разных фонетических вариантов одних и тех же лексем: *tila-* 'хотеть' (116), *dilä-* и др. Это доказывает, что древнетюркские и огузские элементы в языке поэмы не являются существенными звеньями системы, они лишь служат целям стилизации под литературную норму и по необходимости легко могут быть опущены и заменены. Стилизующая роль, «эталонность» некоторых из указанных черт особенно явственно проступает, когда они появляются в позициях, в которых в языке-образце не представлены. Примером этого может послужить образование формы *dut-* (114) от глагола *tut-* 'держать', который в огузских языках звонкого согласного в анлауте не имеет.

Таким образом, хотя в языке поэмы и представлены уйгуро-карлукские и огузские черты, их функциональная нагрузка по сравнению с нагрузкой в языках-образцах заметно изменилась. Они «влиты» в булгаро-кыпчакскую языковую систему и функционально «прилажены» к ней. Подобное явление оказалось возможным благодаря тому, что в данном случае контактирующими являются языки близкородственные, а при контакте близкородственных языков, как известно, сама языковая система не оказывает сопротивления интерференции и элементы одного языка беспрепятственно переходят в другой. Благодаря определенным социально-историческим условиям здесь доминирующими при столкновении оказались булгаро-кыпчакские диалекты, и в этом заключается, в частности, «секрет» особой популярности поэмы

«Юсуф и Зулейха» в Поволжье, где ее «в теченье ряда столетий» читали «без всякого перевода»[23]. Рассмотренный случай в целом отражает условия функционирования тюркских языков средневековья, которые, всякий раз меняя свое обличье, гибко приспосабливались к местным условиям. И это новое состояние языка отражалось не только на изменении материальной основы языка, но и прежде всего на изменении функциональной значимости языковых единиц; именно поэтому учет лишь конститутивных единиц языка не может дать представления об истинных масштабах происшедших в языке изменений.

Собственно лингвистические условия при столкновении орхоно-тюркского и древнеуйгурского языков были идентичны описанным выше. В качестве языка-эталона в этом случае выступал орхоно-тюркский, который постепенно разрушался под воздействием уйгурских племенных диалектов. Чтобы проследить, как далеко зашли эти изменения, обратимся к тем модификациям, которые претерпели в древнеуйгурском языке девять признаков, выделенных Т. Текином в качестве отличительных признаков орхоно-тюркского языка [24]. Вот что показывает сопоставление данных обоих языков:

1) в древнеуйгурском языке в ряде случаев переднеязычный смычный *d* употребляется вместо межзубного спиранта δ или среднеязычного спиранта *y* прочих тюркских языков. Но в отличие от орхоно-тюркского сфера его употребления ограничивается весьма узким кругом лексем (ср. *qod-* 'ставить', *yadaγ* 'пешком', *adrïl-* 'отделяться', *adaq* 'нога', *adγïr* 'жеребец' и др.);

2) форма родительного падежа *-ïŋ*, *-iŋ* при основах, оканчивающихся на согласный, в древнеуйгурском языке сохранилась лишь в местоименных образованиях: *meniŋ* 'мой', *anïŋ* 'его';

3) в древнеуйгурском языке, так же как и в орхоно-тюркском, наблюдается использование форманта *-da*, *-dä* для передачи как локативного, так и аблативного значения. Но в отличие от орхоно-тюркского форма аблатива на *-dïn*, *-din* в нем встречается не только при вопросительных местоимениях и словах, обозначающих направление, а сочетается с гораздо более широким кругом имен: *dyan-tïn* 'из состояния медитации', *tilintin* 'с языка', *turqalïr-dïn bärü* 'с тех пор как установилось (устроилось)' и др.;

4) причастие настоящего времени на *-γma*, *-gmä*, которое в орхоно-тюркском языке еще выступает как форма продуктивная, в древнеуйгурском языке встречается главным образом в лексикализовавшихся причастных определениях: *tigmä* 'называемый';

---

[23] Там же, стр. 25.
[24] Tekin, A Grammar of Orkhon Turkic, стр. 7—8.

5) причастие будущего времени на *-dačï*, *-däči*, *-tačï*, *-täči* продуктивно как в орхоно-тюркском, так и в древнеуйгурском языке. Но оно остается также продуктивным в языке «Кутадгу билиг»— караханидском литературном языке. Сфера распространения этого причастия достаточно обширна и не ограничивается пределами лишь рассматриваемых языков; оно всюду характеризуется относительной стабильностью функций;

6) продуктивное в орхоно-тюркском языке причастие на *-sïq*, *-sik* в древнеуйгурском языке малоупотребительно и сохраняется главным образом в отдельных лексемах с атрибутивным значением: *adïnsïγ* 'выдающийся', 'замечательный', *änätkäkčäsig* 'индийский';

7) аффикс сказуемости 2-го лица единственного числа прошедшего категорического времени *-ïγ* (*bardïγ*) в древнеуйгурском языке не встречается. Но уже и в орхоно-тюркских текстах этот аффикс появляется считанное число раз; в подавляющем же большинстве случаев в них употребляется формант *-ïŋ*, *-iŋ*, используемый и в прочих тюркских языках, включая древнеуйгурский;

8) вместо билабиального смычного *b* орхоно-тюркского языка в интервокальной и конечной позициях в древнеуйгурском языке употребляется щелевой *v* (*yavïz* вм. *yabïz*, *yavlaq* вм. *yablaq* и др.). Однако же в памятнике в честь уйгурского кагана Моюн-чора — одном из наиболее ранних памятников древнеуйгурского языка — в аналогичных позициях зафиксирован билабиальный смычный *b*;

9) среднеязычный щелевой сонант *ñ* в древнеуйгурском языке передается в одних случаях с помощью графемы *n*, в других — *y* (*ayïγ*//*anïγ* 'дурной', 'злой'). Направление развития этого звука, судя по некоторым данным, заложено уже в самом орхоно-тюркском языке, где он иногда также замещается звуком *y* (*yay-* О а1) или *ny* (*tonyuquq* БК $Ю_{14}$).

Сопоставление двух рассматриваемых языков по этим девяти признакам показывает, что различие между ними состоит не столько в наличии или отсутствии того или иного показателя, сколько в особенностях их употребления. В этом плане особенно примечательно употребление вспомогательных глаголов *är-* и *bol-* в том и другом языке. В языке орхонских памятников их значение строго дифференцировано: глагол *är-* употребляется в значении «быть», глагол *bol-* — в значении «делаться», «становиться». В древнеуйгурском языке уже встречается множество случаев использования глагола *bol-* в значении «быть», который при этом не только утрачивает свое прежнее значение, но и функционально замещает глагол *är-*. Ср.: *tïdïγ ada bolmadï* 'помех и препятствий не было' (СЦ, 12б, $_{22-23}$); *inisi oγlï bolma*[*jïp*] 'из-за того, что у него не было младших братьев и сыновей' (СЦ, $6б_{16}$); *köŋül ayïtγalï yaraγsïz bolmïšqa* 'из-за того, что не было возможности выразить свое почтение' (СЦ, $13а_{25}$).

В орхоно-тюркском языке глагол *är-* употребляется как полнозначный: *tört buluŋ qop yaγï ärmis* 'в четырех направлениях врагов у него было много' (КТ $В_2$); *näŋ näŋ sabïm ärsär* 'все, что я имел сказать' (КТ $Ю_{11}$). По иному принципу строятся отрицательные конструкции: *atï küsi yoq bolmazun* 'чтобы имя и слава его не исчезли' (КТ $В_{26}$); *temir qapïγqa. . . tägmis idi yoq ärmis* 'до (сего времени) [тюркский народ] не доходил до железных ворот' (Тон $Ю_3$). В древнеуйгурском языке уже произошла полная делексикализация глагола *är-*, и он используется там только в роли вспомогательного глагола. Можно предполагать, что этому способствовал процесс выравнивания по аналогии с отрицательными конструкциями. Такие функциональные сдвиги заметно изменяют облик древнеуйгурского языка, и в этом плане он никоим образом не может быть приравнен к орхоно-тюркскому. По сравнению с последним он являет собой качественно иное языковое состояние, более «обновленное», сдвинутое в сторону сближения с «новыми» и «новейшими» тюркскими языками.

Тюркские языки развивались в постоянном взаимодействии, видоизменяясь под влиянием друг друга. Они напоминают «лепестки огромного веера, в сущности представляющего собой нечто непрерывное: отсутствие прерывности лишь усиливает впечатление единства»[25]. Какой из лепестков этого языкового веера обретет статус литературного языка, не зависит от каких-то особых свойств данного языка, а определяется социально-историческими условиями. И поэтому вопрос о классификации литературных тюркских языков, так же как и языков в целом, по всей видимости, не может быть решен на основе только лингвистических критериев.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

КТ — Памятник в честь Кюль-тегина (по кн.: W. Radloff, Atlas der Alterthümer der Mongolei, вып. III, СПб., 1896).
БК — Памятник Бильге-кагану (там же, вып. I, СПб., 1892).
О — Онгинский памятник (там же, вып. I, СПб., 1892).
Тон — Памятник в честь Тоньюкука (там же, вып. IV, СПб., 1899).
СЦ — Л. Ю. Тугушева, Памятники древнеуйгурской письменности из собрания ЛО ИВАН СССР. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана (в печати).
«Altun yaruq» — Suvarṇaprabhāsa (Сутра золотого блеска). Издали В. В. Радлов и С. Е. Малов, вып. I—VIII, СПб. — Пг., 1913—1917 (Bibliotheca Buddhica, XVII).
TT IX — A. von Gabain, W. Winter, Türkische Turfantexte. IX, — «Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», Kl. für Spr., Lit. und Kunst, Berlin.

---

[25] А. Мартине, Основы общей лингвистики, — «Новое в лингвистике», III, М., 1963, стр. 515.

Э. И. Фазылов

О РУКОПИСЯХ И ЯЗЫКЕ «ЛАТАФАТ-НАМЕ» ХОДЖАНДИ

История формирования языка литературных памятников XI—XV вв., взаимоотношение его с территориальными диалектами, выявление дифференциальных признаков, отличающих историческое развитие различных уровней языковой структуры во взаимодействии внутренних и экстралингвистических факторов, имеют важное значение в изучении становления литературных языков тюркских народов Средней Азии.

Несмотря на замкнутость и изолированность в своем социальном использовании, тюркские литературные языки XI—XV вв. были все же многофункциональными, общераспространенными, с относительно твердыми нормами, наддиалектно-территориальными, имеющими функции общелитературного койнэ.

Вопрос о самом характере языка литературных памятников XI—XV вв., языковой преемственности в этих памятниках и отражении в них литературной традиции был объектом многих исследований [1], хотя главные усилия были направлены на выяснение так называемых уйгурских, кыпчакских, огузских и др. элементов.

Между тем признаки, отмеченные исследователями для того или иного языка, не могут быть одинаковыми на всем протяжении развития литературного языка XI—XVI вв., ибо появление или исчезновение этих признаков зависит от исторических условий, в которых развивался литературный язык.

---

[1] См., например: А. Н. Самойлович, Муҳаббат ва Таашшуқнома,— «Маориф ва ӯқутувчи», Самарканд, 1927, № 3—4, стр. 42—44 (в араб. графике); его же, К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, — «Мир-Али-Шир», Л., 1928, стр. 1—23; его же, Элементы диалекта «джокчи» в литературном чагатайском языке, — «Научная мысль», Самарканд, 1930, вып. 1, стр. 11—14; А. К. Боровков, Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв., М., 1963; A. Zajączkowski, Studia nad stylistyka i poetyka tureckiej wersji «Husräv u Šīrīn» Qutba, II, — RO, 1963, t. XXVII, zeszyt 1, стр. 7—44.

В процессе развития литературного языка его диалектная основа может меняться или претерпевать некоторые сдвиги, как это имело место в истории развития английского, французского литературных языков [2].

При определении соотношения диалектов в языке тюркских памятников средневековья и роли этих диалектов в процессе формирования литературного языка порой не учитывается использование поэтами традиционных поэтических приемов, по существу ставших уже архаизмами, но способствующих консервации языка.

Язык произведений XI в., т. е. язык эпохи Караханидов, впоследствии структурно сильно изменился. Литературная школа того времени распалась, но традиционные поэтические штампы сохранялись в течение многих столетий.

В эпоху создания «Латафат-наме» Ходжанди существовало общее литературное койнэ, причем смешанного диалектного характера, имевшее более широкое распространение, чем предшествовавшие литературные языки. Диалектная основа его была иной, чем языка «Кутадгу билиг» и «Атабат ул-хакаик».

«Латафат-наме» Ходжанди дошло до нас в четырех списках: кабульском, двух стамбульских и лондонском.

Кабульский список, написанный в уйгурской графике, хранится в библиотеке Кабульского музея (№ 10, 746—760) [3]. Рукопись переписана в 893/1488 г. В ней 313 бейтов. Факсимиле текста и транскрипцию издал Т. Ганджеи [4], а некоторые уточнения внес Осман Серткая [5]. Под руководством А. Н. Кононова по этой рукописи мною подготовлено исследование [6].

Стамбульские рукописи хранятся в Национальной библиотеке (Millet Kütüphanesi, Ali Emiri, Arapça Yazmalar, 86). Одна из них написана на полях комментариев к Корану арабским шрифтом [7], стр. 179—194, т. е. листы 91а—98а, за которыми следует «Мухаббат-наме» Хорезми. Часть текста непоправимо испорчена

[2] См.: В. Н. Ярцева, Развитие национального литературного английского языка, М., 1969, стр. 5—9; Н. А. Катагощина, Проблемы формирования французского письменно-литературного языка, — ВЯ, 1956, № 2.

[3] S. de Laugier de Beaurecucil, Manuscripts d'Afghanistan, Cairo, 1964, стр. 185.

[4] T. Gandjei, The «Laṭāfat-nāma» of Khujandī, — «Annali», Roma, 1970, NS 30(20), № 3, стр. 345—368+I—XXIII (текст).

[5] «İstanbul Universitesi Edebiyat Fakültesi Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi», İstanbul, 1971, с. XIX, стр. 231—235.

[6] Э. И. Фазылов, «Латафат-наме» Ходжанди. Введение, транскрипция текста, перевод, глоссарий, грамматический указатель, факсимиле. Под ред. А. Н. Кононова, Ташкент, 1976.

[7] J. Eckmann, Die Tschaghataische Literatur, — PhTF, t. II, 1964, стр. 315—316; O. Sertkaya, Horezmî'nin Muhabbet-nāme'sinin iki yeni yazma nüshası üzerine, İstanbul, 1972, стр. 4—7.

вследствие того, что страницы были обрезаны при повторном переплетении рукописи. В этой рукописи 311 бейтов. Недостает 29 бейтов, имеющихся в кабульской рукописи: 38, 46—48, 62, 67, 77, 116, 120—122, 126, 127, 132—134, 166, 227, 231, 233—235, 254, 267, 270, 272, 275, 285, 300. Однако в ней имеются 28 бейтов, отсутствующих в кабульской рукописи.

Вторая стамбульская рукопись (Manzum kısım 1221) является новой копией первой. Копия была сделана после переплетения рукописи, что явствует из пропусков на страницах 8, 9, 10, 20, 22, 23, 25, 26, которые соответствуют поврежденным частям.

Лондонская рукопись (British Museum Add. 7914) составляет часть большого сборника, включающего в себя кроме «Латафат-наме» такие памятники староузбекской литературы, как «Мухаббат-наме», «Гул-у Навруз», «Диван» Лютфи, «Дах-наме», «Махзанул-асрар», произведения Муназаре Якини, Ахмеди и Эмири, «Бахрул-худа» и «Тухфатус-салатин». «Латафат-наме» занимает листы 142б—157б сборника. Рукопись переписана в 914/1509 г.[8].

Рукопись содержит 323 бейта, причем некоторые из них повторяются по 2—3 раза. Лондонская рукопись написана в арабской графике. Она транслитерировалась с экземпляра, написанного уйгурскими буквами, но не с кабульского.

В лондонской рукописи по сравнению со стамбульской имеются следующие дополнительные бейты: 38, 46—48, 62, 67, 120, 132—134, 166, 223—235. Переписчиком данной рукописи допущены многочисленные неточности, часть из которых объясняется возможностью двоякого чтения уйгурских букв.

Об авторе «Латафат-наме» наука не располагает почти никакими сведениями. Единственным источником его биографии служит само произведение. Согласно нисбе Ходжанди, он выходец из Ходженда (совр. Ленинабад).

Судя по тому, что поэма «Латафат-наме» посвящена султану Махмуду, покровителю поэзии, можно предположить, что Ходжанди жил в конце XIV—первой половине XV в. Царствование султана Махмуда относится к 814 г. х., т. е. к 1411 г., когда он правил под опекой вдовы Шах-Валада, Танду, и вторично — в 825—827/1422—1424 гг.[9].

До нас дошло единственное произведение Ходжанди —«Латафат-наме», которое по своей форме и композиции перекликается с «Мухаббат-наме» Хорезми.

«Латафат-наме» начинается с традиционного восхваления Аллаха (бейты 1—19), пророка Мухаммеда (бейты 20—33), вступления к поэме (бейты 34—59), славословия султану Махмуду Тар-

---

[8] C. R i e u, Catalogue of the Turkish Manuscripts in the British Museum, London, 1888, стр. 287.

[9] К. Э. Б о с в о р т, Мусульманские династии, М., 1971, стр. 215.

хану (бейты 60—79), а затем следуют послания: первое включает бейты 80—102, второе — 103—130, третье — 131—148, четвертое — 149—172, пятое — 173—195, шестое — 196—219, седьмое — 220—240, восьмое — 241—263, девятое — 264—286, десятое — 287—303, и, наконец, заключение — бейты 304—313.

В «Латафат-наме» Ходжанди нет газелей, которые вставлены вслед за письмами в «Мухаббат-наме» и «Таашшук-наме», нет и фардов, кит'а, мунаджатов.

«Латафат-наме» написано в форме месневи (рифмуются оба полустишия: *аа*, *бб*, *вв* и т. д.). Большинство рифм основано на джинасе, т. е. полном совпадении слов-омонимов.

Поэтические приемы в «Латафат-наме» имеют во многом общие черты с другими произведениями жанра «наме». Например, четвертое наме Ходжанди интонацией, рифмой, поэтическими приемами сравнения, лексикой и пр. перекликается со вторым наме Хорезми.

Безусловно, Ходжанди был одним из талантливейших староузбекских поэтов. Как и большинство его поэтов-современников и предшественников, он прекрасно знал арабскую и персидскую литературу, а также обязательный для того времени Коран и хадисы. Эти знания он умело использовал в «Латафат-наме»:

Мухаммад ул ким айды хак та'ала
Фа-кана каба кавсайни ав адна

(бейт 24) [10]

Мухаммед, о котором сказал господь всевышний:
«И был он на расстоянии двух луков или ближе».

(сура 59, 9-й стих) [11]

Расул айды менин асхабым анжум
Би-аййин иктадайтул ихтадайтум

(бейт 33)

Посланник [божий] сказал: «Мои сподвижники подобны звездам,
Лучезарны и бесчисленны. Какому из них будете следовать, найдете верный путь?»
(из хадиса: Асхабӣ ка-н-нуджӯми би-айхим иктадайтум ихтадайтум)

Валекин мӯр келтӯрди йаракын
Сулайманга чевӯрткӓнин айагын

(бейт 75)

Но муравей приносит [дар] по своим возможностям,
[Как он принес] ножки кузнечика Сулейману.

[10] Примеры из «Латафат-наме» цитируются по кабульской рукописи; использованы также стамбульская (условное обозначение — С) и лондонская (условное обозначение — Л) рукописи.

[11] Коран. Пер. и комм. И. Ю. Крачковского, М., 1963, стр. 420.

Особенно примечателен приведенный 75-й бейт, где искусно использовано известное арабское четверостишие:

وارسل النمل من خلوص و داد
سليمان نصف رجل جراد
قائلا ذاك منتهى جهدى
الهد انا بقدر من يهدى

В знак чистой любви муравей послал
Сулейману ножки кузнечика.
Это — свидетельство большой любви.
Подарок равен дарующему.

Учителем Ходжанди был Хорезми, автор знаменитой поэмы «Мухаббат-наме»[12]. Ходжанди хорошо знал народное творчество, что видно из бейтов 45, 74, 211, 215, 266, где используются обработанные поэтом поговорки, пословицы и упоминаются герои народных сказаний.

О себе поэт пишет:

Люди говорят: Ты поэт,
Подари нам из твоих слов то, что подобает нам.

(бейт 46)

Из природы извлек я много стихов,
В мире не нашел я достойного ценителя.

(бейт 54)

Я испытал много невзгод, иссушил кровь,
Всемогущий оказал милость, я закончил речь.

(бейт 305)

Я не писал вздорных слов,
Тот, кто не знает моих слов, говорит понапрасну.
Мои слова понимает смышленый.
Как может оценить достоинства мудрого невежда?

(бейты 307, 308)

Ходжанди сетует на свою жизнь и на окружение:

Я согласился, но нет средства для достижения
этой цели,
[Все] развратились, и нет честности, добра.

(бейт 49)

12 Х о р е з м и, Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджипа, М., 1961; А. М. Щ е р б а к, Огуз-нӓме. Муҳаббат-нӓме (Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности), М., 1959; Т. G a n d j e i, Il «Muhabbat-nama» di Hōrazmī, — «Annali», Napoli, 1957, vol. VII, стр. 135—166; Т. G a n d j e i, Il «Muhabbat-nama» di Hōrazmī, — «Annali», Roma, 1959, NS, vol. VIII, стр. 91—102; G. C l a u s o n, A Hithero Unknown Turkish Manuscript in «Uighur» Characters, — JRAS, 1928, № 4, стр. 99—130; е г о ж е, The Muḥabbat-nāma of Xwārazmī, — CAJ, 1962, стр. 241—255.

Видимо, он не был придворным поэтом, что как будто следует из его стихов:

Мой разум говорит мне: пойди к правителю (тархану),
К предводителю царей, к султану пойди.

(бейт 56)

Мастерство Ходжанди ярко проявляется, например, в изображении наступления зари:

На рассвете повелитель Востока (т. е. солнце)
Своей красотой озарил мир.
Повелитель Чина (т. е. Востока), взяв в свои руки копье,
Прогнал из мира царя Эфиопии (т. е. тьму).
Царь Востока (т. е. солнце) расстелил по миру [свое] знамя.
Воины тьмы (т. е. ночь), испугавшись, разбежались.
Когда царь извлек саблю из ножен,
Царь Эфиопии убежал из страны Рума (т. е. когда взошло солнце, ночь покинула мир).
Когда появились тюркские воины (т. е. когда стало светать),
Разбежались воины индусов (т. е. ночь).
Закукарекал петух зари,
Ворон тьмы скрыл свое лицо (т. е. исчез).

(бейты 34—39)

Образы, использованные Ходжанди при описании наступления зари, созвучны таким же образам в «Шах-наме», «Кутадгу билиг»[13].

Одной из лучших глав «Латафат-наме», безусловно, является пятая глава с прекрасным описанием весны, пожалуй наилучшим из всех в произведениях этого жанра.

У Ходжанди встречаются традиционные, мастерски использованные им образы [14], отмеченные и у других поэтов средневековья:

Стан [ее] стройный, как «алиф», брови у нее, как «нун» (т. е. дугой),
Лейли (т. е. красавицы) [всего] мира [стали] Меджнунами (т. е. одержимыми) из-за твоей красоты.
Твои тесные уста [похожи] на [букву] «мим», а пленительные глаза — на [букву] «сад».
В мире нет такого чада Адамова, как вы.

(бейты 132—133)

---

[13] А. Н. Самойлович, Иранский героический эпос в литературах тюркских народов Средней Азии, — в кн.: «Фердовси. 934—1934», Л., 1934, стр. 161.

[14] А. Щербак, Замечания о тексте и языке Таʻашшук-наме, — «Studia Turcica». Ed. L. Ligeti, Budapest, 1971, стр. 431—444; A. Bodrogligeti, The Fragments of the Cavahiru'l-asrar, — CAJ, 1972, vol. XVI, № 4, стр. 290—303.

Твои щеки — тюльпаны, лицо — лепесток розы.
Человек, который не любит тебя, — не человек.

(бейт 125)

Для моих глаз прах твоих ног — целебная мазь,
Мое тело прах, а твоя любовь — эликсир.

(бейт 129)

Однако в поэме есть и неудачные сравнения (13-й бейт каирской рукописи), слабые места, непонятные строки:

Сулаймāн-тек ерӱр жāх̣-у жамāлыӊ
Х̣ужандӣ-тек з̣а'ӣф булсун жамāлыӊ
А̱сар ḳылса агар лут̣фуӊ жамāлы
Айаḳ астында ḳалмаġай жамāле — жумле?

(бейты 76—77)

Твое величие и красота подобны Сулейману,
Твоя привлекательность да будет малой, как у Ходжанди.
Если пленит красота твоей милости,
То не останется униженной под ногами красота.

Бегим аġзыӊ кири ары балыдур
сöзӱӊӱзгä жавāб āре балӣдур

(бейт 85)

Моя повелительница! Нечистоты твоих уст — пчелиный мед,
Ответ на ваши слова [только]: да, верно.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Система частей речи в языке «Латафат-наме» Ходжанди в целом та же, что и в «Мухаббат-наме», «Дах-наме», «Таашшук-наме».

Большинство грамматических категорий представлено в основных чертах почти полностью сложившимися. Однако наличие параллельных форм свидетельствует о том, что в языке отражен процесс формирования и сложения литературных норм, а также кристаллизации их значений.

Различные морфологические процессы представляют собой сложную систему, элементы которой находятся в сложном переплетении и взаимодействии.

Категория числа. Единственное число имен не имеет специфического показателя — в семантике слова содержится понятие единичности, парности, собирательности, совокупности, множественности и т. д.

Морфологическим показателем множественного числа имен, как и в других памятниках древности, выступает аффикс *-лар/-лäр*, функционирующий в стабильном звуковом составе: *ракӣблар* соперники' (99) [15]; *ишлäр* 'поступки' (18).

[15] В скобках здесь и ниже указаны номера бейтов.

Иногда в языке «Латафат-наме» отмечается употребление арабских форм двойственного числа и множественности, которые воспринимаются и как множественное, и как единственное число: *авлийā* 'святой', 'благочестивый' (23); *аġйāр* 'недруг', 'недруги' (98); *аййāм* 'дни' (263); *анбийā* 'пророки' (23); *анжум* 'звезды' (33). Это явление отмечено и в других памятниках средневековья [16].

Категория принадлежности. Отношение грамматической принадлежности выражается при помощи следующих аффиксов:

	ед. ч.	мн. ч.
1-е л.	*-м/-ым/-им/-ум/-ӱм*	*-ымыз/-ӱмиз*
2-е л.	*-ӊ/-ыӊ/-иӊ/-уӊ/ӱӊ*	*-ӊыз/-ыӊыз/-иӊиз/-уӊыз/ -ӱӊиз/-уӊуз/-ӱӊӱз*
3-е л.	*-ы/-и, -сы/-си, -ӱ*	*-ы/-и*

Примеры: *жāным* 'моя душа' (19); *елим* 'моя рука' (53); *'умрум* 'моя жизнь' (161); *сӧзӱм* 'мое слово' (55); *ысырġаӊ* 'твоя сережка' (114); *жāныӊ* 'твоя душа' (58); *еркиӊ* 'твоя воля' (16); *луṭфуӊ* 'твоя благосклонность' (17); *сӧзӱӊ* 'твое слово' (46); *фирāķ оты* 'огонь разлуки' (41); *кӧӊӱл еви* 'обитель сердца' (88); *ысырġаӊ дāнасы* 'камушек твоих сережек' (114); *йӱзӱӊ кӱзгӱси* 'зеркало твоего лица' (105); *'адлыӊ кӱчӱ* 'сила твоей справедливости' (65); *жāнымыз* 'наши души' (267); *кӧӊлӱмиз* 'наши сердца' (261); *ġамзаӊыз* 'ваш кокетливый взгляд' (81); *жāмыӊыз* 'ваши чарки' (200); *ерниӊиз* 'ваши губы' (293); *зулфуӊыз* 'ваши локоны' (136); *йӱзӱӊиз* 'ваше лицо' (Л, С—289); *зулфуӊуз* 'ваши локоны' (С—289); *сӧзӱӊӱз* 'ваши слова' (85).

Показатели принадлежности в целом аналогичны тем же показателям в языке хорезмийских текстов, правда в отдельных случаях в качестве притяжательного аффикса 2-го лица единственного числа в «Нахдж ал-фарадис» встречается показатель *-ниӊ*.

Категория склонения. Показателями падежей выступают следующие аффиксы:

основной падеж — —
родительный падеж — *-ныӊ/-ниӊ/-нуӊ/-нӱӊ*
винительный падеж — *-ны/-ни/-н, -ы/-и*
дательно-направительный падеж — *-ġа/-ķа/-кä/-гä, -а/-ä*
местный падеж — *-да/-дä/-та/-тä*
исходный падеж — *-дын/-дин/-тын/-тин*

В единичных случаях употребляется аффикс орудного падежа *-ин*: *дарūġā сенсизин 'умрум кечäдур* 'о горе, без тебя проходит моя жизнь' (161).

[16] А. М. Щербак, Грамматика староузбекского языка, М.—Л., 1962, стр. 117—120.

Основные функции и значения падежей в языке «Латафат-наме» аналогичны функциям и значениям падежей в языке «Мухаббат-наме», «Дах-наме», «Таашшук-наме» и других памятников староузбекского языка [17].

Сравнительное исследование рукописей «Латафат-наме» позволяет отметить функционирование одних падежей вместо других.

Местный падеж выступает в значении:

а) винительного: *кечäр дунйāда* (Л, С: *дунйāны*) *беш кÿн ҳош кечÿргил* 'в этом преходящем мире [хоть] пять дней проведи радостно' (213); б) дательно-направительного: *бар ул топраķда* (С: *топраķға*) *ķойған йÿз менин-тек* 'есть [там] в пыли подобные мне сотни' (256); *кöнÿлдä* (Л: *кöнÿлгä*) *зулф-у ҳāлың дāна-у дāм* 'твои локоны и родинка — для душ зернышко в западне' (242); в) исходного: *алиф-тек тоғры каддым йа ғамында* (Л, С: *ғамындын*) 'мой стройный, как «алиф», стан в горе стал [похож] на лук' (288); *öлäдурмен фирāķында* (С: *фирāķындын*) *раҳӣм ķыл* 'я умираю из-за разлуки с тобой, будь милосердна' (196).

Дательно-направительный падеж выступает в значении местного падежа: *нечä 'ишķ отыға* (Л, С: *отыда*) *бирйāн болайын* 'как долго пылать мне в огне любви' (271); *еликкä* (Л: *еликтä*, С: *елиндä*) *жäм-и жам алмыш шаķāйиķ* 'полевой мак [словно] взял в руки чашу Джамшида' (180).

Исходный падеж — в значении местного: *сусузлуķтын* (Л, С: *сусалыķда*) *ṣадаф ағзын ķурутур* 'из-за безводья заставляет он сохнуть уста жемчужной раковины' (7) и др.

Перечисленные примеры функциональной обратимости падежей показывают, что употребление одних падежей вместо других встречается в различных вариантах рукописи «Латафат-наме», что объясняется, видимо, влиянием диалектных особенностей языка переписчика. Правда, есть случаи, когда функциональная обратимость падежей связана с историей развития падежной системы староузбекского языка. К таковым относятся: *саҳāват ичрä сен миңдä бир ерсен* 'в великодушии ты — один из тысячи мужей' (78); *виṣāлында кечä кÿндÿз евäрмен* 'для встречи с тобой днем и ночью спешу' (126) и др.

Категория сказуемости. Показателями категории сказуемости выступают личные местоимения, а также *-дурур/-турур*, *-дур/-тур* и *-ул*. Причем в одной и той же рукописи встречаются как *-дур*, так и *-тур*: *сöзÿм чун дāнāдур нāдāн не билсÿн* 'ибо мои слова проникнуты мудростью, откуда [это] знать неучу' (55); *ҳаķӣķат бил таныда жāны йоķтур* 'у того действительно тело без души' (43) и т. д.

---

[17] Sanglah, A Persian Guide to the Turkish Language by Muhammad Mahdi Xan. Facsimile Text with an Introduction and Indices by Sir Gerard Clauson, London, 1960.

Что же касается показателей *-дурур* и *-турур*, то первый отмечен главным образом в стамбульской рукописи «Латафат-наме» (бейты 74, 76), а *-турур* — в кабульской (40) и лондонской (74, 76) рукописях. Последнее обстоятельство, видимо, связано с особенностями уйгурской графики и ее арабской транскрипцией.

В качестве связки выступает глагол *ер-* 'быть', который может сохранять частично знаменательное значение, а также быть связкой, модальной и уступительной частицей (ср. слова *еркӓн*, *ермиш*, *ерсӓ*) [18].

Отрицание при имени. Отрицание при имени выражается при помощи *дӓгӱл*: *сени севмӓз киши āдам дӓгӱлдур* 'человек, который не любит тебя, — не человек' (125) и *ермӓз / ермӓс*: *жафāдын йӱз чевӱргӓн 'āшиķ ермӓз* 'кто избегает страданий, тот не влюбленный' (142). Фонетический вариант *ермӓс* встречается лишь в лондонской рукописи.

Имя прилагательное. В языке «Латафат-наме» сравнительная степень прилагательных образуется при помощи аффикса *-раķ / -рӓк*: *'āшиķларга жафā ẋошраķ вафāдын* 'для влюбленных страдания приятнее верности' (141); *севӱкрӓксен маңа жāн-у жахāндын* 'ты для меня милее души и мира' (122).

Уподобительная форма в кабульском списке образуется при помощи *-тек* [*орамың топраġыда йӱз мениң-тек* 'в пыли твоей улицы сотни таких, как я' (256)], а в лондонской и стамбульской рукописях — *-дек / -дӓк* (С—13; Л—137).

Имя числительное. Числительные ничем не отличаются от таковых в других памятниках староузбекского языка, в частности «Мухаббат-наме» и «Таашшук-наме».

Местоимение. Засвидетельствованные в языке «Латафат-наме» местоимения подразделяются на:

а) личные: *мен* 'я' (127); *сен* 'ты' (313); *биз* 'мы' (259); *сиз* 'вы' (74);

б) указательные: *ул* 'он', 'тот'; *бу* 'этот' (223); *ушбу* 'этот' (142);

в) вопросительные: *ким* 'кто' (255); *не* 'что' (297); *нелӱк* 'как', 'почему' (230); *нетӱк* 'как' (224); *нечӱк* 'отчего', 'почему' (258); *нечӓ* 'сколько', 'как много', 'как долго' (271); *ķайан* 'куда' (206); *ķаны* 'где' (211); *ķачан* 'когда' (162);

г) возвратные: *ӧз* 'сам' (59);

д) обобщенно-определительные: *текмӓ* 'каждый', 'всякий' (44); *телим* 'много' (18); *хар* 'каждый', *ķамуġ / ķамуķ* 'все', 'весь' (26, 145); *жумла* 'каждый', 'всякий' (13);

е) неопределенные: *ким ерсӓ* 'кто-либо', 'некто' (273); *ӧзгӓ* 'иной', 'другой' (235).

---

[18] C. Brockelmann, Osttürkische Grammatik der Islamischen Literatursprachen Mittelasiens, Leiden, 1954.

Глагол. Отрицательный аспект образуется путем присоединения к основе глагола аффикса *-ма/-мä*: *жафā ҳаддын ашурма ķулларынга* 'не превышай меры страданий своим рабам' (217); *фирäķ оты билä баƣрым пÿшÿрмä* 'огнем разлуки не терзай мое сердце' (139).

Аффикс *-маķ/-мäк* служит для образования отглагольного имени: *йыƣламаķ* 'рыдание' (170). Показатель *-мäклик* образует отглагольно-инфинитивную форму *севмäклик* 'любить', 'любовь' (268).

Повелительно-желательное наклонение образуется при помощи: а) основы глагола; б) аффиксов *-ķыл/-ƣыл/-гил/-ƣын/-гин* (2-е л. ед. ч.); в) аффиксов *-сун/-сÿн/-син/-сÿ* (3-е л. ед. ч.); г) аффиксов *-й*, *-айын* (1-е л. ед. ч.); д) аффиксов *-алы/-äли/-äлиң* (1-е л. мн. ч.)

Аффикс 2-го лица единственного числа повелительно-желательного наклонения *-ƣыл/-гил* отмечен во всех трех рукописях «Латафат-наме», аффикс *-ƣын/-гин* — лишь в стамбульских рукописях.

Что касается аффикса *-ķыл*, то он встречается лишь один раз в лондонской рукописи (*айытķыл* 'скажи', Л—154).

В одном случае вместо ожидаемого *-сун/-сÿн* встречается *-син* [*тегмäсин* 'пусть не прикоснется' (232)].

Фонетический вариант аффикса 3-го лица единственного числа повелительно-желательного наклонения, характерный для орхоно-енисейских памятников, *-сÿ* встречается лишь в кабульской рукописи, и всего один раз: *адаķынга ķаным тегмäсÿ нāгāх* 'чтобы не коснулась случайно твоих ног моя кровь' (272).

Первое лицо единственного числа повелительно-желательного наклонения образуется при помощи аффиксов *-й*, *-айын*: *нетäк болмай мунуң-тек йÿзгä 'āшиķ* 'как же можно не любить такое лицо' (236); *нечä 'ишķ отыƣа бирйāн болайын* 'как долго пылать мне в огне любви' (271), а 1-е лицо множественного числа образуется при помощи аффиксов *-алы/äли*, *-äлиң*: *кел ăй сāķū бу кÿн мажлис ķуралы* 'приди, о виночерпий, устроим сегодня пиршество' (102); *кел ăй сāķū ķадаҳ келтÿр ичäлиң* 'приди, о виночерпий, подай бокалы, выпьем' (240).

Значения форм повелительно-желательного наклонения в «Латафат-наме» аналогичны известным значениям форм повелительно-желательного наклонения в «Нахдж ал-фарадис», «Хосров и Ширин», «Гулистан би-т-турки», «Мухаббат-наме»[19].

Условное наклонение образуется от основы глагола с помощью аффикса *-са/-сä*+аффиксы лица: *саңа баķсам йÿзÿнä жāн кöрÿнÿр* 'когда смотрю на тебя, на твоем лице видна душа' (89); *муҳаббат*

[19] Э. И. Фазылов, Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века. Автореф. докт. дисс., Ташкент, 1967, стр. 68.

жāмыдын ичсāң шарāбе 'из чаши любви если выпьешь вина' (48); *не болгай кылсаңыз бизгä 'инāйат* 'что будет, если вы окажете нам благосклонность' (45).

Иногда аффикс *-са/-сä* используется в значении аффикса настояще-будущего времени *-га/-гä: качан öксÿлсä* (С: *ексилгä*) *хижрāн мāжарāсы* 'когда же окончится тревога разлуки' (159).

Следует особо отметить употребление аффикса 2-го лица единственного числа условного наклонения *-санан* в стамбульской рукописи (С—45) и аффикса 1-го лица множественного числа *-сак* — в лондонской рукописи (Л—261).

Данные формы условного наклонения характерны для языка памятников караханидской эпохи, а также встречаются в «Хосров и Ширин» Кутба, «Нахдж ал-фарадис», «Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак» Абу Хайяна и «Китаб ат-тухфат уз-закиййа фил-лугат-ит-туркиййа».

Для образования аналитических форм условного наклонения используются *-дыса/-дисä (-ды/-ди + ерсä)*: *сипāх-и турк болдыса сипāхы* 'когда появились тюркские воины (т. е. когда стало светать)' (38); *-ды ерсä: чыкарды ерсä шах ханжар белидин* 'когда царь снял кинжал с бедра//пояса' (37).

Для выражения настояще-будущего времени употребляются формы на *-гай/-гäй* и *-га/-гä/-ка*, которые выступают параллельно для выражения будущего времени с оттенком обычности, привычности совершения или несовершения данного действия, а также желания, пожелания и долженствования: *еригäй ушбу йолда санг-и хāрā* 'расплавится на этом пути [даже] гранит' (273); *пашӣмāн болгасен āхир не хāсил* 'ты будешь потом сожалеть, какая польза [от того]' (216); *нечÿк йок болка 'ишкың жāн ичиндä* 'как же исчезнуть в моей душе любви к тебе' (258).

В 1-м лице единственного числа данный аффикс имеет форму *-гам* и встречается всего один раз: *висāлың давлатын болгам му харгиз* 'будет ли когда-либо [мне] счастье свидания с тобой' (283).

Широко представлена форма настояще-будущего времени на *-р/-ар/-äр/-ур/-ÿр* + аффиксы лица. Данная форма выступает в тех же значениях, что и в памятниках XIV—XV вв.[20]. Разновидность данной формы с губной огласовкой явно преобладает (встречается 83 раза).

Отрицательная форма образуется при помощи показателя *-маз/-мäз* (в кабульской рукописи) и *-мас/-мäс* (в лондонской и стамбульской рукописях).

---

[20] J. Eckmann, Chagatay Manual, Bloomington, 1966 (Indiana University Publications, vol. 60); его же, Çagatay dili hakkında notlar, — TDAY, 1958, стр. 115—126; A. Inan, Çagatay yazı dilinin kuruluşu tarihine dair düşünceler, — «Türk Dili — Belleten», seri III, № 6—7, 1946, стр. 531—543.

В единичных случаях в лондонской и стамбульской рукописях встречается аффикс *-йӱр*: *йалынсыз ич багырны ӧртӓйӱрсен* ʽбез огня все внутренности сжигаешь’ (266). В одном случае форма на *-маз*/*-мӓз* используется в значении отглагольного имени: *сабур кылмаз* (Л: *кылмак*) *жамāлындын махāл ул* ʽнет терпения (сносить невзгоды) из-за твоей красоты, невозможно’ (168).

Относительно часто в значении будущего времени встречается форма на *-адур*/*-ӓдур*: *дарūгā сенсизин ʽумрум кечӓдур* ʽо горе, без тебя проходит моя жизнь’ (161); *ӧлӓдурмен фирāкында рахūм кыл* ʽя умираю из-за разлуки с тобой, будь милосердна’ (196).

В единичных случаях значения настояще-будущего времени выражаются посредством: а) аффикса 1-го лица единственного числа отрицательной формы настояще-будущего времени *-ман*: *йӱзӱнӓ нечӓ баксам тойман ӓй жāн* ʽсколько бы я ни смотрел на твое лицо, не насмотрюсь, о душа’ (253); б) аффикса будущего времени *-асы*/*-ӓси*: *бу дардымга давā мушкил боласы* ʽэтим моим недугам трудно будет найти исцеление’ (143); в) аффикса желательного наклонения 1-го лица единственного числа *-ӓм* < *ӓйим*: *ӧлӓм махмӯр кӧзӱндин бир бака кӧр* ʽя готов умереть из-за твоих опьяняющих глаз, взгляни разок’ (275).

Распространенной формой прошедшего времени является форма на *-ды*/*-ди*/*-ты*/*-ти* + аффиксы лица:

1-е л. ед. ч.	*-дым*/*-дим*, *-дум*/*-дӱм*, *-тым*/*-тим*, *-тум*/*-тӱм*
2-е л. ед. ч.	*-дын*, *-дун*/*-дӱн*, *-тун*
3-е л. ед. ч.	*-ды*/*-ди*, *-ты*/*-ти*

Значения и функции прошедшего времени на *-ды*/*-ди* полностью совпадают с таковыми в языке древних и средневековых памятников.

В памятнике отмечены также формы:

а) прошедшего-неочевидного времени на *-ыбдур*/*-ыбтур* (*-ыбтур* главным образом в лондонской рукописи): *шакар нархын лабын арзāн кылыбдур* ʽцену сахара твои губы удешевили’ (119);

б) прошедшего-перфективного времени на *-ган*/*-гӓн*, *-кан*/*-кӓн* (*-кан* отмечен только в лондонской и стамбульской рукописях, Л, С—4): *фирāк отыда багры пāра болган* ʽв огне разлуки сердце его разрывалось на части’ (41);

в) прошедшего-неочевидного времени на *-мыш*/*-миш*: *бинафша зулфыдын ʽанбар сачылмыш* ʽиз лепестков фиалок распространилась амбра’ (178);

г) будущего-прошедшего времени на *-гады* (< *-га* < *-гай* + *еди*): *ʽАлū-дек болгады бизгӓ хавāдāр* ʽкак Али, был бы он нам другом’ (С—309);

д) будущего-прошедшего времени на *-гайды* (< *-гай* + *еди*): *ешитсӓ йоллы деб кылгайды тахсūн* ʽон бы восхитился и сказал бы: хорошо’ (309).

Деепричастие. В языке рассматриваемого памятника отмечены следующие деепричастия:

а) на *-б/-ыб/-иб,-уб/-ӱб: бақыб сӧз шāхидының йӱзин ачтым* 'взглянув, я открыл лицо красоты слова' (50); *жамāлыңны кӧрӱб гул гунча болгай* 'увидев твою красоту, цветок останется бутоном (т. е. не раскроется из-за смущения)' (86);

б) на *-ӱбäн*: *замāне ӧсрӱбäн жāндын кечäлиң* 'хоть на время, опьянев, отречемся от души' (240);

в) на *-а/-й, -у*: *бир бақа кӧр* 'попробуй взглянуть разок' (275); *илāхи дардыма дармāн қылу бер* 'о Аллах, дай мне лекарство от моей болезни' (311);

г) на *-гунча/-гынча* (последний — в лондонской рукописи); *лабыңдын сормагунча билсä болмаз* 'нельзя узнать ее, пока я не спрошу [об этом] у твоих губ' (290).

Причастие. В «Латафат-наме» встречаются причастия:

а) на*-р/-äр*: *бири бирини ойнарда чыбуқлар* 'резвясь, друг друга [нежно] гладят' (182); *аның ким бир севäр жāнāны йоқтур* 'тот, кто не имеет возлюбленной' (43);

б) на *-йур*: *йыгачлар ойнайурда йең салышур* 'деревья, качаясь [от ветра], переплетаются ветвями' (181);

в) на *-ган/-гäн*: *бир айган сӧзни шāхым йӱз евӱрдӱң* 'сказанные один раз слова, моя повелительница, ты сто крат повторила' (156);

г) на *-ан* (отмечено всего два раза): *хайāлыңны тапан жāндын қопар гам* 'печаль покидает [ту] душу, которая поклоняется тебе' (260); *саңа ʿāшик болан жāндын елик йур* 'от души, которая влюбляется в тебя, он отрекается' (Л, С—296);

д) на *-мыш*: *тӱшӱб қалмыш-тек абрӣшим бичäклäр* 'словно шелковые лоскутки разбросаны' (177);

е) на *-гӱчи*: *сен оқ сен билгӱчи валлāху аʿлам* 'ты только ведаешь, мудрейший господь' (313).

Наречие. Встречаются следующие разряды наречий:

а) наречия времени: *емди* 'теперь', 'сейчас' (173); *дāйим* 'всегда', 'постоянно' (284); *хамӣша* 'всегда', 'постоянно' (79);

б) наречия образа действия: *мундақ* 'такой' (205); *мухтасар* 'кратко' (303);

в) наречия меры и степени: *артуқ* 'больше', 'очень' (252); *кӧп* 'много' (170); *асру* 'очень', 'весьма' (283);

г) наречия места: *ырақ* 'далеко' (272); *йавуқ* 'близко' (169).

Послелоги. Послелоги делятся на послелоги-частицы и послелоги-имена.

К послелогам-частицам относятся: *ӱзä* 'на', 'над' (91); *ӱзäлä* 'на', 'над' (244); *ӱзрä* 'на', 'над' (7); *ичрä* 'в', 'во', 'внутри чего-л.' (69); *киби* 'как', 'подобно' (74); *бикин* 'подобно', 'как' (133); *йаңлыг* 'подобно', 'как' (312); *меңизлик* 'подобно', 'как' (174); *билä, билäн,*

бирлā 'вместе', 'между собой'; 'с', 'вместе с' (71, Л—139, 213); *ӱчӱн* 'ради', 'для' (126); *адын* 'иной' (Л—169).

Послелогами-именами выступают: *аст + ында* 'под' (С—76); *баб + ыда* 'в отношении чего-л.' (63); *ич + индä* 'в', 'во', 'внутри чего-л.'; 'при' (243); *ķат + ында* 'у', 'около', 'при' (74).

Союзы. Союзы делятся на сочинительные и подчинительные. К сочинительным союзам относятся: *у* 'и' (2); *хам* 'и' (53); *йā* 'или' (121).

Подчинительными союзами являются: *агар* 'если', 'если бы' (112); *гар* 'если' (272); *ки* 'что', 'который'; 'чтобы' (209); *нечä ким* 'насколько', 'как бы' (Л, С—234); *чун* 'словно', 'ибо' (63); *качан* 'когда'; 'в то время, когда' (164); *ерсä* 'когда' (37); *валū* 'но', 'однако' (170); *валēким, валēкин* 'но', 'однако' (75); *магар* 'лишь', 'только' (59).

Частицы и междометия. В качестве частиц выступают: *оķ* — утвердительно-выделительная частица (313); *му* — вопросительная частица (121).

Междометиями являются: *айā* 'о', 'эй' (обращение) (131); *алā, алā ай* 'о' (264); *ай* 'о' (138); *-ā/-йā* 'о' (17); *дилбарā* 'о красавица' (97); *āре* 'да' (85); *балū* 'да', 'верно' (85).

В системе словообразования в языке Ходжанди встречаются те же аффиксы, что и в языке хорезмийских памятников XIV в., в частности *-луķ/-лӱк*: *бойлуķ* 'имеющий рост, туловище' (196), *тӱрлӱк* 'разный' (228); *-луг/-лӱг*: *бойлуг* 'имеющий рост, туловище' (132); *йӱзлӱг* 'имеющий лицо' (151); *-лыķ/-лик*: *бēвафāлыķ* 'неверность', 'непостоянство' (119), *йигитлик* 'юность', 'молодость' (212); *-лиг*: *иглиг* 'больной' (93); *-ли*: *еринли* 'с губами, устами' (151); *-чы*: *йалганчы* 'лжец', 'лживый' (150); *-м*: *йарым* 'половина' (249); *-ма/-мä*: *йагма* 'грабеж' (111); *сӱрмä* 'сурьма' (70); *-сыз/-сиз*: *вафасыз* 'неверный', 'непостоянный' (287); *сенсиз* 'без тебя' (161).

В синтаксическом строе языка «Латафат-наме» наблюдаются те же конструкции, которые характерны для староузбекского языка XV—XVI вв.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Для языка «Латафат-наме» Ходжанди характерно употребление исконно тюркских слов. Этот пласт словарного состава в общем имеется и в «Мухаббат-наме», «Таашшук-наме», «Дах-наме», «Гулистан би-т-турки», а также в «Муʿūнул-мурид», «Джавхарул-асрар», «Тафсир» и др. Нередко в данной группе слов выделяют огузские, кыпчакские, уйгурские и другие элементы[21]. Выделение

[21] Э. Н. Наджип, Кипчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века. Автореф. докт. дисс., М., 1955; его же, Архаизмы

этих элементов, на наш взгляд, следует считать весьма условным, ибо в ранних, да и в поздних, средневековых памятниках провести четкие границы между ними невозможно. В языке «Латафат-наме» часто употребляются слова, встречающиеся во многих памятниках староузбекского языка, особенно в диванах Лютфи, Атаи, Гадаи, Саккаки, Амири и др.

Ниже приводим характерный пласт лексики языка «Латафат-наме»: *авуч* 'пригоршня' (297); *ағыз / ағзы* 1. 'рот', 'уста' (291); 2. 'горло', 'горлышко', 'край' (117); *адағ / адақ* 'нога' (70); *адын* 'другой', 'иной' (Л—169); *ажун* 'мир', 'свет' (61); *аз бол-* 'быть незначительным, малым' (140); *ай* 'луна', 'месяц' (69); *ай-* 'говорить', 'сказать' (72); *айақ / айағ* 1. 'нога'; 2. 'ножка' (75, 77); *айын* 'другой', 'иной' (С—169); *айыр-* 'отделять', 'разлучать', 'разнимать' (19); *айыт- / айт-* 'сказать', 'говорить' (56); *ақ-* 'течь' (280); *ақарт-* 'выцветать' (С—12); *ал-* 'брать', 'взять' (35); *алтун қыл-* 'заставить краснеть' (234); *ар-* 'уставать', 'утомляться' (142); *ары* 'пчела' (85); *арслан* 'лев' (62); *артуқ* 'больше'; 'очень' (252); *ас-* 'вешать' (Л, С—4); *асығ / асық қыл-* 'приносить пользу' (Л—165); *асру* 'очень', 'весьма', 'совершенно' (283); *астында* — в роли служебного имени 'под' (С—76); *ат* 1. 'название', 'имя' (306); 2. 'слава' (58); *ат-* 'бросать', 'метать' (232); *ач-* 'открывать', 'раскрывать' (50); *ачыл-* 'распуститься', 'наступать' (87); *ачуқ* 'открытый' (209); *ашур-* 'перейти', 'превысить' (217); *äдгÿ* 'достойный' (54); *äйгÿ* 'достойный' (С—54); *äйлä-* 'делать', 'совершать' (вспомогательный глагол) (251, 278); *äсрÿк* 'пьяный' (Л—226); *ев* 'обиталище' (88); *ев-* 'спешить', 'торопиться' (126); *еврÿл-* 'вращаться' (71); *евÿр-* 1. 'отворачиваться', 'отрекаться'; 2. 'обращать', 'повторять' (156); *ексил-* 'исчезать', 'окончиться' (С—159); *ел* I. 1. 'страна', 'государство' (37); 2. 'народ', 'люди' (228); *ел* II. 'рука' (53); *елиг / елик* 'рука' (209); *емгäк* 'страдание', 'невзгоды' (305); *емди* 'теперь', 'сейчас' (175); *ең* 'щека', 'щеки', 'ланиты' (220); *ер* 'мужчина', 'муж' (78); *ер-* 1. 'быть', 'находиться' (268); 2. в служ. знач. (40); *ери-* 'таять', 'расплавляться' (237); *ерин / ерни* 'губы', 'губа' (218); *еринли* 'с губами' (151); *ерк* 'воля', 'сила', 'власть' (16); *еркäн* 'когда', 'в то время как', 'пока' (49); *ермиш* 'оказывается' (167); *ерсä* 'когда' (союзное слово) (37); *ес-* 'дуть' (С—232); *есÿр-* 'пьянеть' (186); *ет-* 1. 'совершать', 'делать' (282); 2. в служ. знач. как компонент составного глагола (49); *ешик* 'дверь', 'порог' (40); *ешит-* 'слышать' (309); *бағыр / бағры* 1. 'сердце', 'душа' (41);

в лексике тюркоязычного памятника XIV в. «Гулистан» Сейфа Сарайи, — сб. «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», М., 1964, № 83; его же, «Хосрау и Ширин» Кутба и его язык, — «Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова», М., 1966; его же, Некоторые забытые памятники татарского литературного языка и литературы, — «Совет äдäбияты», Казань, 1957, № 4 (на тат. яз.); его же, О памятнике XIV века «Нахдж ал-Фарадис» и его языке, — СТ, 1971, № 6, и др.

2. 'сердцевина' (222); *бай* 'богатый' (10); *бак-* 'внимательно смотреть', 'обозревать' (208); *бал* 'мед' (9); *бар* 'есть', 'наличие' (137); *бар-* 'идти', 'отправляться' (56); *бараг* 'земля, напоенная влагой'; 'земля, изобилующая влагой'; 'плодородная земля' (Л—11); *барбат* 'музыкальный инструмент' (род лютни) (184); *баруга* 'крепость' (300); *бас-* 'наложить' (111); *бат-* 'погружаться' (51); *бахāсыз* 'бесценный' (274); *баш* 1. 'голова' (50); 2. 'начало' (280); *баш кыл-* 'ранить' (С—296); *бēвафāлык* 'неверность', 'непостоянство' (199); *бел* 'пояс', 'талия' (230); *белгӳр-* 'виднеться' (291); *бичäк* 'клочок', 'лоскуток' (177); *беш* 'пять' (213); *беш кӳн* 'бренное', 'недолговечное' (211); *биз* 'мы' (45); *бикин* 'подобно', 'как' (133); *бил-* 1. 'знать', 'ведать' (55), 2. 'узнавать', 'познавать' (308); *билä* — послелог, выражает: 1. совместность, взаимность ('с', 'вместе с') (71); 2. инструментальность, орудийность (269); *билä-* 'точить' (Л, С—284); *билäн* — послелог, выражает инструментальность, орудийность (Л—139); *билин-* 'обнаруживаться', 'становиться известным' (116); *бирäгӳ* 'один', 'некто' (10); *бирäр* 1. 'раз', 'разок' (204); 2. 'когда-нибудь', 'как-то' (259); *бирлä* — послелог 1. 'вместе', 'между собой' (183); 2. 'с', 'вместе с' (59); 3. выражает инструментальность, орудийность (213); *бойлуг* / *бойлук* 'имеющий рост, туловище' (132); *бойун* 'шея' (257); *бул-* 'найти', 'находить' (54); *булун-* 'находить(ся)', 'обнаруживать(ся)' (100); *булут* 'облако', 'тучи' (7); *бутаг* 'ветвь', 'побег' (162); *бӳлä-* 'точить' (284); *бӳт-* I. 'кончаться', 'заканчиваться' (159); *бӳт-* II. 'вырастать', 'уродиться' (224); *вафāсыз* 'неверный', 'непостоянный' (287); *дагы* 'и', 'еще' (С—11); *де-* 1. 'говорить', 'сказать' (56); 2. с деепричастием на *-б* выступает в роли союза 'как'; 'из-за того, что' (13); *дäгӳл* 'не' (прииминное отрицание) (125); *дудаг* 'губа', 'губы' (192); *ду'āчы* 'молящийся за кого-л.' (Л, С—280); *иглиг* 'больной' (93); *иди* 1. 'господь' (27); 2. 'владыка', 'повелительница', 'возлюбленная' (187); *из* 'след' (233); *ирäт-* 'заставлять петь' (6); *истä-* 'желать', 'искать' (297); *ит* 'собака' (202); *ич* 1. 'нутро', 'душа' (294); 2. *~ багыр* 'внутренности' (266); 3. в служ. знач.: послелог 'в', 'во', 'внутри чего-л.'; 'при (каких-л. обстоятельствах)', 'в (условиях чего-л.)' (243); *ич-* 'пить' (240); *ичрä* — в служ. знач.: послелог 'в', 'во', 'внутри чего-л.' (69); *ичӳр-* 'напоить' (18); *иш* 1. 'работа', 'дело' (215); 2. 'дело', 'положение' (164); 3. 'удел' (296); *ырак* 'далекий'; 'далеко' (272); *ысырга* 'серьга' (114); *йа* 'лук' (288); *йавук* 'близкий', 'близко' (169); *йагач* 'дерево' (С—181); *йагыз* 'бурый', 'темный' (174); *йагма* 'ягма (одно из тюркских племен)' (251); *йагма кыл-* 'расстраивать', 'сводить с ума' (111); *йаз-* 'рассеивать (грусть)', 'разгонять (тоску)' (189); *йазук* 'грех', 'вина', 'провинность' (31); *йак-* I. 'течь', 'разжигать' (154); *йак-* II. 'нравиться', 'быть по душе' (252); *йалан* 'лживый' (Л, С—264); *йалган* 'лживый' (153); *йалганчы* 'лживый', 'лжец' (150); *йалансыз* 'без пламени', 'без огня' (266); *йаман* 1. 'дурной' (257); 2. 'коварный', 'злой' (264); *йан* 'сторона' (271); *йан-* I. 'гореть', 'воспламеняться' (294); *йан-* II. 'возвращаться' (202); *йана*

1. 'снова', 'вновь', 'опять' (175); 2. 'и', 'еще' (10); *йаңаг* 'щека' (125); *йаңақ* 'щека' (Л—124); *йаңы* 'новый' (С—131); *йаңлыг* 'подобный', 'как' (312); *йаңлық* 'подобный', 'как' (Л—67); *йар-* 'рассекать' (73); *йара* 'рана' (160); *йара-* 'подходить', 'годиться', 'быть достойным' (73); *йарақ* 'возможность', 'средство' (75); *йарат-* 'создавать', 'творить' (5); *йараш-* 'подходить', 'годиться', 'быть уделом' (281); *йарым* 'половина' (249); *йару-* 'сиять', 'радоваться' (158); *йат-* 1. 'лежать' (С—256); 2. 'находиться', 'пребывать' (83); *йахшы* 'хороший', 'добрый' (215); *йаш* 'слезы', 'слеза' (234); *йаша-* 'сверкать' (Л, С—65); *йашын* 'молния' (67); *йашна-* 'сверкать' (65); *йашун-* 'укрывать', 'прятать' (36); *йел* 'ветер' (194); *йең* 'рукав' (181); *йер* 'земля' (147); *йет-* 1. 'доходить', 'достигать' (279); 2. 'хватать' (16); *йети* 'семь' (4); *йигитлик* 'юность', 'молодость' (212); *йинжӱ* 'жемчуг' (50); *йығач* 'дерево' (181); *ыйгламақ* 'плач', 'рыдание' (170); *йықыл-* 'падать', 'растянуться' (70); *йыл* 'год' (71); *йыпар-* 'испытывать' (305); *йырақ тӱш-* 'быть, оказываться вдали, далеко' (167); *йолы* 'раз' (96); *йоллы* 'счастливый' (309); *йумақ* 'глубокий', 'темный' (248); *йумуртқа* 'яйцо' (39); *йут-* 'испытывать', 'подвергаться' (232); *йӱз* I. 'лицо', 'лик' (90); *йӱз* II. 'сто' (156); *йӱзлӱг* 'имеющий лицо' (151); *йӱрäк/йӱрäг* 'сердце' (159); *йӱрäклик* 'доблестный', 'отважный' (62); *йӱрӱт-* 'приводить в движение', 'распространять' (305); *кейӱр-* 'одевать' (С—11); *кел-* 1. 'приходить' (152); 2. 'возникать', 'являться', 'быть созданным' (250); 3. в знач. служ. глагола (175); *келтӱр-* 'приносить', 'доставлять' (188); *кераклик* 'нужный', 'необходимый' (62); *кераклäз* 'ненужный' (147); *кет-* 'уходить', 'покидать' (282); *кетäр-* 'устранять', 'удалять' (219); *кетӱр-* 'приносить' (148); *кеч-* 1. 'проходить', 'протекать' (263); 2. 'отказаться', 'отрекаться' (122); *кечä* 'ночь', 'поздний вечер' (39); *кечӱр-* I. 'проводить', 'проживать' (213); *кечӱр-* II. 'пронзать' (18); *киби* 'как', 'подобно' (74); *ким* 1. 'кто' (местоим.) (107); 2. в значении 'тот, кто'; 'который', 'что', 'как', 'чтобы', 'когда' (308); *кир* 'грязь', 'нечистоты' (85); *кир-* 'входить' (40); *кӧк* I. 'небо' (134); *кӧк* II. 'могила (?)' (С—64); *кӧңлäк* 'покров', 'одеяние' (187); *кӧңӱл* 1. 'сердце', 'душа' (233); 2. 'мысль', 'дума' (169); *кӧргиз-/кӧргӱз-* 'совершать' (27); *кӧркä бай* 'прекрасная', 'красивая' (103); *кӧрӱн-* 'показываться', 'казаться' (89); *кӱзгӱ* 'зеркало' (105); *кӱй-* 'гореть', 'сгорать' (294); *кӱйдӱр-* 'сжигать', 'зажигать' (266); *кӱл-* 1. 'смеяться' (87); 2. 'распуститься', 'зацвести' (227); *кӱлмäк* 'смех' (170); *кӱн* 'день' (162); *кӱндӱз* 1. 'день', 'днем' (161); 2. 'день', 'дневной свет' (134); *кӱч* 'сила', 'мощь' (269); *қабуқ* 'дверь', 'ворота' (Л—13); *қав-* 'прогонять' (35); *қаз-* 'копать', 'рыть' (74); *қайан* 'куда', 'в какую сторону' (206); *қайғу* 'горе', 'печаль' (99); *қайыр-* 'сгибать', 'нагибать' (162); *қал-* 1. 'сохраняться', 'уцелеть' (77); 2. 'испытать' (235); 3. в служ. знач. выражает завершенность, законченность, неожиданность действия (193); *қамыш* 'тростник', 'стебель тростника' (9); *қамуғ* 1. 'весь',

'целый', 'полный' (145); 2. 'все, без изъятия' (311); *ķамуķ* 1. 'весь', 'целый' (26); 2. 'все, без изъятия' (3); *ķан* 'кровь' (272); *ķандур-* 'удовлетворить', 'насытить', 'утолить' (190); *ķаны* 'где' (211); *ķапа ķыл-* 'закрывать', 'затмить' (225); *ķара* 'черный' (230); *ķараг* 'глаз' (248); *ķараķ* 'глаз', 'зеница ока' (145); *ķарынча* 'муравей' (С—292), *ķат* 1. 'слой', 'пласт' (4); 2. в служ. знач. 'у', 'около', 'при' (74); *ķат-* 'ставить рядом' (303); *ķатыķ* 'сильный', 'сильно' (С—232); *ķач-* 'убегать' (37); *ķачан* 1. 'когда', 'в какое время' (164); 2. союз 'когда', 'в то время когда'; 'если' (159); *ķаш* 1. 'бровь', 'брови' (152); 2. в служ. знач. 'у', 'около', 'при'; 'от' (95); *ķыз* 'девственность' (С—50); *ķызар-* 'краснеть' (192); *ķызыл* 'красный' (124); *ķый-* I. 'резать', 'разрезать' (267); *ķый-* II. 'жалеть', 'пожалеть' (300); *ķыйа баķ-* 1. 'взглянуть мельком, краем глаза' (273); 2. смотреть кокетливо' (266); *ķыл* 'волос', 'волосок' (73); *ķыл-* 1. 'делать', 'совершать' (10); 2. 'действовать', 'поступать' (73); 3. 'обращать', 'превращать' (118); 4. в служ. знач. в сочетании с именем образует сложные глаголы (267 и т. д.); *ķылыч* 'меч' (65); *ķырыг* 'край', 'берег' (247); *ķыш* 'зима' (87); *ķой-* 1. 'класть', 'ставить'; 'припадать' (192); 2. 'оставлять', 'бросать' (253); 3. 'откладывать' (215); 4. 'называть' (306); 5. в служ. знач. в сочетании с именами образует сложные глаголы (Л—306 и т. д.); *ķол* 'рука', 'руки' (257); *ķоп-* 'покидать', 'исчезать' (260); *ķорķ-* 'бояться' (36); *ķош* 'чарка', 'бокал' (185); *ķудуг* 'колодец' (248); *ķудуķ* 'колодец' (13); *ķуйаш* 'солнце' (70); *ķуйуг* 'колодец' (С—248); *ķуйуķ* 'колодец' (Л—248); *ķул* 'раб' (295); *ķур-* 1. 'устраивать' (102); 2. в служ. знач. в сочетании с именами образует сложные глаголы (Л—306); *ķуру-* 'высохнуть' (158); *ķурут-* 1. 'иссушить' (7); 2. в служ. знач. в сочетании с именами образует сложные глаголы (305 и т. д.); *ķут* 'счастье', 'благополучие' (8); *ķуш* 'птица' (186); *мен* 'я' (местоимение) (155); *мен̣* 'родинка' (293); *мен̣измик* 'подобно', 'как' (174); *мин̣* 'тысяча' (78); *му* — вопросительная частица (121); *мундаķ* 'такой' (205); *мунун̣* — родит. пад. от *бу* (236); *мунча* 'столь много', 'так много' (282); *мураṣṣа'чы* 'инкрустатор' (179); *не* 1. 'что' (297); 2. 'как', 'что за', 'каков', 'какой' (168); *нелӱк* 'как', 'отчего', 'почему' (230); *нетӓк* 'как', 'отчего', 'почему' (236); *нетӱк* 'как', 'каким образом' (Л—224); *нечӓ* 1. 'сколько', 'сколь', 'как много', 'как долго' (271); 2. в сочет. с формой на *-са* имеет значение 'сколько бы ни', 'как бы ни' (253); *нечӱк* 'отчего', 'почему' (258); *ойна-* 'играть' (181); *ойун* 'другой' (169); *оķ* I. 'стрела' (232); *оķ* II. утвердительно-выделительная частица (313); *оķу-* I. 'звать', 'призывать' (26); *оķу-* II. 1. 'читать' (С—310); 2. 'вспоминать', 'упоминать' (С—310); *ол* 'тот', 'он' (5); *ол-* 1. 'быть (в наличии)' (238); 2. 'становиться', 'делаться' (249); 3. входит в состав сложных глаголов (34 и т. д.); *олтур-* 'пребывать' (102); *он* 'десять' (53); *орам* I. 'улица' (202); *орам* II. 'виток', 'пучок волос' (245); *орум* 'пучок волос, достаточный для заплетения одной косы'; 'одна коса' (245); *от* 'огонь'

(139); *охша-* 'быть похожим' (107); *ош* 'вот то, о чем говорилось, что известно собеседнику' (анафорическое местоимение) (279); *ошбу* 'этот', 'вот именно этот' (237); *ошул* 'тот', 'вот тот', 'этот' (162); *ӧдгӱ* 'достойный', 'хороший' (Л—54); *ӧз* 1. 'сам' (59); 2. 'сущность' (169); *ӧзгä* 'иной', 'другой' (31); *ӧксӱк* 'недостаток', 'погрешность' (С—131); *ӧксӱл-* 'уменьшаться' (159); *ӧл-* 'умирать' (196); *ӧлтӱр-* 'убивать' (271); *ӧп-* 'целовать' (192); *ӧртä-* 'течь', 'сжигать' (254); *ӧртäн-* 'гореть', 'пылать' (197); *ӧсрӱк* 'опьянение' (193); *ӧсӱр-* (*ӧсрӱ-*) 'пьянеть' (240); *пӱшӱр-* 'терзать' (139); *рахӣмсыз* 'безжалостный', 'жестокий' (197); *сағын-* 'вспоминать', 'думать' (206); *сальыш-* 'делать' (181); *сай* 'слава', 'молва' (231); *сал-* 1. 'класть' (230); 2. 'бросать', 'кидать', 'оставлять' (52); 3. 'ввергать' (138); 4. 'бить', 'ударять' (С—226); 5. 'прощать' (Л, С—256); *сан* 'счет', 'предел' (280); *сарық* 'желтый' (124); *сат-* 'продавать' (13); *сач* 'волосы' (123); *сач-* 'рассыпать' (50); *сачыл-* 'быть рассыпанным, разбросанным, рассеянным' (173); *сев-* 'любить' (126); *севмäклик* 'любить', 'любовь' (268); *севӱк* 'любимый', 'любящий', 'милый' (122); *силк* 'путь' (52); *сиҳӣ-бойлуқ* 'имеющий стройный стан' (196); *сыз-* 'паять', 'плавиться' (69); *сор-* I. 'спрашивать', 'расспрашивать' (259); *сор-* II. 'сосать' (290); *сӧзлӱг* 'имеющий слова' (151); *сӧй-* 'любить' (253); *сӧкäл бол-* 'быть больным' (21); *су* 'вода' (5); *суғалт-* 'заставлять иссякать, пересыхать'; 'заставлять иссушить' (Л—12); *суғар-* 'увлажнять' (12); *суй* 'вода' (179); *султāнлық* 'царство' (282); *сун-* 'протягивать' (163); *сусалық* 'жажда' (Л, С—7); *сусузлуқ* 'отсутствие воды', 'безводье' (7); *сӱр-* 'вести', 'заниматься' (Л, С—214); *сӱрмä* 'сурьма (краска для глаз)' (70); *тағы* 'еще' (11); *тағма* 'пятно', 'клеймо' (111); *тамға* 'пятно', 'клеймо' (Л, С—11); *таң* I. 'утро', 'заря', 'рассвет' (215); *таң* II. 'чудо', 'редкость' (С—227); *татар* — этн. 'татарин' (115); *тап-* 'находить' (160); *тапуғ/тапуқ* 'служба', 'поклонение' (Л, С—281); *тарт-* 1. 'вести', 'приводить в порядок' (52); 2. 'испытывать' (101); *тарҳан* — титул правителя (56); *тат-* 'пробовать', 'отведать' (200); *таш* I. 'камень' (294); *таш* II. 'внешняя, наружная часть' (294); *те-* 'говорить' (Л—176); *тег-* 1. 'доходить', 'достигать'; 'касаться' (272); 2. 'доставаться', 'выпадать на долю' (144); 3. 'настигать', 'поражать' (232); *тегӱр-* 'доводить' (150); *текмä* 'каждый', 'всякий' (308); *телим* 'много' (18); *тын-* 'успокаиваться' (65); *тогры* 'прямой', 'стройный' (288); *той-* 'насыщаться', 'пресыщаться' (253); *тоқу-* 'бить', 'ударять'; 'низвергать' (26); *тоқуз* 'девять' (4); *тол-* 1. 'наполняться' (285); 2. 'распространяться' (136); *топраг* 'земля', 'прах' (256); *топрақ* 'земля', 'прах' (256); *тӧк-* 1. 'проливать', 'лить' (124); 2. 'рассыпать' (200); *тӧрäт-* 'создавать', 'творить' (9); *тӧрт* 'четыре' (Л, С—32); *тӱгäл* 'обильный' (6); *тӱгäн* 'обильный' (6); *тӱз-* 'настраивать', 'приводить в порядок' (52); *тӱзäт-* 'устраивать' (Л, С—2); *тӱмäн* 'десять тысяч' (137); *тӱн-* 'ночь' (208); *тӱрлӱк* 'разный', 'различный' (228); *тӱтӱн* 'дым' (279);

тӱш- 'попадать', 'оказываться' (167); *угaн* 'всемогущий', 'бог' (289); *ужун* 'мир' (Л—61); *уз* 'искусный' (45); *узала йат-* 'растянуться', 'лежать вытянувшись' (244); *уйал-* 'стыдиться', 'смущаться' (248); *улуг* 'великий' (С—31); *улус* 'селение', 'народ' (266); *ур-* 1. 'называть' (Л—306); 2. 'веять', 'распространяться', 'разноситься' (36); 3. в качестве компонентов составных глаголов (С—49 и т. д.); *урун-* 'покрываться' (176); *усал қыл-* 'проявлять беспечность' (Л, С—212); *ут-* 'выигрывать' (72); *утру тут-* 'выставлять навстречу' (232); *уфтан-* 'стыдиться' (120); *уч-* 1. 'край' (273); 2. 'острие', 'наконечник' (65); *учур-* 'погасить', 'потушить' (213); *ушат-* 'разбить', 'раздробить' (С—234); *ушбу* 'этот' (142); *ӱзä* 'на', 'над' (91); *ӱзäлä* 'на', 'над' (244); *ӱзрä* 'на', 'над' (7); *ӱст* 'на' (77); *ӱчӱн* 'ради', 'для', 'из-за', 'по причине' (41); *ҳижāбсыз* 'не раздумывая', 'сознательно' (51); *ҳисāбсыз* 'без счета', 'без числа' (51); *ҳошлан-* 'радоваться' (С—185); *чав* 'молва', 'слава' (229); *чаг* 'время' (С—259); *чагана* 'чагана' (музыкальный инструмент) (195); *чал-* 'бросать', 'валить', 'ударять' (226); *чанг* 'чанг' (музыкальный инструмент) (184); *чевӱр-* 'отворачивать лицо' (142); *чевӱргä* 'саранча', 'кузнечик' (75); *чевӱрткä* 'саранча', 'кузнечик' (Л—75); *чек-* 'испытывать' (170); *чечäк* 'цветок' (101); *чечäксиз* 'без цветка' (295); *чигил* — этн. 'чигил' (название тюркской народности) (251); *чыбуқ* 'ветвь' (182); *чыбуқла-* 'гладить', 'поглаживать' (182); *чықар-* 1. 'извлекать' (51); 2. 'распространять'; 'выдумывать', 'явиться причиной чего-л.' (109); 3. 'заставить отречься' (109); *чын* 'настоящий', 'истинный' (221); *шаҳāншāҳлық* 'царствование' (144) и др.

Среди приведенных слов нетрудно выделить так называемые архаизмы[22], которые употреблялись и в языке памятников караханидской эпохи.

С точки зрения взаимодействия разных диалектных и языковых типов обращает на себя внимание параллельное употребление глаголов *ол-*, *бол-*, *қыл-*, *ет-*, *айлä-*, *тур-*, *дур-*, *тап-*, *бул-* и др.

В языке «Латафат-наме» отмечен также пласт арабо-персидских слов и выражений, которые наличествуют почти в любом староузбекском тексте XV—XVI вв. Правда, некоторые из них характерны только для «Латафат-наме». Например:

Зихӣ султāн-и дāру-л-мулк-и афлāк
Угaн берди санa т а ш р ӣ ф - и   л а в л ā к

(бейт 25)

Хвала султану столицы небесных сфер,
Всемогущий [Аллах] наделил тебя почетом «лавлака»

(сокращенно из хадиса: *Лавлāка лавлāка ламā ҳалақтул-афлāка* 'если бы не было тебя, то не создал бы мир').

---

[22] Х о р е з м и, Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджипа, М., 1961, стр. 128—137.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

С. Н. Иванов

К ИЗУЧЕНИЮ ЖАНРА ГАЗЕЛИ В СТАРОУЗБЕКСКОЙ ПОЭЗИИ

Исследований, посвященных жанру газели в тюркоязычных литературах, почти нет. Между тем этот жанр занимает в лирическом творчестве поэтов прошлых веков ведущее место, характеризуется своеобразнейшими поэтическими и эстетическими особенностями, и изучение его вполне отвечает одной из главнейших задач гуманитарных наук — задаче «истолкования культур прошлого», понимания и интерпретации культурных ценностей давних эпох, открытия нового в старом [1].

Изучение тюркоязычных литератур всегда направлялось исследованиями в области ираноязычной поэзии, подобно тому как и сами тюркоязычные литературы Ближнего Востока и Средней Азии были как бы «младшим братом» поэзии на языке Фирдоуси, Рудаки, Хафиза, Саади, Хаяма, Низами. Лишь в последнее время наметились тенденции к преодолению взгляда на тюркоязычную поэзию (в частности, и на произведения Навои) как на творчество «второго сорта».

В изучении поэзии и поэтики Навои, в том числе и в той его части, которая относится к жанру газели, тюркология может и должна опираться на труды Е. Э. Бертельса, Я. Рипки и др., но при этом представляется совершенно необходимым привлечение тех идей и достижений, которые характерны для русской школы изучения поэтики — от А. Н. Веселовского до Д. С. Лихачева.

В настоящем сообщении предпринимается попытка наметить возможные пути изучения жанра газели в тюркоязычной поэзии на примере творчества Навои и в связи с наиболее характерными особенностями данного жанра [2].

---

[1] См.: Д. С. Лихачев, Поэтика древнерусской литературы, Л., 1967, стр. 364—365.

[2] Наиболее подробно особенности лирики Навои освещены А. Хайитметовым. См.: А. Хайитметов, Навоий лирикаси, Тошкент, 1961.

Задача «истолкования культур» применительно к жанру газели приводит прежде всего к необходимости познания эстетики данного жанра, к попытке оценки его эстетических качеств «изнутри», т. е. по эстетическим канонам определенной эпохи и определенной поэзии, а не на основе предвзятых схем и модернизации [3]. Говоря современным языком, жанр газели должен быть понят как определенная «знаковая система» [4] содержательных и формальных средств, подчиняющаяся установленным эстетическим нормам и воспроизводящая их в себе. Понять эстетику газели — значит понять ее «во времени», точно установив при этом, чтó можно и чего нельзя требовать от данного жанра искусства [5]. При этом должны быть преодолены и рефлексы «буквального видения», и натурализм восприятия, и наивные поиски «реализма», столь характерные для переводческих (вернее, перелагательских) интерпретаций газели.

Каждая данная газель представляет интерес не только с точки зрения того, что в ней сказано, но и в отношении того, что в ней недосказано, так как именно «недоговоренность» поэзии, как ее отличительное свойство, возможна лишь в силу наличия определенных канонов жанра. Так, например, когда Навои говорит:

Дединг кўнгул ўти дудин чиқарма оҳ била
Агар чин эрса сўзунг нега кўксум эттинг чок (III, 330) [6].

Ты сказала: «Не испускай вместе со стонами дым
от огня сердца», —
Если твои слова — правда, то зачем ты сделала
разорванной мою грудь? —

то в этом бейте «дым стонов (=вздохов)», «огонь сердца» и «разорванная (=вспоротая) грудь» заданы не столько контекстом данной газели, сколько совокупностью образных средств жанра газели в целом.

Как во всякой системе, характеризующейся специфической символикой, в газели отдельные ее знаки и символы в значительной мере условны и иероглифичны, но условность всякого искусства является не отходом от правды, а именно попыткой приближения к ней в рамках художественного сознания своего времени [7]. Из истории развития искусства известно, что в определенные

---

[3] См.: Д. С. Лихачев, Поэтика древнерусской литературы, стр. 142.

[4] См., например: М. С. Каган, Лекции по марксистско-ленинской эстетике, Л., 1971, стр. 494—495.

[5] Там же, стр. 513.

[6] Здесь и дальше примеры даются в современной узбекской графике по изданию: Алишер Навоий, Хазойинул-маоний. Илмий-танқидий текст асосида нашрга тайёрловчи Ҳамид Сулаймон, т. I—IV, Тошкент, 1959—1960. В скобках указываются номера тома и газели.

[7] См.: А. Михайлова, О художественной условности, М., 1970, стр. 167.

эпохи появление новых тенденций в духе приближения к правде воспринималось как попрание законов правды. Протопоп Аввакум, например, воинственно ополчался против новых веяний в иконописи, против попыток такого изображения святых, при котором они были бы наделены чертами обычных людей [8]. Изучение эстетических регламентаций, в русле которых развивался жанр газели, и того, что и как говорится в газелях и о чем в них умалчивается, составляет необходимое условие более глубокого проникновения в законы жанра.

Наиболее характерной особенностью художественной условности газели является традиционность образов. Д. С. Лихачев отмечает, что необычность художественного образа, его «единичность» и единственность, неповторимость обостренного и обновляющего вйдения мира характерны лишь для конкретизирующего искусства нового времени. «Высокому» стилю русской литературы XIV—XV вв. свойственны привычный «этикет» выражений, определенный набор повторяющихся образов и тропов [9]. От писателя той эпохи требовались в основном комбинаторские способности [10]. Эти наблюдения в значительной мере приложимы и к характеристике газели как жанра [11].

Нақди жон берсаму лаъли лабидин қут олсам
Умр бозорида мен хастаға бу савдо бас (III, 240).

Если я отдам наличные ценности души (= жизни), а [взамен]
возьму из ее рубиновых уст [себе] пропитание,
То на базаре жизни мне, немощному, довольно этой сделки.

В этом бейте все тропы традиционные: наличные ценности души, уста-рубины, базар жизни, я, немощный. Единственная конкретизация ситуации — «я» включается здесь в абстрактно-условный ряд трафаретов, отражающих собой непреложные и «извечные» черты и знаки бытия. Тем самым и это «я» как бы выводится за пределы конкретности.

Соблюдение литературного «этикета», следование традиционным канонам не означают отсутствия творческого начала, но отражают определенный этап развития художественного сознания, когда канон выступает как знак, как сигнал, вызывающий то или иное эстетическое переживание, уже закрепленное в этом своем качестве в сознании данной среды. Это — тенденция к систематизации познанного [12]. Творчество в этих условиях и состоит в том,

---

[8] Там же.

[9] Д. С. Лихачев, Поэтика древнерусской литературы, стр. 112—113.

[10] Там же, стр. 164.

[11] См.: Е. Э. Бертельс, Избранные труды. Суфизм и суфийская литература, М., 1965, стр. 109.

[12] Д. С. Лихачев, Поэтика древнерусской литературы, стр. 153.

чтобы, комбинируя знаки-сигналы, создавать сложное переплетение познанного — известных воспринимающему элементов — с познаваемым в данный момент — специфической комбинацией элементов. Такая эстетика связана и с той особой ступенью эстетического развития, когда, если пользоваться терминами И. Стравинского, узнавание привычного предпочитается познанию необычного [13].

Абстрактность и вневременность газели поддерживаются теми свойствами средневекового мировоззрения, которые Д. С. Лихачев называет «бинарностью художественного мышления», т. е. резким разграничением и противопоставлением духовного и материального начал [14]. Слово воздействует на слушателя не логико-понятийной стороной, а «общим напряжением таинственной многозначительности» [15]. Основное художественное средство реализации указанных возможностей слова — сложная символика, закрепленная в определенном инвентаре традиционных образов. Символика газелей — это преимущественно суфийское соположение коррелирующих образов. Хорошо известен этюд Е. Э. Бертельса о соотношении и противопоставлении образов: «лицо», «чело» и «локоны», «кудри» [16]. Одна из задач изучения жанра газели — продолжение изысканий в этой области.

К отмеченным свойствам газели — традиционности и каноничности образных средств, своеобразной эстетике узнавания, абстрактности и вневременности образов, замкнутой системе символов, бинарности художественного мышления — должно быть добавлено еще одно свойство — техническая изощренность газели, отточенное совершенство формы и, как говорит Ян Рипка, «незнакомый Западу и, к сожалению, не передаваемый на другом языке блеск» [17].

Таковы общеэстетические особенности газели, требующие внимательного изучения, которое едва лишь начато на материале тюркоязычной поэзии. Остановимся также и на основных вопросах поэтики газели и задачах ее изучения.

Важное значение имеет изучение бейта — и как строфической единицы стиха, и как единицы образной структуры.

Минимальная стиховая единица в газели — бейт. Газель в целом — это совокупность бейтов, число которых варьируется большей частью от 7 до 13, хотя бывают газели, состоящие из 3—6 бейтов или доходящие до 22 бейтов. Например, число бейтов

---

[13] «Литературная газета», 14.II.1973, стр. 8.

[14] Д. С. Лихачев, Поэтика древнерусской литературы, стр. 120—121.

[15] Там же, стр. 117.

[16] Е. Э. Бертельс, Суфизм и суфийская литература, стр. 109—125.

[17] «История персидской и таджикской литературы». Под ред. Яна Рипка, М., 1970, стр. 112.

в газелях Саади — от 6 до 22, у Лютфи есть газели из 3—4 бейтов, у Навои — от 5 до 13. Бо́льшая часть газелей у Навои (приблизительно две трети общего числа около 2,5 тысяч) состоит из 7 бейтов [18].

Один из основных вопросов, относящихся к особенностям структуры газели, — это вопрос о характере связи бейтов. Существует мнение о слабой связанности бейтов друг с другом. Издавна газель сравнивали с нитью жемчуга, на которую нанизаны отдельные жемчужины, лишь случайным набором «приставленные» одна к другой. Это убеждение приводило к высказываниям о смысловой дезинтеграции бейтов в газели. Однако это мнение, по справедливому утверждению Яна Рипки, нуждается в пересмотре [19].

Представляется, что обе крайние точки зрения — и мнение об отсутствии связи между бейтами, и поиски жесткой связанности бейтов, исходящие из уподобления газели европейской лирике, — несостоятельны как всякие однозначные и потому схематичные дефиниции.

Утверждение о несвязанности бейтов истинно лишь в том смысле, что бейт, как минимальное художественное звено газели, стремится к художественной завершенности, основным внутренним признаком которой является афористическая отточенность бейта. Внешние признаки связи бейтов между собой — рифма и редиф, но и они проявляются на ярком фоне «аккордности» бейтов, подчеркнуто разделенных: паузой — в чтении, разрывом — в написании, инструментальной каденцией — в пении. Свойство «отдельности» бейтов находит наиболее яркое выражение в возможности в некоторых случаях перестановки бейтов в пределах одной газели и в известных фактах осуществления этой возможности: иногда в разных списках одна и та же газель фигурирует с разной последовательностью бейтов. Естественно, что такого рода перестановки не распространяются на маṭла' с его парной рифмовкой и на макта', в котором содержится тахаллус.

Относительно характера связи бейтов по существу, по содержанию можно полагать, что многое здесь еще просто не изучено с достаточной полнотой и причиной утверждений об отсутствии смысловой связи бейтов является непонимание самих основ этой связи. Ян Рипка отмечает, что «в иранской поэзии каждое стихотворение обязано иметь свою доминанту (нукте), причем очень выразительную. Ею характеризуется и взаимоотношение отдельных образов того же стиха в связи с его содержанием в целом» [20]. Указывается также, что для газели характерно наличие объединяющей идеи, которая вариационно разрабатывается в бейтах [21].

---

[18] А. Ҳайитметов, Навоий лирикаси, стр. 76—78.
[19] «История персидской и таджикской литературы», стр. 105.
[20] Там же, стр. 110.
[21] Там же, стр. 110—111.

Давно было замечено, что в газелях соотношение рассудочного и эмоционального элементов иное, нежели в европейской лирике. Европейское восприятие газели, настроенное на привычную «волну» чувства, столь существенного для западной лирики, упускает из виду чрезвычайно существенный ее компонент — рациональный, т. е. ту доминанту (нукте), о которой говорит Ян Рипка.

При попытках анализа этого ratio, заложенного в газели, мы вплотную подходим к трудному теоретическому вопросу о том, в какой мере образы газели сочетают прямой (лирический) смысл с философско-суфийским подтекстом [22]. Естественно, что для разных литератур, различных эпох их развития и для отдельных поэтов указанное соотношение не может быть выражено каким-то константным показателем. Здесь важен принципиальный вопрос о необходимости в каждом конкретном случае изучать эту особенность газели. Попытка перевести данную проблему в русло анализа и детализации возвращает нас к тем направлениям разысканий, которые были начаты Е. Э. Бертельсом: нужно составить что-то вроде инвентаря традиционных для газели образов и установить их возможное философское содержание, их философское «наполнение». Так, например, по содержанию выделяется пространный ряд тематических образов (как правило, «бинарных»): лицо — локоны, соловей — роза, красные тюльпаны — раны сердца, змеи — сокровища, сова — развалины и т. д.

Но помимо этого возможна и классификация бейтов по их месту в газели. Если взять газель с наиболее характерным числом бейтов — семью и исключить первый бейт-зачин с парной рифмой и завершающий бейт, содержащий в себе тахаллус, то в оставшихся пяти бейтах два последних, т. е. пятый и шестой, часто отводятся для традиционного «обращения» (к богачу, шейху, кравчему, законнику-факиху, мудрецу-советчику и т. д.) и для диалога («я сказал» — «она сказала»). Несомненно, что сплошной просмотр большого числа газелей, например 2500 газелей Навои, на предмет выявления закономерностей в расположении (порядок следования) бейтов даст определенные результаты не только с точки зрения более глубокого понимания структуры (поэтики) газелей, но и выявления содержательных и изобразительных средств, в которых реализуется рационально-философский смысл газели, и той последовательности, в какой «сокрытое» раскрывается слушателю (=читателю). Именно такое изучение и приоткроет «завесу тайны», закрывающую от европейца связь бейтов между собой.

Вопрос о природе бейта имеет прямое отношение к одной из самых важных составляющих характеристик изучаемой поэзии — к ее поэтике как системе образных средств. Бейт — не только стро-

---

[22] Е. Э. Бертельс, Суфизм и суфийская литература, стр. 109—110.

фическая единица текста, но и «оболочка» образа, единица образной структуры стихотворения. Следовательно, вопрос о природе бейта — это и вопрос о природе образа.

Основная черта образов газели — их традиционность. Выше уже говорилось об этом в связи с проблемой эстетики газели и характером художественной условности в ней. Здесь необходимо остановиться на этом же вопросе применительно к специфическим особенностям образного языка газелей. Возьмем типичный бейт из газели Навои:

Не айб лаъли лабинг ҳасратида жон берсам
Ҳаёт чашмаси ё умри жовидонму эмас (III, 239).

Что ж постыдного в том, что я отдам душу (= жизнь) в тоске
по рубинам твоих уст, —
Разве они не источник (= родник) жизни и не вечная жизнь?

Наиболее существенными чертами данного бейта как образа являются контраст — противопоставление двух его стихов, афористическая замкнутость, завершенность (ср. сказанное выше об «аккордности» бейта) и отвлеченность, абстрактность ситуации, выраженной простыми языковыми средствами.

Особо примечательным с точки зрения собственно образной характеристики является последнее из указанных свойств, так как в нем проявляется главная, «доминантная» особенность поэтики газели и поэтики всей поэзии того времени: газели совершенно несвойственны остраненность образа, неожиданная новизна конкретного («в данный момент») авторского ви́дения изображаемой действительности. В этом отношении вся средневековая поэзия резко противостоит поэзии новейшего времени: в новейшей поэзии каждая данная ситуация конкретна, а средства изображения индивидуальны и остранены, тогда как в средневековой поэзии ситуация отвлеченна, а средства изображения обобщены, стандартизованы и просты по языку. Ср. характерные образные средства современной, например русской, поэзии:

Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге (*С. Есенин*)

Когда аркан
Над головой свистел
И шум пиров
Катился по улусам,
Другой бы постарел
И поседел,
А я русел,
Я становился
Русым (*Вас. Федоров*).

Художественная изощренность газели развивалась в ином русле — в русле усложнения образной символики. В этом плане

характерны усложненные образы, непонятные европейскому читателю без толкования и объяснимые лишь в контексте жанра в целом. Вот несколько бейтов из разных газелей, смысл которых проясняется лишь из их взаимного соотношения:

Ишқ ул бир муаллимки анинг мактабида
Ақл ўқиб тифл киби лавҳаи фанодин абжад (IV, 121).

Любовь — тот учитель, в школе которого
Разум, как дитя, читает абджад на скрижалях небытия;

Ақлким барча хирад аҳлиға эрди устод
Бўлди ишқ абжади таълимида тифли мактаб (IV, 45).

Разум, который для всех мужей разумения был наставником,
Стал ребенком-учеником в постижении абджада любви;

Бир югурук тифл эрур кирпекларим ичинда ёш
Ким йиқилиб санчилибдур ҳар тарафдин хор анго (IV, 9).

Слеза среди моих ресниц — это бегущее дитя:
Оно упало — и в него вонзились со всех сторон шипы.

Ср. у узбекской поэтессы Надиры (XIX в.):

Эй ашк кўзимни мактабидин
Ҳайрат сабақин равон этиб кет.

О слеза, в школе моих очей
Бегло изучи урок изумления.

Ср. у Фурката (XIX—XX вв.):

Кўзимнинг мактабидан тинмайин эй тифл ашк оқар
Сабаб на эрди ҳайрат дарсини мунча равон қилдинг.

О дитя, из школы моих глаз беспрестанно текут слезы, —
Что за причина тому, что ты столь бегло изучило
урок изумления?

Из сопоставления приведенных бейтов выясняется устойчивый параллелизм (=изоморфизм) сравниваемых понятий:

глаза — школа
любовь — учитель
слезы — дети
изумление — урок

Одна из задач изучения газели как жанра состоит в выявлении системы образов и тропов, на основе которых строятся эти образы, т. е., в частности, изучение используемых в них сравнений в духе приведенных выше примеров параллелизма. При этом интересно будет установить, все ли в системе этих образов идет от персидско-таджикской поэзии или есть определенные образы, возникшие на тюркоязычной почве. Есть любопытные факты, говорящие, что существуют и собственно тюркские образные мотивы. Так, например, в системе образа «слезы — дети», идущего из персидско-

таджикской поэзии, на тюркской языковой почве возникает дополнительная возможность метафоризации и игры слов, основанной на омонимии слов *ёш* 'молодой', 'юный' и *ёш* 'слеза', 'слезы':

Навоий ашкидек ул шўх агар тинмас ажаб эрмас
Қилурлар пўя ёшлар то югурмак эҳтимолидур (IV, 192).

Не удивительно, если эта шалунья не унимается,
как и слезы Навои:
Молодые (2-й смысл: слезы) бегут, пока есть силы
(досл.: возможность) бежать.

И в заключение коротко остановлюсь на вопросах перевода. Изучение тюркоязычной поэзии в духе «истолкования культур прошлого» важно само по себе, но к этому еще побуждает и та реализация понимания (вернее сказать — непонимания) жанра газели, которая отражена в практике художественного перевода тюркоязычной поэзии на русский язык. Можно со всей решительностью утверждать, что нынешние переводы газелей осуществляются вне каких-либо представлений об эстетике и поэтике газели.

Может показаться, что это — производная и, так сказать, периферийная линия филологических разысканий, не имеющая прямого отношения к «высокой» науке. Но суть дела представляется в несколько ином свете. При отсутствии сколько-нибудь обстоятельных исследований в сфере изучения тюркоязычной поэзии область художественного перевода оказывается единственной ареной практической реализации познания жанра. Область художественного поэтического перевода существует, переводная поэзия имеет огромный спрос, и, так как в данной области царит полный произвол, восточная филология не может стоять в стороне от этого. В области художественного перевода, в том числе и поэтического, мы должны следовать, как мы это и делаем в отношении многих проблем, за нашими старшими коллегами — исследователями западных литератур: в филологии, изучающей западные языки и литературы, давно нашлось место для теории перевода — и прозаического и поэтического.

И. В. Стеблева

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ГАЗЕЛИ БАБУРА

В парижской рукописи «Дивана» Захираддина Мухаммада Бабура, текст которой издан А. Н. Самойловичем, содержится 89 газелей. Среди них привлекает внимание газель, имеющая в издании А. Н. Самойловича номер 29:

خزان یافراغی ینکلیغ کل یوزونك هجریدا سارغاردیم
کوروب رحم ایلاکیل ای لالەرخ بو چهرۀ زردیم
سین ای کل قویما دینك سرکشلیکینکی سرودیك هرکز
ایاغینکغه توشوب برك خزان دیك موذجه یالباردیم
لطافت کلشنیدا کل کیبی سین سبز وخرم قال
مین ارجه دهر باغیدین خزان یافراغی دیك باردیم
خزان دیك قان یاشیم ساریغ یوزیمدین ایل تنفردا
بهر رنکی بحمدالله اولوس دین اوزنی قوتقاردیم
نی طالعدور منکا کیم اختر بختیم تابیلمادی
فلك اوراقینی هر نیجه کیم دفتر دیك اختاردیم
اولوسنینك طعن و تعریفی منکا بابر برابردور
بو عالمدا اوزومنی جون یمان یخشیدین اوتکاردیم

(1) В разлуке с твоим розовым лицом я пожелтел, словно осенний лист.
Взгляни и пожалей, о тюльпанoликая, это мое желтое лицо.

(2) Ты, о роза, никогда, словно кипарис, не оставляла свою непреклонность,
Я [же] столько умолял, упав к твоим ногам, словно осенний лист.

---

[1] А. Н. Самойлович, Собрание стихотворений императора Бабура, Пг., 1917, стр. ۱۳ — ۱۴, № ۲۹.

(3) Оставайся цветущей и свежей, как роза в цветнике изящества,
Хотя я ушел из сада [этого] времени, словно осенний лист.

(4) Люди в отвращении от моих, словно осень, кроваво[-красных] слез и желтого лица:
Любым цветом (способом), [а] я, слава богу, избавил себя от людей.

(5) Что за судьба у меня, если звезда моего счастья не нашлась,
Сколько я ни перебирал, словно тетрадь, листы небес.

(6) О Бабур, укоры и похвалы людей для меня равны,
Ибо в этом мире я заставил себя пройти через дурное и хорошее.

Газель состоит из шести бейтов и написана вторым по степени употребительности в «Диване» Бабура метром — хазадж-и мус̱ам-ман-и са̄лим по формуле

مفاعیلن مفاعیلن مفاعیلن مفاعیلن

— — — ∪ / — — — ∪ / — — — ∪ / — — — ∪.

Метр в газели выдержан правильно. Закрытые слоги в тюркских словах по схеме метра являются долгими, открытые — краткими или, согласно регламентации метра, долгими. Это значит, что буквы ا، و и ی в тюркских словах, как обычно в среднеазиатских рукописях, служат огласовками (получаются открытые и краткие слоги); в других случаях они условно выступают в качестве показателя долготы, т. е. являются не огласовками, а буквами, и тогда соответствующие им огласовки подразумеваются (получаются открытые и долгие слоги). В нетюркских словах метр соблюдается по нормам арабо-персидской теории аруза.

Рифма в газели также не имеет погрешностей. Рифмуются глагольные формы главным образом тюркских слов. Одно слово — персидского происхождения, оформлено тюркским аффиксом принадлежности 1-го лица единственного числа (زردیم): زردیم — سارغاردیم — یالباردیم — باردیم — قوتقاردیم — اختاردیم — اوتکاردیم. Основная буква рифмы — раві̄ — в рифмующихся словах содержится в корне и основе слов (буква ра̄), как и полагается по правилам арабо-персидской теории рифмы. Все остальные буквы рифмы и их огласовки точно соблюдены. Графическая безупречность рифмы несколько нарушается тем, что в персидском слове زرد перед буквой раві̄ — ра̄ — не полагается алиф, огласовка — фатха — буквы, предшествующей букве раві̄, здесь подразумевается; в остальных, тюркских, словах огласовки букв, стоящих перед раві̄, выражены алифом.

Все бейты газели содержат те или иные поэтические фигуры, сделанные в соответствии с теорией поэтических фигур. Их можно рассматривать изолированно друг от друга, по бейтам. В целях данной статьи полезно показать поэтические фигуры, построенные на семантике слов.

1. Ташбӣх-и муṭлаķ — абсолютное сравнение (или ташбӣх-и ṣарӣẖ — явное сравнение):

خزان یافراغی ینکلیغ	«словно осенний лист» (бейт 1);
سرو دیك	«словно кипарис» (бейт 2);
برك خزان دیك	«словно осенний лист» (бейт 2);
کل کیبی	«как роза» (бейт 3);
خزان یافراغی دیك	«словно осенний лист» (бейт 3);
خزان دیك	«словно осень» (бейт 4);
دفتر دیك	«словно тетрадь» (бейт 5).

2. Ташбӣх-и иḍмāр — скрытое сравнение:

قویمادینك سرکشلیکینکی سرودیك... «словно кипарис, не оставляла свою непреклонность» (бейт 2). Здесь наряду с абсолютным (явным) сравнением непреклонности красавицы (возлюбленной) с прямым, негнущимся кипарисом содержится скрытое сравнение стана красавицы с прямым, стройным кипарисом.

3. Исти'āра — метафора:

سین ای کل «Ты, о роза...» (бейт 2), где «роза» — метафорическое обозначение красавицы.

4. Ḫашв-и малӣẖ — красивый плеоназм:

کل کیبی سین سبز و خرم قال «оставайся цветущей и свежей, как роза...» (бейт 3). Фигура ḫашв-и малӣẖ заключается в употреблении слов «цветущей и свежей», так как сравнение красавицы с розой уже подразумевает эти качества; употребление этих слов как бы увеличивает достоинства розы и, следовательно, красавицы.

5. Йхāм — аллегория, иносказание:

لطافت کلشنیدا «в цветнике изящества» (бейт 3). Сочетанием слов «цветник изящества» обозначается изысканная жизнь, которая окружает и должна окружать красавицу.

دهر باغیدین «из сада [этого] времени» (бейт 3), имеется в виду: из жизни.

بهر رنکی «любым цветом (способом)» (бейт 4). Здесь в фигуре йхāм используется двузначность выражения بهر رنکی, что буквально означает «любым цветом». На первый план выдвинуто и обыграно именно это буквальное значение, переносное же значение «любым способом» здесь подразумевается.

اختر بختیم «звезда моего счастья» (бейт 5), имеется в виду удача в любви и вообще в жизни.

فلك اوراقینی «листы небес» (бейт 5). Выражение «листы небес» обращено к традиционному представлению мусульманской космогонии, согласно которому небо состоит из семи рядов, или слоев.

6. Калāм-и джāми' — украшение стиха мудрым изречением, жалобой на судьбу и увещеванием:

نی طالع‌دور منکا «что за судьба у меня...» (бейт 5);

اولوس‌نینك طعن و تعریفی منکا ... برابر دور «укоры и похвалы людей для меня равны» (бейт 6).

7. Тадāдд (букв.: противоположность) — употребление слов-антонимов:

طعن و تعریفی «укоры и похвалы» (бейт 6);

یمان یخشیدین «через дурное и хорошее» (бейт 6).

Следовательно, формальные категории газели полностью соответствуют учениям о метрах, рифме и поэтических фигурах, которые, будучи заимствованы из арабо-персидской поэтики, ко времени литературного творчества Бабура (XVI в.) стали теоретической основой классической поэзии и на тюркских языках. Умелая техника построения приведенной газели и явное отсутствие стремления автора к излишней прециозности формы делают весьма выразительной содержательную сторону стихотворения, дающего интересный материал для семантического анализа.

Логическая модель текста газели определяется необходимостью реализации основной оппозиции: *я — красавица* (*возлюбленная*), которая в данной газели имеет конкретизацию: *я — ты*. Эта оппозиция реализуется последовательно на уровне каждого бейта с помощью антитез. В первом полустишии бейта 1: *ты* с розовым лицом — *я*, словно осенний лист; во втором полустишии бейта 1: *ты* тюльпаноликая — *я* с желтым лицом. В бейте 2: *ты* роза, словно кипарис — *я*, словно осенний лист. В бейте 3: *ты* цветущая и свежая, как роза, — *я*, словно осенний лист. В бейте 4 кроме оппозиции *я — красавица* (*возлюбленная*), которая не исключается, появляется оппозиция *я — люди*: *люди* в отвращении от моих страданий — *я* же избавил себя от людей. Однако главной здесь остается первая оппозиция: *ты* (подразумевается: неумолимая, непреклонная) — *я* от горя с крововo[-красными] слезами и желтым лицом. В бейте 5: *ты* неотыскавшаяся звезда моего счастья — *я* же напрасно перебирал в поисках тебя листы небес. В бейте 6 снова используется оппозиция *я — люди*: *люди*, их отношение ко мне — *я* же безразличен к суду людей. Основная оппозиция *я — красавица* (*возлюбленная*), которая в этом бейте также подразумевается, так и не находит разрешения.

Реализация основной оппозиции *я — красавица* (*возлюбленная*) на уровне каждого бейта не исключает корреляции образов на

уровне всех бейтов газели. При этом обнаруживается сложная система взаимосвязи коррелирующих между собой образов. Горе от разлуки лирического героя с красавицей (возлюбленной) выражено с помощью образа «я пожелтел, словно осенний ист» (фигура ташбӣх-и муṭлāк, первое полустишие бейта 1), который имеет две параллели: «я умолял, упав к твоим ногам, словно осенний лист» (фигура ташбӣх-и муṭлāķ, второе полустишие бейта 2) и «я ушел из сада [этого] времени, словно осенний лист» (фигуры ӣхāм и ташбӣх-и муṭлаķ, второе полустишие бейта 3). Жалоба на непреклонность красавицы (возлюбленной): «Ты, о роза, никогда, словно кипарис, не оставляла свою непреклонность» (фигуры исти‘āра и ташбӣх-и иḍмāр, первое полустишие бейта 2), параллельна сетованию героя на свою судьбу: «Что за судьба у меня, если звезда моего счастья не нашлась» (фигуры калāм-и джāми‘ и ӣхāм, второе полустишие бейта 5). Мысль о бесплодности уговоров непреклонной красавицы: «я столько умолял, упав к твоим ногам, словно осенний лист» (фигура ташбӣх-и муṭлаķ, второе полустишие бейта 2), коррелирует с мыслью о тщетности поисков героем своего счастья: «Сколько я ни перебирал, словно тетрадь, листы небес» (фигуры ташбӣх-и муṭлаķ и ӣхāм, второе полустишие бейта 5), где образ осеннего листа трансформируется в образ «листы небес». Пожелание красавице быть молодой и счастливой в окружающей ее изысканной жизни: «Оставайся цветущей и свежей, как роза, в цветнике изящества» (фигуры ḫашв-и малӣḫ и ташбӣх-и муṭлаķ, первое полустишие бейта 3), усиливается контрастом несходства судьбы самого героя, от которого готовы отвернуться люди, так как они не в силах наблюдать его страдания: «Люди в отвращении от моих, словно осень, кроваво[-красных] слез и желтого лица» (фигура ташбӣх-и муṭлаķ, первое полустишие бейта 4). Предельное выражение горя — в отрешении героя от жизни: «я ушел из сада [этого] времени, словно осенний лист» (фигуры ӣхāм и ташбӣх-и муṭлаķ, второе полустишие бейта 3), приводит к выводу: «Любым цветом (способом), [а] я, слава богу, избавил себя от людей» (фигура ӣхāм, второе полустишие бейта 4). Неодобрительное отношение людей к страданиям героя: «Люди в отвращении от моих, словно осень, кроваво[-красных] слез и желтого лица» (фигура ташбӣх-и муṭлаķ, первое полустишие бейта 4), уравновешивается равнодушием самого героя к людям: «укоры и похвалы людей для меня равны» (фигуры таḍадд и калāм-и джāми‘, первое полустишие бейта 6). И наконец, понимание героем бесплодности поисков счастья: «Сколько я ни перебирал, словно тетрадь, листы небес» (фигуры ташбӣх-и муṭлаķ и ӣхāм, второе полустишие бейта 5), подкрепляется жизненным опытом героя, познавшего мир: «Ибо в этом мире я заставил себя пройти через дурное и хорошее» (фигура таḍадд, второе полустишие бейта 6). Для наглядности корреляцию мыслей и образов в бейтах можно выразить так:

1 п 1 б//2 п 2 б//2 п 3 б;
1 п 2 б//1 п 5 б;
2 п 2 б//2 п 5 б;
1 п 3 б//1 п 4 б;
2 п 3 б//2 п 4 б;
1 п 4 б//1 п 6 б;
2 п 5 б//2 п 6 б.

Между образами анализируемой газели существует семантическая соотнесенность, которая может ставить разные слова в эквивалентную позицию. Например, в выражениях «я пожелтел, словно осенний лист» и «я ушел из сада [этого] времени, словно осенний лист» слова «пожелтел» — «ушел» функционально становятся художественными синонимами, хотя в естественном языке они ими не являются. Качественные прилагательные естественного языка «розовое (лицо)» — «желтое (лицо)» в художественной системе газели не только являются эпитетами, но функционально представляют собой антонимы. Заключительный бейт, в котором употреблены действительные слова-антонимы «укоры и похвалы», «дурное и хорошее», замыкает целую смысловую цепь, начальным звеном которой явилась пара художественных антонимов: «(твое) розовое (лицо)» — «(мое) желтое (лицо)».

Установление структурного и семантического единства газели Бабура необходимо в плане выявления смысловой доминанты [2], последняя же, в данном случае позволяет реконструировать весь ход художественного творчества автора.

В исследуемой газели привлекает внимание образ осеннего листа, определяющий прямой и ассоциативный ход мысли автора и, по-видимому, явившийся отправной точкой при построении газели.

Первое наблюдение и естественный вывод: осенний лист — желтый. Отсюда появляется первое сравнение: я пожелтел, словно осенний лист, ибо с красавицей (возлюбленной), в силу традиции лирического жанра, ничего подобного произойти не может. Одновременно с этим напрашивается антитеза: если мое лицо желтое, словно осенний лист, то у красавицы (возлюбленной) — розовое лицо (что означает не только цвет, но и мыслится как «розоликая»). Традиционной причиной переживаний лирического героя в газели является разлука с идеалом любви, поэтому в первом полустишии бейта 1 говорится о разлуке. Второе полустишие содержит вариацию антитезы первого полустишия: «мое желтое лицо» — «тюльпаноликая», с добавлением традиционной жалобы героя

[2] О смысловой доминанте, существующей в каждом стихотворении и обусловливающей взаимоотношение всех его образов в восточной поэзии, см.: Я. Рипка, История новоперсидской литературы (от возникновения до начала XX в.), — «История персидской и таджикской литературы». Под ред. Я. Рипка, М., 1970, стр. 110; см. также: С. Н. Иванов, Лирика Насими и вопросы ее переводческого истолкования, — СТ, 1973, № 5, стр. 26.

на свою участь. Таким образом получился четко построенный первый бейт газели — маṭлаʿ, где все смысловые сегменты обоих полустиший параллельны друг другу. Несмотря на краткость бейта, в нем сказано немало: о разлуке, о степени горя, доведшего героя до желтизны лица (традиционное выражение, появляющееся уже в XI в.[3]), о красоте возлюбленной и тяжести участи героя. Все это стало необходимым для выражения первого наблюдения поэта: осенний лист — желтый, побудившего его к созданию цветового эффекта в первом бейте газели. Однако возможности использования образа осеннего листа этим не исчерпались.

Бейт 2 газели построен на ассоциативном сравнении опавшего осеннего листа с упавшим к ногам красавицы умоляющим героем. Отсюда следует развитие сравнения: если герой склонился к ногам красавицы, т. е. согнул свой стан, то антитезой этому, естественно, должен стать намек на прямоту и стройность стана красавицы — появляется сравнение непреклонности красавицы с кипарисом.

Образ осеннего листа переносится поэтом в бейт 3, где используется окончательное суждение о нем: опавший осенний лист — умер, что служит способом экспрессивного выражения крайне бедственного положения героя, который «ушел из сада [этого] времени». Отсюда вытекает антитетичность пожелания красавице оставаться «цветущей и свежей».

Следовательно, на примерах построения трех бейтов легко убедиться в том, что образ осеннего листа, о котором Бабур вынес исчерпывающее суждение: осенний лист пожелтел, упал, умер,— явился основой для создания ряда поэтических фигур, в сознании поэта устойчивых и вполне традиционных.

Исчерпав прямую и ассоциативные связи образа осеннего листа с состоянием лирического героя газели, Бабур не закончил на этом газель и, чтобы продолжить ее, предпринял развитие найденных образов, обеспечивающее необходимое смысловое напряжение газели. Если герой ушел, подобно осеннему листу, из сада жизни (бейт 3), то тем самым он избавил себя от докучливых людей (бейт 4). Антитеза, выраженная в трех предыдущих бейтах, в первом полустишии бейта 4 осложняется дополнительными образами: в ассоциативную связь включается не один желтый осенний лист, а характерные краски осени, с которыми сравниваются кроваво[-красные] слезы и желтое лицо героя. Следовательно, в первом полустишии бейта 4 закрепляется нужный цветовой эффект, второе полустишие представляет собой логический мост от первых трех бейтов к четвертому: непреклонность красавицы (бейты 1 и 2), заста-

---

[3] См. «Элегию на смерть Алп Эр Тонга», где говорится: «. . . Горе их изнурило. Лица их пожелтели, [словно] их натерли шафраном» (текст XIII, 6 в кн.: И. В. Стеблева, Развитие тюркских поэтических форм в XI в., М., 1971, стр. 157).

вившая героя уйти из сада жизни (бейт 3), избавила его от суда людей (бейт 4).

Во втором полустишии бейта 4 появляется мотив приятия героем своей несчастной участи, который по логической завершенности хода мысли мог бы оказаться финальным. Однако Бабур разрушает эту завершенность хода мысли, переходя к жалобе героя на свою судьбу. Финал, таким образом, оттягивается.

Высшая точка смыслового напряжения — риторическое восклицание: «Что за судьба у меня. . .» — содержится в бейте 5. Жалоба на свою несчастливую судьбу делает логичной параллель между образами непреклонной красавицы предыдущих бейтов и неотыскавшейся звезды счастья, т. е. необретенной счастливой судьбы; ранее использованный образ осеннего листа, который не уходит из сознания поэта, служит ассоциативным поводом для привлечения образа «листы небес», антитеза здесь приобретает космологический характер.

В бейте 6, завершающем газель, поэт возвращается к мотиву приятия героем своей несчастливой судьбы, уже прозвучавшему в бейте 4. Однако здесь этот мотив переведен в круг явлений более крупного масштаба. Герой безразличен к суду людей не только потому, что понимает невозможность соединения с красавицей (возлюбленной) и смирился со своей участью (бейт 4), но и потому, что постиг сущность этого мира с его добром и злом (бейт 6). Завершающее газель суждение приобретает, таким образом, энергичный и категорический характер, получая сентенциозное выражение.

Последовательное раскрытие в газели темы разлуки с красавицей (возлюбленной) и страданий героя от неразделенной любви осуществляется в противоборстве двух различных конструктивных принципов: стремления поэта к созданию вполне законченного по мысли бейта, что по традиции считалось обязательным, и одновременного стремления к разрушению семантической замкнутости бейта. Результатом этого противоборства явилось смысловое, а отсюда и эмоциональное напряжение газели. Тем самым была проявлена художественная действенность поэтической формы.

Образ осеннего листа оказался важным не только для раскрытия темы газели. Совершенно очевидно, что сочетание слов خزان یافراغی «осенний лист» определило выбор метра газели. Ритмика этого сочетания слов с легкостью уложилась в схему правильной (или полной) стопы хазаджа (———◡), где первый слог — открытый и поэтому краткий, второй и третий слоги — закрытые и поэтому долгие, четвертый слог — открытый, но долгий, так как алиф в нем условно выражает долготу (т. е. алиф не огласовка, а буква). Кроме того, показатель тюркского изафета — аффикс принадлежности 3-го лица единственного числа в слове یافراغی —

является слогообразующим гласным в первом, кратком, слоге второй стопы хазаджа. Таким образом, предпочтение метра хазаджа в газели, которую поэт решил начать словами خزان ياپراغى «осенний лист», вполне естественно. Следует заметить, что в бейте 2 имеется то же понятие, но выраженное персидскими словами с персидским изафетом: برك خزان. Это сочетание слов дает совершенно иную ритмическую конфигурацию и соответственно ей используется в схеме метра в полустишии. Кроме задачи построения метра употребление данного сочетания слов было продиктовано соображениями богатства и разнообразия звукописи. Однако как в первом, так и во втором случаях главное в этих словосочетаниях представляла *семантическая связь* слов, а не ритмика. Поскольку Бабур писал газель на тюркском языке (и сам был тюрком), для него естественно было употребить тюркское слово ياپراغ «лист» и соединить его с персидским по происхождению словом خزان «осень» тюркским изафетом. Так появилась первая стопа хазаджа, а затем совершилась подгонка под этот размер необходимых для выражения мысли слов. Следовательно, на примере анализируемой газели можно прийти к выводу, что связь общего замысла газели с метром, употребленным в ней, не только не случайна, но является всесторонне обусловленной.

ЭТНОГРАФИЯ
ИСТОРИЯ

С. М. Абрамзон

А. Н. САМОЙЛОВИЧ — ЭТНОГРАФ

До настоящего времени еще не появлялось ни одной специальной работы, касающейся той грани творческого облика одного из крупнейших отечественных тюркологов, А. Н. Самойловича, которая имеет непосредственное отношение к этнографии. Стремясь в какой-то мере восполнить этот пробел, автор в то же время отдает дань глубокого уважения к памяти своего учителя.

А. Н. Самойлович, как известно, не имел специальной этнографической подготовки. И хотя в числе его прямых учителей и наставников-тюркологов также не было специалиста-этнографа, каждому из них не были чужды интересы этнографии. П. М. Мелиоранский, которого А. Н. Самойлович называл своим «незабвенным учителем», откликался рецензиями на такие труды этнографического содержания, как «Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргизов» А. В. Васильева, «Музыка и песни уральских мусульман» С. Г. Рыбакова. В некрологе, посвященном П. М. Мелиоранскому, А. Н. Самойлович писал: «Многие лингвистические работы П. М. содержат в себе исторические, историко-литературные и этнографические (разрядка моя. — *С. А.*) данные во введениях, экскурсах, примечаниях и сносках» [1].

Поучительным примером многосторонних занятий этнографией была для А. Н. Самойловича и деятельность Н. Ф. Катанова. В посвященной ему статье А. Н. Самойлович пишет: «Когда я в 1902 г. отправился в первую научную студенческую командировку к туркменам, мой учитель, проф. П. М. Мелиоранский, порекомендовал мне вместо программы познакомиться с „Письмами Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана“, и это была первая книжка, которую я прочел в стенах ныне родного для меня

---

[1] А. Н. Самойлович, П. М. Мелиоранский (Некролог), — ЖМНП, нов. сер., 1907, ч. VIII, отд. 4, стр. 113.

Азиатского музея»[2]. Характеризуя обширный круг вопросов, которые интересовали Н. Ф. Катанова, А. Н. Самойлович называет, между прочим, обряды, обычаи, поверья, игры, приметы, толкования снов, гадания, народную медицину, народный календарь, названия родов и «костей», личные имена, языковые запреты, термины родства, народную астрономию, знаки родовой и семейной собственности, тамги, народный орнамент, материальный быт, шаманство. Как мы увидим ниже, А. Н. Самойлович последовательно и методично выполнял рекомендованную его учителем «программу», останавливая свое внимание на этих темах, представляющих для этнографии первостепенную ценность.

О важном значении, какое А. Н. Самойлович придавал этнографии, свидетельствует и его общение, и близкие связи с одним из крупнейших этнографов — Л. Я. Штернбергом, руководившим совместно с В. В. Радловым научной деятельностью Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук. Именно при этом музее действовал Радловский кружок, непременным участником которого был А. Н. Самойлович. Благодаря всему этому он унаследовал лучшие традиции отечественной этнографической науки. В его лице тюркология обрела выдающегося и энциклопедически образованного специалиста, в равной степени эрудированного в вопросах, относящихся как к языкам, литературам и фольклору тюркоязычных народов, так и к их этнографии.

Активный интерес А. Н. Самойловича к этнографии нашел выражение не только в его научных трудах, которые будут рассмотрены далее, но и в его многообразной научно-общественной и научно-организационной деятельности.

С 1910 и вплоть до 1915 г. он состоял секретарем Отделения этнографии Русского географического общества, одновременно являясь секретарем Редакционной комиссии Отделения и принимая непосредственное участие в редактировании органа Отделения — журнала «Живая старина»[3]. А. Н. Самойлович был также членом Сказочной комиссии Отделения этнографии, секретарем вновь образованной Комиссии по составлению этнографической карты России, входя в качестве члена в состав отделов этой комиссии по языку, по жилищам и постройкам, по хозяйственному быту, по одежде и украшениям, по народному искусству. С 1911 г. Комиссия по составлению этнографической карты России стала числиться не при Отделении этнографии, а при Гео-

---

[2] А. Н. Самойлович, Профессор Н. Ф. Катанов — первый ученый из абаканских турков, — «Жизнь Бурятии», Верхнеудинск, 1924, № 6, стр. 110.

[3] См. выше: Ф. Д. Ашнин, Александр Николаевич Самойлович. 1880—1938, стр. 10.

графическом обществе [4]. Впоследствии под редакцией А. Н. Самойловича (совместно с С. Е. Маловым) Географическое общество издает капитальный этнографический труд С. И. Руденко «Башкиры» [5].

Такой же неутомимой была деятельность А. Н. Самойловича на поприще этнографии и в период после Великой Октябрьской социалистической революции. Он участвует в работе созданной в составе Российской Академии наук Комиссии по изучению племенного состава России (КИПС), с 1919 г. сотрудничает с Этнографическим отделом Русского музея (ныне — Государственный музей этнографии народов СССР). В этом году от него поступает в Отдел коллекция этнографических негативов, снимков и лубочных картин. Затем он передает Отделу два кожаных, орнаментированных вышивкой кисета работы туркменов округа Порсу в Хивинском ханстве, приобретенных на месте в 1908 г., и кожаную раскрашенную фигурку «Кара-Гёза» (персонаж турецкого теневого театра), переодетого женщиной, приобретенную им в Константинополе в 1911 г.[6].

В ноябре 1922 г. С. Ф. Ольденбург, С. И. Руденко и А. А. Миллер предложили Совету Этнографического отдела Русского музея «избрать на должность помощника хранителя III отделения (Кавказа и Средней Азии. — *С. А.*) турколога проф. А. Н. Самойловича, всесторонне осветив его научную деятельность и отметив особую ценность привлечения его к работе Этнографического отдела». На своем заседании 16 ноября Совет постановил считать А. Н. Самойловича единогласно избранным на эту должность [7]. В течение ряда лет он вел в этом крупнейшем хранилище памятников народного быта научную, музейно-собирательскую, организационную и научно-просветительную работу: систематически участвовал в заседаниях Совета Этнографического отдела, выполняя его поручения, в частности по ведению переговоров в Москве об организации экспедиции в Бухарскую Народную Республику; в 1924 г. был делегирован Советом на I Краеведческий съезд Азербайджана, подготовил и издал краткий путеводитель по экспозиции Отдела «Оседлое население Туркестана» (1926), провел одну из воскресных лекций-экскурсий (в январе 1924 г.) на тему «Турецкий народный театр». Музеем также были изданы в 1923 г. написанные А. Н. Самойловичем листовки «Одежда ставропольских туркменок» и «Кукольный театр в Туркестане».

---

[4] ЖС, 1910, год 19, вып. 3, стр. 359.

[5] С. И. Руденко, Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. 2. Быт башкир, — ЗРГО по отд. этнографии, 1925, т. 43, вып. 2.

[6] Научный архив ГМЭ, ф. 2, оп. 1, д. 8, д. 29. Собранные А. Н. Самойловичем этнографические коллекции поступали в Этнографический отдел Русского музея и ранее: в 1911, 1912, 1916 гг.

[7] Научный архив ГМЭ, ф. 2, оп. 1, д. 48а.

В 1923 г. Совет Этнографического отдела постановил приступить к составлению и изданию справочника о народах СССР и утвердил редакционную комиссию под председательством С. Ф. Ольденбурга, в состав которой наряду с В. В. Бартольдом, Н. Я. Марром, С. И. Руденко и другими был включен и А. Н. Самойлович [8].

В 1924 г. Этнографический отдел получил в дар от А. Н. Самойловича 13 фотографий донских казаков-некрасовцев (Турция) и 9 лубочных картин из Стамбула. Свое пребывание в Баку на I Краеведческом съезде Азербайджана А. Н. Самойлович использовал для ознакомления с собраниями местных музеев и для установления связи с местными научными учреждениями и музейными работниками. Необходимо добавить, что в промежуток с 1911 по 1919 г. А. Н. Самойлович собрал несколько коллекций, насчитывающих около 90 предметов и отражающих быт ставропольских туркменов, крымских татар, малоазиатских турок и хивинских туркменов. Вместе с указанными выше они вошли в состав собраний Этнографического отдела.

Деятельность А. Н. Самойловича по сбору этнографических коллекций обогатила и Музей антропологии и этнографии Академии наук. Сюда от него в 1908 и 1925 гг. поступило 11 коллекций (всего около 100 предметов), относящихся к быту населения Хивы, узбеков, туркменов, малоазиатских турок и персов, а также почти 190 негативов и фотографий.

Плодотворной была и педагогическая деятельность А. Н. Самойловича на этнографическом отделении географического факультета Ленинградского государственного университета, начавшаяся в середине 20-х годов. Здесь он возглавлял тюркский цикл. Среди его учеников-этнографов такие талантливые исследователи, как Н. П. Дыренкова, А. А. Попов, Л. П. Потапов.

Уже на первых этапах своих научных изысканий А. Н. Самойлович подчеркивал значение для этнографии собираемых им материалов. По его мнению, загадки «являются одним из интереснейших в этнографическом отношении отделов народной словесности» [9]. Так же он оценивал и скороговорки [10]. Публикуя материал о народных развлечениях у туркменов, А. Н. Самойлович полагал, что «и в теперешнем своем виде он окажется небезынтересным для этнографов» [11].

В другой работе А. Н. Самойлович, имея в виду, очевидно, прежде всего этнографию, отмечает «обилие разнообразного, еще

[8] Там же. Журнал № 437 заседаний Совета Этнографического отдела от 13.XII.1923 г.

[9] А. Н. Самойлович, Загадки закаспийских туркменов в русском переводе. . ., — ЖС, 1909, год 18, вып. 2—3, стр. 52.

[10] А. Н. Самойлович, Крымско-татарские скороговорки, — СМАЭ, т. 5, вып. 1, 1918, стр. 198.

[11] А. Н. Самойлович, Туркменские развлечения, — «Ежегодник Русск. антропологич. об-ва при СПб. ун-те», т. 3, 1909, отд. отт., стр. 16.

не собранного материала, который обречен часто на близкую гибель благодаря быстро изменяющимся бытовым условиям в таящих эти материалы странах» [12]. А. Н. Самойлович ясно представлял себе цели, ради осуществления которых вел неустанную собирательскую этнографическую работу. Он выразил их, в частности, в таких словах: «Одна из главных целей моих этнографических заметок о туркменах — пробудить интерес к изучению этого малоизвестного народа среди местных любознательных людей» [13]. Его радовало появление первых исследователей из местных национальностей Средней Азии «на поприще этнографии как европейской науки».

Большой энтузиазм, вызванный победой Октябрьской революции, вложен в слова А. Н. Самойловича: «. . . мы не только присутствуем при небывалом строительстве новой жизни, но и сами участвуем в нем, пока живы». И далее он пишет о подготовке и привлечении «новых работников и специалистов, и любителей, особенно из среды самих турецких народов, большая часть коих входит в СССР» [14]. Полны уверенности строки, написанные в 1926 г.: «В ближайшее время имеется в виду принять меры к тому, чтобы этнографическая работа (в нее А. Н. Самойлович включает изучение народной литературы. — *С. А.*) в Туркменистане приняла организованный и планомерный характер» [15]. В наши дни этнографическая работа в Туркменистане приняла широкий размах, свидетельством чего служат хотя бы недавно изданные Институтом истории им. Ш. Батырова АН Туркменской ССР труды местных этнографов. Вносят свой вклад в изучение этнографии Туркмении и этнографы Москвы и Ленинграда [16].

---

[12] А. Н. Самойлович, В. В. Радлов как турколог, — «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русск. геогр. об-ва», СПб., 1914, т. 15, вып. 1 (1912), стр. 32.

[13] А. Н. Самойлович, Загадки закаспийских туркменов. . ., стр. 54.

[14] А. Н. Самойлович, Профессор Н. Ф. Катанов. . ., стр. 112, 113.

[15] А. Н. Самойлович, [рец. на:] «Сборник туркменских народных поговорок, пословиц и загадок». Собран М. Гельдиевым, Полторацк, 1925, — «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 361.

[16] См., например: Я. Р. Винников, Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР, М., 1969; Г. П. Васильева, Преобразования быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, М., 1969; А. С. Морозова, Туркменская одежда второй половины XIX—начала XX в., — «Занятия и быт народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сборник», III, Л., 1971, стр. 168—223; А. Оразов, Хозяйство и культура населения Северо-Западной Туркмении в конце XIX — начале XX в., Ашхабад, 1972; Сб. «Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен», Ашхабад, 1973. См. также статьи М. Аннанепесова, Д. М. Овезова, А. Оразова, М. Гельдыханова, К. Атаева, С. Атаниязова, В. Н. Басилова и др. в кн.: «Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана», Л., 1973.

Переходя к характеристике научной деятельности А. Н. Самойловича как этнографа, необходимо остановиться на круге изучавшихся им народов, стиле и методах его собирательской и исследовательской работы, ее тематике. Ареал исследовательских интересов А. Н. Самойловича в этногеографическом плане был достаточно широким: в Сибири — якуты, тюркские народы Саяно-Алтая, в Центральной Азии — хотоны, в Средней Азии — туркмены, узбеки, а также казахи, на Северном Кавказе — ставропольские туркмены и ногайцы, в Крыму — татары, караимы и крымчаки и, наконец, тюркские народы Поволжья, а за пределами Юга России и СССР — малоазиатские турки, тюркские народы Афганистана.

Говоря о стиле и методах работы А. Н. Самойловича, мы имеем в виду прежде всего его полевую этнографическую работу — главный источник, из которого он черпал материал для своих исследований. В основе стиля работы А. Н. Самойловича как этнографа лежали его неизменно высокое уважение к изучаемым народам и к тем его представителям, которые являлись для него источником информации, его подлинный демократизм в отношениях с людьми, соблюдение им местных народных обычаев. Все это не могло не способствовать тому, что и местные интеллигенты, и представители администрации, и простые люди охотно открывали А. Н. Самойловичу свои сердца. Но в не меньшей мере этому способствовало и огромное личное обаяние Александра Николаевича, к тому же прекрасно владевшего языками изучавшихся им народов. А. Н. Самойлович хорошо понимал значение полевой работы, любил ее и умело применял самые разнообразные ее приемы. Он стремился использовать любую возможность для общения с представителями этих народов. А. Н. Самойлович посещал туркменские, ногайские аулы, жил в них, наблюдая быт и нравы их обитателей и тщательно фиксируя эти наблюдения. Он обладал острым глазом, отличной памятью, тонкой способностью останавливать свое внимание на деталях, на «мелочах», которые имеют большую ценность для этнографической науки. С поистине профессиональной точностью А. Н. фиксировал все подробности трех родов состязаний, которые он наблюдал у туркменов: скачек, состязания в стрельбе и борьбы. Личное наблюдение всех сторон жизни народа было твердым законом исследователя, который он установил для себя еще на заре своей научной деятельности. Ученый присутствует на многолюдных празднествах по различным поводам общественной и семейной жизни, в частности на свадебных тоях, на тое по случаю постановки новой юрты у туркменов, на «мальчишнике» (накануне свадьбы) у узбеков Ташкента.

Находясь в Хиве, А. Н. Самойлович осмотрел 12 заведений различных цеховых организаций и знакомился с некоторыми ви-

дами ремесленного производства. Он посещает русско-туземные школы, списывает надписи на некоторых надгробных памятниках ставропольских туркменов, зарисовывает в Крыму на старых кладбищах тамги, нанесенные на могильных камнях, тамги у ставропольских ногайцев, старается не упустить ни одного случая общения с представителями местных национальностей для сбора или уточнения этнографических и фольклорных материалов. Во время поездки на каюке по каналу Шахабад в Хивинском ханстве А. Н. Самойлович на остановках собирает сведения о племенном и родовом составе местного населения. В 1906 г. А. Н. Самойлович ехал вместе с туркменом-муллой в его аул на одной лошади: мулла сидел позади него, но это не помешало ученому вести с ним беседу, позволившую ему внести ясность в некоторые вопросы.

Находясь в Ташкенте, А. Н. Самойлович привлекает воспитанников Учительской семинарии — туркменов для разборки своих туркменских материалов. Студенты, аспиранты, с которыми встречался А. Н. Самойлович, его ученики постоянно служили для него — и в Ленинграде, и в Москве, и в Баку — источником нужной ему научной информации. Он организует сбор этнографических материалов силами местной интеллигенции, составляя для этой цели программы применительно к тому или иному народу. И сам с неизменным постоянством расспрашивает местных жителей, живых носителей старины, и записывает, записывает. . . Названия базаров, ремесленных цехов, отдельных частей человеческого жилья, различных мер, терминология родства, мужские и женские имена, названия домашних животных и их мастей, клички собак (лошади и коровы кличек не имеют, а называются по мастям, — отмечает А. Н. Самойлович для ставропольских туркменов), названия отрезков времени, стран света, некоторых звезд, кушаний, одежды, болезней, приветствия, бранные выражения, благопожелания — таков далеко не полный перечень тех тем, которые интересовали А. Н. Самойловича. Для его этнографических записей характерны обилие и точность терминологии, относящейся к различным явлениям быта. Одновременно он фотографирует, собирает этнографические коллекции, просматривает семейные снимки и т. п.

В отчетах и публикациях А. Н. Самойловича мы постоянно находим упоминания о тех лицах, которые помогали ему в его этнографических разысканиях. Он обязательно называет и своих коллег (профессоров С. Е. Малова, А. Н. Генко, Д. К. Зеленина, Е. Г. Кагарова и др.), от которых получал необходимые ему сведения. А. Н. Самойлович стремился сделать свои работы доступными для большого круга этнографов и в то же время проявлял максимальную осторожность в выводах и суждениях, призывая к доследованию еще не вполне ясных, с его точки зрения, вопросов. Характеризуя взгляды М. А. Кастрена, А. Н. Самойлович

указывал: «Этой осторожности в отношении к недостаточно разработанным этнологическим вопросам весьма не мешало бы поучиться у незабвенного Кастрена и некоторым из современных работников на ниве турковедения» [17].

Многие этнографические работы А. Н. Самойловича отличаются историческим подходом к исследуемым явлениям. Применяемый им сравнительно-сопоставительный метод позволяет ставить вопрос о генезисе тех или иных явлений. Он сопоставляет этнографические факты с данными исторических источников и литературных памятников. Касаясь, например, своих впечатлений о свадебном пире в Ташкенте, А. Н. Самойлович вспоминает в этой связи страницы «Бабур-наме» и «Шейбани-наме» Мухаммеда Салиха. Обращаясь к освещаемому Н. С. Лыкошиным вопросу об ишанах, он снова вспоминает место из «Записок» Бабура, где рассказывается о дяде Бабура Султан-Ахмед-мирзе [18]. Рассматривая термины для заговоров, А. Н. Самойлович приводит упоминаемый у Навои термин *jılan арбаӡы* ʻзаговор от змеи' [19]. Свое отношение к сравнительному методу он выразил в следующих словах: «Трудно понимать отдельные заговоры одного племени без привлечения к делу сравнительного материала по заговорам у различных турецких племен» [20]. Установив факт присутствия следов сказки «40 небылиц», с одной стороны, у татар Крыма, с другой — у «абаканских турок Енисейской губернии», А. Н. Самойлович приходит к выводу, что эта сказка — домусульманского происхождения [21].

Необычайно широким, весьма разнообразным был и круг этнографических сюжетов, которые разрабатывал или которых в той или иной степени касался А. Н. Самойлович. В целом ряде своих трудов он не ограничивался описанием фактов, но и делал важные научные выводы и обобщения. Поэтому нельзя согласиться с утверждением, что все этнографические работы А. Н. Самойловича «носят характер эмпирических исследований» [22]. Это, конечно, не так. Хотя большинство выводов автора, естественно, не имеет специального теоретического значения с точки зрения этнографической науки, это не уменьшает их большой ценности. Следует назвать хотя бы работу А. Н. Самойловича о казахах,

---

[17] А. Н. Самойлович, Кастрен — турковед, — «Памяти М. А. Кастрена. К 75-летию со дня смерти», Л., 1927, стр. 86.

[18] А. Н. Самойлович, [рец. на:] Н. С. Лыкошин, «Хороший тон» на Востоке. . ., Пг., 1915, — «Восточный сборник», кн. 2, Пг., 1916, стр. 195, 196.

[19] А. Н. Самойлович, Туркменские заговоры, — ЖС, 1912, год 21, вып. 1, стр. 119.

[20] Там же, стр. 118.

[21] А. Н. Самойлович, Сказка «Сорок небылиц» по туркменскому, узбецкому и киргизскому вариантам, — ЖС, 1914, год 21, вып. 2—4, стр. 480.

[22] Ф. Д. Ашнин, А. Н. Самойлович. 1880—1938, стр. 23.

живших в Ойротской автономной области (ныне — Горно-Алтайская автономная область) [23]. Она представляет собой, по существу, небольшую, но оригинальную монографию, освещающую малоизвестную группу казахов и содержащую важные оценки и заключения.

Придерживаясь существующей в этнографии классификации, можно в качестве основных назвать следующие направления исследований А. Н. Самойловича: этнические проблемы, хозяйство и материальная культура, социальные отношения, духовная культура.

Одним из важных направлений в этнографических изысканиях ученого являлся комплекс вопросов, относящихся к этнической номенклатуре и этническому составу тюркоязычного населения СССР, отчасти к их этнической истории, к их этническим взаимоотношениям. Большой заслугой А. Н. Самойловича нужно считать попытку внести ясность в разработку вопроса о так называемых сартах. В своей работе «К вопросу о сартах» [24] А. Н. Самойлович не только критикует неверную трактовку понятия «сарты» как этнической категории, но и намечает пути правильного решения этой проблемы. Он предлагает во мнениях о значении слова «сарт» различать: 1) вопрос о первоначальной народности и первоначальном языке сартов (историческая точка зрения); 2) народность и язык нынешних сартов (современная точка зрения); 3) употребление слова «сарт» в других значениях кроме этнического, а именно: а) в бытовом и б) насмешливо-бранном; 4) этимология слова «сарт». Придерживаясь единственно правильной точки зрения, отрицающей однозначное решение вопроса, А. Н. Самойлович дает толкование этнонима «сарт» во всех намеченных им аспектах. Еще в рецензии на статью А. Калмыкова «Хива» он подчеркнул, что в Хиве обитают отюреченные потомки прежнего иранского населения страны — сарты и узбеки разных племен. При этом, пишет он, «издавна оседлыми являются только сарты, а узбеки в оседлом быту — новички. . . особое место для кибитки и сама кибитка (кара-öi) имеются и у всех хивинских сановников, и у простых узбеков» [25].

---

[23] А. Н. Самойлович, Казаки Кошагачского аймака Ойротской автономной области, — «Казаки. Сборник статей антропологического отряда Казахстанской экспедиции 1927 г.», № 3, Л., 1930 («Материалы Комиссии экспедиционных исследований», вып. 15. Серия Казахстанская), стр. 303—327.

[24] А. Н. Самойлович, К вопросу о сартах. [Рец. на: Н. П. Остроумов, Сарты. Этнографические материалы. Общий очерк, Ташкент, 1908, 3-е дополненное издание], — ЖС, 1910, год 19, вып. 3.

[25] А. Н. Самойлович, [рец. на:] А. Калмыков, Хива. (Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 12-й, Ташкент, 1908), — ЖС, 1909, год 18, вып. 1, стр. 114.

Названный этюд как бы подводит черту под противоречивыми и путаными толкованиями понятия «сарт». Заключая его, автор подчеркивает: «Побывав в Хиве, я считаю себя вправе с уверенностью отстаивать этническое значение слова сарт пока только для Хивинского ханства» [26]. Правда, в других работах он замечает, что сартами называли и часть оседлого населения Ферганской долины и Ташкентского оазиса. Общий смысл выводов, к которым приходит А. Н. Самойлович, свидетельствует о его правильном понимании сложного процесса сложения узбекской народности [27], который позднее был хорошо проанализирован А. Ю. Якубовским [28]. Исчерпывающий ответ на вопрос о значении этнонима «сарт», чрезвычайно близкий к взглядам А. Н. Самойловича, мы находим в капитальном издании Института этнографии АН СССР: «Сарты у узбеков составляли тот первоначальный пласт, который образовался в результате тюркизации древних оседлых ираноязычных народов и оседания древних тюркоязычных народов Средней Азии. В XIX—начале XX в. население, именовавшее себя сартами, было сосредоточено в долинах Чирчика и Ангрена, в Ферганской долине, по Кара-Дарье и нижнему течению Нарына, а также в Хорезме, где этот этноним являлся до недавнего времени самоназванием южной группы узбеков» [29].

Особое внимание А. Н. Самойлович уделил этническому названию «татарин». Он подчеркивал неправомерность злоупотребления этим именем, прилагавшимся к этническим группам, которые никогда татарами не были, вроде минусинских и восточнотуркестанских тюрков. В этой связи автор отмечает внедрение в научный язык, в частности В. В. Радловым («Aus Sibirien») и Н. Ф. Катановым («Письма из Сибири»), излишнего, в качестве объединяющего группу племен, а не племенного названия, имени «татар» [30]. Он отмечает, что имя «татарин», как «племенное», имеет все права на существование, вопреки мнениям об его «антинаучности».

---

[26] А. Н. Самойлович, К вопросу о сартах, стр. 269.

[27] См.: А. Н. Самойлович, Турецкие и монгольские элементы в населении Афганистана, — «Афганистан (Сборник статей)», ч. 1, М., 1923, стр. 107.

[28] См.: А. Ю. Якубовский, К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941.

[29] «Народы Средней Азии и Казахстана. Этнографические очерки», т. I, М., 1962 (серия «Народы мира»), стр. 170.

[30] А. Н. Самойлович, В. В. Радлов как турколог, стр. 25; его же, Среди ставропольских туркменов и ногайцев и у крымских татар (Отчет о командировке в 1912 г.), — ИРКСА, сер. II, 1913, № 2, стр. 58; его же, Кастрен — турковед, стр. 81. Современную трактовку вопроса об этнониме «татары» см.: Г. Ф. Благова, О русском наименовании тюрков и тюркских языков (композиты и становление тюркской этнонимо-лингвистической терминологии в русском языке), — СТ, 1973, № 4, стр. 13—18.

Заинтересовал ученого и этноним «казах». А. Н. Самойлович внимательно рассмотрел существовавшие к тому времени взгляды на происхождение этого этнонима и показал их несостоятельность. Вопреки мнениям о древнем происхождении этнонима и попыткам его этимологизации на основе «народного осмысления», А. Н. Самойлович, опираясь на первоисточники, доказывает, что слово «казак» имело нарицательное значение в тюркских языках до образования казахского государственного объединения XV в. (но не ранее XIII в.) и во время этого образования. Оно существовало как социальный термин, означающий «разбойник», «мятежник», «авантюрист». Позднее этот социальный термин превращается в этнический [31]. Выводы А. Н. Самойловича не оставили никакой почвы под «теориями», возводившими этноним «казах» к X—XI вв. Но в дальнейшем делались новые попытки «удревнить» этот этноним и отнести его возникновение к IX—X вв. (Х. М. Адильгиреев, М. Б. Ахинжанов, В. Ф. Шахматов и др.). Понадобилось еще раз вернуться к истории этнонима «казах». В своем небольшом, но насыщенном фактами исследовании покойный казахский историк С. К. Ибрагимов убедительно поддержал основные положения А. Н. Самойловича. Широко привлекая данные письменных источников, он прослеживает эволюцию значения слова «казах». В XIII—XV вв. это слово употребляется в смысле «скиталец, вольный изгнанник, бродяга» (социальный термин, по А. Н. Самойловичу); с конца XV в. оно приобретает политический характер, употребляясь как название отдельных феодальных владений; с начала XVI в. термин «казах» начинает приобретать этнический характер [32]. После опубликования работы С. К. Ибрагимова обсуждение вопроса об этнониме «казах», своевременно поднятого А. Н. Самойловичем, было продолжено [33].

---

[31] А. Н. Самойлович, О слове «казак», — «Казаки. Антропологические очерки», Л., 1927 (Материалы ОКИСАР, вып. 11); ср. В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и в России, изд. 2, Л., 1925, стр. 217, 231.

[32] С. К. Ибрагимов, Еще раз о термине «казах», — «Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана», Алма-Ата, 1960, стр. 66—71.

[33] См.: A. v. Gabain, Kazakentum, eine Sociologisch-philologische Studie, — AO Bud., 1960, XI, стр. 161—167; ее же, Kazaklık, — «J. Nemeth Armağanı», Ankara, 1962, стр. 167—170; А. Курышжанов, Семантика слова «казах» в рукописи XIII в., — «Вопросы казахской филологии», Алма-Ата, 1964, стр. 176—183 (на казах. яз.); G. Doerfer, Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd III, Wiesbaden, 1967, стр. 462—468; «Дискуссия о термине „казах“», — «Известия АН КазССР. Серия общественная», 1968, № 2, стр. 93; Г. Ф. Благова, Исторические взаимоотношения слов «казак» и «казах», — «Этнонимы», М., 1970, стр. 143—159; А. Т. Кайдаров, Е. К. Койчубаев, К лингвистическому объяснению этнонима «қазақ», — «Вестник АН КазССР», 1971, № 2, стр. 47—51. Указаниями на приведенную здесь библиографию я обязан А. Н. Кононову, за что выражаю ему искреннюю признательность.

Неизменный и пристальный научный интерес проявлял А. Н. Самойлович к этнической истории туркменов — закаспийских, ставропольских, хорезмийских, к их племенным и родовым делениям, к их этнической номенклатуре. Он систематически собирал материалы о туркменских этнонимах, но, к сожалению, большую часть их не успел обработать. В своем крупном исследовании, посвященном туркменской исторической поэме XIX в., А. Н. Самойлович скрупулезно учитывает такого рода данные [34]. Как и в ряде других трудов, здесь он также подчеркивает, что современные туркмены — прямые потомки огузов [35], приводит ряд ценных сведений, относящихся к их этнической истории. Подобные сведения мы находим и в других работах автора, а также узнаем из них, что он собирал рукописные туркменские генеалогии, сочинения по истории туркменов с легендарных времен и т. п. Классифицируя поэтические произведения туркменов, автор исходит из племенной принадлежности поэтов (текинские, йомудские, сарыкские, гёкленские, емрелинские и др. [36]). Он обращает внимание на народные туркменские предания и воспоминания, поскольку они сохранились в труде Абулгази «Родословное древо туркменское» [37] и в рукописных памятниках туркменского прошлого. А. Н. Самойлович подчеркивает роль цифры 24 в родо-племенном делении текинцев, сопоставляя ее с 24 племенами, якобы произошедшими от 24 внуков Огуз-хана [38]. А. Н. Самойлович так же внимательно рассматривает родовой состав кошагачских казахов, приводит записи родословных сказаний, боевых кличей (уранов), тамги и т. п. [39].

Все это свидетельствует о том, что А. Н. Самойлович придавал большое значение данным о родо-племенных подразделениях, народным преданиям и генеалогиям, этнонимии как ценнейшему источнику для изучения этнической, социальной и культурной истории тюркоязычных народов. Необходимо особенно подчеркнуть значение этого источника, поскольку в последнее время

---

[34] «Абду-с-Саттар казы. Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX в.». Издал, перевел, примечаниями и введением снабдил А. Н. Самойлович, СПб., 1914.

[35] См. последнее исследование: С. Г. Агаджанов, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., Ашхабад, 1969.

[36] А. Н. Самойлович, Из туркменской старины, — «Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина», СПб., 1909 (ЗИРГО по отд. этногр., т. 34); его же, Из туркменской старины. II. Мервские воспоминания, — ЖС, 1909, год 18, вып. 4.

[37] См.: А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского, М.—Л., 1958.

[38] А. Н. Самойлович, [рец. на:] А. А. Семенов, Очерки из истории присоединения вольной Туркмении. . ., — ЖС, 1909, год 18, вып. 2—3, стр. 297—298.

[39] А. Н. Самойлович, Казаки Кошагачского аймака. . ., стр. 306, 307—311.

приходится сталкиваться с фактами недооценки данных о родоплеменных делениях у кочевых и полукочевых в прошлом тюркских народов.

Ближайшее отношение к этнической номенклатуре Средней Азии имеет важное наблюдение А. Н. Самойловича, относящееся к термину «тат». Как он установил, татами туркмены называли исконных оседлых жителей среднеазиатских ханств независимо от того, говорили ли они на родном языке иранского корня или уже перешли на тюркский язык. Казахи, каракалпаки, узбеки к татам не причислялись [40]. Характерно, что, как самоназвание, термин «тат» в Средней Азии не сохранился [41].

К существенному выводу, совпадающему с мнением Б. Я. Владимирцова, пришел А. Н. Самойлович в вопросе о происхождении центральноазиатской этнической группы хотонов. На основании анализа записей Г. Н. Потанина, относящихся к языку, легендам и верованиям хотонов, он отводит преобладающую роль в образовании этой группы уйгурам Восточного Туркестана и киргизам [42]. И действительно, легенда о происхождении поколения сарыбаш (очевидно, *сары багыш*) от сорока девиц — явно киргизского происхождения. Среди названий хотонских родов имеются Аджу-Хурмян (ср. подразделение курманкоджо киргизского племени чекир-саяк) и Тога (ср. ветвь тагай «правого крыла» киргизов). А. Н. Самойлович отмечает сильный «кыргызский» элемент в языке хотонов.

В свете последних изысканий Л. П. Потапова может быть окончательно решен поднятый А. Н. Самойловичем «кумандинско-лебединский вопрос». Он не считал нужным делить эти группы на два отдельных племени [43]. Между тем лебединцы (куу кижи, или челканцы) и кумандинцы — особые, хотя и близкородственные, этнические группы, которые, как и шорцы, должны быть уверенно отнесены к северным алтайцам [44]. После обстоятельных этнографических исследований, проведенных покойным А. А. Поповым среди долган, нельзя согласиться с замечанием А. Н. Самойловича, что «при картографировании нет нужды отмечать долган отдельно от якутов» [45].

---

[40] А. Н. Самойлович, По поводу издания Н. П. Остроумова «Светоч ислама», — ЗВОРАО, 1908, т. 18, стр. 0160—0161.

[41] См.: Ф. Д. Люшкевич, Термин «тат» как этноним в Средней Азии, Иране и Закавказье, — СЭ, 1971, № 3.

[42] Б. Владимирцов и А. Самойлович, Турецкий народец хотоны, — ЗВОРАО, 1916, т. 23, стр. 278—290.

[43] А. Н. Самойлович, Приложение к списку сибирских турок (приложение к кн.: С. К. Патканов, Список народностей Сибири), Пг., 1923, стр. 13.

[44] Л. П. Потапов, Этнический состав и происхождение алтайцев, Л., 1969, стр. 22.

[45] А. Н. Самойлович, Приложение к списку сибирских турок, стр. 12.

Заканчивая обзор данного цикла исследований А. Н. Самойловича, следует отметить, что он проявляет подлинно исторический подход и в вопросах этнической классификации. Касаясь, например, тюркских народов Северного Кавказа, он относит кумыков, карачаевцев и балкарцев к домонгольскому населению этого края, ногайцев же — к послемонгольскому [46].

Что касается других разделов этнографии, которым уделял внимание ученый, то можно сказать, что хозяйству и материальной культуре повезло менее всего. Правда, в различных отчетах, заметках, рецензиях А. Н. Самойлович отмечает некоторые существенные детали, относящиеся к этим областям быта, указывает на произведенные им записи названий тканей, яств, одежды и т. п.

Хозяйство местного населения не привлекало внимания исследователя, он лишь попутно останавливается на некоторых его сторонах. Отмечает упоминание в туркменской исторической поэме XIX в. о процветании земледелия в Ахале и Мерве, пишет о земледелии в Хивинском ханстве [47]; касаясь искусственного орошения, он упоминает почти неизбежную его принадлежность — чигирь («чыгыр»), приводимый в действие лошадьми, быками, верблюдами, а на больших каналах — и течением воды. А. Н. Самойлович отмечает и такую характерную особенность быта обитателей Хорезма, как лодки. Он видел три их образца, отличающихся и размерами, и названиями. Помимо парусов пользуются для передвижения шестами, лямкой и веслами.

Исследователь уделил внимание и ремесленным производствам в Хиве. Он перечисляет осмотренные им заведения: мастерскую шелковых тканей, круподерню, кунжутный завод, шапочную мастерскую, глинообжигательный завод, хлебопекарню, базар глиняной посуды, завод глиняных печей для хлеба, мастерскую золотых дел мастера и др. [48]. Описаний этих производств не было опубликовано. Этот пробел был позже успешно восполнен узбекским ученым, подробно изучившим основные ремесла южнохорезмских узбеков [49].

Но отсутствие законченных характеристик хозяйства и материальной культуры изучавшихся народов с лихвой перекрывается музейными коллекциями, которые были собраны А. Н. Самой-

---

[46] А. Н. Самойлович, Среди ставропольских туркменов. . ., стр. 60.

[47] А. Н. Самойлович, Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство в 1908 г., — ИРКСА, 1909, № 9, стр. 26.

[48] А. Н. Самойлович, Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство, стр. 20.

[49] И. М. Джаббаров, Ремесло узбеков Южного Хорезма в конце XIX — начале XX в. (Историко-этнографический очерк), — «Занятия и быт народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сборник», III, Л., 1971, стр. 72—146.

ловичем. Входящие в них предметы являются теперь в значительной мере уникальными, поскольку они уже навсегда ушли из быта туркменов и узбеков, у которых преимущественно и были найдены.

Среди коллекций, собранных А. Н. Самойловичем, имеются предметы, приобретенные у местных ремесленников. Среди них — ножи («пчак»), железные, с костяными и роговыми ручками, купленные в г. Ходжейли, который, по замечанию собирателя, славится производством ножей [50], а также ножны для кинжала из красной кожи и футляр для чашки — «пиаладан» [51].

Самое видное место среди коллекций А. Н. Самойловича занимают образцы одежды. Благодаря строго научному подходу к подбору экспонатов в этих коллекциях преобладают целые комплекты. Им были приобретены для Этнографического отдела Русского музея у ставропольских туркменов костюмы молодой женщины, девушки, взрослого мужчины и мальчика [52]. Собиратель отмечает интересную принадлежность женской одежды — покрывало («чембер») в виде вытянутого треугольника из красного шелка, закрывающее уши, плечи, спину и грудь до талии и спускающееся сзади острым углом до ног. Лицо остается открытым [53]. Это покрывало очень близко по форме к казахскому покрывалу «кимешек».

В Музей антропологии и этнографии поступили полные комплекты мужского и женского костюма узбеков — рядовых горожан («простолюдинов») г. Хивы [54]. Описи ко всем этим коллекциям содержат весьма ценные комментарии собирателя. Дополняют их его публикации и поступившие от него негативы и фотографии, на которых запечатлены различные виды одежды и головных уборов.

В комплект костюма «узбека-хивинца» входят рубаха из белой маты («куйлак»), штаны с гашником, стеганый на вате халат из бумажной полосатой ткани, халат из грубого лощеного шелка кустарного производства («астардан»), кушак из трех неразрезанных головных платков. Он «повязывается поверх того халата, который надевается на рубаху, т. е. ватного, без которого простые хивинцы обходятся редко. Высший и средний классы городского населения Хивинского ханства поверх рубахи носят не халат, а „кямзор“, носимый и ташкентскими сартами („кямзил“). Эта

---

[50] Колл. МАЭ 1276—1,2 (1908 г.), 3174—2 (1925 г.). По устному сообщению М. В. Сазоновой, одним из местных центров изготовления ножей является еще с. Пчакчи (слово имеет значение «ножовщики»).

[51] Колл. МАЭ 3175—1,2 (1925 г.).

[52] Колл. ГМЭ 2857 (1912 г.).

[53] А. Н. Самойлович, Одежда ставропольских туркменок, [Пг.], [1923] (Рус. музей. Этногр. отдел. [Издания], вып. VI).

[54] Колл. МАЭ 1272—1—4 (1908 г.).

одежда заимствована среднеазиатцами от восточно-русских турок, называемых русскими „татары“, а среднеазиатцами — „ногай“. Камзол бывает легкий — летний и теплый, который носят и зимой и летом»[55]. Далее следует халат из сукна («чекмен»), который носят обычно вне дома, шуба из овчин, отделанных в виде желтоватой замши («постун»), тюбетейка бархатная («такья»), папаха («чоурма») из белой бараньей шкуры с длинной шерстью, в форме усеченного конуса[56]. А. Н. Самойлович считал, что «форма теперешней шапки („чӧўрмэ“) — туркменско-иомудская; раньше хивинцы носили шапки не придавленные сверху, а высокие, кверху расширяющиеся»[57]. И наконец, сапоги кожаные («ак едык») с высокими голенищами. Наружная их сторона выделана в виде желтоватой замши. В сапоги вложены войлочные чулки («тейдык»), которые обычно из них не вынимаются. Выступающая из сапога часть чулка украшена спереди аппликацией в виде черных и красных зубцов из нашитых тряпочек. Эти украшения М. В. Сазонова относит к древнему типу.

Особый интерес представляет находящаяся в другой коллекции мужская шапка конусообразной формы, на подкладке, простеганная, из бухарского шелка. «При надевании под барашковую папаху конус вдавливается внутрь. . . Конусообразные колпаки вывелись в Хивинском ханстве из употребления постепенно, когда прежняя высокая папаха стала вытесняться низкой, широкой туркменской папахой (чӧўрмэ); конусообразные колпаки теперь остались отчасти у чоудоров (туркменов округа Порсу, Хивинское ханство. — *С. А.*) и в глухих местах у узбеков»[58]. Как считает М. В. Сазонова, эта шапка является по своему покрою весьма древней и может быть уверенно сопоставлена с кулахом Мавлона Шарифа, описанным О. А. Сухаревой и датируемым не позднее XVII в.[59].

Костюм узбечки-хивинки (молодой замужней женщины) включает в себя рубаху-платье из ситца, штаны из красного ситца, халат («јелек») из полосатого бархата, стеганный на вате, халат («переджэ») из бумажной лощеной ткани, с ложными рукавами, заложенными за спину, носимый вне дома, тюбетейку парчовую, лицевое покрывало из черного конского волоса, сапоги с корот-

---

[55] Колл. МАЭ 1272—1-е.

[56] Автор не только отмечает разницу в цвете мужских головных уборов — тельпеков у туркменов, но и в форме мервского и ахальского тельпека у текинцев (см.: А. Н. Самойлович, Туркменский поэт-босяк Кӧр-Молла и его песня о русских, — ЖС, 1907, год 16, вып. 4, стр. 217).

[57] А. Самойлович, [рец. на:] А. Калмыков. Хива. . ., стр. 113.

[58] Колл. МАЭ 1271—5 (1908 г.).

[59] О. А. Сухарева, Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в., — «Традиционная культура народов Передней и Средней Азии», Л., 1970 (СМАЭ, т. XXVI).

ками мягкими голенищами, выворотные, из красной сафьяновой кожи, туфли бархатные, украшенные орнаментом, носки шерстяные, вязаные, с узором, еще один халат из бумажной полосатой ткани, стеганный на вате, и головной убор-лечек [60]. Он состоит из тюбетейки («топы») стеганой, с собранной макушкой, на которую сверху наверчено в виде чалмы (и закреплено) четыре полотнища ткани. Собиратель отмечает, что это — головной убор деревенских жительниц, узбечек и сартянок.

Ценными предметами в одной из коллекций можно считать уже давно вышедшие из употребления серьги, которые носили в носу городские женщины-хивинки (золотая, приобретена в Старом Ургенче) и туркменки племени чоудор (серебряная позолоченная, приобретена в Порсу) [61]. Носили также массивные серебряные кольца с цветным стеклом вместо камня [62].

В составе коллекций имеются и предметы конского снаряжения: покрывало ковровое на седло и ковровая подпруга [63], приобретенные у туркменов племени чоудор, туркменская и узбекская нагайки [64] и другие экспонаты. Среди коллекций, хранящихся в ГМЭ, представлены предметы быта ставропольских туркменов, крымских татар, малоазиатских турок и туркменов Хивы [65]. Существенные замечания об одежде оседлого населения Средней Азии и Восточного Туркестана читатель найдет в составленном А. Н. Самойловичем путеводителе по экспозиции на эту тему, подготовленной, несомненно, при его участии [66].

Отдельные наблюдения ученого, относящиеся к жилищу, также не лишены интереса. Описывая быт ставропольских туркменов, он отмечает, что «некоторые оседлые туркмены имеют кроме домов и кибитки, которые стоят на дворе, а иногда на летнее время вывозятся за село; такое пользование двояким жилищем наблюдается и в Хиве, и в Закаспийской области» [67]. Добавим, что такое же «двоякое» жилище наблюдалось еще в 1940—1950-х годах у бывших кочевников-казахов и киргизов; оно является характерной чертой для народов, переходивших от кочевого к оседлому образу жизни.

---

[60] Колл. МАЭ 1272—2—4.

[61] Колл. МАЭ 1275—1,2 (1908 г.).

[62] Колл. МАЭ 3175—6.

[63] Колл. МАЭ 1271—1,2.

[64] Колл. МАЭ 3175—7; 3174—3.

[65] Колл. ГМЭ 3766, 3879 (1911 г.), 2857 (1912 г.), 1069 (1916 г.), 3825 (1919 г.).

[66] А. Н. Самойлович, Оседлое население Туркестана, [б. м.], [б. г.] (Русский музей. Ленинград. Этнографический отдел. Краткие путеводители).

[67] А. Н. Самойлович, Среди ставропольских туркменов. . ., стр. 67.

У тех же туркменов А. Н. Самойлович подробно записал названия всех предметов, находившихся в юрте, заметив, что в правой ее части хозяйничает женщина, а в левой — сложены постели, одежда, вещи мужа. Как говорили ученому кошагачские казахи, кочевое жилище должно обращаться выходом на север. Но, пишет автор, «по моим наблюдениям, фактически выход кибитки смотрит скорее на северо-восток» [68]. И далее, разъясняя значение казахских названий «сол тюстюк» и «онг тюстюк», А. Н. Самойлович подчеркивает, что они соответствуют древнейшим известным нам «турецким» названиям севера — левая сторона и юга — правая сторона, указывающим ориентацию на восток, на восходящее солнце, и говорит, что их надо рассматривать как «пережиток почитания... турецкими предками страны восходящего солнца» [69].

Следующий раздел этнографических изысканий А. Н. Самойловича освещает социальные и в том числе семейные отношения у ряда тюркских народов. Приводимые им данные имеют иногда, к сожалению, фрагментарный характер. На первое место в этом разделе с полным основанием должен быть поставлен труд ученого «*Богатый* и *бедный* в тюркских языках» [70]. Он представляет собой смелую и оригинальную попытку этно-лингвосоциологического исследования этапов развития основных социальных категорий, основанного на данных тюркских языков. Автор поставил себе цель «проследить историю слов *богатый* и *бедный* в социальном их значении, начиная с весьма давних времен варварства (по терминологии Моргана — Энгельса), со времен бесписьменных и кончая современностью». Со своей задачей автор справился блестяще. Несмотря на то что на исследовании сказалось влияние так называемого «нового учения о языке», оно содержит исключительно богатый материал для историков, социологов и этнографов, который позволяет отчетливо представить картину эволюции социальных явлений в их тесной связи с экономическим базисом.

Для этнографии представляют особый интерес те страницы исследования, которые касаются этнических, религиозных, историко-социальных сюжетов. А. Н. Самойлович ставит в связь со словами *bay* и *bajan* название племени огузов — *bayandur*, а также этническое название в орхонских надписях — *Bayïrqu* и якутское название духов — покровителей охотников и рыболовов — *bayanay* или *bayïanay*. «К области верований, — пишет автор, — относится также название *Bay ülgen* у алтайцев и, думается мне, употребление слова *bay* в сочетании с названиями

[68] А. Н. Самойлович, Казаки Кошагачского аймака. . ., стр. 313.

[69] Там же, стр. 317. Об ориентации входа в юрту у казахов и киргизов см.: С. М. Абрамзон, Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, Л., 1971, стр. 116—117.

[70] ИАН СССР, отд. общественных наук, 1936, № 4, стр. 21—66.

деревьев и цветов» [71] у казахов, алтайцев, шорцев (приводятся еще тувинские *Pay tayγa* и *Payan Taydï*).

Весьма плодотворно толкование слова *bayquš* ('мелкая сова', 'сыч'), употребляющегося в значении «бедняга». Автор отмечает, что сова, сыч у ряда народов считаются птицей несчастья, и поэтому предполагает, что название сыча — *bayquš* — было перенесено в некоторых тюркских языках на несчастного, бедного человека [72].

Ученый отмечает, что в казахском и казанскотатарском слово *bay* кроме значения «богатый» имеет еще значение «хозяин», «муж», а в казахском также и «герой», «предводитель» [73]. В узбекском *baybičä*, казахском *baybišä* 'старшая жена' автор находит соединение слов *bay* 'богатый', 'хозяин' и *bičä* или *bikä* 'царица', 'женщина' [74]. Представляется весьма метким сопоставление слов *beg* и *bay* и их производных: «значение слов *beg* и *bey*, *biy*, *piy* связано в феодальный период главным образом с понятием в л а с т и, а значение слов *bay*, *pay*, *payan* — с понятием в л а д е н и я (разрядка моя. — *С. А.*)» [75].

Мы привели лишь некоторые образцы исследовательского анализа, примененного А. Н. Самойловичем для рассмотрения всего многообразия значений слов «богатый» и «бедный» в различные исторические эпохи. При известной спорности некоторых положений автора этот его труд привлекает и еще долго будет привлекать внимание исследователей. Сюда же примыкает и небольшой этюд А. Н. Самойловича, посвященный анализу «мистического» (по словам В. Томсена) слова *bel* енисейских надписей [76] (в действительности *el* 'племя', 'орда', 'государство').

Подвергая исследованию туркменскую историческую поэму XIX в., А. Н. Самойлович освещает многие стороны социальной структуры туркменского общества, для которого было характерно переплетение развитых феодальных и патриархально-племенных отношений [77]. С одной стороны, ханы, сердары, батыры, беги, с другой — четко оформленная родо-племенная система, родовые старшины (аксакал, кетхуда), советы или съезды народных представителей — «маслахат», решавшие вопросы о войне, мире, выборные ханы [78]. К сожалению, родо-племенная номенклатура ока-

---

[71] А. Н. С а м о й л о в и ч, *Богатый* и *бедный* в тюркских языках, стр. 32.

[72] Там же, стр. 45, 46.

[73] Там же, стр. 32.

[74] Там же, стр. 33.

[75] Там же, стр. 34.

[76] А. Н. С а м о й л о в и ч, Не «идол», а «племя», — СЭ, 1935, № 6.

[77] А. Н. С а м о й л о в и ч, Абду-с-Саттар казы. Книга рассказов о битвах текинцев. . .

[78] Там же, стр. 134; см. также: А. Н. С а м о й л о в и ч, Из туркменской старины, II. Мервские воспоминания, стр. 81.

залась недостаточно исследованной. Как отмечает А. Н. Самойлович, автор названной поэмы в значении племени употребляет اهل и ايل и один раз термин تيره 'колено'. У кошагачских казахов А. Н. Самойлович называет термин для поколения (*ата*), у ставропольских туркменов — для рода (*руз*) и для колена (*табын*) [79]. Заслуживают внимания приводимые ученым данные о структурных единицах у казахов (например, Кулджабайдынг баласы, Джетиген баласы и др.) [80], которые идентичны исследованным у казахов же и народов Средней Азии семейно-родственным группам [81].

Определенное научное значение имеют наблюдения А. Н. Самойловича (правда, отрывочные), относящиеся к цеховым мусульманским организациям (ремесленные цеха), существовавшим в Крыму. Здесь были приобретены копии с уставов, «селеф-намэ» («рисоля» в Средней Азии), цехов хлебопеков, кожевников, а также земледельцев, копия таблицы с именами святых покровителей — пиров различных цехов. В Карасубазаре ученый посетил духовного главу местных цехов — «накыба», у которого видел цеховое знамя [82]. Сравнение данных о крымскотатарских и среднеазиатских цеховых организациях могло бы привести к интересным выводам, но исследователь не успел это осуществить.

А. Н. Самойлович отмечает существование общественной дисциплины не только у прочно оседлого населения Средней Азии, но и у полуоседлого, а также у кочевников. В этой связи он вспоминает грандиозный той под Мервом: «. . .тысячная толпа туркменов сама поддерживала образцовый порядок и во время скачек, и во время борьбы без всякого постороннего вмешательства» [83]. Видную роль и на этих многолюдных собраниях, и во многих других случаях туркменской жизни играли глашатаи, герольды-джарчы. Они приглашали, в частности, представителей разных родов участвовать в состязаниях. А. Н. Самойлович записал ураны, т. е. кличи на скачках и на войне, хивинских узбеков, каракалпаков, казахов [84].

Некоторое место в этом разделе исследований ученого заняли вопросы, относящиеся к семейно-брачным отношениям. Он произ-

[79] А. Н. Самойлович, Среди ставропольских туркменов. . ., стр. 62.

[80] А. Н. Самойлович, Казаки Кошагачского аймака. . ., стр. 309—310.

[81] См.: М. С. Абрамзон, Киргизы. . ., стр. 181—197.

[82] А. Н. Самойлович, Среди ставропольских туркменов. . ., стр. 55—58.

[83] А. Самойлович, [рец. на:] Н. С. Лыкошин, «Хороший тон» на Востоке. . ., стр. 192; его же, Туркменские развлечения, стр. 2.

[84] А. Н. Самойлович, Два отрывка из «Хорезм-намэ», — ЗВОРАО, 1910, т. 19, стр. 083; его же, Казаки Кошагачского аймака. . ., стр. 310.

водил записи терминологии родства, лишь отчасти нашедшие отражение в печати [85]. Его интересные соображения по поводу термина «фер-набире» (правнук) [86] требуют внесения коррективов, поскольку они относятся лишь к потомству по мужской линии, тогда как для потомков по женской линии у казахов и киргизов, например, существует особая терминология (ср. кирг.: *жэнчер*, *тогончор* и др.).

Основываясь на материалах, собранных главным образом среди закаспийских туркменов и хивинских узбеков, А. Н. Самойлович сообщает ценные данные о наречении имени у тюркских народов, уточняет некоторые сведения и описывает некоторые обычаи, связанные с этой стороной быта. Он высказывает пожелание, чтобы исследователи обратили особое внимание на личные имена, и сам систематически собирает материалы по антропонимии, отмечая, что им разнесено на карточки более тысячи личных имен у туркменов и ногайцев [87].

В значительной мере именно с семейно-брачными отношениями связаны два небольших, но крайне важных для этнографии исследования А. Н. Самойловича: «Запретные слова в языке казак-киргизской замужней женщины» и «Женские слова у алтайских турков» [88]. В них проанализированы все случаи и поводы для замены женщиной собственных имен своего мужа, свойственников и свойственниц именами нарицательными. Запретными для замужних женщин являются и те нарицательные имена, которые входят в состав личных имен определенной группы родственников мужа или названий той родо-племенной группы, к которой он принадлежит. Запреты называть по имени, в лицо и за глаза, тех или иных лиц относятся к категории так называемых «психических запретов» (термин, предложенный Л. Я. Штернбергом), которые в описываемой форме возникают на стадии становления патриархальных порядков и моногамной семьи, хотя некоторые исследователи полагают, что они появляются вместе с возникновением брака вообще [89].

Особое внимание привлекает вторая работа — о женском лексиконе у алтайцев, к которой приложен список из 42 женских слов. Нам удалось выявить кроме приведенных А. Н. Самойлови-

---

[85] См.: А. Н. Самойлович, Сказка «Сорок небылиц». . ., стр. 481.

[86] А. Н. Самойлович, Из туркестанской живой старины. I. Фер-Набире, — НП, 1922, № 2 (окт.—дек.), стр. 42.

[87] А. Н. Самойлович, К вопросу о наречении имени у турецких племен, — ЖС, 1911, год 20, вып. 2, стр. 299; его же, Среди ставропольских туркменов. . ., стр. 59, 66; его же, [рец. на:] «Материалы по землеводопользованию в Закаспийской области. . .», — ЖС, 1908, год 17, вып. 1, стр. 113.

[88] ЖС, 1915, год 24, вып. 1—2; сб. «Язык и литература», т. 3, Л., 1929.

[89] См.: Н. А. Кисляков, Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, Л., 1969, стр. 163—239.

чем еще 30 женских слов [90]. Женский лексикон представлен и у киргизов. В нем также насчитывается несколько десятков слов [91]. Такое обилие женских слов не может быть объяснено лишь их «служебной» ролью для замены запретных слов. Ученый отмечает, что «на Алтае безусловно имеются женские слова и иных категорий» [92] и что «чужих» слов (являющихся общими, или мужскими, для соседних с алтайцами народов) в приводимом им списке около одной четверти. Этот факт позволяет исследователю ставить вопрос о связи подобных слов с экзогамией [93]. Очень верная мысль автора может быть интерпретирована еще более широко. Наличие такого рода «чужих» слов и ряда слов-синонимов в женском лексиконе алтайцев и киргизов свидетельствует не только о стойкости обычая экзогамии, но является следствием активно протекавших этнических процессов, выражавшихся, в частности, в смешении с соседними народами и племенами, включении в состав данной этнической группы частей и осколков других племен и родов и т. п. Следует отметить, что для категории запретных женских слов у алтайцев существовал термин *байлаган сöстöр* [94], у киргизов — *тергеме сөз* [95].

Касаясь семейно-брачных отношений, нельзя обойти молчанием того внимания, которое А. Н. Самойлович уделял положению женщин у народов Востока. Уже в своих более ранних трудах он подчеркивает, что на туркменской женщине лежат все сложные домашние работы вплоть до установки кибитки; пишет об отрицательном отношении местных студентов медресе, даже придерживающихся передовых взглядов, к эмансипации мусульманской женщины, с сочувствием отмечает бичуемое в пьесах местных среднеазиатских драматургов (1913—1916) «рабское положение женщины» [96]. И в 1936 г., анализируя прозвище Элик-туркан, он снова пишет об отраженном в этом прозвище презрительном отношении к женщине «со стороны господствующего класса народов Средней Азии во времена феодализма» [97]. Как подлинный демократ, А. Н. Самойлович не мог не радоваться изменениям в положении

---

[90] По кн.: Н. А. Баскаков, Н. М. Тощакова, Ойротско-русский словарь, М., 1947.

[91] К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, М., 1965.

[92] А. Н. Самойлович, Женские слова у алтайских турков, — «Язык и литература», т. 3, Л., 1929, стр. 222.

[93] Там же, стр. 229.

[94] «Ойротско-русский словарь», стр. 25; ср.: А. Н. Самойлович, Женские слова . . ., стр. 223—224.

[95] «Киргизско-русский словарь», стр. 727.

[96] А. Н. Самойлович, Туркменские развлечения, стр. 18; его же, Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство. . ., стр. 17; его же, Драматическая литература сартов, — «Вестник Общества востоковедения», СПб., 1916, № 5, стр. 74.

[97] А. Н. Самойлович, Не «турки», а «царица», — СЭ, 1936, № 2, стр. 56.

женщины, наступившим после Великого Октября. Он выступает с рецензией на вышедший в свет в Баку (1923, № 1) литературный и общественно-политический журнал «Шарк кадыны» («Восточная женщина») [98], пишет о казахских женщинах, которые начали принимать участие в общественно-политической жизни [99].

Живой интерес проявлял ученый и к народным знаниям. Но его записи по этой теме в большинстве своем остались неопубликованными. Исключение составляет материал, относящийся к народному календарю. Труды исследователя по этому вопросу можно с полным правом отнести к историко-этнографическим источникам. Среди них особое место принадлежит изысканиям, относящимся к двенадцатилетнему животному циклу. Этому сюжету была посвящена статья А. Н. Самойловича, опубликованная еще в 1913 г.[100]. В ней он не только перечисляет старейшие названия годов двенадцатилетнего животного цикла у тюркских народов, представленные уже в орхоно-енисейских памятниках, в сочинениях Бируни, Улугбека и других восточных авторов, но и отмечает изменение значений некоторых названий годов и даже замену их названий. К этому вопросу ученый возвращается в 1918 г.[101] и, наконец, более обстоятельно рассматривает его в специальной работе [102].

А. Н. Самойлович отвергает применявшиеся разными авторами определения этого цикла как китайский, татарский, уйгурский, монгольский, турецкий, восточноазиатский, называя его просто «двенадцатилетним животным циклом». Свою точку зрения на происхождение этого цикла он выразил словами: «Я позволяю себе решительно считать вопрос о происхождении этого цикла открытым и при этом склоняться в сторону гипотез о зарождении его на Переднем Востоке» [103] (автор имел в виду гипотезы Фр. Болла и Ж. Галеви). Им высказывается мнение о необходимости полной сводки достижений по изучению этого вопроса [104]. Обширную сводку всех существовавших до последнего времени данных как о самом двенадцатилетнем животном цикле, так и о его происхождении мы находим в основательном исследовании И. В. За-

---

[98] НВ, 1924, кн. 5.

[99] А. Н. Самойлович, Казаки Кошагачского аймака. . ., стр. 326.

[100] А. Н. Самойлович, Об изменениях в 12-летнем животном цикле у некоторых турецких племен, — ИТОИАЭ, 1913, № 49.

[101] А. Н. Самойлович, Среди крымских татар летом 1916 г., — ИТОИАЭ, 1918, № 54.

[102] А. Н. Самойлович, К вопросу о двенадцатилетнем животном цикле у турецких народов. (Вопросник, источники, варианты названий годов, легенды о происхождении, приметы), — «Восточные записки Ленинградского ин-та живых восточных языков», 1927, т. 1.

[103] А. Н. Самойлович, К вопросу о двенадцатилетнем животном цикле. . ., стр. 147.

[104] Там же, стр. 148.

харовой, опубликованном в 1960 г.[105]. Все народы, у которых применялся двенадцатилетний животный цикл, автор делит на две группы: западную (в основном тюркоязычные народы) и восточную, или китайско-монгольскую. В итоге детального рассмотрения всех доступных источников И. В. Захарова приходит к выводу о вероятности зарождения цикла в Центральной Азии, среди кочевых племен, входивших в последние века до нашей эры — в первые века нашей эры в состав складывавшихся государств, в частности в гуннское государство. Поэтому она предлагает именовать его центральноазиатским. Происхождение цикла она связывает с тотемистическими представлениями, имевшими распространение в гуннской среде и касавшимися большинства животных, вошедших в цикл. Гипотеза И. В. Захаровой представляется весьма убедительной.

Вслед за И. В. Захаровой опубликовала свою статью Т. Н. Сенигова [106]. Она посвящена археологической находке — дисковидному предмету с изображением животных, обнаруженному в 1957 г. на средневековом городище Баба-Ата в Сузакском районе Южно-Казахстанской области и датируемому автором X—XII вв. Порядок изображений животных близок к тому, что принят в двенадцатилетнем животном цикле. Из других работ, посвященных этой теме, упомянем и работу А. К. Писарчик [107].

Таким образом, «зачин» А. Н. Самойловича принес богатые плоды. Накоплен большой материал для решения вопроса об оригинальной системе летосчисления, распространенной до недавнего времени среди большинства тюркоязычных народов. По сведениям А. Н. Самойловича, не знали цикла хазары, половцы, не знают его якуты, карагасы, сагайцы и другие енисейские тюрки, литовские татары, чуваши и, по-видимому, гагаузы [108].

Значительный интерес представляет заметка ученого, в которой сообщается о существовании в Хорезме кроме мусульманского лунного календаря двух солнечных календарей: одного — официального, введение которого «История» Муниса — Агехи приписывает Алла-Кул-хану, другого — крестьянского, на месяц

---

[105] И. В. Захарова, Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии, — «Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана», Алма-Ата, 1960 («Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 8), стр. 32—65.

[106] Т. Н. Сенигова, Монетовидный календарь, — «Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана», Алма-Ата, 1961 («Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 12); (первую публикацию этого автора см.: «Древний календарь тюркских народов», — «Советский Казахстан», 1959, № 6).

[107] А. К. Писарчик, Таблицы годов двенадцатилетнего животного цикла с приведением соответствующих им годов современного летосчисления, — «Материалы ЮТАКЭ», вып. 1, Ашхабад, 1949.

[108] А. Н. Самойлович, К вопросу о двенадцатилетнем животном цикле. . ., стр. 148, прим. 1.

опережающего официальный. Сельскохозяйственная жизнь протекает по крестьянскому календарю. Интересно примечание редакции: «В современном народном хивинском календаре, несомненно, сказываются пережитки домусульманского календаря» [109].

Анализируя и сопоставляя названия месяцев у некоторых тюркоязычных народов, А. Н. Самойлович устанавливает параллели в этих названиях у караимов и половцев (*кÿз ай* 'осенний месяц'), караимов и казахов (*согум ай* 'месяц убоя скота'), перекидывает мост от казахского названия месяца *кёкёк* или *кокук* ('кукушка') к аналогичным названиям тюркоязычных народов Сибири — алтайцев и чулымцев, с одной стороны, и от казахских названий месяцев *уштунг айы*, *бирдинг айы* к аналогичным названиям у киргизов — с другой [110]. Важно подчеркнуть, что речь идет о народных названиях месяцев, не заимствованных из персидского или арабского языков [111].

Цикл исследований А. Н. Самойлович посвятил названиям дней недели у тюркоязычных народов [112]. Главная ценность этих исследований состоит в том, что они позволяют выявить влияние на тюркские народы различных культур через посредство ислама (персидские и арабские названия дней), христианства, иудаизма и даже язычества. Автор намечает две соприкасающиеся между собой линии распространения культурных влияний: одну — от финских и тюркских народов через Закавказье и Малую Азию, другую — от Поволжья через Северный Кавказ в Крым. Высказав в 1923 г. мнение о том, что названия дней недели у чувашей, карачаевцев, балкарцев, караимов, крымчаков, а отчасти кумыков, башкир, мещеряков и некоторых финских народов Поволжья можно возводить к времени Хазарского царства, т. е. к VIII—XI вв. н. э., ученый позднее пересмотрел его и подчеркнул, что он не склонен столь решительно связывать название «шабат» и его варианты у ряда народов Поволжья, Северного Кавказа и Крыма с иудейством хазаров. Однако окончательно от этой мысли он не отказывался, подчеркивая наличие в составе населения Хазарского государства и язычников, и христиан наряду с мусульманами и приверженцами Ветхого завета.

---

[109] А. Н. Самойлович, Из туркестанской живой старины, I. . , Хивинский народный календарь, — НП, 1922, № 2, стр. 42—43.

[110] А. Н. Самойлович, К истории и критике Codex Cumanicus, — ДРАН-В, 1924, апр. — июнь, стр. 88; его же, Казаки Кошагачского аймака. . ., стр. 318—321.

[111] См. о названиях месяцев у киргизов, а также у тувинцев, алтайцев, хакасов и др.: С. М. Абрамзон, Киргизы. . ., стр. 101, 103—104.

[112] А. Н. Самойлович, Названия дней недели у турецких народов, — «Яфетический сборник», 2, Пг., 1923; его же, К вопросу о наследниках хазар и их культуры, — «Еврейская старина», Л., т. 11, 1924; его же, Названия дней у азербайджанских турков, — «Яфетический сборник», 3, М.—Л., 1925; его же, К истории культурных и этнических отношений в Волжско-Уральском крае, — НВ, 1927, кн. 18.

Материал, собранный автором среди азербайджанцев, настолько точен и детально разработан, что может быть даже картографирован по уездам и территориям бывших ханств Нухинского, Ширванского, Шекинского и использован для изучения истории азербайджанской культуры. Особый интерес для этнографов представляют названия дней, распространенные ранее среди кочевого населения Азербайджана, которые могут быть истолкованы в связи со скотоводческо-пастушеским бытом. Это — *дуз гӱни* ('день соли') — понедельник или вторник, в этот день овцам дают соль, и *сӱт кӱни* ('день молока') — воскресенье или суббота, в этот день пастухи получают молоко, продаваемое ими на следующий (воскресный) день на базаре [113]. Карачаевско-балкарское название воскресенья и недели *ыйык* А. Н. Самойлович справедливо отождествляет с аналогичными названиями у ряда тюркских народов Сибири (*ыдык*, *ызык*, *ыйык*) и чувашей (*йух*, *йых*, *их кун*) в значении «посвященный в жертву, жертва». Эти названия, несомненно, древнего происхождения.

Видное место среди сочинений А. Самойловича занимают работы, в которых дается описание общественных и частных развлечений, проведения досуга, игр (в первую очередь у туркменов), а также кукольного театра, выступлений акробатов, скоморохов (*масхарабоз*) и других зрелищ у узбеков. Кукольному театру ученый посвящает специальную листовку. Он характеризует два вида театра: «кол курчак» (ручные куклы — подобие русского Петрушки) и «чадыр хайаль» (шатер представлений) — театр марионеток, отдаленно напоминающий русский вертеп. Все участники народных увеселений у узбеков (кроме названных еще ходоки по канату, фокусники, клоуны и обслуживающие их выступления музыканты) в каждом районе объединялись в особый цех. Уставу цеха артистов посвящена отдельная работа А. Н. Самойловича [114]. (О кукольном театре, цирке и других видах народного театра, цехе артистов и музыкантов писали также М. Ф. Гаврилов и А. Л. Троицкая [115].) Кукольный театр, акробаты, певцы, танцоры зафиксированы А. Н. Самойловичем на фотографиях [116]. Он знакомился с пением и музыкой туркменов, казахов и каракалпаков. Слушая народных певцов различных племен, отличал

---

[113] А. Самойлович, Названия дней недели у турецких народов, стр. 101—102; его же, Названия дней у азербайджанских турков, стр. 68.

[114] А. Н. Самойлович, Туркестанский устав-рисоля цеха артистов, — «Этнографический отдел Гос. Русского музея. Материалы по этнографии», т. III, вып. 2, Л., 1927.

[115] М. Ф. Гаврилов, Кукольный театр в Узбекистане, Ташкент, 1928; А. Л. Троицкая, Ферганская театральная экспедиция, — СЭ, 1937, № 1; ее же, Из истории народного театра и цирка в Узбекистане, — СЭ, 1948, № 3, см. стр. 72, 73, 75, 76; ее же, Абдолтили — тайный язык цеха артистов и музыкантов, — СВ, т. V, 1948.

[116] См. колл. МАЭ: 1350, 1398, 2819.

особенности их пения и музыки, присутствовал на представлениях шутов-любителей, пользовавшихся большой популярностью в хивинских городах [117]. Специальное внимание уделял А. Н. Самойлович изучению музыкальных инструментов туркменов и узбеков, записывал названия музыкальных мелодий. Большую ценность представляет приобретенная им и хранящаяся в МАЭ коллекция музыкальных инструментов. В нее входят: туркменский «дутар» (двухструнный, щипковый), «тӯдӯк» (камышовая флейта), «диллитӯдӯк» (дудочка камышовая с язычком), «кобуз» (варган), узбекские «кобуз» (двухструнный, смычковый, принадлежал последнему придворному игроку на кобузе при хивинском хане), «тамбур», или «сетар» (трехструнный, щипковый), «гиджак», или «гыджак», «гырджак» (трехструнный, смычковый; инструмент общенародный, сольный и оркестровый, известен всей Средней Азии), «сурнай» (деревянный, духовой, типа гобоя), «буламан» (деревянная маленькая трубка-дудка, расширяющаяся к нижнему концу), «дайра», «дарья» (бубен), «нагара» (литавры, состоящие из двух высоких глиняных горшков, связанных вместе и затянутых кожей) [118]. Собиратель отметил наличие музыкальных ансамблей у узбеков (дутар и две дудки — «буламан»; две сурны и один бубен, гырджак с бубном). Он говорит о почти полном исчезновении из употребления у городских жителей Хивинского ханства смычкового кобуза, оставшегося преимущественно у казахов и каракалпаков [119].

Внес свой вклад А. Н. Самойлович и в изучение народного изобразительного искусства туркменов. Он опроверг неверное утверждение об отсутствии у них вышивки [120], доставив в МАЭ восемь приобретенных им образцов: на мужском старинном колпаке, на женской рубахе, на рубахе мальчика-подростка, на платке-утиральнике, на мешочках для табака, или чая, или денег. Вышивка выполнена шелковыми нитками, тамбурным швом. Все предметы приобретены в округе Порсу Хивинского ханства у туркменов племени чоудор [121]. Кроме того, собиратель привез шесть инструментов для резьбы по дереву (на дверях, колоннах) в виде стальных резцов в деревянных ручках и бумажные трафареты — десять образцов узоров для резьбы по дереву [122]. Эта коллекция приобретена у узбеков в г. Хиве.

---

[117] А. Н. Самойлович, Краткий отчет о поездке в Ташкент и в Бухару и в Хивинское ханство. . ., стр. 24—27.

[118] Колл. МАЭ 1916—1-4, 1268—1-7, 3175—3; см.: А. Н. Самойлович, Туркменские развлечения, стр. 7—8.

[119] А. Н. Самойлович, Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство. . ., стр. 21—25.

[120] А. Н. Самойлович, [рец. на:] А. Калмыков. Хива. . ., стр. 115.

[121] Колл. МАЭ 1271—3—5, 7, 9-12.

[122] Колл. МАЭ 1270—1—16 (1908 г.).

Особое место среди изучавшихся А. Н. Самойловичем явлений духовной культуры занимает религия, и прежде всего пережитки шаманства. По этому поводу он писал: «Собирание материалов по пережиткам шаманства (с возможными отклонениями буддийскими, манихейскими, христианскими, зороастрийскими) у турецких племен, исповедующих ислам, представляет выдающийся интерес» [123].

Находясь в 1908 г. в Хивинском ханстве среди племени чоудор, ученый впервые видел шамана, называемого у хивинских туркменов и узбеков «порхан». Шаманами могли быть мужчины или женщины, приводившие себя в исступление причитаниями под удары в бубен (без колотушки) и в таком состоянии изгонявшие из больных нечистого духа или предсказывавшие будущее. Хивинские сарты, отмечал А. Н. Самойлович, называют таких людей «*nalмін* (=*фāl*+*бін*)», и далее сообщает: «Я видел мужчину, одетого в женское красное платье и с красным платком на голове» [124]. Ему сообщили, что среди текинцев есть порханы-шаманы, хотя их редко приходится наблюдать; у них бытует выражение «порхан ойнатмак» — «пригласить шамана для лечения больного». По мнению исследователя, среднеазиатско-тюркское *порхан* происходит от персидского *перi-хāн* [125]. В фотоколлекциях МАЭ имеется снимок, сделанный А. Н. Самойловичем, на котором изображен хивинский порхан с бубном в женском одеянии и в платке [126].

Характеристика пережитков шаманства среди оседлого населения Узбекистана содержится в работах О. А. Сухаревой и Г. П. Снесарева [127]. Но ни тот, ни другой этнограф не отмечает того необычного костюма, в который был одет хивинский шаман. Г. П. Снесарев, например, пишет: «Особого костюма шамана здесь (в Хорезме. — *С. А.*) не имели» [128]. О шаманах у туркменов сообщает Г. П. Васильева [129]. Но и она не сообщает о женском одеянии шаманов, хотя и приводит такой примечательный факт: чтобы вылечить ребенка от кори, рекомендовали надеть на него красное женское платье [130].

Таким образом, А. Н. Самойловичем было открыто новое и со-

---

[123] А. Н. Самойлович, Туркменские заговоры, стр. 118.

[124] А. Н. Самойлович, Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство. . ., стр. 27.

[125] А. Н. Самойлович, Туркменские заговоры, стр. 117—118.

[126] Колл. МАЭ 1398.

[127] О. А. Сухарева, Ислам в Узбекистане, Ташкент, 1960, стр. 42—43; Г. П. Снесарев, Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., 1969, стр. 44—72.

[128] Г. П. Снесарев, Реликты домусульманских верований. . ., стр. 44.

[129] Г. П. Васильева, Преобразования быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, стр. 328—329.

[130] Там же, стр. 333.

вершенно уникальное явление травестизма в среднеазиатском шаманстве. На свадебном пиру в Ташкенте в 1908 г. он видел, как танцовщик, переодевшись в особый костюм «балерины и подвесив косы, выполнял свои танцы под звуки оркестра»[131]. Между одеванием танцоров в женское платье и женским костюмом шамана есть, возможно, определенная связь.

Коснулся А. Н. Самойлович и демонологии у туркменов в заметке о русалках «су-кызы»[132].

О погребальном культе и трауре у А. Н. Самойловича имеются лишь отрывочные сведения. Так, в Хорезме он наблюдал наземное погребение[133]. Могилы, особенно святых, как он пишет, оберегаются весьма бдительно: надмогильные камни укутаны в несколько покрывал и охраняются шейхами. Собственно к трауру относится заметка о траурном цвете, в которой А. Н. Самойлович на основании словарей, эпоса и народного романа доказывает, что у некоторых тюркских народов синий (голубой) цвет наряду с черным означает траур[134]. М. В. Сазонова, изучавшая этнографию узбеков Южного Хорезма, сообщила нам, что у узбеков траурным является синий цвет, а старые женщины в знак траура надевают белые платки.

Заканчивая обзор этнографических исследований и наблюдений А. Н. Самойловича, необходимо отметить, что во многих своих работах он касается культурно-исторических связей как между самими тюркскими народами, так и между ними и другими народами, а также изменений в быте и культуре ряда тюркских народов, которые он наблюдал лично или о которых получал информацию. Эти изменения были вызваны определенными социально-экономическими причинами, но в особенности контактами с соседними народами, и в частности влиянием русского народа. В одной из своих работ он писал: «Быт в Туркестане теперь быстро изменяется, а потому следует спешить с собиранием материалов, уцелевших от уходящего быта»[135]. Претворяя в жизнь это мудрое наставление крупного ученого-патриота, советские этнографы в то же время исследуют социалистические преобразования быта и культуры народов СССР.

---

[131] А. Н. Самойлович, [рец. на:] Н. С. Лыкошин. «Хороший тон» на Востоке. . ., стр. 195.

[132] А. Н. Самойлович, Вопрос о русалках — «су-кызы» в Туркменистане, — «Изв. АН ТуркмССР, сер. обществ. наук», 1961, № 3.

[133] А. Н. Самойлович, [рец. на:] Н. С. Лыкошин. «Хороший тон» на Востоке. . ., стр. 197. Этот тип погребальных сооружений подробно описан Г. П. Снесаревым (Большесемейные захоронения у оседлого населения левобережного Хорезма, — КСИЭ, 1960, вып. XXXIII; см. также: его же, Реликты домусульманских верований. . ., стр. 146—148).

[134] А. Н. Самойлович, О траурном цвете, — «Изв. АН ТуркмССР, сер. обществ. наук», 1961, № 5.

[135] А. Н. Самойлович, Туркестанский устав-рисоля цеха артистов, стр. 56.

А. П. Григорьев

КОНКРЕТНЫЕ ФОРМУЛЯРЫ ЧИНГИЗИДСКИХ ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТ XIII—XV вв.

(I)

Жалованные грамоты дают богатый материал для характеристики производственных отношений феодального строя. Очень часто они являются уникальными источниками для целого ряда исторических построений. Советские историки постоянно привлекают для этих целей материалы русских жалованных грамот. Параллельно ведется большая работа по изучению внешней и внутренней формы этого вида исторических источников, по их классификации и публикации [1]. Недавно советская дипломатика обогатилась трудом С. М. Каштанова, в котором разработаны теоретические принципы марксистской дипломатики как актового источниковедения и показан опыт их конкретного применения к русскому актовому материалу, в частности к материалу жалованных грамот [2].

Науке известны семь золотоордынских ярлыков XIII—XIV вв., сохранившихся лишь в русском переводе, и небольшое число золотоордынских, крымскохански и казанских жалованных грамот XIV—XV вв. на языке оригинала, дошедших до наших дней в основном в дефектных и подчас сомнительных копиях [3].

[1] См. об этом: Л. В. Черепнин, Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. II, М., 1951, стр. 97—225; С. М. Каштанов, К вопросу о классификации и составлении заголовков жалованных грамот, — «Исторический архив», 1956, № 3, стр. 211—217.

[2] С. М. Каштанов, Очерки русской дипломатики, М., 1970, 463 стр.

[3] Их публикации см., например: ЗООИД, 1844, т. I, табл. X; 1872, т. VIII. Прибавление к сборнику материалов, стр. 1—4, 11—12, 18—19 (о последней грамоте см.: А. П. Григорьев, Жалованная грамота Улуг-Мухаммеда, — сб. «Вопросы филологии стран Азии и Африки», вып. I, Изд.-во ЛГУ, 1971, стр. 170—177); «Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским», СПб., 1868, стр. 453; ЗВОРАО, 1889, т. 3, табл. I; В. Д. Смирнов, Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии, Симферополь, 1917, стр 8—11, 13—14; «Памятники русского

Русские переводы золотоордынских ярлыков уже длительное время используются историками нашей страны в различных аспектах научных исследований [4]. Можно говорить об использовании восточных текстов названных жалованных грамот при изучении социально-экономической жизни Золотой Орды [5]. Тем не менее нельзя еще сказать, что тексты перечисленных источников до конца понятны ученым. Одна из основных причин этого факта заключается в недостаточной исследованности внутренней формы золотоордынских жалованных грамот, т. е. в недостаточной изученности их с точки зрения дипломатики.

Не имея уверенности в точности старинных переводов на русский язык золотоордынских актов, не зная, правильны ли сохранившиеся копии их восточных текстов, иногда даже сомневаясь в их подлинности, нельзя непосредственно производить анализ их внутренней формы. Необходимо, по нашему мнению, вначале заручиться схемами построения — формулярами такого же рода документов, подлинность текстов которых несомненна, а затем уже сравнить их с каждым из индивидуальных формуляров золотоордынских грамот.

Приступая к выполнению первой части намеченной выше программы исследований, мы избираем в качестве теоретической базы книгу С. М. Каштанова «Очерки русской дипломатики», а в качестве источников для составления формуляров — чингизидские жалованные грамоты XIII—XV вв.

Термин «чингизидская жалованная грамота» нуждается в пояснении. Под ним мы понимаем жалованную грамоту, исходящую от Чингиз-хана или его потомков, независимо от места выдачи грамоты. Выдана ли грамота в Монголии, Китае, Иране, Средней Азии, Поволжье или Крыму — все равно она именуется нами чингизидской, если выдавший ее монарх происходил из рода Чингиз-хана или претендовал на происхождение из этого рода. Как видим, термин этот весьма условен, но для наших целей он продуктивен и потому себя оправдывает. Монархи, бывшие «великими ханами» после Чингиз-хана, и правители отдельных, фактически самостоятельных областей, на которые распалась его империя, в своей внешней и внутренней политике постоянно опирались на непререкаемый авторитет своего подлин-

права», вып. III, под ред. проф. Л. В. Черепнина, М., 1955, стр. 465—470; «Казан утлары», 1965, № 8, стр. 147—148; A. N. Kurat, Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler, İstanbul, 1940, стр. 173—185.

[4] См. об этом: А. П. Григорьев, «Вышняя троица» в ярлыке золотоордынского хана Мёнгке-Темюра, — «Уч. зап. ЛГУ», № 374, серия востоковед. наук, 1974, вып. 17, стр. 188—200.

[5] См., например: Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, Золотая Орда и ее падение, М.—Л., 1950, стр. 95—121; М. Г. Сафаргалиев, Распад Золотой Орды, Саранск, 1960, стр. 72—100.

ного или мнимого предка и сознательно сохраняли чисто внешние атрибуты его власти. К последним относилась и канцелярская форма жалованных грамот, отдельные компоненты которой не претерпели значительных изменений за период от конца правления Чингиз-хана до распада Джучиева улуса — Золотой Орды (XIII—XV вв).

Теперь следует более точно определить предмет нашего исследования. Необходимо составить формуляры чингизидских жалованных грамот. Известно, что они могут быть четырех типов [6]. Какой из них больше подходит в данном случае? Нам представляется, что сравнивать в будущем схемы построения отдельно взятых текстов золотоордынских грамот с условным или абстрактным формулярами малоэффективно. Гораздо более продуктивным было бы сравнение индивидуальных формуляров золотоордынских грамот со схемами построения определенных небольших групп чингизидских жалованных грамот, т. е. с их конкретными формулярами. Таким образом, прежде всего мы должны составить конкретные формуляры чингизидских жалованных грамот XIII—XV вв.

Первым и основным условием для их успешного составления является отбор источников. Для этой цели мы распределили уже опубликованные и, как правило, широко известные в науке чингизидские жалованные грамоты по группам, руководствуясь при этом хронологией, видом письменности и языком, на котором были созданы эти акты. Получились четыре группы документов — памятники уйгурского, квадратного, китайского и персидского письма. Первая группа включает в себя две подгруппы: грамоты на монгольском и тюркском языках; вторая — содержит акты лишь на монгольском языке; язык и вид письменности в третьей и четвертой группах совпадают по названию.

Немногочисленная первая группа актов может быть дополнена монгольскими документами эпистолярного характера, дошедшими до нас в подлинниках. Дело в том, что как раз такого рода документы более всего изучены с точки зрения формулярного анализа. Схемы их построения разрабатывали В. Л. Котвич, С. А. Козин [7], Л. С. Пучковский [8]. Оказывается, что начальные компоненты формуляров писем Чингизидов, до адресанта включительно,

---

[6] С. М. Каштанов, Очерки русской дипломатики, стр. 26.

[7] С. А. Козин, Язык первого периода истории монгольской литературы. (По письмам персидских иль-ханов 1289—1305), — ИАН СССР, 1935, сер. VII, отделение обществ. наук, стр. 478, 499.

[8] Л. С. Пучковский, Монгольские документы эпистолярного характера, — «Рефераты научно-исследовательских работ за 1944 год». Отделение лит. и яз. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 31; его же, Заключительная формула в письмах ильханов Аргуна (1289 г.) и Ульдзэйту (1305 г.), — СВ, 1949, т. 6, стр. 396—422.

дословно совпадают с таковыми в их жалованных грамотах. Поэтому мы и включили в помещаемый ниже список жалованных грамот пять писем на монгольском языке, посланных в Европу персидскими ильханами, и одно тюркское письмо Тимурида к Узун-Хасану [9].

Особенно большое значение для нашей темы имеет письмо монгольского великого хана Гуюка, посланное римскому папе Иннокентию IV в 1246 г. Основной текст его писан по-персидски, а первые три строки, в которые входят преамбула и адресант,— по-тюркски. Это, во-первых, самый ранний из сохранившихся документов Чингизидов как на тюркском, так и на персидском языках. Во-вторых, это письмо дает уникальные образцы преамбулы и адресанта на тюркском языке в документе, выданном великим ханом. В-третьих, эти же компоненты формуляра единственные в своем роде и с точки зрения вида письменности, который использован для их написания,— арабского алфавита. Последнее обстоятельство служит непосредственным связующим звеном между монгольскими документами Чингизидов и тюркоязычными документами их преемников в Золотой Орде и ее осколках — Казанском и Крымском ханствах. Исходя из изложенного, мы включили этот документ в состав памятников не только персидского, но и уйгурского письма на тюркском языке, ибо одного этого документа недостаточно для выделения специальной группы памятников арабского письма на тюркском языке, но и обойтись без него нельзя.

Известно, что письмо Гуюка было вначале написано по-монгольски, а затем переведено на тюркский и персидский языки [10]. На этом переводе, являвшемся противнем с монгольского текста и имевшем значение оригинала, в двух местах была оттиснута красная печать Гуюка. Текст на печати был составлен по-монгольски уйгурским письмом. Начало его дословно повторяет преамбулу и адресант самого письма, и потому мы сочли необходимым отметить этот документ в третий раз — в составе памятников уйгурского письма на монгольском языке.

Известны еще три письма на арабском языке персидских ильханов к мамлюкским султанам Египта, сохранившиеся в трудах арабского историка и географа ал-Макризи (1364—1442) [11]. Эти

---

[9] Выходные данные публикаций этих и последующих писем см. ниже, в списке источников.

[10] Д ж. д е л ь П л а н о К а р п и н и, История монгалов. [Перевод с латинского А. И. Малеина], — «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М., 1957, стр. 79.

[11] «Histoire des Sultans Mamlouks de l'Égypte», écrite en arabe par Taki-ed-din-Ahmed-Makrizi, trad. en français, et accomp. de notes par E. Quatremère, Paris, t. 1, 1837, стр. 101—102; t. 2, pt 1, 1842, стр. 160—162, 187—191; t. 2, pt 2, 1845, стр. 289—290, 295—298.

письма не включены в наш список источников, ибо, возможно, они являются лишь не совсем полными и не вполне точными переводами с монгольских оригиналов.

Для того чтобы в будущем, при составлении конкретных формуляров, не перемежать изложение громоздкими ссылками на выходные данные публикаций отобранных источников, кратко записываем их в пределах названных групп и подгрупп (обозначенных заглавными и строчными буквами русского алфавита) по такой схеме: порядковый номер грамоты (римскими цифрами, а для обозначения эпистолярных документов — арабскими цифрами); личное имя Чингизида — жалователя [12]; год выдачи грамоты [13]. В круглых скобках указываются: номер тома периодического издания (если в последнем имели место неоднократные публикации источников одним издателем); номера страниц (римскими цифрами), где помещена транскрипция текста (перепечатан текст оригинала, находится эстамп или фотография оригинала); страницы, на которых имеет место перевод грамоты на русский или какой-либо европейский язык; порядковый номер документа в цитируемой публикации.

На полученные таким образом условные обозначения чингизидских жалованных грамот и писем можно ссылаться в процессе формулярного анализа, не прибегая к постраничным сноскам, а лишь указывая в скобках букву группы документов и порядковый номер грамоты.

А. Памятники уйгурского письма

а) на монгольском языке

I. Жена Огедея Төрегене, 1240 г. (фрагмент) (23, LXIX, 69) [14]
II. Фрагмент (?) (16, XXVI, 26, № 1)
III. Аргун (?), 1284—1291 гг. (16, XXVI, 26—27, № 2)
IV. Абу Са'ид, 1320 г. (16, XXVII—XXVIII, 27—33, № 3)
V. Эльбег, 1398 г. (DCCCXLV—DCCCXLVI, 846, № 197) [15]
VI. Олджей-Темюр, 1408 г. (DCCCXLIII, 843—844, № 223)

---

[12] Написание личных имен Чингизидов дается по кн.: К. Э. Босворт, Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. Перевод с англ. и прим. П. А. Грязневича, М., 1971.

[13] В случае если дата выдачи грамоты неизвестна, проставляются годы правления этого Чингизида или приблизительное время составления документа.

[14] Аа I—IV опубликованы: Fr. W. Cleaves, The Sino-Mongolian Inscription of 1240, — HJAS, 1961, vol. 23, стр. 62—75; Fr. W. Cleaves, The Mongolian Documents in the musée de Téhéran. — HJAS, 1953, vol. 16, № 1—2, стр. 1—107.

[15] Аа V—VI опубликованы: G. J. Ramstedt, Mongolische Briefe aus Idiqut-Schähri bei Turfan, — SPAW, 1909, 32, стр. 838—848.

1. Гуюк, 1246 г. (XXII, 22) [16]
2. Абака, 1267 или 1279 г. (15, CDXXXIII, 434, № A) [17]
3. Аргун, 1289 г. (CCXXI, 220) [18]
4. Аргун, 1290 г. (15, CDL—CDLI, 451—452, № B)
5. Махмуд Газан, 1302 г. (15, CDLXX, 471, № C)
6. Мухаммад Худабанда Олджейтю, 1305 г. (CCXXX—CCXXXI, 229—230)

б) на тюркском языке

I. Шахрух, 1422 г. (CCLV, 255) [19]
II. ʿУмар-шайх, 1469 г. (03, 04) [20]
1. Гуюк, 1246 г. (XXII, 22) [21]
2. Абу Саʿид, 1468 г. (CXCV—CC, 126—128) [22]

Б. Памятники квадратного письма

(на монгольском языке)

I. Мангала, сын Кубилая, 1276 г. (LX, 61, № 1) [23]
II. Айурпарибхадра Буянту, 1314 г. (LXIV, 65, № 2)
III. Айурпарибхадра Буянту, 1314 г. (LXVIII, 69, № 3)
IV. Айурпарибхадра Буянту, 1318 г. (XXIII—XXV, 25—26) [24]
V. Мать Кайшана Гюлюка — Да-цзы [25], 1321 г. (LXXII, 73, № 4)

---

[16] Аа 1 опубликован: P. Pelliot, Les Mongols et la papauté. [Extrait de la «Revue de l'Orient chrétien», 3-e Série, t. 3 (23), № 1—2, (1922—1923), стр. 3—30], Paris, 1923.

[17] Аа 2, 4, 5 опубликованы: A. Mostaert et Fr. W. Cleaves, Trois documents mongols des Archives secrètes vaticanes, — HJAS, 1952, vol. 15, № 3—4, стр. 419—506.

[18] Аа 3, 6 опубликованы: E. Haenisch, Zu den Briefen der mongolischen Il-Khane Arġun und Öldjeitü an den König Philipp den Schönen von Frankreich (1289 u. 1305), — «Oriens», Leiden, 1949, II, 2, стр. 216—235.

[19] Аб I опубликован: J. Deny, Un soyurgal du timuride Šāhruḫ en écriture ouigure, — JA, 1957, t. 245, fasc. 3, стр. 253—266.

[20] Аб II опубликован: П. М. Мелиоранский, Документ уйгурского письма султана Омар-Шейха, — ЗВОРАО, 1904, т. 16, стр. 01—012.

[21] Аб 1 опубликован: P. Pelliot, Les Mongols et la papauté, Paris, 1923, 28 стр.

[22] Аб 2 опубликован: A. N. Kurat, Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler, стр. 119—134, 195—200.

[23] Б I—III, V опубликованы: Н. Н. Поппе, Квадратная письменность, М.—Л., 1941, 166 стр.

[24] Б IV опубликован: M. Levicki, Les inscriptions mongoles inédites en écriture carree, Wilno, 1937 (Collectanea Orientalia, № 12).

[25] Так транскрибируется китайское написание имени этой особы. См.: А. М. Позднеев, Лекции по истории монгольской литературы, читанные

В. Памятники китайского письма

I. Чингиз-хан, 1223 г. (5, CCCLXVIII, 368—371, № 1)[26]
II. Ögедей, 1235 г. (9, CCCVII, 308—309, № 21)
III. Жена Ögедея Töрегене, 1240 г. (23, LXXV, 65)[27]
IV. Мöнгке, 1255 г. (5, 377—380, № 3)
V. Кайду, сын Мöнгке, 1257 г. (9, CCCLXVIII, 369—371, № 40)
VI. Кубилай, брат Мöнгке, 1258 г. (5, 385—387, № 4)
VII. Кубилай, брат Мöнгке, 1258 г. (5, 388—390, № 5)
VIII. Кубилай, 1261 г. (5, 390—394, № 6)
IX. Кубилай, 1261 г. (9, табл. XVII, 371—372, № 41)
X. Кубилай, 1275 г. (9, CCCLXXIV, 373, 375—376, № 42)
XI. Мангала, сын Кубилая, 1276 г. (9, CCCLXXVII, 376, 378, 381, № 43)
XII. Кубилай, 1280 г. (9, CCCLXXIX—CCCLXXX, 381—384, № 44)
XIII. Кубилай, 1281 г. (5, 395—403, № 7)
XIV. Темюр Öлджейтю, 1296 г. (9, CCCLXXXVII, 386, 388, 390, № 46)
XV. Темюр Öлджейтю, 1296 г. (9, CCCLXXXIX, 390—391, № 47)
XVI. Темюр Öлджейтю, 1297 г. (9, CCCXCII, 391, 393—394, № 48)
XVII. Темюр Öлджейтю, 1299 г. (9, CCCXCV, 394, 396—397, № 49)
XVIII. Темюр Öлджейтю, 1305 г. (9, табл. XXI, 397—398, № 50)
XIX. Кайшан Гюлюк, 1307 г. (9, CCCXII, 313—314, № 22)
XX. Кайшан Гюлюк, 1309 г. (9, CDII *, 401—403, № 52)[28]
XXI. Айурпарибхадра Буянту, 1311 г. (5, CDXIX, 420—422, № 9)
XXII. Айурпарибхадра Буянту, 1314 г. (5, CDXXIII, 424—426, № 10)
XXIII. Айурпарибхадра Буянту, 1314 г. (9, CDVI, 407—408, № 54)

в 1896/97 акад. году. Записал и издал студент Х. П. Кристи, СПб., 1897, стр. 117.

[26] В I—II, IV—XXXIII опубликованы: E d. C h a v a n n e s, Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'epoque mongole, — TP, série II, Leide, 1904, vol. 5, стр. 357—447; 1905, vol. 6, стр. 1—42; 1908, vol. 9, стр. 297—428.

[27] В III опубликован: E r. W. C l e a v e s, The Sino-Mongolian Inscription of 1240, стр. 62—75.

[28] Здесь и ниже звездочка после указанной страницы текста означает, что он напечатан на вклейке, помещенной между этой и последующей страницами.

XXIV. Айурпарибхадра Буянту, 1316 г. (9, CCCXLIII, 342, 344—345, № 34)

XXV. Айурпарибхадра Буянту, 1318 г. (9, CDVIII *, 408—410, № 55)

XXVI. Есюн-Темюр, 1324 г. (6, 40—42, № 17)

XXVII. Кушила Кутукту, 1331 г. (9, CCCXXVIII, 329—330, № 28)

XXVIII. Кушила Кутукту, 1331 г. (9, CCCXLVI, 345, 347, № 35)

XXIX. Тоган-Темюр, 1334 г. (9, CCCXXXIX, 338, 340, № 32)

XXX. Тоган-Темюр, 1335 г. (5, 438—441, № 13)

XXXI. Тоган-Темюр, 1335 г. (9, CCCXLI, 340, 342, № 33)

XXXII. Тоган-Темюр, 1335 г. (9, табл. XXVII, 413—416, № 57)

XXXIII. Тоган-Темюр, 1337 г. (9, CDXVI *, 416—418, № 58)

Г. Памятники персидского письма

I. Махмуд Газан, 1298—1304 гг. (CDXXVI—CDXXX, 242—243) [29]

II. Махмуд Газан, 1304 г. (CDLXVI—CDLXXVI, 264—270)

III. Махмуд Газан, 1298—1304 гг. (CDXCVI—CDXCIX, 282—284)

IV. Махмуд Газан, 1298—1304 гг. (DX—DXVII, 292—295) [30]

V. Ахмад, сын Увайса I, 1372 г. (CDLXV—CDLXVI, 467—468) [31]

VI. Хусайн Байкара, ок. 1488 г. (IXб—XIIа, 83—86, № 7) [32]

VII. Хусайн Байкара, после 1498 г. (XXXVIIIб—XXXIXа, 94—95, № 31)

VIII. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (VIа—VIIа, 42—43, № 4)

IX. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (XVIIIб—XIXа, 43—44, № 13)

---

[29] Г I—IV опубликованы: Фазлуллах Рашид-ад-дин, Джами-ат-таварих. (Сборник летописей), т. 3. Составитель научно-критического текста на перс. яз. А. А. Али-заде. Пер. с перс. А. К. Арендса, Баку, 1957.

[30] Все приведенные выше грамоты Махмуда Газана были выданы после 1297 г., ибо в первые три года правления (1295—1297) он был занят «устроением войска и устранением случившейся разрухи и беспорядков». Его грамоты тех лет позднее были признаны им же недействительными, и образцы их, естественно, не вошли в «Сборник» Рашид-ад-дина [стр. 506 (текст), 289 (перевод)].

[31] Г V опубликован: H. Massé, Ordonnance rendue par le prince ilkanien Ahmad Jalair en faveur du cheikh Sadr-od-Dîn (1305—1392), — JA, 1938, t. 230, fasc. 3, стр. 465—468.

[32] Г VI—XIX опубликованы: H. R. Roemer, Staatsschreiben der Timuridenzeit. Das Šaraf-nāmä des ʻAbdallah Marwārīd in kritischer Auswertung. Persischer Text in Faksimile, Wiesbaden, 1952.

X. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (CVIIa—CVIIб, 55—56, № 122)

XI. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (XXIIIa—XXIIIб, 57—58, № 17)

XII. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (XXXVa—XXXVIa, 60—61, № 28)

XIII. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (XXXIIa—XXXIIIa, 62—63, № 23)

XIV. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (VIIa—VIIIб, 66—68, № 5)

XV. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (XLVб—XLVIб, 68—69, № 39)

XVI. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (VIIIб—IXб, 69—70, № 6)

XVII. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (XXIIa—XXIIб, 77—78, № 16)

XVIII. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (XLIVa—XLIVб, 91—92, № 37)

XIX. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (XXVIб—XXIXб, 96—99, № 20)

1. Гуюк, 1246 г. (XV—XVI, 16—21) [33]

Итак, у нас получился список, включающий в себя 74 документа. Эти документы разделяются на 65 жалованных грамот и 9 писем на языках: монгольском, тюркском, китайском, персидском и отчасти арабском. Если принять во внимание то обстоятельство, что в ряде случаев мы имеем параллельные тексты грамот и писем на разных языках (Аа I и В III, Б I и В XI, Б II и В XXII, Б III и В XXIII, Б IV и В XXV; Аа 1, Аб 1 и Г 1), то число грамот сокращается до 60, а писем — до 7. Некоторые грамоты дошли до нас в дефектном и даже фрагментарном виде.

Имея налицо список жалованных грамот, подобранных в языковом и хронологическом порядке, мы можем приступить к составлению их конкретных схем, т. е. формуляров определенных групп актов, индивидуальные формуляры которых совпадают либо целиком, либо частично. Неизвестно еще, совпадают ли целиком какие-нибудь формуляры разноязычных грамот нашего списка. Вместе с тем мы знаем, что начальные строки грамот, выданных Чингизидами одного ранга, совпадают по содержанию. Следовательно, если разбить все имеющиеся акты на группы по принципу высоты сана их жалователей, то формуляры этих групп и будут искомыми конкретными формулярами. Различные типы их выявятся в процессе анализа.

---

[33] Г 1 опубликован: P. Pelliot, Les Mongols et la papauté, Paris, 1923.

Будущие конкретные формуляры могут быть составлены из следующих групп названных выше источников: грамоты великих ханов (Аа II, 1; Аб 1; Б II—IV; В I—II, IV, VIII—X, XII—XXXIII; Г 1), грамоты улусных ханов и сыновей великих ханов (Аа III—IV, VI—VII, 2—6; Аб I—II, 2; Б I; В V—VII, XI; Г I—IV, VI—XIX), грамоты ханских жен и матерей (Аа I; Б V; В III). Особняком стоит грамота Ахмада, сына Увайса I (Г V), которую можно квалифицировать как грамоту сына улусного хана и рассмотреть отдельно ее индивидуальный формуляр.

После определения материала для дипломатического анализа следует расчленить тексты грамот каждой из групп на статьи. Статьи текста индивидуального формуляра обычно следуют в таком порядке: сакральные (посвящение), мотивировочные, содержащие обращение, уведомительные, описательные, договорные (клаузулы), указные, просительные, процессуальные, удостоверительные [34]. Затем необходимо привести это членение в некоторое соответствие со схемой условного формуляра, компонентами которого являются: богословие, адресант, адресат, приветствие, преамбула, объявление, повествование, распоряжение, санкция, удостоверение, выходные данные, заключение [35]. Первые четыре компонента составляют начальный протокол, последние два — конечный протокол. Остальные компоненты условного формуляра являются его основной частью.

В настоящей работе мы попытаемся с точки зрения дипломатики подвергнуть анализу статьи сакральные и статьи, содержащие обращение, соответствующих групп актов. В условном формуляре им соответствуют компоненты: богословие, адресант, адресат, приветствие. Статьи конкретных формуляров обычно имеют ряд более мелких подразделений [36]. Простые статьи могут делиться непосредственно на элементы — отдельные понятия, образованные из одного или нескольких слов. В нашем случае статьи являются простыми, и потому их можно делить непосредственно на элементы, которые при сопряжении их с компонентами условного формуляра часто этим последним компонентам и соответствуют. Это обстоятельство позволяет нам в процессе формулярного анализа именовать отдельные статьи и их элементы терминами, принятыми для компонентов условного формуляра. Проанализировав раздельно все элементы каждой статьи конкретного формуляра, можно будет на завершающем этапе работы вновь объединить их в статьи, соответствующие членению конкретных формуляров, и после этого определить типы различных конкретных формуляров.

---

[34] См.: С. М. Каштанов, Очерки русской дипломатики, стр. 32.
[35] Там же, стр. 27—28.
[36] Там же, стр. 29—30.

Богословие — первый компонент условного формуляра, тождественный сакральной статье конкретного формуляра. Мы уже имели возможность заметить, что выражение типа: «Всевышнего бога силою»— не является собственно богословием, т. е. прославлением бога, а относится к преамбуле грамоты, ибо оно лишь обосновывает «божественным промыслом» право данного Чингизида на издание этого акта [37].

Богословия в чистом виде мы не находим в грамотах Чингизидов, написанных уйгурским, квадратным и китайским письмом. Объяснение этому явлению мы видим в следующих двух причинах. Прежде всего, грамоты первых монгольских ханов и не могли иметь богословия, ибо его исключала практика отправления древнемонгольского культа. По словам итальянского путешественника XIII в. Плано Карпини, «они (монголы.— *А. Г.*) веруют в единого Бога. . . однако они не чтут его молитвами или похвалами. . .» [38]. Далее, не могли иметь богословия и грамоты более поздних Чингизидов-мусульман, написанные неарабским алфавитом, ибо прославлять бога мусульманам полагалось только на арабском языке и арабским письмом.

В памятниках персидского письма, созданных на основе арабского алфавита, мы видим иную картину. Все грамоты персидского письма принявшего ислам Чингизида Махмуда Газана (Г I—IV) имеют богословие в виде традиционного арабского коранического изречения: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного!» (*Бисми-ллахи-р-рах̣ма̄ни-р-рах̣им*), которое сокращенно именуется «басмала»[39].

Итак, в формуляре чингизидских жалованных грамот XIII—XV вв. компонент богословие, как правило, отсутствует. Богословие в виде басмалы имеет (или может иметь) место лишь в тех грамотах Чингизидов-мусульман, которые написаны арабским алфавитом, т. е. на языках арабском, персидском или тюркском (при этом собственно богословие пишется только по-арабски). Богословие не имеет никакой логической связи с последующими компонентами формуляра чингизидских грамот, свидетельствуя лишь о том, что адресант данной грамоты исповедовал ислам. Все сказанное о богословии условных формуляров целиком относится и к сакральным статьям конкретных формуляров.

Преамбула — второй компонент условного формуляра чингизидских жалованных грамот, соответствующий начальному элементу статьи-обращения конкретного формуляра.

[37] См.: А. П. Григорьев, «Вышняя троица» в ярлыке золотоордынского хана Мӧнгке-Темюра, стр. 190—191.

[38] Плано Карпини, История монгалов, стр. 28.

[39] Подробнее о басмале см.: K. Kufralı, Besmele, — «İslâm ansiklopedisi», c. II, İstanbul, 1949, стр. 568—570; B. Carra de Vaux (L. Gardet), Basmala, — «The Encyclopaedia of Islam». New edition, vol. I, Leiden — London, 1960, стр. 1084—1085.

По-видимому, все грамоты великих ханов имели преамбулы. В грамотах первых великих ханов (В I, II, IV) преамбулы не сохранились по той причине, что не дошли до наших дней оригиналы этих актов. Подтверждение тому мы видим в материалах «Сборника летописей» Рашид ад-дина, где высказывания Чингиз-хана обычно сопровождаются преамбулой: «Предвечного (или всевышнего) бога силою»[40]. Сохранившиеся преамбулы грамот великих ханов включены в таблицу, дающую наглядное представление об их разновидностях (табл. 1).

В этой таблице и во всех последующих дается широко принятая латинская транскрипция монгольского текста грамот уйгурского письма. Тексты монгольских грамот квадратного письма транскрибируются применительно к их возможному написанию буквами уйгурского алфавита. Последнее обстоятельство вызвано стремлением к унификации транскрипции текстов одного языка. Той же причиной объясняется и транскрипция тюркских текстов, заимствованная из «Древнетюркского словаря», где одинаково транскрибируется арабское и уйгурское письмо [41].

В табл. 1 мы выделили три разновидности преамбул великих ханов. Вторая разновидность является расширенным вариантом первой, ибо получается она путем прибавления к преамбуле первой разновидности еще одной строки. Смысл первой строки преамбул обеих разновидностей («Предвечного бога силою») достаточно ясен, чего, к сожалению, нельзя сказать о второй строке. Причина того, что смысл второй строки преамбулы не вполне понятен, заключается в слабой изученности содержания древнемонгольской религии. Приведенное в таблице толкование текста второй строки не может считаться окончательным.

Попытки реконструкции содержания древнемонгольской религии имели и продолжают иметь место в трудах отечественных и зарубежных ученых [42]. В этом плане весьма продуктивной представляется работа И. В. Стеблевой по реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы [43], ибо жизнь тюркских народов Центральной Азии в первые века нашей эры

---

[40] См., например: Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 2. Пер. с перс. О. И. Смирновой, М.—Л., 1952, стр. 209, 261.

[41] См.: ДТС.

[42] См., например: Д. Банзаров, Черная вера, или шаманство у монголов, — Собрание сочинений, М., 1955, стр. 48—100; Л. Н. Гумилев, Поиски вымышленного царства. (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»), М., 1970, стр. 279—301; P. Ratchnevsky, Über den mongolischen Kult am Hofe der Grosskhane in China, —«Mongolian Studies», Budapest, 1970, стр. 417—443; J. A. Boyle, Turkish and Mongol Shamanism in the Middle Ages, — «Folklore», London, 1972, Autumn, vol. 83, стр. 177—193.

[43] И. В. Стеблева, К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы, — «Тюркологический сборник. 1971», М., 1972, стр. 213—226.

теснейшим образом переплеталась с жизнью монгольских народов на той же территории.

К первому — высшему — уровню древнетюркской мифологии относится объект *Täŋri* («небо» и «бог»), который воспринимается как обожествляемое небо, характеризуемое как невидимое и не участвующее в повседневных обыденных событиях жизни человека [44]. Нетрудно заметить, что именно к этому объекту имеет прямое отношение первая строка обеих разновидностей преамбул грамот великих ханов.

Божество Умай, относящееся ко второму уровню древнетюркской мифологии, характеризуется чертами женского существа [45] и потому не имеет прямого отношения к нашей теме. Но вот к третьему уровню относится *Yduq jär sub* (священная земля-вода), для которой характерна прежде всего благодетельная функция. Духи земли-воды связываются с той сферой, в которой живет сам человек [46]. Если гипотетически допустить, что в составляющей вторую строку второй разновидности преамбул великих ханов монгольской фразе: *yeke su ǰali-yin igegen-dür* — слова *su ǰali* суть позднейшая трансформация древнетюркских слов *jär sub* (земля-вода), то реконструированная таким образом строка будет означать: «великих [духов] земли-воды покровительством».

Приведенная выше реконструкция-допущение нуждается в более серьезной разработке. Преамбулы второй разновидности, написанной по-тюркски, мы пока не имеем. Поэтому в табл. 1 мы оставляем без изменения довольно туманный перевод второй строки: «великого благоденствия пламени покровительством».

Синологи могут справедливо заметить, что с китайского эту разновидность преамбулы нужно было бы переводить несколько иначе: «Предвечного неба силою, великого благоденствия покровительством», так как в китайском тексте вместо «бога» (не только в данном, но и во всех остальных случаях) мы имеем «небо», а «пламя» вообще отсутствует. Здесь мы руководствуемся следующими соображениями. Основой для формулярного анализа нам служат грамоты, написанные по-монгольски и по-тюркски. Канцелярская форма китайских актов, которая имеет свою самостоятельную историю развития, не всегда и не во всем совпадает с таковой в монгольских и тюркских грамотах Чингизидов. Поскольку статьи конкретных формуляров чингизидских грамот XIII—XIV вв., как монгольских и тюркских, так и китайских, совпадают и поскольку больше всего сохранилось именно китайских актов Чингизидов, мы вынуждены в ряде случаев использовать для формулярного анализа только китайский актовый ма-

[44] Там же, стр. 213—214.
[45] Там же, стр. 215.
[46] Там же, стр. 215—216.

Таблица 1

Разновидность преамбулы	Транскрипция текста преамбулы			Русский перевод преамбулы	Шифры грамот
	монгольского	тюркского	китайского		
Первая	*Möngke tngri-yin küčün-dür*	*Meŋgü täŋri küčündä*	*Чан шэн тянь ци ли ли*	Предвечного бога силою	Аа 1; Аб 1; В VIII, IX, XIV
Вторая	*Möngke tngri-yin küčün-dür* *yeke su ǰali-yin igegen-dür*		*Чан шэн тянь ци ли ли* *да фу инь ху чжу ли*	Предвечного бога силою великого благоденствия пламени покровительством	Б II—IV; В X, XII, XIII, XV, XVI, XVIII, XX—XXIII, XXV, XXVI, XXX, XXXII, XXXIII
Третья			*Шан тянь цзюань мин*	Всевышнего бога благоизволением	В XVII, XIX, XXIV, XXVII, XXIX, XXXI

Таблица 2

Разновидность преамбулы	Транскрипция текста преамбулы				Русский перевод преамбулы	Шифры грамот
	монгольского	китайского	арабского	персидского		
Первая	*Möngke tngri-yin küčün-dür qaγan-u sudur*	*Чан шэн тянь ци ли ли хуанди фу инь ли*			Предвечного бога силою великого хана благоденствием	Аа 2; Б I; В V, VII, XI
Вторая			*Би ḳуввати-ллахи та'ālā* *ва майамини-л-миллати-л-муḥаммадӣйа*	*Би ḳувват-и худāйе та'ālā* *ва-майāмин-и миллат-и муḥаммадӣ*	Всевышнего бога силою мухаммеданской общины благоденствием	Г I, III, IV

териал. Однако там, где это представляется возможным, мы отдаем предпочтение текстам монгольским и тюркским.

Третья разновидность преамбул табл. 1, найденная пока лишь в грамотах китайского письма, состоящая из одной строки и гласящая: «Всевышнего бога благоизволением», в достаточной мере ясна для понимания. Мы уже имели возможность заметить, что выражение «Всевышнего бога изволением» сохранилось и в монгольском памятнике XIII в., хотя и не в актовом документе[47].

В таблицу не входит единственная в своем роде преамбула, сохранившаяся на фрагменте документа, составленного на монгольском языке уйгурским письмом (Aa II). Этот фрагмент был найден среди обрывков жалованных грамот ильханов Аргуна и Абу Саʽида (Aa III, IV) в Тегеранском музее. Текст преамбулы на фрагменте гласит:

Möngke tngri-yin küčün-dür
Muqamad baiγambar-un imad-tur
yeke su ǰali-yin igegen-dür

Предвечного бога силою,
Мухаммеда пророка помощью,
великого благоденствия пламени покровительством.

Иными словами, преамбула-исключение представляет собой вторую разновидность преамбул табл. 1, дополненную строкой «Мухаммеда пророка помощью», разделяющей две «законные» строки монгольской преамбулы и свидетельствующей о приверженности к исламу автора этой грамоты. В то же время естественно допустить, что жалователь грамоты не был ильханом, ибо такая форма преамбулы была присуща только грамотам великих ханов. Следовательно, мнение П. Пельо[48] о том, что фрагмент Aa II является началом грамоты Абу Саʽида (Aa IV), не может быть принято.

В виде таблицы могут быть представлены и основные разновидности преамбул грамот улусных ханов и сыновей великих ханов (табл. 2).

В табл. 2 оказываются две разновидности преамбул. Очевидно, что грамоты верноподданных вассалов великих ханов снабжались преамбулами первой разновидности. Чингизиды, вышедшие из повиновения центральной власти и принявшие ислам, писали на своих грамотах преамбулы второй разновидности. Собственно, преамбулы обеих разновидностей разнятся лишь вторыми строками, которые во втором случае образованы путем ме-

---

[47] См.: А. П. Григорьев, «Вышняя троица» в ярлыке золотоордынского хана Мёнгке-Темюра, стр. 193.

[48] См.: Л. С. Пучковский, Заключительная формула в письмах ильханов Аргуна (1289 г.) и Ульдзэйту (1305 г.), стр. 403.

ханической замены титула великого хана словами «мухаммеданская община». Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в преамбулах первой разновидности при титуле великого хана, как правило, не ставилось его личное имя. Исключение составляют грамоты, выданные в период правления Мöнгке (В V, VII).

Если для грамот великих ханов характерно наличие преамбул, то этого нельзя сказать о грамотах улусных ханов и сыновей великих ханов. Грамоты улусных ханов уйгурского письма как на монгольском (Аа III—IV, VI—VII), так и на тюркском (Аб I—II) языках преамбул не имеют. То же можно сказать и о письмах этих Чингизидов (Аа 3—6; Аб 2), написанных уйгурскими буквами. Только самое раннее из них — письмо ильхана Абаки (Аа 2) — имеет преамбулу первой разновидности. Можно предположить, что именно уйгурское письмо служило препятствием для Чингизида — вассала великого хана помещать на своей грамоте преамбулу. Во всяком случае, грамоты квадратного, китайского, арабского и персидского письма таких ограничений, видимо, не имели. Отсутствие преамбулы в персидской грамоте Махмуда Газана от 1304 г. (Г II) объясняется, скорее всего, редакторской правкой грамоты при включении ее содержания в «Сборник летописей».

При рассмотрении преамбул грамот ханских жен и матерей надлежит руководствоваться следующим обстоятельством: формально жены и матери ханов не принадлежали к роду Чингизидов. Следовательно, если рассматривать преамбулу как морально-юридическое обоснование права автора документа на его составление, можно ожидать, что форма преамбул в грамотах ханш и высших должностных лиц из государственного аппарата Чингизхана и последующих великих ханов будет одинаковой. Обратимся к источникам.

В настоящее время мы располагаем лишь двумя грамотами жен и матерей великих ханов. Материала явно недостаточно для того, чтобы элементы формуляров этих грамот можно было бы объединить в таблицы.

Преамбула грамоты жены Öгедея Тöрегене (1240) на китайском языке гласит: *Хуанди шэн чжи ли* (В III), что значит: «По повелению великого хана». Точно такую же преамбулу мы встречаем в 15 документах государственных деятелей и официальных учреждений Монгольской империи, написанных между 1220 и 1366 гг. и опубликованных Э. Шаванном [49]. В преамбуле этих

[49] Ed. Chavannes, Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'epoque mongole, vol. 5, стр. 405, № 8; стр. 442, № 14; стр. 444, № 15; vol. 9, стр. 304, № 19; стр. 320, № 25; стр. 323, № 26; стр. 326, № 27; стр. 356, № 37; стр. 362, № 38; стр. 365, № 39; стр. 399, № 51; стр. 410, № 56; стр. 418, № 59; стр. 421, № 60; стр. 426, № 61.

документов прослеживается уже отмеченная в преамбулах грамот улусных ханов и сыновей великих ханов особенность: личное имя великого хана приводится наряду с его титулом только в грамотах, относящихся к периоду правления Мöнгке (1251—1259)[50].

Грамота матери Кайшана Гюлюка — Да-цзы (Б V), написанная в 1321 г. по-монгольски квадратным письмом, имеет преамбулу, дословно повторяющую преамбулы первой разновидности, употреблявшиеся улусными ханами и сыновьями великих ханов (см. табл. 2). Пока остается лишь гадать, является ли эта преамбула исключением или правилом для грамот матерей великих ханов, возведенных ими в ранг императриц.

Дошедшая до наших дней в подлиннике, хотя и в несколько поврежденном виде, персидская жалованная грамота Джалаирида Ахмада, сына Увайса I (Г V), от 1372 г. относится к разряду грамот сыновей улусных ханов. Она единственная в этом разряде, так что нам остается рассматривать лишь ее индивидуальный формуляр. Грамота Ахмада преамбулы не имеет.

Следующими по порядку компонентами условного формуляра чингизидских жалованных грамот являются адресант и указ, которые соответствуют последующим элементам статьи-обращения конкретного формуляра. Указ, который в чингизидских жалованных грамотах является своеобразным заменителем приветствия, так органично слит с адресантом, что и рассматривать оба эти элемента целесообразно вместе.

Если преамбула чингизидских жалованных грамот являлась лишь не всегда обязательным придатком к адресанту, то адресант и указ этих документов были компонентами, без которых ни одна грамота существовать не могла.

Разновидности адресантов грамот великих ханов приведены в табл. 3. Первая разновидность адресантов представлена китайской грамотой Чингиз-хана (В I). Независимо от того или иного решения до сих пор еще спорного вопроса об этимологии слова *чингиз* несомненно то, что сочетание *чингиз-хан* воспринималось современниками Темучина как «великий хан». По-китайски это сочетание передавалось формой «Чэн Цзы-сы хуанди». Грамота сына Чингиз-хана Öгедея (В II), так же как и грамоты последующих великих ханов (Б II—IV; В VIII—X, XII—XXXIII), свидетельствует о том, что эти монархи довольствовались в своем титуле только китайским словом *хуанди* или монгольским — *каган*, т. е. «великий хан».

Возможно, что такого рода титулатура великих ханов стала обязательной лишь со второй половины XIII в., а до этого времени в грамотах великих ханов встречались и другие титулы. Так, письмо Гуюка от 1246 г. (Аа 1; Аб 1) дает по-монгольски

---

[50] Там же, т. 9, № 37—39.

Таблица 3

Разновидность адресанта	Транскрипция текста адресанта и указа			Русский перевод адресанта и указа	Шифры грамот
	монгольского	тюркского	китайского		
Первая			*Чэн Цзы-сы хуанди шэн чжи*	Великого хана повеление наше	В I
Вторая	*Yeke mongγol ulus-un dalai-in qanu ǰarliγ [manu]*	*Kür uluγ ulusnuŋ talujnuŋ χan jarlïγïmïz*		Великого монгольского улуса великого хана повеление наше	Аа 1; Аб 1
Третья	*Qaγan ǰarliγ manu*		*Хуанди шэн чжи*	Великого хана повеление наше	Б II—IV; В II, VIII—X, XII—XXXIII

Таблица 4

Разновидность адресанта	Транскрипция текста адресанта и указа				Русский перевод адресанта и указа	Шифры грамот
	монгольского	тюркского	китайского	персидского		
Первая	*γuanγ-ǰi ⟨. . .⟩ vaṅγ üge manu*		*[. . .] тайцзы (хуанцзы ⟨. . .⟩ ван) лин чжи*		[. . .] наследного принца (принца крови ⟨. . .⟩ хана) указ наш	Б I; В V, XI
Вторая	*[. . .] baγatur qan (sultan) üge manu*	*Sultan [. . .] baγatur (batur, gürgän) sözüm*		*Фарман-и султан [. . .]*	Хана [. . .] богатыря (гургана) указ наш (мой)	Аа IV, VI, VII, 2, 3, 5, 6; Аб I, II, 2; Г I—IV

и по-тюркски следующий образец титула: «Великого Монгольского улуса великий хан», где определение «великий», весьма вероятно, передается по образцу грамоты Чингиз-хана словом, обозначающим «океан», «море». Грамота Мöнгке (В IV) не сохранила адресанта, но если судить по дошедшим до нас китайским документам времени его правления, о чем уже говорилось выше, то Мöнгке, возможно, титуловался в своих грамотах наподобие Чингиз-хана, хотя сходство здесь было чисто формальное, ибо «чингиз»— титул, а Мöнгке — личное имя. Не исключена, впрочем, и возможность понимания этого личного имени в его первоначальном значении —«вечный». Тогда титул «мöнгке-хан» мог восприниматься современниками этого монарха как «вечный хан».

Обратимся к элементу «указ» в табл. 3. Для монгольского и тюркского текстов грамот великих ханов указ был единообразным —«повеление наше». *Шэн чжи* китайских грамот — термин, специально применявшийся для обозначения указов, исходивших от особы императора,— можно перевести словами «священный указ» без всяких притяжательных местоимений. В связи с тем что он применялся как китайская параллель монгольского термина, то и его мы, в целях достижения единообразия, передаем по-русски как «повеление наше».

Разновидности адресантов и указ грамот улусных ханов и сыновей великих ханов представлены в табл. 4. Для данной группы грамот характерно присутствие в адресанте личного имени. Только грамота Мангалы, сына Кубилая (Б I; В XI), не имеет в адресанте личного имени. Мы заменяем личное имя в таблице знаком [. . .].

В качестве первой разновидности адресантов мы отбираем адресанты в грамотах сыновей великих ханов. У нас наличествуют всего две грамоты сыновей. Одна из них, выданная Мангалой, сыном Кубилая (Б I; В XI), имеет параллельные монгольский и китайский тексты, но не имеет в адресанте личного имени жалователя. Видимо, в данном случае имя заменяет другая реалия — название географического объекта, которым владеет этот Чингизид на правах хана (вана). Название географических объектов здесь и в дальнейшем мы будем обозначать знаком <. . .>. Собственно, в числе адресантов первой разновидности у нас представлены два различных адресанта. Первый, видимо, был характерен для наследных принцев (кит. *тайцзы*), а второй — лишь для «простых» принцев крови (кит. *хуанцзы*). Слово *тайцзы* ставилось после личного имени, а слово *хуанцзы* предваряло владетельный титул сына великого хана.

Возможно, что еще одну разновидность адресантов представляли грамоты братьев великих ханов. В нашем списке источников есть две грамоты Кубилая, брата Мöнгке (В VI, VII). Первая из них не сохранила адресанта, а вторая имеет адресант, припи-

санный явно позднее — после того как Кубилай стал великим ханом.

Во вторую разновидность адресантов этой группы актов мы включили адресанты грамот улусных ханов. Все эти адресанты несут в себе личное имя жалователя. Часто личные имена Чингизидов сопровождаются равнозначными титулами «хан» или «султан», которые стоят после имени в грамотах, написанных по-монгольски (Аа IV, 6). В тюркских и персидских грамотах они предшествуют имени (Аб II, 2; Г I—IV). Иногда вместо указанного титула, а чаще наряду с ним, личное имя Чингизида дополняется почетным прозвищем «богатырь» (Аа IV; Аб I, II) или «зять» (*гурган*, монг. *küregen* — Аб 2). Последнее прозвище знаменует собой приобщение к роду Чингизидов через посредство женитьбы на монгольской принцессе. Прозвища всегда ставятся после личного имени, в монгольских документах они предшествуют титулу «хан».

Указ для этой группы актов единообразен. Везде мы переводим его словами «указ наш (мой)». На этом переводе, видимо, стоит остановиться и всем последующим переводчикам чингизидских жалованных грамот. Общепринятый в русской и советской научной литературе перевод монгольского сочетания *üge mani* как «слово наше» и тюркского *sözüm* как «слово мое» после проведенного дипломатического анализа уже не может считаться отвечающим существу дела. Прежде производился дословный перевод слов *üge* и *söz*, ибо тогда эти слова рассматривались лишь в их изначальном значении. Теперь следует видеть в них прежде всего элемент статьи-обращения конкретного формуляра или компонент условного формуляра. В обоих случаях это — указ. Если мы переводим указ грамот великих ханов (для монгольского и тюркского текстов это — «ярлык», изначальное значение которого также «слово», «речь») словом «повеление», то для вассалов великих ханов больше подходит слово «указ».

Отметим еще, что при переводе на русский язык монгольских и тюркских грамот этой группы притяжательные местоимения первого лица при слове «указ» будут иметь разные числа. В монгольских грамотах везде будет «указ наш», а в тюркских —«указ мой». Видимо, Чингизиды-вассалы, писавшие грамоты по-тюркски, обязаны были и этим формальным моментом подчеркивать свою зависимость от монгольских великих ханов. Мы уже видели, что перевод указа великого хана на тюркский язык полностью сохранял его внешнюю форму —«повеление наше» (Аб 1). Что же касается перевода указа в китайских грамотах сыновей великих ханов, то (несмотря на то что китайский термин *лин чжи* специально обозначал документы, исходившие от императорских сыновей), рассматривая тексты этих актов как противни монгольских грамот, мы передаем по-русски *лин чжи* как «указ наш».

Приведенные выше соображения относятся и к персидскому слову *фарман*, переводимому нами как «указ [мой]».

Рассмотрев адресанты и указы грамот ханских жен и матерей, мы убеждаемся в том, что теперь приходится объединять названные элементы грамот жены Огедея Тöрегене (В III) и матери Кайшана Гюлюка — Да-цзы (Б V).

Адресант и указ грамоты Тöрегене гласят: <. . .> *екэ хэдунь да хуанхоу ичжи бин фэйцзы ичжи*. Здесь даны параллельно монгольский (*екэ хэдунь*) и китайский (*да хуанхоу*) титулы жены великого хана, которые можно перевести словами «великая императрица». Слово *фэйцзы* значит «наложница», а *ичжи* — термин, означающий, что данный указ исходит от императрицы. Таким образом, оба названных элемента можно перевести так: «великой императрицы и наложницы указ». Выяснение причин, побудивших Тöрегене внести в свой адресант слово «наложница», переадресуем более внимательному исследователю индивидуального формуляра этой грамоты. Адресант и указ грамоты Да-цзы предельно кратки и понятны: *γuanγ-thai iǰi manu*, т. е. «императрицы указ наш».

Обратившись к индивидуальному формуляру грамоты Ахмада, сына Увайса I (Г V), замечаем, что грамота эта не имеет указа, как такового, а адресант ее содержится в виде приписки-подписи личного имени жалователя в самом конце грамоты.

Таким образом, мы закончили формулярный анализ таких элементов статьи-обращения конкретных формуляров чингизидских жалованных грамот XIII—XV вв., как преамбула, адресант и указ. К общим выводам из этого анализа нам еще предстоит вернуться после того, как будут рассмотрены оставшиеся элементы статьи-обращения. Однако это уже тема нашей следующей работы.

Осуществление данного исследования было бы невозможно без дружеской помощи ученых восточного факультета Ленинградского университета. Транскрипции и переводы китайских, монгольских, арабских, персидских текстов принадлежат соответственно В. Ф. Гусарову и Б. Г. Доронину, З. К. Касьяненко, О. Б. Фроловой, Ч. А. Байбурди. Автор приносит названным товарищам свою искреннюю благодарность.

Р. А. Гусейнов

УДЖИ — ВОЕННО-ФЕОДАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ В МАЛОЙ АЗИИ В XI—XII вв.

История Малой Азии XI—XII вв. тесно связана с тюркскими племенами, которые мигрировали из Средней Азии на запад, под предводительством султанов Сельджукидов участвовали в завоевательных походах и способствовали созданию ряда государств. По имени руководителей завоеватели и мигранты стали известны как сельджуки, а само движение и эпоха — как сельджукские. Успехи, достигнутые сельджуками, были в известной степени следствием сравнительно высокого военного искусства средневековых тюрков.

Военная организация Сельджукидов появилась не вдруг. Тюрки были известны как хорошие воины уже в раннем средневековье, и созданная Сельджукидами система стала, по сути дела, дальнейшим развитием тюркской военной доктрины. Она впитала в себя элементы предшествующей эволюции, и можно говорить в какой-то мере о преемственности военных традиций в тюркском мире на протяжении столетий. Но вместе с тем военная система Сельджукидов лишь условно может быть названа тюркской, ибо в действительности она представляла собой синтез различных традиций средневекового военного искусства [1]. Это явление не случайно. Оно служит подтверждением существования зоны контакта Сельджукидов с мусульманским и восточнохристианским миром [2]. В XI—XII вв. такая зона была в Малой Азии,

---

[1] О военной организации Сельджукидов см.: А. А. Росляков, Из истории военного искусства туркмен, — «Труды Ашхабадского гос. пед. ин-та», исторические науки, 1947, вып. 1; Р. А. Гусейнов, Сельджукская военная организация, — «Палестинский сборник», М.—Л., 1967, вып. 17 (80); M. A. Köymen, Alp Arslan zamanı selçuklu askeri teşkilâtı, — «Tarih araştırmaları dergisi», 1967, cilt V, sayı 8—9.

[2] См., например: В. А. Гордлевский, Избранные сочинения, т. I. Государство Сельджукидов Малой Азии, М., 1960; С. Г. Агаджанов, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., Ашхабад, 1969; Н. Н. Шенгелия, Сельджуки и Грузия в XI в., Тбилиси, 1968; Д. Е. Еремеев, Этногенез турок, М., 1971; M. F. Köprülü, Bizans

где прослеживается главным образом влияние Византийской империи, сказавшееся, в частности, на возникновении и развитии института уджей в Конийском султанате.

Военно-феодальный институт уджей представлял собой систему рекрутируемых из родо-племенного ополчения специальных конных отрядов для охраны границ государства, члены которых получали в обмен за службу землю и создавали поселения в приграничной полосе. Идея заслонов на границах государства, принявшая у Сельджукидов форму уджей, могла возникнуть под влиянием нескольких факторов. В современной им Византийской империи существовала система акритов-пограничников, которая могла послужить образцом для Сельджукидов. Еще в первой половине VIII в. вдоль границ халифата Омейядов был образован ряд крепостей и военных поселений, откуда пограничная стража вела наступательно-оборонительные действия против Византии [3]. Идею создания пограничных постов Сельджукиды могли воспринять также из Ирана, если учесть, что они немало переняли от иранской (сасанидской) государственной системы (институт марзбанов — наместников пограничных провинций).

Войны стали неизбежным спутником государства Великих Сельджукидов, которое фактически родилось благодаря важной победе над войском Газневидов 25 мая 1040 г. у Данданакана, близ Мерва. Поэтому для времени правления первых трех великих султанов — Тогрул-бека (1036—1063), Алп-Арслана (1063—1072) и Малик-шаха (1072—1092) — характерно единство войны и политики, что во многом способствовало переходу от родо-племенного ополчения к относительно регулярной армии. Ополченцы были организованы в отряды по племенам, не желали воевать вдали от своих кочевий, плохо подчинялись военной дисциплине, не имели необходимой для новых условий выучки. Все это было следствием самой природы родо-племенного ополчения. Вот почему изменение целей войны — не набеги и грабежи, а в первую очередь новая военно-политическая задача, рассчитанная на завоевательный (и миграционный) процесс, на овладение террито-

---

müesseselerinin Osmanlı müesseselerine tesiri hakkında bazı mülâhazalar, — «Türk hukuk ve iktisat tarihi mecmuası», 1931, cilt I; M. H. Y i n a n ç, Türkiye tarihi. Selçuklular devri, I. Anadolu'nun fethi, İstanbul, 1944; I. K a f e s o ğ l u, Sultan Melikşah devrinde Büyük Selçuklu imparatorluğu, İstanbul, 1953; M. A. K ö y m e n, Büyük Selçuklu imparatorluğu tarihi, cilt II. İkinci imparatorluk devri, Ankara, 1954; е г о ж е, Selçuklu devri türk tarihi, Ankara, 1963; C. C a h e n, Pre-Ottoman Turkey, London, 1968; S. V r y o n i s, J r. The Decline of Medieval Hellenism and Process of Islamization of Asia Minor from the XIth through XVth century, Los Angeles, 1971.

[3] См.: В. В. Б а р т о л ь д, Турция, ислам и христианство, — Сочинения, т. VI, М., 1966, стр. 421.

риями и господство над ними,— требовало создания военной организации, построенной на иных принципах.

Военная реформа была начата Тогрул-беком, продолжена Алп-Арсланом и завершена Малик-шахом. Воин новой армии получал в обмен за службу условное военное держание *икта*, т. е. он превращался в профессионального военного, живущего за счет земледельца и военной добычи. Теперь он, став зависимым от жалователя-сюзерена, порывал с традициями родо-племенного ополчения и должен был сражаться вдали от своего дома. Новая система комплектования войска в общих чертах была принята также в государствах, созданных боковыми ветвями рода Сельджука, в том числе в Конийском султанате.

В результате военной реорганизации ополчение потеряло прежнее значение и должно было найти свое место при новой — государственной и военной — структуре. Наиболее приемлемой и полезной формой его дальнейшего существования стала система уджей [4], превратившаяся в последней четверти XI в. в военно-феодальный институт многоцелевого назначения. Наибольшего развития он достиг в Малой Азии — в Конийском султанате, где в течение XI—XIV вв. прошел все этапы своей эволюции [от появления пограничных (сторожевых) постов, подконтрольных султанам, до возникновения на их месте бейликов, ставших наследниками государства Сельджукидов Малой Азии] и сыграл важную роль в истории этого государства Сельджукидов.

Следует также отметить, что, вероятно, возникновение института уджей в какой-то степени связано с господством удельной системы, столь характерной для сельджукской государственности. Фактически все государства Сельджукидов были федеральными образованиями. Поэтому не случайно, что в истории Конийского государства система уджей является переходным этапом от султаната к бейликам как к системе управления в Малой Азии в период феодальной раздробленности XIII—XIV вв.

---

[4] Создание системы уджей помогло обеспечить своевольное ополчение делом, направив его энергию в выгодном для Сельджукидов направлении, за пределы государства, и избавив от его присутствия важные центральные области и ремесленно-торговые центры. И сами огузы охотно шли на границу, где они пасли свои стада и совершали набеги (В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов. . ., стр. 74). Аналогичная картина наблюдалась в халифате Омейядов в первой половине VIII в.: «идея джихада была только средством удалять на границу из внутренних областей беспокойные элементы» (В. В. Бартольд, Турция, ислам и христианство, стр. 421). Для Сельджукидов эта практика могла послужить образцом.

Система уджей, судя по топонимическому материалу и некоторым данным письменных источников, имела распространение в XI—XII вв. в Закавказье, в частности в государстве атабеков Азербайджана Ильдегизидов. На VI Тюркологической конференции в Ленинграде С. М. Абрамзон упомянул о системе, подобной уджам, которая сохранялась почти до XIX в., например в Туркмении, как форма существования родо-племенного ополчения.

История института уджей распадается на два периода. В первый период (XI—XII вв.) система уджей находилась под контролем ее создателей и отвечала своему прямому назначению. Это — время сельджукского завоевания и социальных перемен, образования ряда султанатов и других феодальных владений. Во второй период (XIII—XIV вв.) система уджей уже вступила в конфликт с государством, вышла из-под контроля султанов и способствовала распаду Конийского султаната на отдельные владения-бейлики. Это — время монгольского завоевания и социальных перемен и вместе с тем — для Малой Азии XIII в.— период заметного экономического подъема и культурного расцвета.

Первый период истории института уджей почти не затрагивался медиевистами; второй период освещен в ряде исследований по истории Малой Азии XIII—XIV вв.[5]. Поэтому настоящее сообщение посвящено первому периоду, истории возникновения и развития института уджей в XI—XII вв.

Слово *удж* бытует у тюрков издавна. Впервые оно зафиксировано в форме *уч* в орхонских эпиграфических памятниках первой половины VIII в. в значении «крыло (воен.)», «фланг»[6]. До XI в. слово не имело иных значений, кроме общепринятых в средневековых (древнетюркский, османский) и современных (азербайджанский, гагаузский, туркменский, турецкий) языках огузской группы западнохуннской ветви тюркских языков: «конец», «оконечность», «вершина», «верх», «острие», «острый конец», «передний конец», «начало»; «фланг», «крыло».

Начиная с XI в. слово *удж*, сохраняющее прежние значения, все чаще используется в восточных источниках при упоминании пограничных тюрков. Расширение семантических границ слова *удж*, несомненно, связано с возникновением сельджукской государственности.

У Махмуда Кашгарского находим сочетания: *удж эли* ‘народ, находящийся у границы’; *удж кыдыг* ‘граница’[7]. Ибн Биби говорит об области удж — местонахождении уджей, а также их земель и поселений в зоне контакта Конийского султаната с Византийской империей и другими государствами; он же упоминает удж-беев — начальников пограничных отрядов уджей и держателей земель уджей, что находились в приграничной зоне султа-

---

[5] См., например: M. F. K ö p r ü l ü, Bizans müesseselerinin Osmanlı müesseselerine tesiri. . .; е г о ж е, Osmanlı devleti'nin kuruluşu, Ankara, 1969; B. F l e m m i n g, Landschaftsgeschichte von Pamphylien, Pisidien und Lykien im Spätmittelalter, Wiesbaden, 1964; I. H. U z u n ç a r ş ı l ı, Anadolu beylikleri ve Akkoyunlu, Karakoyunlu devletleri, 2. baskı, Ankara, 1969.

[6] С. Е. М а л о в, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 63, 69, 437.

[7] «Divanü Lûğat-it-türk tercümesi». Çeviren: B. Atalay, Ankara, cilt I, 1939, стр. 44.

ната. Ибн Биби упоминает и войско уджей [8]. Басили пишет о тюркских воинах-уджах [9]. Бар Эбрей говорит об удж-эмире, т. е. о начальнике пограничной зоны, о воинах-уджах [10]. Анонимный автор рассказывает о пограничном войске уджей, об удж-тюрках [11]. Для периода бейликов зафиксированы термины *удж-бей*, *удж-умера*, а также *эмир ас-савахиль* или *малик ас-савахиль*, т. е. «начальник пограничного морского побережья»[12]. В источниках зафиксированы также личные имена, в состав которых входит термин *удж*; причем их носители так или иначе причастны к пограничной территории. В «Джами ат-таварих» упоминается Учан, эмир-тысячник на границе Кермана (начало XIII в.) [13]. Один из богатырей в огузском эпосе, деятельность которого проходила на границе в стычках с «неверными»,— Эмен-бек, сын Уджуна (Каян-Уджын) [14].

Исследователи в основном едины в определении значения слова *удж* как специального многоцелевого термина. *Удж* — это сторожевой приграничный пост; нейтральная полоса за чертой государственной границы [15]. В понятие уджа как определенной территории входят не только летовки и зимовки огузов-кочевников, но и деревни, города, захваченные у Византийской империи в Малой Азии. Тюркский термин *удж* означает и «пограничник» (*удж* 'конец', 'край'; 'граница' > 'воин на границе'): он равнозначен византийскому акриту и с определенной поправкой [16] — арабскому гази [17]. Тюрки на византийской границе в Западной Анатолии достигли положения прежних мусульманских гази — воинов, которые противостояли своим византийским двойникам-акритам. Поэтому с возрастанием значения тюрков на этой

---

[8] «Anadolu selçuki devleti tarihi». Ibn Bibi'nin farsça muhtasar 'Selçukname'sinden türkçeye çeviren M. N. Gencosman, Ankara, 1941, стр. 41, 50, 76, 90, 94, 239, 267, 298, 302.

[9] В. Дондуа, Басили, историк царицы Тамары, — «Памятники эпохи Руставели», Л., 1938, стр. 61.

[10] Gregorii Barhebraei Chronicon syriacum, ed. P. Bedjan, Parisiis, 1890, стр. 418.

[11] «Anadolu selçukluları devleti tarihi», c. III. «Histoire des Seldjoukides d'Asie Mineure», par une Anonyme. Çeviren: F. N. Uzluk, Ankara, 1952, стр. 33, 50, 61.

[12] E. de Zambaur, Manuel de généalogie et chronologie pour l'histoire de l'Islam, Bad Pyrmont, 1955.

[13] Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, пер. Л. А. Хетагурова, М.—Л., 1952, стр. 97.

[14] См.: «Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос». Пер. В. В. Бартольда. Издание подготовили В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов, М.—Л., 1962, стр. 239.

[15] В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов. . ., стр. 48, 52.

[16] Уджи не совсем то же, что гази: у них различные задачи, система организации (см.: M. F. Köprülü, Osmanlı devleti'nin kuruluşu, стр. 77).

[17] C. Cahen, Pre-Ottoman Turkey, стр. 149.

границе термин *удж* стал использоваться наряду с термином *гази* [18].

Таким образом, только с XI в. слово *удж* приобретает характер полисемантического термина, который в сельджукский период означал: «пограничное войско», «пограничник», «военное земельное держание», «военное поселение на границе», а также «приграничная область» или «приграничный пост». Как составной элемент это слово входило в термины *удж-бей*, *удж-эмир*, *удж-бейлербей* и в состав ряда топонимов (например, *Уджан*).

I. Войско уджей. Главными задачами уджей были военные. Войско уджей выполняло наступательно-оборонительные функции в приграничных районах владений Сельджукидов. В Малой Азии борьба шла в основном с Византийской империей, так как вследствие сельджукского завоевательного и миграционного движения этот регион в XI—XII вв. был не только зоной контакта, но и зоной противоборства ислама с христианством.

Султанам необходимо было иметь специальные силы для почти перманентных пограничных столкновений, ибо Сельджукиды в Малой Азии жили окруженные областью войны (*дар ал-харб*) [19].

Возможно, что уджи должны были также укреплять власть султана на местах, подавляя антисельджукские и антифеодальные выступления, народно-освободительные движения, обеспечивать сбор налогов, т. е. исполнять и карательные функции.

В круг обязанностей уджей входило сопровождение посольств, которые направлялись в столицу, к султану: «для защиты посольства от посягательства или насилий на пути почетный конвой отбирался из войск, стоявших на границе»[20].

Понятие *уджи* как войско, расквартированное на границе владений Сельджукидов, появляется при великом султане Малик-шахе, т. е. в период, когда уже сложилась новая армия. Уджи были составной частью военной организации Сельджукидов. Их можно отнести к вспомогательному роду войск (пограничные, сторожевые).

Войско уджей принадлежало к доминировавшей в военной системе Сельджукидов легкой коннице. Оно комплектовалось преимущественно из числа 24 огузских, а также примкнувших к ним других тюркских племен, вероятно, по принципу «от каждого племени — отряд», хотя зачастую уджами были все способ-

---

[18] «The Cambridge History of Iran», vol. 5, ed by J. A. Boyle, Cambridge, 1968, стр. 62. (Там же говорится, что тюркский термин *акынджи* использовался наряду с термином *гази*. Но это не совсем верно. Акынджи не идентичны уджам. Они — налетчики, в то время как уджи — пограничники, место действия которых — приграничная зона, ибо они несут службу по охране границ государства.)

[19] В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов. . ., стр. 143.

[20] Там же, стр. 184.

ные носить оружие члены племени, поставленного на охрану границ государства [21]. Вместе с тем огузские племена, охранявшие границы Конийского султаната, поставляли султану конницу [22]. Возможно, что в составе уджей были местные жители, которых рекрутировали в войско Сельджукидов.

Во главе отряда уджей племени стоял его глава, который именовался удж-беем или удж-эмиром (т. е. эмиром уджей или уджа — территории, которую следовало охранять) [23]. Удж-беи подчинялись удж-бейлербею, командовавшему объединенным войском уджей (возможно, что его называли также «удж-умера»).

Уджи, как правило, в сражении не участвовали, их функции во время военных действий были вспомогательными: разведка, недолгие рейды, набеги, грабежи, временное преследование бегущего врага, сторожевое охранение (караулы). Если же они вступали в бой, то старались уклониться от фронтальной атаки, для которой не обладали достаточной выучкой и стойкостью. Вместе с тем надо отметить свидетельство современника о малоазиатских уджах конца XII—начала XIII в.: они «в бою мужественны»[24].

Боевое снаряжение уджей было обычным для легкой конницы Сельджукидов, но при всем его разнообразии они отдавали предпочтение луку и стрелам. Защитное снаряжение дополняло вооружение уджей.

Уджи пользовались боевыми порядками родо-племенного ополчения: колонна-клин — при атаке и на походе; рассыпной строй — для сражения, преследования и отхода; расчленение по фронту на крылья — для боя. Применялся и пятичленный боевой порядок (авангард, правое и левое крыло, арьергард, центр), присущий реформированной армии. Существовал специальный военный термин-команда *Гош!*, означавший выступление в поход [25]. В бой

---

[21] Здесь и ниже имеются в виду части племен, ибо хорошо известно, что ни одно из племен, которые пришли с Сельджукидами, не жило компактной массой, а было рассеяно на большой территории. Это засвидетельствовано топонимией и официальными документами (см., например: F. Sümer, Oğuzlar, Ankara, 1967).

[22] В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов. . ., стр. 186.

[23] Gregorii Barhebraei Chronicon syriacum, стр. 418. По замечанию В. А. Гордлевского, удж-беи занимали в государстве Сельджукидов Малой Азии высокие должности («Государство Сельджукидов. . .», стр. 74).

[24] В. Дондуа, Басили. . ., стр. 61.

[25] А. М. Щербак, Огуз-нāме. Муẖаббат-нāме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности, М., 1959, стр. 37—39, 45—46, 50; Р. А. Гусейнов, Тюркское *Гош!* в сирийском источнике, — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», 1965, № 86; «Chronique de Michel le Syrien», ed. par. J.-B. Chabot, t. IV, Paris, 1899, стр. 567, 569—570; R. A. Husseynov, Le terme turc Goş dans un texte syriaque, — «Studia et Acta Orientalia», 1967, t. V—VI.

шли с огузским боевым кличем (*уран*): *Кёк бёри!* ('сивый волк') [26]. В мирные периоды уджи, как и другие части войска, совершенствовали свое военное мастерство. Одним из методов учебы была охота, занимавшая большое место в жизни средневекового тюркского этноса. Существовали также специальные охотничьи заповедники для проведения военных игр [27]. Устраивали состязания в стрельбе из лука, в искусстве владения саблей и управления конем; метких стрелков щедро одаривали [28].

Во второй половине XI в., после образования державы Великих Сельджукидов, тюрки сельджукской волны появились в Малой Азии. Вероятно, в это время они селились там в качестве пограничной стражи и как военная сила, направленная против Византийской империи [29], т. е. являлись уджами, которые продолжали на границе борьбу, начавшуюся в Малой Азии давно [30]. В тот период зона контакта, а значит, и место пребывания только еще нарождавшихся уджей, действовавших против Византии, были на восточной границе Анатолийского плато, на линии Эрзерум — Малатья — Тарс [31]. Здесь началась многолетняя борьба уджей с акритами, которая не утихала и впоследствии и протекала в зоне войны (*дар ал-харб*) на границе (*ас-сугур*). Казалось, что с конца XI в., после образования Конийского султаната, «война за веру» из дела пограничной вольницы превратится в общегосударственное дело. Однако джихад большей частью вели удельные князья пограничных областей [32].

В XII в. зона контакта значительно переместилась на запад, что было связано с успехами Сельджукидов в Малой Азии, в част-

---

[26] А. М. Щербак, Огуз-нāме, стр. 32.

[27] Низами Гянджеви, Искендер-наме, ч. 1, пер. К. Липскерова, Баку, 1953, стр. 280; Шота Руставели, Витязь в тигровой шкуре, пер. Н. Заболоцкого, Тбилиси, 1966, стр. 21—23, 42—43, 48, 60, 157; «Книга моего деда Коркута. . ., стр. 17, 18—19, 83—84; А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского, М.—Л., 1958, стр. 41—42, 62—63; M.-F. Brosset, Histoire de la Géorgie, pt I, St.-Pbg., 1849, стр. 358—359.

[28] А. Н. Кононов, Родословная туркмен. . ., стр. 50; «Anadolu selçuki devleti tarihi», стр. 104.

[29] В. В. Бартольд, Тюрки (историко-этнографический обзор), — Сочинения, т. V, М., 1968, стр. 590.

[30] В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов. . ., стр. 76.

[31] Там же, стр. 48.

[32] В. В. Бартольд, Турция, ислам и христианство, стр. 421—422. О. Туран считает, что Конийский султанат был создан в пограничной полосе мусульманского мира для ведения газавата. По его мнению, это было государство-удж (см.: O. Turan, Selçuklular tarihi ve türk-islâm medeniyeti, Ankara, 1965, стр. 201). Ср. замечание В. А. Гордлевского о том, что территория, на которой возник Конийский султанат, это — старая область пограничников — борцов за веру, выдвинутых арабами, которая превратилась в государство. Вместе с тем В. А. Гордлевский отмечает, что Византия на своих восточной и западной границах использовала тюрков в качестве акритов, защищавших ее от набегов кочевников («Государство Сельджукидов. . .», стр. 48, 61).

ности с важными победами при Манцикерте (1071) и Мириокефале (1176). Теперь местом нахождения уджей Конийского султаната, противостоявших византийским акритам, была западная граница Анатолийского плато, по линии Эскишехир — Анталья [33]. Это отмечено, в частности, и в источниках; например, владения одного из удж-эмиров находились «на восточной границе ромеев»[34]. Но часть уджей были оставлены на восточной границе Конийского султаната — против Грузинского царства, которое в XII в. пыталось поживиться за счет Сельджукидов Малой Азии [35]. В этой зоне уджам было относительно легко, ибо они имели поддержку со стороны атабеков Азербайджана Ильдегизидов. В частности, основатель этой династии Шамс ад-дин Ильдегиз (1136—1172), а затем его преемники Джахан-Пехлеван (1172—1186) и Кызыл-Арслан (1186—1191) в течение многих лет вели успешную борьбу против Грузинского царства [36].

II. Земли уджей — это область, территория расселения уджей, а вместе с тем категория феодального держания, связанная с новыми функциями родо-племенного ополчения. Система уджей стала не только формой существования этого ополчения в новых условиях, но и формой обеспечения ополченцев, ибо государство не платило им жалованья за военную службу на границе. Уджи жили за счет полученной земли и военной добычи.

Земли уджей появились одновременно с войском уджей и первоначально были условным военным держанием. В течение XII в. эта категория земель получила большое распространение в приграничной зоне Конийского султаната. Источники неоднократно говорят о территории (или области) уджей в Малой Азии [37].

---

[33] S. Vryonis, Jr. The Decline of Medieval Hellenism. . ., стр. 261—262. Ф. Сюмер считает, что завоевание Сельджукидов в XI в. спасло Восточную Малую Азию от разорения. Ибо, по его словам, если бы она осталась пограничной зоной, т. е. областью войны (*дар ал-харб*), здесь были бы неизбежны опустошения и грабежи (F. Sümer, The Turks in Eastern Asia Minor in the Eleventh Century, — «Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies, Oxford, 5—10 September, 1966», London, 1967, стр. 441).

[34] Gregorii Barhebraei Chronicon syriacum, стр. 418.

[35] В. Дондуа, Басили. . ., стр. 61.

[36] «Книга моего деда Коркута. . .», стр. 22, 30, 44, 57—58; Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 2, пер. с перс. О. И. Смирновой, М.—Л., 1952, стр. 83; «Всеобщая история Вардана Великого», пер. с арм. Н. О. Эмина, М., 1861, стр. 156, 160; «История и восхваление венценосцев», пер. с груз. К. С. Кекелидзе, Тбилиси, 1954, стр. 20—21, 41, 55—56; Gregorii Barhebraei Chronicon syriacum, стр. 327—328; Sadruddin Ebu'l-Hasan Ali ibn Nasir ibn Ali el-Hüseyni, Ahbar üd-Devlet is-Selçükiyye. Çeviren: N. Lügal, Ankara, 1943, стр. 17, 94, 110—114; «Recueil des historiens des Croisades. Historiens Orientaux», t. I, Paris, 1872, стр. 526—527; C. J. F. Dowsett, The Albanian Chronicle of Mxitar Goş, — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», 1958, t. XXI/3, стр. 490.

[37] Gregorii Barhebraei Chronicon syriacum, стр. 418; «Anadolu selçuki devleti tarihi», стр. 41, 239, 244, 267, 298, 302.

Земельный фонд уджей был создан за счет государственных земель и конфискаций у местного населения, что внесло определенные изменения в поземельные отношения рассматриваемого периода. В обоих случаях земли уджей стали одной из дополнительных форм эксплуатации, т. е. господства кочевника-завоевателя над оседлым крестьянином-земледельцем.

Эта категория земельного держания имела в принципе налоговый иммунитет, ибо уджи были обязаны военной службой («повинность кровью»). Государство передавало такие земли удж-бею, который и был ответствен перед жалователем-султаном за охрану границы. По аналогии земли уджей, бывшие вначале формой восточного бенефиция, можно сравнить с землями, что выделялись в приграничной полосе государств средневековой Западной Европы для поселения воинов, во главе которых стоял маркграф. Первоначально удж-бей не мог лишить уджей своего племени права пользования этими землями или отчуждать их, ибо они считались коллективной условной собственностью. Но они могли переходить по наследству в его роду вместе со званием удж-бея и главы племени. Удж-бей распределял полученные земли среди своих соплеменников на условиях несения военных обязанностей, т. е. земли уджей были, как и земли любой другой категории феодальной собственности, только сочетанием многих парцеллярных участков, обрабатываемых общинниками.

Вместе с тем феодальный характер собственности здесь был прикрыт оболочкой патриархально-общинного обычая, поскольку уджи сохраняли родо-племенную организацию не только как военную систему, но и как форму общественного устройства. Поэтому хотя юридически земли считались совместным владением уджей племени, их фактическим собственником выступал удж-бей. Вот почему уже на рубеже XI—XII вв. эта категория земельного держания имела тенденцию перерастать в форму личной собственности удж-беев и в последующем превратилась в безусловное (частное) владение типа мюльк, т. е. могла уже свободно отчуждаться. Этот процесс эволюции земель уджей стал весьма заметен на рубеже XII—XIII вв., но особенно во второй половине XIII в., когда он способствовал появлению бейликов в приграничных зонах Конийского султаната [38]. В источниках имеются упоминания об эмире уджа в Малой Азии XIII в., т. е. речь идет о главе (начальнике) определенной пограничной территории [39]. Удж-бей, как представитель (наместник) султана в приграничной области, обладал военной и административной

---

[38] См., например: В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов. . .; C. Cahen, Pre-Ottoman Turkey; I. H. Uzunçarşılı, Anadolu beylikleri ve Akkoyunlu, Karakoyunlu devletleri.

[39] Gregorii Barhebraei Chronicon syriacum, стр. 418.

властью над этой землей и ее населением [40]. Примерно по тому же пути шла эволюция статуса маркграфов, которые составили часть феодальных земельных собственников Западной Европы (здесь развитие проходило по линии бенефиций — аллод), как удж-беи — таких же собственников в Малой Азии (иной была только терминология: «условный икта — чистый мюльк»). Иными словами, категория земель уджей в условиях развитого восточного феодализма перерождалась: рядовые общинники-ополченцы лишались полученной племенем земли, за их счет росла земельная собственность удж-беев. Вот почему со временем земли уджей и удж-беи исчезли, а сами уджи превратились в составную часть местного феодально-эксплуатируемого сословия.

III. П о с е л е н и я у д ж е й. Ввиду того что сельджукское движение носило не только завоевательный, но и миграционный характер, на новые места, в том числе в Малую Азию, пришли довольно значительные массы тюрков-номадов. Концентрация тюркоязычного этноса в этом регионе была наиболее высокой в приграничных зонах Конийского султаната, ибо здесь появились поселения уджей как результат создания войска и земель (или территорий, областей) уджей. Языковая тюркизация Малой Азии была длительным процессом, который, возможно, начался задолго до XI—XII вв., но наиболее ярко он проявился в период, когда здесь установилось политическое господство тюркской военно-кочевой знати, когда возникли государство Сельджукидов и связанный с ним институт уджей.

В результате язык огузов превратился в средство общения столь значительной части местного населения, что уже на рубеже XII—XIII вв. стало возможным причислить его к местным языкам, а затем констатировать его доминирующую роль в жизни Малой Азии. Причем в первую очередь оказались тюркизированными по языку именно те территории, где находились поселения уджей.

---

[40] М. Ф. Кёпрюлю считает, что были удж-беи, над которыми стояли удж-эмиры, т. е. главы бейликов. Последних он именует также великими удж-беями (M. F. K ö p r ü l ü, Osmanlı devleti'nin kuruluşu, стр. 74).

Г. В. Длужневская

ЕЩЕ РАЗ О «КУДЫРГИНСКОМ ВАЛУНЕ»

(К вопросу об иконографии Умай у древних тюрков)

Уже не один десяток лет длится дискуссия по поводу валуна «изваяния», найденного С. И. Руденко и А. Н. Глуховым на могильнике Кудыргэ (Горный Алтай).

К интерпретации сцены, изображенной на валуне, обращались многие исследователи. В сцене коленопреклонения видели отражение имущественной и социальной дифференциации [1] отражение господства одних племен над другими при сложении новых этносоциальных систем [2], а также относили ее к культу предков [3] и шаманскому обряду погребения ребенка [4]. Уже было высказано и мнение, что изображение женщины в трехрогой тиаре есть изображение богини Умай, богини плодородия, покровительницы детей и воинов [5].

Поводом к еще одной попытке интерпретации этого исключительного по своей выразительности памятника послужило записанное в 20-х годах Н. П. Дыренковой в улусе Чарга бывшей Ойратской области (ныне Горно-Алтайская автономная область) предание рода Меркит (Мäркит) об их предке по имени Тудраш. В предании говорится, что Тудраш однажды во время охоты заблудился и вышел к каменной юрте, в которой сидела старуха.

---

[1] С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1949 (МИА, № 9), стр. 279.

[2] Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953, стр. 92; А. А. Гаврилова, Могильник Кудыргэ на Алтае как источник по истории алтайских племен, М.—Л., 1965, стр. 20; А. Д. Грач, Древнетюркская каменная фигура из района Мунгу-Хайрхан-Ула (Юго-Западная Тува), — КСИЭ, 1958, вып. 30, стр. 156—158.

[3] N. Mavrodinov, Le trésor protobulgare de Nagyszentmiklós, Budapest, 1943 («Archaeologia Hungarica», т. XXIX), стр. 108—109.

[4] Л. Р. Кызласов, К истории шаманских верований на Алтае, — КСИИМК, 1949, вып. XXIX.

[5] А. Д. Грач, Древнетюркская каменная фигура из района Мунгу-Хайрхан-Ула. . ., стр. 158.

Старуха накормила его и указала путь к дому, с условием, что он принесет ей в жертву солового жеребенка, которым будущей весной ожеребится гнедая кобылица Тудраша. В случае исполнения ее желания старуха (ее имя — Ӱч Мӱстӱ Бай Оны) обещала богатство и благополучие его роду. Охотник выполнил ее наказ, и с тех пор род Меркит стал богатеть и разрастаться [6].

Действительно, сёок (родовое подразделение южных тюрков) Меркит, как и некоторые другие телеутские сёоки, раз в три года приносил в жертву светлому духу (обитающему на снежных вершинах-белках и распоряжающемуся «благополучием» скота и охоты, человеческой судьбой и жизнью) соловую лошадь [7].

Имя старухи из легенды — Ӱч Мӱстӱ Бай Оны (*ӱч мӱстӱ* 'трехрогая', *бай* 'священная'[8], слово *оны* не имеет перевода). Сочетание слов *бай-äнä*, или поздний аналог *май-äнä* у телеутов, по исследованиям Н. П. Дыренковой, означает доброе женское божество, охраняющее новорожденного ребенка. Наряду с *май* они употребляют и *умай*. Вместе с тем считается, что сочетание *бай-äнä*, в свою очередь, поздняя вариация имени Умай [9]. Следовательно, в имени старухи в легенде содержится понятие «трехрогая священная мать», где под «священной матерью» подразумевается богиня Умай орхонских надписей (памятники Кюльтегину и Тоньюкуку).

Представление об Умай, принадлежащей к небесным духам, связывается у телеутов и шорцев с представлениями о верховном небесном духе — Ульгене. На призыв людей Умай спускается от белого Ульгеня по радуге, подобной солнцу и месяцу (телеуты); появляется как «хранительница, спустившаяся из земли Ульгеня» (шорцы) [10]. Однако ни антропоморфного изображения Умай, ни сколько-нибудь четкого описания ее облика нет. Телеуты улуса Чарга, где записано предание, говорят о ней обычно как о красивой молодой женщине с волнистыми серебряными волосами, в белой одежде, а также как о девице, одетой в шелк [11].

Так как на «кудыргинском валуне» изображена женщина в трехрогой тиаре, а имя старухи из легенды — Ӱч Мӱстӱ Бай Оны ('т р е х р о г а я священная мать'), то, связав эти два об-

---

[6] Н. П. Д ы р е н к о в а, Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут, — «Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР», вып. I, Л., 1926, стр. 247—248.

[7] Л. Э. К а р у н о в с к а я, Представление алтайцев о вселенной (Материалы к алтайскому шаманству), — СЭ, 1935, вып. 4—5, стр. 166.

[8] А. Н. С а м о й л о в и ч, *Богатый* и *бедный* в тюркских языках, — ИАН СССР, отд. общ. наук, 1936, № 4, стр. 32.

[9] Н. Д ы р е н к о в а, Умай в культе турецких племен, — КПВ, т. III, 1928, стр. 134, 136.

[10] Там же, стр. 136.

[11] Там же, стр. 135.

стоятельства, следовало обратить внимание на культ хозяев гор. Из духов гор в шаманских камланиях называют, например, Ӱч Мӱстӱ Кара-Каjа, хранительницу шести слег юрты, охраняющую детей, скот, птиц [12]. Функции этого горного духа в данном случае совпадают с обязанностями богини Умай; местопребыванием же Умай часто называют гору — *сӱрӱ*, что переводится на русский язык как «острый пик» или «острая вершина шапки» [13]. В Горном Алтае есть гора Ӱч сӱрӱ — трехрогая Белуха, гора — покровительница шаманов [14]. Таким образом, можно предположить, что местом обитания Умай является Ӱч сӱрӱ — священная гора шаманов, т. е. Умай — ее хозяйка, при изображении которой подчеркивается характерная трехвершинная шапка, символизирующая гору Белуху. Судя по этим данным, Умай могла выступать в роли хозяйки горы, покровительницы зверей и птиц, давать *кут* — жизненное начало, свойственное не только человеку [15], но и домашним животным и зверям.

После сделанного на основе указанных сопоставлений вывода о том, что Умай была хозяйкой горы, обратимся к обряду жертвоприношения родовому божеству и духу — покровителю семьи с целью испрашивания благополучия в жизни, приплода скоту, большого урожая. Такой обряд известен у кумандинцев, телеутов, шорцев под названием *коча-кан* [16]. Родовое божество при этом называют обобщенным именем *пайана*. Телеуты и алтайцы говорят, что пайана играет с ребенком во время сна. Такая деталь дает основание считать, что пайана — это та же Умай (наиболее поздний вариант ее имени — *бай-äнä*).

Таким образом, можно допустить, что на валуне-«изваянии» запечатлен момент, когда человек в маске, по-видимому шаман, камлает в честь богато одетой женщины в тиаре — Ӱч Мӱстӱ [Умай], верховного женского божества и божества, олицетворяющего плодородие, что в этнографии телеутов, кумандинцев, шорцев соответствует обряду коча-кан. Центральная фигура отождествима с Умай по одежде, серьгам, месту в сцене. Маленькая лошадь, стоящая ниже ряда фигур,— жертвенная. В том, что она оседлана, нет ничего удивительного: из молитв шаманов

---

[12] А. В. Анохин, Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествия по Алтаю 1910—1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, — СМАЭ, 1924, т. IV, вып. 2, стр. 130.

[13] Н. Я. Никифоров, Аносский сборник. Собрание сказок алтайцев, Омск, 1915 (ЗЗСОИРГО, XXXVII), стр. 264.

[14] Н. Дыренкова, Умай в культе турецких племен, стр. 136.

[15] Л. П. Потапов, Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных, — «Тюркологический сборник. 1972», М., 1973, стр. 281—285.

[16] Ф. А. Сатлаев, Коча-кан — старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев, — СМАЭ, 1971, вып. XXVII.

у жертвенной лошади явствует, что лошади были оседланы и взнузданы («Положится ли бронзовое седло? Наденется ли серебряная узда?», «Хорошего коня с седельной подушкой тебе отдаем»)[17].

Шаман, совершающий обряд,— в шапке «светлых» шаманов, с которой сзади, с затылка, спускались три длинные белые ленты, и в маске из бересты, так же как и второй мужчина, держащий повод.

Принадлежностями обряда коча-кан являлись маска, фаллос, посох и шапка. Берестяная маска с отверстиями для глаз, носа и рта у кумандинцев была раскрашена охрой. Пучки меха из хвоста белки символизировали ресницы, усы, бороду. Шапка из бересты — конусообразной формы. А. А. Гаврилова уже отмечала, что верхушка валуна над личиной имитирует головной убор, а косые разрезы глаз, очевидно, подрисованы. Личина валуна — следовательно, собственно каменное изваяние — может изображать мифическое божество, олицетворяющее плодородие.

Кропление этому божеству производилось дважды в год, весной и осенью; при кроплении сусло сливали в чапчаки, сшитые из бересты и по форме напоминающие колчаны древних тюрков. Возможно, что один из предметов, нарисованных рядом с двумя персонажами, трактовавшийся ранее как колчан, представляет собой такой жертвенный сосуд. Второй предмет — посох или фаллос.

Мы не имеем никаких данных для объяснения маленькой фигурки в тиаре, держащей повод коня шамана. И, к сожалению, нет возможности проверить точность изображения на валуне.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что Умай, как и другие известные богини плодородия, являлась универсальным женским божеством и выступала и в роли хозяйки гор, покровительницы охотников, диких зверей, и в роли покровительницы детей и домашнего очага (связь с культом огня рассмотрена Л. П. Потаповым)[18], и, будучи богиней воинственного народа, в роли покровительницы воинов (как, например, богиня Анахита, в храмы которой приносили отрубленные головы побежденных врагов)[19].

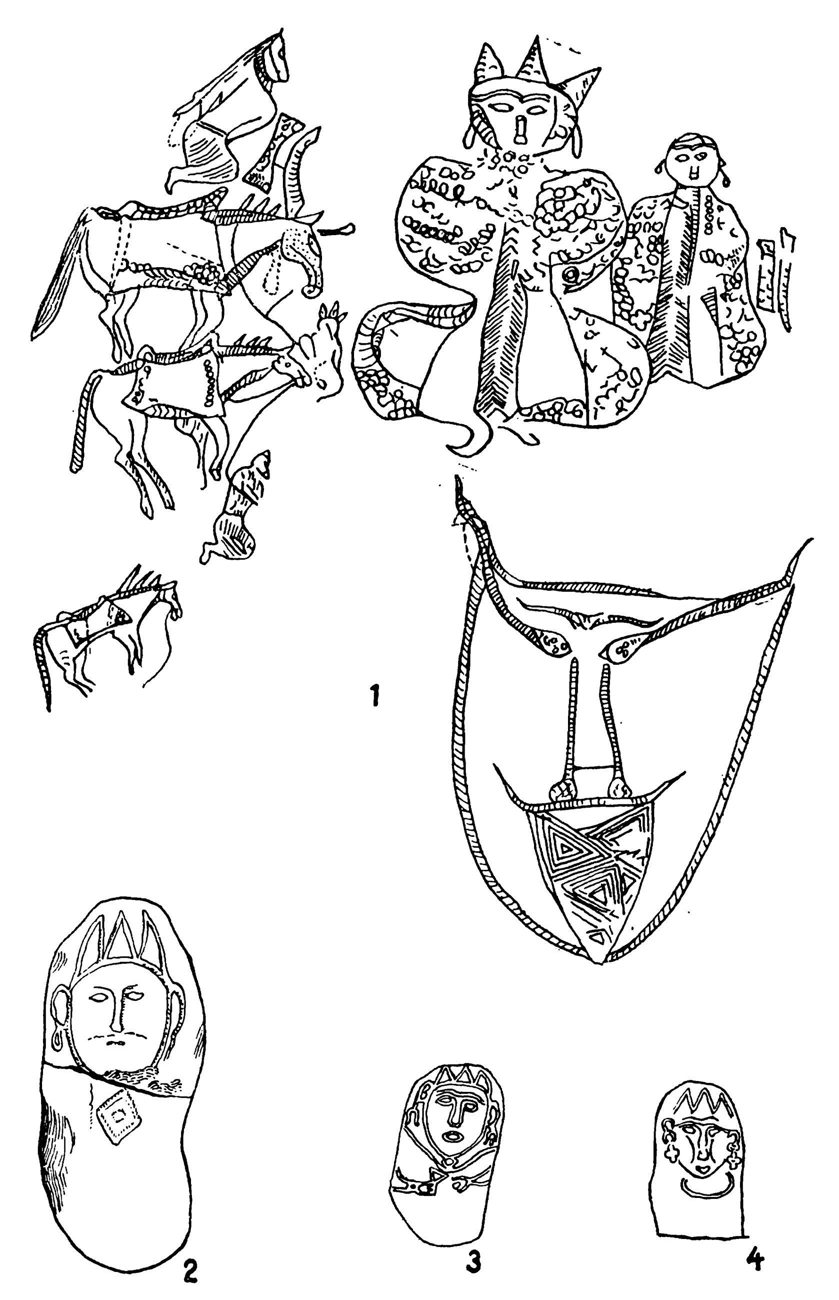
Итак, многогранные функции Умай известны, но, как уже говорилось, ее антропоморфного изображения нет ни среди археологических, ни среди этнографических источников. Если на валуне в качестве центральной фигуры действительно изображена Умай, то образ ее может быть заимствован из инородной иконографии с привнесением близких авторам рисунка местных черт.

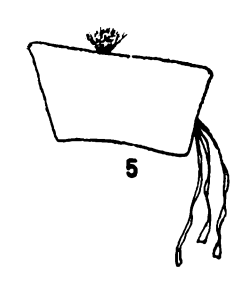
[17] А. В. Анохин, Материалы по шаманству у алтайцев. . ., стр. 76—77, 84.

[18] Л. П. Потапов, Умай — божество древних тюрков. . ., стр. 277.

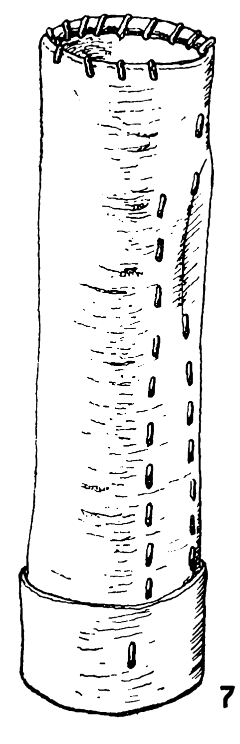
[19] В. Г. Луконин. Культура Сасанидского Ирана, М., 1969, стр. 97.

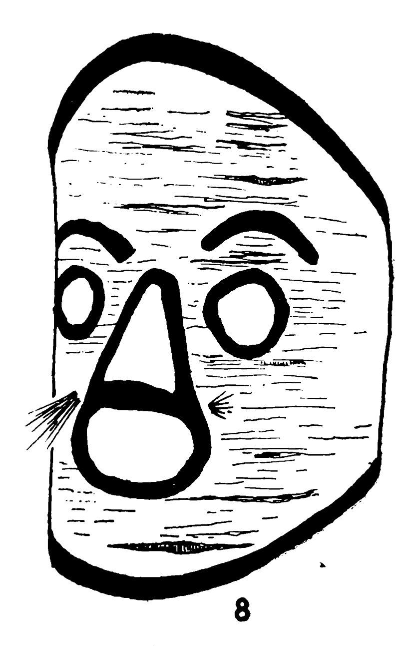

1 — лицо «изваяния» и сцена коленопреклонения на валуне-«изваянии» (по А. А. Гавриловой); *2* — изваяние. Чуйская долина (*по Я. А. Шеру*); *3* — изваяние. Иссык-Куль (*по Я. А. Шеру*); *4* — изваяние. Далпаран, долина р. Малого Кемина (*по Я. А. Шеру*)

5 — шапка шамана (*по А. В. Анохину*); *6* — фрагмент рельефа на биянаймански оссуарии (*по А. Борисову*); *7* — берестяной сосуд для жертвенной браги (*по Ф. А. Сатлаеву*); *8* — берестяная маска Коча-Кана (*по Ф. А. Сатлаеву*)

Родственные образы божеств и духов среди этнических подразделений того или иного народа могли носить различные имена, сложившиеся на месте, и могли отличаться теми или иными чертами от родственных божеств в другой этнической среде (Аисыт у якутов и Амбар-она у узбеков, генетически связанные с Умай) [20]. Так, в Хорезме, Согде, Восточном Туркестане был широко распространен культ четырехрукой богини, связываемой с плодородием животного и растительного мира и материнством, в иконографии которой С. П. Толстов видит влияние индо-буддийских образов [21].

Наиболее близкой — по времени и территориально — к древнетюркской Умай является согдийская Нана-Анахита. Анахита в «Авесте» — это молодая статная женщина в восьмичастной диадеме, с ожерельем на шее, с четырехгранными большими серьгами, в меховой накидке [22]. В хорезмийском пантеоне — богиня, увенчанная царской короной. Изображения Анахиты впервые появляются на сасанидских монетах Хормизда I в 273 г., где она предстает в зубчатой короне с жезлом в руках [23]. Вместе с тем трехрогие головные уборы известны по изображениям богов и жрецов в Иране, Средней Азии, на бляхах в Западной Сибири [24], в Индии [25].

Трехрогие головные уборы встречаются и на тяньшаньских изваяниях [26]. На некоторых из них прорисованы серьги, в одном случае — четырехлепестковые. Ожерелья имеют отдаленное сходство с ожерельями зороастрийских владык Ирана — апезаками, ожерельями с медальоном на груди.

Влияние согдийской художественной школы неоднократно отмечалось при рассмотрении стилистических особенностей семиреченских изваяний. Эти изваяния также могут изображать божество, связанное с культом плодородия или плодовитости, поскольку термин «плодородие» характерен для земледельческих культов, тогда как у скотоводческих и охотничьих племен, скорее, речь идет о культе плодовитости, испрашивании увеличения поголовья скота, размножения зверей [27]. Изображенная на «ку-

---

[20] Г. П. Снесарев, Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., 1969, стр. 240—258.

[21] С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 142, 200.

[22] «Гимн Ардвисури Анахите», — «Восток», М.—Л., 1924, стр. 3—4.

[23] В. Г. Луконин, Культура Сасанидского Ирана, стр. 83—84, рис. 17.

[24] Л. Р. Кызласов, К истории шаманских верований на Алтае, стр. 50.

[25] M. Hallade, Arts l'Asie ancienne. Temes et Motifs. L'Inde, Paris, 1954, pl. IV (41).

[26] Я. А. Шер, Каменные изваяния Семиречья, М.—Л., 1966, табл. XVI, рис. 67, 71; табл. XIX, рис. 83; табл. XXI, рис. 90; табл. XXII, рис. 99, 103.

[27] А. Донини, Люди, идолы и боги, М., 1966, стр. 91.

дыргинском валуне» богиня — в богатом одеянии, в ушах — серьги, на голове — тиара. Характер ткани не ясен. Не исключено, что это узорчатая парча или мех (завитки могут означать и мех, тем более что края пол обозначены штрихами, также, вероятно, символизирующими мех). Таким образом, иконография Умай могла быть заимствована из Ирана или у согдийцев, связи древних тюрков с которыми хорошо известны [28].

В религиозных верованиях алтайцев наряду с буддийскими много иранских черт. Культурные связи иранских и тюркских народов уходят корнями в глубокую древность. Видимо, изобразив сугубо местную по сюжету сцену обряда, который неоднократно совершался у алтайских тюрков, в частности у телеутов, художники внесли в изображение богини Умай черты, характерные для родственных ей образов богинь на территориях Согда, Хорезма, Сасанидского Ирана, что еще раз подтверждает связи тюрков с средне- и ближневосточным миром.

Представленная интерпретация сцены на «кудыргинском валуне» как обряда испрашивания благополучия рода и семьи, увеличения богатства скотоводов и охотников — поголовья скота и зверей — свидетельствует о глубокой древности культа универсального женского божества — богини Умай, о многоликости ее как покровительницы детей и взрослых, хранительницы домашнего очага, и прежде всего как богини плодовитости и хозяйки гор.

---

[28] С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 72, 116 и сл.

С. Г. Кляшторный

ХРАМ, ИЗВАЯНИЕ И СТЕЛА В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ТЕКСТАХ

(К интерпретации Ихе-Ханын-норской надписи)

МАРШРУТ ДМИТРИЯ КЛЕМЕНЦА

Зимой 1893 г. бывший воспитанник физико-математического факультета Петербургского университета, бывший народоволец, политический ссыльный, консерватор музея Восточно-Сибирского отдела Географического общества Дмитрий Александрович Клеменц прислал своему начальнику по Орхонской экспедиции академику В. В. Радлову отчет о рекогносцировочном археологическом маршруте по Центральной и Северо-Западной Монголии и по Урянхайскому краю (Тува), совершенном летом 1891 г. «Считаю долгом и здесь предупредить, — пишет он в преамбуле к отчету, — что я ставлю себе здесь правилом тщательно воздерживаться от каких бы то ни было исторических соображений, так как я пишу отчет, а не монографию о развалинах Монголии; и кроме того я считаю более целесообразным предоставить комментарии к моим описаниям ориенталистам-историкам, к которым не имею чести принадлежать; работая в провинции, я лишен источников, справка с которыми необходима для подобной работы» [1].

Самооценка была чересчур скромной — археологический дневник Д. А. Клеменца оказался образцовой научной работой, и впоследствии, в 1898 г., Академия наук вновь поручила ему археологическое обследование, на этот раз Восточного Туркестана.

---

[1] Д. К л е м е н ц, Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 году, — СТОЭ, вып. II, 1895, стр. 4. О Д. А. Клеменце и его путешествиях см.: Н. М о г и л е в с к и й, Памяти Д. А. Клеменца, — «Материалы по этнографии России», т. II, СПб., 1914, стр. 1—7; «Сборник памяти Д. А. Клеменца», Иркутск, 1916 («Изв. Вост.-Сиб. отдела Географ. об-ва», т. XIV); И. И. П о п о в, Д. А. Клеменц. Его жизнь и деятельность, — в кн.: Д. А. К л е м е н ц, Из прошлого. Воспоминания, Л., 1925, стр. 7—63.

А памятным летом 1891 г. Д. А. Клеменц стал ближайшим сотрудником В. В. Радлова и исполнителем самых трудных его заданий. Уже осенью, в Минусинске, Клеменц пишет свое первое отчетное письмо В. В. Радлову: «Окончив возложенное на меня поручение, считаю своим долгом ознакомить Вас с результатами моих работ, на первый раз в самой краткой форме, впредь до представления отчета. По предположению я должен был от Хара-Балгасуна на Орхоне пройти в Урянхайскую землю, на верхний Енисей и собрать данные для решения вопроса — существует ли непрерывная связь между памятниками Орхона и давно известными остатками древней культуры на верхнем и среднем Енисее. . . Я должен был заметить и описать памятники, которые встретятся мне на пути, снять надписи, если таковые будут, и в то же время собирать сведения о топографии местности» [2].

Те задачи, которые были поставлены перед Д. А. Клеменцем, — установить степень связанности древнетюркской культуры Центральной Азии и Южной Сибири и найти археологическую границу между двумя регионами — не решены окончательно и поныне [3]. Но первый вариант их решения был предложен В. В. Радловым в немалой степени благодаря наблюдениям Клеменца [4].

Среди памятников, исследованных тогда Клеменцем, оказалась и группа курганов, о которых путешественник сообщает особенно подробно: «Хуни-гол мы только пересекли и по левому притоку его, Талаин-Булык, через перевал того же имени спустились к озеру Ихе-Ханын-нор, лежащему около речки Ханын-гол или Хануй. . . Верстах в четырех от озера и в полуверсте от р. Хануй мы нашли громадные развалины, к которым не стыдно приурочить и город драгоценностей. Из всех виденных мною в Монголии эти развалины самым ясным образом доказывают, что здесь был некогда город. . . Верстах в пяти от развалин, недалеко от северного конца Ихе-Ханын-нора, две каменные могилы, два орона, как говорили монголы. Могила огорожена сплошными плитами из метаморфического сланца, внутри изгороди каменные бабы без голов, очень грубо выделанные. На наружных сторонах плит высечен орнамент в виде составленных рядами вы-

---

[2] Письмо Д. А. Клеменца на имя академика Радлова, — СТОЭ, вып. I, 1892 (далее — К л е м е н ц, Письмо), стр. 13.

[3] Северо-Западная Монголия была долгое время ближе в этнокультурном отношении к Туве и Алтаю, нежели к Центральной Монголии, что археологически фиксируется уже для эпохи бронзы и раннего железа. См., например: В. В. В о л к о в, Основные проблемы изучения бронзового и раннего железного века МНР, — «Олон Улсын Монголч Эрдэмтний II их хурал», I б., Улаанбаатар, 1972, стр. 91—94.

[4] W. R a d l o f f, Die alttürkischen Inschriften aus dem Flussgebiete des Jenissei, — ATIM, 1895, стр. 301.

тянутых шестиугольников, подобных встреченным в Кошо-Цайдаме. . . На одной из плит на этих могилах находится небольшая руническая надпись, которую я, разумеется, тотчас же снял посредством эстампажа. За рекой Ханын-голом, по речке Дзун-Модо, нашел я еще два подобных же кургана, но без надписей. Больше подобных курганов в Монголии и в Урянхайской земле, хорошо известных и часто встречающихся в Минусинском округе, я нигде не видал» [5].

Соседство обширного городища, остатков каменных гробниц, богато украшенных орнаментом, и рунической надписи привлекло внимание Клеменца и побудило его дать первую атрибуцию всего комплекса памятников, основанную на вполне логичном сопоставлении с подобным же комплексом, хотя и бо́льшим по объему, — древнеуйгурским городищем Карабалгасун, близ которого Н. М. Ядринцевым был обнаружен замечательный трехъязычный памятник [6]. «Могилы, которые находятся не в дали от этих развалин, могилы с разнообразными письменами, с каменными бабами заставляют нас, — писал Клеменц в своем дневнике, — признать эти развалины одновременными с древними Орхонскими (т. е. с Карабалгасуном. — *С. К.*) впредь, пока не будет доказано противного» [7].

Наиболее подробно пишет Клеменц о своей находке в «Объяснительной записке» ко второму выпуску «Атласа древностей Монголии»: «В версте выше впадения в Хануй левого притока его Цзун-цзур находятся развалины неизвестного города, называемого местными жителями Ханынбалгасун. . . Невдалеке, к востоку от развалин проходит невысокий кряж. . . к востоку от него, не более как в полуверсте, находится солоноватое озеро Ихе-Ханын-нор (другое название озера Айрик-нор) [8]. На западном берегу этого озера, в расстоянии от него около двухсот сажен и приблизительно верстах в трех к северу развалин находятся две каменных могилы в расстоянии пяти футов одна от другой. . . Западная, первая могила имеет в длину, с запада на восток, 8 футов и в ширину, с юга на север, 5 футов. Она огорожена четырьмя плотно сомкнутыми плитами, из которых сохранились более или менее западная и южная плиты; северная и восточная выдаются из земли всего на несколько дюймов. Высота сохранившихся плит два с половиной фута, длина южной пять, а западной — четыре фута. . . На наружных сторонах плит выбиты укра-

---

[5] Д. А. Клеменц, Письмо, стр. 16—17.

[6] Н. М. Ядринцев, Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 г., — СТОЭ, вып. I, 1892, стр. 79—81.

[7] Д. Клеменц, Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 году, стр. 68.

[8] Современное название озера — Их-нор.

шения в виде горизонтально идущих рядов шестиугольников. На западном конце южной плиты сохранился остаток бордюра в виде вертикально идущих с закрученными концами изображений» [9].

В 1927 г. Бальджи Бамбаев, сотрудник этнолого-лингвистического отряда Комиссии по изучению Монголии и Танну-Тувы, вновь обнаружил могильник и надпись, а также огромное городище близ них: «В трех верстах от развалин города видел тюркское погребение с орхонской надписью, что в прошлом году было раскопано местными монголами с целью найти клад» [10]. Погребальное сооружение, таким образом, было уничтожено, а надпись Б. Бамбаев сфотографировал, сделал эстампаж и прорисовку; вместе с его отчетом сохранилась лишь последняя [11].

Мне ничего не известно о каких-либо исследованиях городища или могильника в последующие годы, так же как о судьбе надписи. Д. Майдар в своем труде поместил городище под названием Хануйн-балгас в списке тех городищ и селищ, время существования которых не установлено [12].

Связь самого могильника с древнетюркскими погребальными сооружениями сомнений не вызывает: он вполне аналогичен поминальным сооружениям Баин-Даване-аман [13] и Ихе-Асхета [14] и так же, как они, может быть отнесен к VIII в.

НАДПИСЬ

Сохранившийся фрагмент Ихе-Ханын-норской надписи насчитывает 28 рунических знаков, по большей части хорошо сохранившихся. Палеографически надпись идентична надписям Ихе-Асхета, что было отмечено В. В. Радловым [15]. Ее особенностью является использование в качестве словоразделителя

---

[9] В. В. Радлов, Атлас древностей Монголии, СПб., 1892 (объяснительная записка Д. А. Клеменца и табл. LXXI—LXXIX).

[10] [Б. Бамбаев], Предварительный краткий отчет Бамбаева Бальджи о работе в этнолого-лингвистическом отряде экспедиции АН СССР по исследованию Внешней Монголии и Танну-Тувы, состоявшейся в 1927 г., рук. Архива Института истории АН МНР, № 31, л. 2б.

[11] Там же, л. 9а—9б.

[12] Д. Майдар, Архитектура и градостроительство Монголии, М., 1971, стр. 230, № 89.

[13] Б. Я. Владимирцов, Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах, — сб. «Северная Монголия», т. II, Л., 1927, стр. 38—41.

[14] В. В. Радлов, Атлас древностей Монголии, табл. XV, № 2; Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, М., 1969, стр. 41.

[15] W. Radloff, Die Inschrift vom Ichi-Chanyn-Nor, — ATIM, стр. 259.

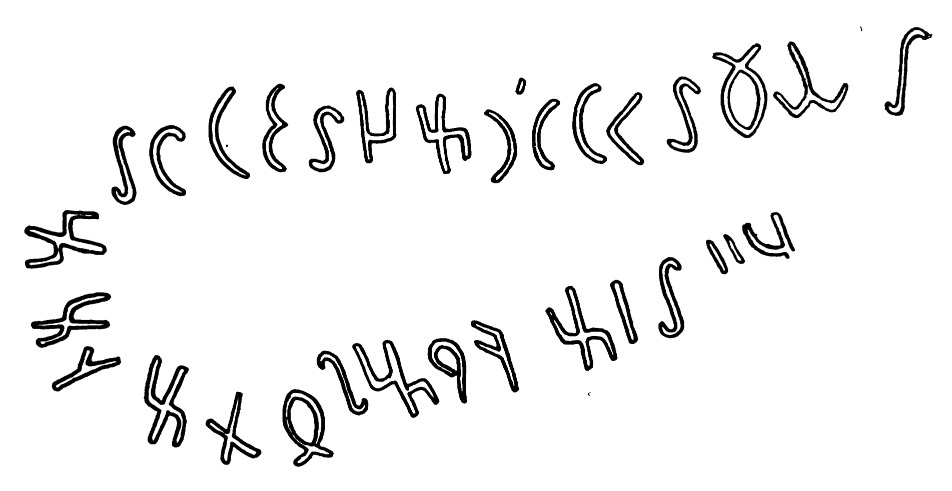

Рис. 1а. Прорисовка Ихе-Ханын-норской надписи. Первый фрагмент (*по Б. Бамбаеву*)

вместо двоеточия знака для *а/е*[16], что более свойственно енисейскому варианту рунического письма.

Эстампаж Д. А. Клеменца оказался, к сожалению, не вполне удовлетворительным. Попытки его ретушировки повели к оши-

Рис. 1б. Прорисовка Ихе-Ханын-норской надписи. Второй фрагмент (*по Б. Бамбаеву*)

бочному воссозданию некоторых знаков[17]. Поэтому чтение и перевод В. В. Радлова, которому принадлежит первый опыт дешифровки надписи[18], оказались недостаточно полными. Столь же неполно чтение Х. Н. Оркуна[19]. Последний опыт переиздания

---

[16] Там же. Не лишено вероятности, что словоразделительное *а* имеет здесь дополнительное эксклamативное значение; ср., например: L. B a z i n, L'inscription d'Uyug-Tarlig, — «Acta Orientalia», Kopenhagen, 1957, t. XXII, стр. 1—7.

[17] В. В. Р а д л о в, Атлас древностей Монголии, табл. XXIII, № 2а и 2б.

[18] W. R a d l o f f, Die Inschrift. . ., стр. 259.

[19] H. N. O r k u n, Eski türk yazıtları, c. II, İstanbul, 1939, стр. 101.

надписи по той же копии Д. А. Клеменца принадлежит Т. Текину [20].

В 1968 г. я ознакомился с материалами Б. Бамбаева в Институте истории АН МНР (Улан-Батор) и установил, что сделанная им копия надписи более полна и надежна, чем копия Д. А. Клеменца. Теперь возможно предложить несколько уточненный текст, основанный как на копии Д. А. Клеменца, так и на копии Б. Бамбаева.

. . .*Siz kejin bediziŋizin bunča qazγanu ber*[*tiniz*]. . . *barty berti* . . . (вариант: *bart berti*). . .

КОММЕНТАРИЙ

1. Началу читаемой части надписи предшествуют следы еще двух знаков и знак-словоразделитель; после конечного *i* в слове *berti* обозначен знак-словоразделитель, показывающий, что текст имеет продолжение.

2. Первые пять знаков (*szkjn*) Радлов читал как *sezikejin* < *sez*+*k*+(*e*)*jin* и переводил «ich will betrauern» [21] — «я хочу оплакивать» [22]. Однако ни в одном другом тексте или разговорном языке глагол *sezik-* в этом значении ни самим Радловым, ни другими исследователями зарегистрирован не был; ср. *sezik-* ‘предполагать’, ‘сомневаться’, ‘подозревать’ [23]. Х. Оркун, приняв чтение двух первых знаков как *siz* ‘вы’, последующие три читал как *ekejin*, оставляя, впрочем, прочтенное слово без перевода и толкования [24]. Т. Текин читает здесь: *äsiz*! *käyin*! «How sad! What a pity!» («Какая печаль! Какое горе!») [25]. Однако чтение первого слова как *siz*, предложенное Оркуном, предпочтительнее, что подтверждается наличием аффикса принадлежности 2-го лица множественного числа при следующем слове и восстанавливаемой Радловым, Оркуном и Текином формой 2-го лица множественного числа прошедшего времени в глаголе-сказуемом. Обращение к покойному в эпитафии хотя и не слишком часто встречается в эпитафийной рунике, однако не лишено аналогий в памятниках енисейского круга [26]. Предложенное Текином чтение *kejin* единственно

---

[20] Т. Tekin, On a Misinterpreted Word in the Old Turkic Inscriptions,— UAJ, 1964, vol. 35, fasc. B, стр. 139.

[21] W. Radloff, Die Inschrift. . ., стр. 259.

[22] В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, СПб., 1911, стлб. 491. Реконструированный в тексте глагол дан в словаре без других аналогов и возводится к *сäз-* ‘чувствовать’, ‘чуять’, ‘узнавать’ (стлб. 489).

[23] ДТС, стр. 499.

[24] H. N. Orkun, Eski türk yazıtları, c. II, стр. 101.

[25] Т. Tekin, On a Misinterpreted Word. . ., стр. 139.

[26] A. v. Gabain, Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften, — «Anthropos», Bd 48, 1953, стр. 543; J.-P. Roux, La mort chez les peuples altaïques anciens et medievaux, Paris, 1963, стр. 162.

возможное, однако значение слова «жалость», «горе» — ничем им не обосновано. Наиболее вероятное и, во всяком случае, наиболее оправданное грамматически значение слова — «затем», «после (этого)» [27].

3. Чтение последующей части предложения — *bediziŋizin bunča qazγanu ber*[*tiniz*] — одинаково во всех трех упомянутых публикациях и сомнений не вызывает. Переводы, однако, во всех трех случаях различны из-за разной интерпретации слова *bediz*. Так, по Радлову: «Durch eure Arbeit so viel habt ihr erworben. . .» («Вы столь много приобрели благодаря Вашим делам. . .»); по Оркуну: «bu kadar tezyinatinizi kazanı verdiniz» («Вы столь много Ваших украшений приобрели»); по Текину: «You achieved so much with your might!» («Вы столь многого достигли благодаря Вашему могуществу!»).

4. Последняя сохранившаяся часть надписи читается только по копии Б. Бамбаева. Слово *bart* 'сосуд', 'кубок' в рунической письменности до сих пор не фиксировалось и отмечено впервые Махмудом Кашгарским для языка караханидских тюрков (хакани) и для языка огузов [28].

Очевидно, что главное различие трех имеющихся переводов надписи, различие, наиболее существенное для понимания и интерпретации текста, — в разном осмыслении слова *bediz*. Оставим пока это слово без толкования. Тогда возможно предложить следующий, еще предварительный перевод Ихе-Ханын-норской надписи:

«. . .После этого Ваши *bediz* Вы в столь большом числе приобрели. . . свой кубок он даровал (вариант: кубок он даровал). . .»

ТОЛКОВАНИЯ СЛОВА *BEDIZ*

Слово *bediz*, как кажется, не составляло загадки для переводчиков древнетюркских текстов. Его обычные переводы — «украшение», «скульптурное украшение», «скульптура», «резьба» — были предложены уже первыми исследователями древнетюркских текстов [29]. С. Е. Малов еще более расширил семантический диапазон слова в древнетюркских рунических надписях и древнеуйгурских текстах: «украшения», «резьба», «орнамент», «краси-

[27] Ср.: ДТС, стр. 295; подробно о фонетических вариантах слова, его этимологическом развитии и употреблении в памятниках см.: G. Clauson, An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish, Oxford, 1972, стр. 704.

[28] ДТС, стр. 85; G. Clauson, An Etymological Dictionary. . ., стр. 358.

[29] В. В. Радлов, Опыт словаря. . ., т. IV, стлб. 1622—1623; П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, СПб., 1899, стр. 77—79 (отд. отт.); V. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon, Helsingfors, 1896, стр. 119—121.

вый», «хороший», «скульптурное украшение», «украшенное здание». Глагол *bediz-* означает «устраивать здание с украшениями», «украшать», «художественно устроить»; *bedizči* — «мастер», «строитель», «художник» [30]. В «Древнетюркском словаре» приведены следующие значения со ссылкой на древнетюркские рунические памятники: «резьба», «орнамент», «украшение», «памятное здание»; со ссылкой на древнеуйгурские тексты: «изображение», «образ». Выражение *bediz bediz-* означает «сооружать здание» (по надписи Кули-чора); глагол *bediz-* — «украсить» (со ссылкой на памятник в честь Кюль-тегина), *bedizči* — «резчик по дереву, камню» [31]. Выше мы приводили толкования термина *bediz* в Ихе-Ханын-норской надписи: «дело» (Радлов), «украшение» (Оркун), «мощь» (Текин). В «Словаре» Дж. Клосона дано одно основное значение слова — «украшение» («ornamentation») [32].

Отметим прежде всего наличие позднейших (XI—XIV вв.) переводов термина *bediz* через арабские *сурат* 'образ' и *ал-накш* 'изображение', 'рисунок' [33]. В переводах на древнеуйгурский язык китайских буддийских текстов, в двух случаях, выражение «пусть он нарисует мой образ» передается глагольной формой *bedizetzün* [34].

Особое значение имеет случай употребления этого термина в согдийском тексте Р3 (Парижское собрание рукописей из Дуньхуана), посвященном волшебным свойствам камней, своего рода «Магической минералогии» [35]. В. Б. Хеннинг полагал, что этот текст тождествен упоминаемой Бируни в его «Минералогии» книге «магов Согда» о свойствах камней [36], хотя дошедшая до нас версия, судя по упоминаниям древнетюркских заклинаний, была записана скорее в Центральной Азии, нежели в самом Согде.

Приведем отрывок, содержащий интересующий нас термин, в переводе В. А. Лившица: «На бруске белого сандала надо сделать изображение (βδyz'k), такое же, как изображение (pγštk) на деревянных табличках (или: «чашах»?), и как там, на этих табличках (чашах?), так [и на бруске] нужно вырезать: верблюд борется с верблюдом, конь борется с конем, осел — с ослом, бык —

---

[30] С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 369; его же, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.—Л., 1959, стр. 92.

[31] ДТС, стр. 90.

[32] G. Clauson, An Etymological Dictionary. . ., стр. 310.

[33] Там же.

[34] F. W. K. Müller, Uigurica, — APAW, 1908, Abh. 2, стр. 29; Suvarnaprabhasa, 544, 7 (ДТС, стр. 90); W. Bang, A. v. Gabain, Türkische Turfan-Texte, V, — SPAW, 1931, Bd XIV, стр. 338. Сверка с китайским текстом осуществлена благодаря любезной помощи Л. Н. Меньшикова.

[35] E. Benveniste, Textes sogdiens, Paris, 1940, стр. 67.

[36] W. B. Henning, Mitteliranisch, — «Handbuch der Orientalistik», Bd IV. Iranistik, Abschnitt I, Leiden — Köln, 1958, стр. 85.

с быком, баран — с бараном, собака — с собакой, птица — с птицей, человек — с человеком. Такую резьбу нужно приказать целиком вырезать на табличках (чашах?) искусному мастеру». Оставленный непереведенным Э. Бенвенистом в согдийском тексте тюркский термин *bediz* соответствует, очевидно, согдийскому термину со значением «изображение».

Для рунических текстов нет иноязычных калькирующих переводов слова *bediz*, и его значение может быть установлено только путем сопоставлений внутри самих текстов и сравнением с реалиями комплекса погребальных сооружений. Предложено три основных толкования термина в контекстах памятников в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана и Кули-чора: «памятное (украшенное) здание», «украшения» или «резные украшения», «скульптурные украшения». Возможны ли все эти значения применительно к одному слову?

Во всех случаях, когда речь определенно идет о сооружении памятного здания при погребении (т. е. заупокойного храма), в упомянутых текстах употреблен термин *barq* (КТм 12, КТб 53, БК Хв 14, БК Х 1). Значение этого термина сомнений не вызывает — «здание», «архитектурное сооружение» (ср.: ДТС, стр. 84). В парных сочетаниях, зарегистрированных в рунических (БК 32, Б 4, 14), древнеуйгурских и более поздних текстах, *barq* объяснено через *eb* (*ev*) со значением «жилище», «дом», «усадьба» (ДТС, стр. 162, 189) [37]. Везде, где *barq* и *bediz* соседствуют в тексте, последний термин переводится как «украшение», но в одном случае, когда термин *barq* отсутствует, выражение *bedizin bedizti olurtty* (КЧ, 24) переводят, вопреки логике, как «устроили краси-

---

[37] По мнению В. А. Лившица, иранская этимология термина *barq* весьма вероятна, однако при установлении этимона следует считаться по крайней мере с тремя возможностями: 1) древнеперс. **waraka*- > авест. *vara*- 'ограда', 'укрепление', 'укрепленное поселение' (от корня *war* 'окружать', 'защищать'), ср. совр. перс. *bāre* 'стена', рус. *вар*, *вор*. При таком толковании тюрк. *barq* является заимствованием из ранненовоперсидского *bar*(*a*)*g* (с переходом *w*- > *b*-, характерным для новоперсидского, ср. среднеперс. *var* как эквивалент авестийского *vara*-, но с сохранением консонантного элемента в суффиксе -*ag*); 2) заимствование из сакского диалекта, ср. хотаносакское *vara* 'ограда', 'двор', 'крепость', но также *bārmana* 'ограда', 'резервуар для воды' (с переходом *v*- > *b*-, обычным в хотаносакском); 3) парфян. *bāraq* 'стена', 'укрепление', засвидетельствованное в манихейских парфянских текстах, вероятно от древнеиранского корня **bar*- 'усиливать', 'укреплять(ся)'; древнетюркское слово могло быть, скорее всего, заимствовано из раннесогдийского, в котором оно звучало как **vārak* (β'*rk* позднее β'*ry*-), для освоения согд. *v*- в древнетюркском как *b*- имеются убедительные примеры. Ср.: P. H o r n, Grundriss der neupersischen Etymologie, Strassburg, 1893, стр. 37, № 161; H. S. N y b e r g, Hilfsbuch des Pehlevi, Bd II. Glossar, Uppsala, 1931, стр. 32—33; M. M a y r h o f e r, Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch, Bd II, Heidelberg, 1963, стр. 417; H. W. B a i l e y, Analecta Indoscythica, II, — JRAS, 1954, стр. 26—28.

вое здание» [38]. Поэтому, очевидно, решающее значение для толкования *bediz* как «памятное здание» имеет отрывок из надписи в Ихе-Хушоту (памятник в честь Кули-чора Тардушского).

Памятник в Ихе-Хушоту, открытый в июле 1912 г. В. Л. Котвичем в 200 км к юго-западу от Урги (ныне Улан-Батор), является составной частью обширного погребального комплекса, обнесенного невысоким земляным валом прямоугольной формы с закругленными углами. Длина огражденной площадки по линии восток—запад 40 м, ширина 30 м. В западной стороне площадки находится частично разрушенный саркофаг, образованный четырьмя большими каменными плитами, внешняя поверхность которых покрыта орнаментом. Стела с надписью расположена в восточной части площадки и в отличие от царских памятников укреплена не на спине черепахи, а между двумя плитами. С востока к стеле примыкала аллея, вдоль которой были расположены фигуры людей и животных. Сохранились четыре фигуры животных (две — фигуры львов) и шесть фигур людей, две из которых в обломках. Все человеческие фигуры (разного размера) изображают людей, сидящих на подогнутых ногах. На восток от площадки вытянулась цепочка каменных столбиков длиной более 1 км; В. Л. Котвич насчитал в ней 153 камня, но часть камней повалена или выдернута. Саркофаг, стела, фигуры львов и людей, цепочка балбалов расположены по оси восток—запад [39]. В 1962 г. памятник был вновь обследован Э. Трыярским, который издал его новый перевод совместно с Дж. Клосоном [40]. Ими было установлено, что в надписи изложена биография не одного лица, а трех, носивших имя или титул Кули-чор, наследственно возглавлявших «бегов тардушей» и связанных прямыми родственными отношениями: дед — отец — сын (внук). В 24—27 строках описываются похороны последнего Кули-чора; в похоронных обрядах участвовал младший брат Бильге-кагана — Эльчор-тегин и другие знатные лица:

(24) . . .*qaγan inisi el čor tegin kelip ulaγu tört tegin kelip yšvara bilge küli čorγy yoγlat*(*t*)*y bedizin bedzet*(*t*)*i olurt*(*t*)*y*.

«(24) . . .Пришел младший брат кагана, Эльчор-тегин, следом пришли четыре тегина. Они устроили похороны Ышвара Бильге Кули-чора, они также приказали изготовить *bediz* и их усадить (сделать восседающими)» [41]. Благодаря глаголу *olurt-* значение

[38] С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 29; ДТС, стр. 90.

[39] W. Kotwicz et A. Samoïlovitch, Le monument turc d'Ikhe-Khuchotu en Mongolie centrale, — RO, t. IV, 1928, стр. 60—64.

[40] G. Clauson, E. Tryjarski, The Inscription at Ikhe Khushotu, — RO, t. XXXIV, 1971, z. I, стр. 7—33.

[41] С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 28, 29; G. Clauson, E. Tryjarski, The Inscription at Ikhe Khushotu, стр. 22, 30.

bediz здесь проясняется — сидящими изображены в комплексе изваяния людей, вероятно покойного и кого-то из его близких (два крупных изваяния) и его слуг (участников похоронной церемонии?) [42]. Следовательно, выражение *bediz bediz-* переводится не «устраивать красивое здание», а «изваять скульптуры (скульптурные изображения)».

ЦАРСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА ОРХОНЕ

Установленное значение термина *bediz* можно проверить при подстановке выявленного эквивалента во все другие контексты, где этот термин встречается, заменив им неопределенное «украшение», «орнамент». Тогда обнаруживается, что термин *bediz* является частью перечня древнетюркского царского погребального комплекса. Вот «протокольное» дополнение (приписка) к тексту надписи в честь Кюль-тегина: *barqyn bedizin bitig tašyn bičin jylqa jetinč aj otuzqa qop alqadymyz* 'Храм, изваяния, стелу с надписью — все это мы освятили (благословили) в год обезьяны, в седьмой месяц, на тридцатый день' [43]. Тут ясно указан подлежащий освящению состав погребального комплекса — храм, изваяния, стела с надписью. Все это обнаружено и зафиксировано археологически [44]. А вот еще более полный «инвентарный» список к надписи в честь Бильге-кагана в аналогичном дополнении Йолыг-тегина, автора Кошо-Цайдамских текстов, ведавшего также сооружением погребений: *taš barq* 'каменный храм' (по Т. Текину 'мавзолей') [45], *bediz* 'изваяния', *bäŋü taš* 'вечный камень', т. е. стела с надписью, *uz* 'художества', 'украшения' [46].

[42] В переводе Малова *olurtty* передано словами «поставили (надписи?)»; Клосон и Трыярский оставили *olurtty* без перевода. Наиболее точно перевел Т. Текин: «Они изваяли скульптуры и установили их» (T. Tekin, A Grammar of Orkhon Turkic, Bloomington, 1968, стр. 295). Однако глагол *olur-* имеет достаточно определенное значение — «сидеть», «садиться», «восседать» (ДТС, стр. 366—367).

[43] Ср.: С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, стр. 33, 43.

[44] L. Jisl, Vorbericht über die archäologische Erforschung des Kül-Tegin-Denkmals durch die tschechoslowakisch-mongolische Expedition des Jahres 1958, — UAJ, Bd 32, 1960, стр. 65—77.

[45] T. Tekin, A Grammar. . ., стр. 263—272.

[46] Ср.: С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 19, 24. Термин *uz* в значении «искусная, художественная работа», «художество» см.: G. Clauson, An Etymological Dictionary. . ., стр. 277; T. Tekin, A Grammar. . ., стр. 391. G. Doerfer, Türkische und mongolische Elemente in Neupersischen, Bd II, Wiesbaden, 1965, стр. 144—145. Именно этот термин употреблен в текстах для передачи понятия всякого рода художественной работы, а не *bediz*.

Еще два перечня из надписи в честь Кюль-тегина. Бильге-каган рассказывает, как он похоронил любимого брата: *aŋar adynčyγ barq jaraturtum ičin tašyn adynčyγ bediz urturtum taš toqytdym* 'Я приказал им (мастерам) построить особое здание (храм). Внутри и снаружи здания я приказал поместить необыкновенные изваяния. Я приказал воздвигнуть стелу' [47]. Именно внутри храма при раскопках погребальных сооружений были обнаружены остатки изваяний Кюль-тегина и его жены, выполненные с высоким искусством; снаружи тянулись два ряда изваяний [48].

В другом отрывке сообщается о прибытии на похороны Кюль-тегина китайского посла с придворными мастерами; здесь упомянуты строители храма, ваятели скульптур и резчики надписи на стеле (КТб, 53) [49]. И наконец, еще одно свидетельство — барельеф на каменной плите из Ихе-Асхета с изображением трех сидящих фигур — князя и двух его сыновей — и посвященной им погребальной надписью. Как отметил Л. Р. Кызласов, плита с барельефом стояла с восточной стороны «саркофага»-ограды, т. е. на обычном месте каменной фигуры, и заменяла ее [50]. Изготовление этих барельефных изображений обозначено при помощи глагола *bediz-* [51].

Теперь можно сделать первый вывод: в рунических текстах термин *bediz* обозначает скульптурные — статуарные или барельефные — изображения людей, которым посвящен погребальный обряд или как-то иначе связанных с погребальным обрядом.

Теперь первую фразу надписи Ихе-Ханын-нора можно перевести точнее: «. . .После этого Ваши изваяния Вы в столь большом числе приобрели. . .» Почему, однако, отмечается большое число изваяний? Ведь если исключить два царских комплекса, несравнимых с другими по масштабу, число изваяний обычно ограничивается одним — изображением самого покойного [52], которое устанавливается обычно с восточной стороны «саркофага», каменной ограды или каменной насыпи. Следует отметить, что

---

[47] Ср.: С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, стр. 28, 35.

[48] L. Jisl, Vorbericht. . ., стр. 70—77.

[49] Подробный анализ китайских сведений о похоронах Кюль-тегина и Бильге-кагана, где упомянуто сооружение заупокойных храмов, стел с надписью и статуй, в том числе и изваяний умерших, см.: P. Pelliot, Neuf notes sur des questions d'Asie Centrale, — TP, 1929, vol. 26, стр. 229—248. См. также: Л. Р. Кызласов, История Тувы. . ., стр. 38—41.

[50] Л. Р. Кызласов, История Тувы. . ., стр. 41.

[51] С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 45.

[52] По поводу семантики изваяний в течение нескольких десятилетий шла оживленная дискуссия. См. теперь: W. Kotwicz, Quelques remarques encore sur les statues dites «baba» dans les steppes de l'Eurasie, — RO, t. XIII, 1937, стр. 159—189; Л. Р. Кызласов, История Тувы. . ., стр. 35—44.

фигура покойного всегда изображается в сидячем положении [53]. Это видно и по упомянутым остаткам статуарных изображений в царских комплексах Орхона, где стоящие фигуры изображают только участников похоронной процессии, и по барельефу Ихе-Асхета, где все три фигуры — сидящие, и по скульптуре Ихе-Даване-аман. Наконец, практически все древнетюркские изваяния Монголии, Южной Сибири, Тувы и Семиречья, если даже они не изображены с подогнутыми ногами или на сиденьях (как, например, в Дариганге), показаны как сидящие — немного ниже пояса скульптура завершается и остается лишь необработанная часть камня, погружаемая в землю [54]. На поверхности земли, таким образом, изваяние фиксировалось в позе восседающего, хотя изображение подогнутых ног, не всегда легко исполнимое технически, опускалось.

Именно только эти сидящие фигуры, изображающие покойного, и должны быть как будто обозначены термином *bediz* в тех случаях, когда нет других изваяний, изображающих участников траурной процессии. Следовательно, напрашивается предположение, что в погребальном комплексе Ихе-Ханын-нора были какие-то другие изваяния и в большом числе, археологически, однако, не засвидетельствованные. Возможно вместе с тем и другое предположение. В древнетюркские погребальные комплексы входят длинные вереницы балбалов — грубых антропоморфных стел или каменных столбиков, символизировавших убитых врагов погребенного воина, души которых были обязаны ему заупокойной службой [55]. Но относится ли понятие *bediz* к этим грубым изображениям или слегка подтесанным каменным столбикам?

ТРЕТИЙ ПАМЯТНИК С р. УЙБАТ

Весной 1721 г. Д.-Г. Мессершмидт, осуществлявший в Сибири по поручению Петра Великого научные исследования самого широкого диапазона, осмотрел и описал указанный ему местными хакасами на р. Уйбат древний памятник с неизвестными пись-

---

[53] Ср.: Я. А. Шер, Каменные изваяния Семиречья, М.—Л., 1966, стр. 26, прим. 11.

[54] См., например, издания, посвященные древнетюркским изваяниям: В. А. Казакевич, Намогильные статуи в Дариганге, Л., 1930; Л. А. Евтюхова, Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, М.—Л., 1952 (МИА, № 24); А. Д. Грач, Древнетюркские изваяния Тувы, М., 1961.

[55] J.-P. Roux, La mort chez les peuples altaïques anciens et medievaux, Paris, 1963, стр. 186—188; Л. Р. Кызласов, О значении термина *балбал* древнетюркских надписей, — «Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова», М., 1966, стр. 206—208. О возможной этимологии термина «балбал» см.: В. А. Казакевич, Намогильные статуи в Дариганге, стр. 23.

менами [56]. Письмена впоследствии стали называть «руническими», а открытие Мессершмидта забылось. В 1886 г. этот памятник, получивший название «третьего памятника с Уйбата», был вновь открыт Д. А. Клеменцем, доставлен в Минусинск и издан И. Аспелином и В. В. Радловым [57]. К сожалению, поверхность этой трехметровой стелы изъедена эрозией и надпись сохранилась неполностью; не все сохранившиеся знаки (более 400) читаются уверенно. До сих пор надпись переводилась неудачно; надежно не установлен и порядок строк. Не останавливаясь сейчас на критическом разборе существующих переводов, предложим иное понимание лишь одного места, связанного с интересующей нас темой:

bedizin üčün türk qan balbaly el ara toquz erig udyš er oγlyn ügürüp ödür alty erdem begime er erdemi üčün ečime jyta joqlady quly as tutsar. . . ʽЯ собрал-выбрал в качестве изваяний балбал тюркского хана, [балбалы] девяти героев-воинов из эля и, следом, [балбалы] сыновей героев-воинов. О шесть моих доблестных бегов! Из-за [своей] рыцарской храбрости мой старший брат — о! увы! — вознесся (умер). Поэтому [теперь] его рабы предлагают [поминальную] трапезу. . .' [58].

Из текста следует, что балбалы, т. е. изображения или каменные символы убитых врагов погребенного, являлись частью более обширного класса предметов погребального культа, обозначавшегося термином *bediz*. Теперь возможно дать более широкое определение этого термина в рунических текстах. Термин *bediz* обозначал: а) каменные изваяния, статуарные или барельефные, изображавшие в погребальном комплексе самого покойного, а при царских погребениях — близких и сподвижников покойного, участников похоронного обряда; б) грубые антропоморфные стелы или каменные столбики, расположенные цепочкой, примыкавшей к погребальной площадке (кургану, «саркофагу», могильной оградке) с востока или юго-востока, и символизировавшие врагов, убитых погребенным, души которых были обязаны ему загробной службой. При этом следует оговорить,

[56] D. G. Messerschmidt, Forschungsreise durch Sibirien. 1720—1727, T. I. Tagebuchaufzeichnungen. Januar 1721—1722, Berlin, 1962, стр. 171.

[57] [J. R. Aspelin et O. Donner], Inscriptions de l'Ienissei, Helsingfors, 1889, pl. XXV; В. В. Радлов, Атлас древностей Монголии, табл. 93, 94.

[58] Ср.: W. Radloff, Die Inschriften vom Ujbat, — ATIM, 1895, стр. 339—340; С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952, стр. 62—63. Наш перевод существенно отличается от предшествующих. Так, С. Е. Малов переводит *bediz* как «красивое памятное здание», а идущую за последней строкой левой стороны первую строку передней стороны выносит в начало памятника, которое, однако, ничем им не определено. Сам С. Е. Малов назвал свой перевод «довольно сложным» (стр. 63). Окончание *-düm* при глаголе *ödür* опущено, как и во многих других случаях, когда время и лицо обозначены контекстом; ср., например, первый памятник с Алтын-кёля, стк. 1 (там же, стр. 53).

что термин «балбал» обозначал только символы убитых врагов и по отношению к более широкому термину *bediz* был более частным (видовым) понятием.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ДАР

Согласно сведениям иноземных наблюдателей, попавшим в нарративные источники, тюрки ставили каменные столбики-балбалы у погребений своих героев по числу врагов, убитых самим погребенным: «Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи» [59]. Длинные цепочки балбалов, насчитывающие десятки и сотни камней, являются характерной чертой древнетюркских погребальных сооружений. В. Л. Котвич, производивший специальный подсчет, отмечает погребение, где сохранилось до 500 столбиков-балбалов [60]. Столь значительное число балбалов практически при всех погребениях (поминальных сооружениях) тюркской аристократии вызывает естественное недоумение. Действительно ли все тюркские беги убивали сотни вражеских воинов или это эпическая гипербола в символической характеристике подвигов героя? В этой связи не меньшее недоумение вызывает то обстоятельство, что герой Ихе-Ханын-норской надписи «приобрел» (*qazγan-*) «столь много» *bediz*, т. е. собственное изваяние и балбалов, именно после смерти, при погребении.

Рассмотрим те эпизоды в древнетюркских надписях, когда известно, кто убил врага и кому он «поставлен балбалом». В 26—27-й строках своей надписи, текст которой готовился еще при жизни ее героя, Бильге-каган описывает кыргызский поход 711 г.: *qaγanyn birle soŋa jyšda süŋüšdüm qaγanyn ölürtüm, ilin anta altym* '. . . с их каганом я сразился в черни Сонга. Я убил их кагана и овладел их элем' (БКб, 27). А в 24—25-й строках надписи в честь Кюль-тегина Бильге-каган, от имени которого ведется все повествование, сообщает: *ečim qaγan uča bardy bašlaju qyrqyz qaγany balbal tikdim* 'мой дядя-каган умер; первым я поставил ему балбал кыргызского кагана' (КТб, 25). Дядя Бильге-кагана, Капаган-каган, погибший в 716 г., в походе на кыргызов не участвовал, кыргызского кагана убил сам Бильге-каган, тогда еще наследный принц и шад тардушей. И вот через шесть лет после события он дарит душу убитого им врага-кагана своему погибшему дяде, что и символизировала первая фигура-балбал в цепочке других балбалов при погребальном сооружении Капагана.

---

[59] Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken, Buch I—II, Wiesbaden, 1968: Buch I, стр. 42; Buch II, стр. 500.

[60] W. Kotwicz et A. Samoïlovitch, Le monument turc d'Ikhe-Khuchotu. . ., стр. 87.

Другой случай. В сражении с киданями убит их полководец Ку-сенгун. Бильге-каган приписывает этот подвиг себе [61]. Но когда умер старший сын Бильге-кагана, тот «поставил ему балбалом Ку-сенгуна» (БК, Ха, 9).

Из этих эпизодов следует, что «своих» балбалов, которые, по выражению А. фон Габэн, были «личной собственностью победителя», можно было дарить другому лицу [62], естественно, во время его похорон. В этом магическом действии и заключается объяснение не только чрезмерно длинным цепочкам балбалов в погребениях тюркской знати, но и многим несообразностям в текстах. В уже цитированной Уйбатской надписи упомянут «балбал тюркского хана». Но ни один из тюркских каганов не был убит кыргызами, на чьей территории воздвигнут памятник. Очевидно, следует переводить «балбал, пожалованный тюркским ханом», причем изготовить балбал могли, конечно, и на месте. Точно так же и остальные балбалы, которые «собрал-выбрал» устроитель погребального сооружения, были подарены погребенному наиболее заслуженными воинами его же эля. Не исключено, что третий Уйбатский памятник, самый крупный из известных в Хакасии, принадлежал не кыргызу, а знатному тюрку (наместнику?), так как погребения с изваяниями и балбалами не были свойственны древнекыргызскому погребальному обряду [63]. Ситуация, когда в государстве кыргызов мог быть постоянный уполномоченный кагана, относится к периоду после 711 г. (разгром кыргызов тюркским войском), т. е. ко второму-третьему десятилетиям VIII в. [64].

---

[61] В. В. Бартольд вслед за Ф. Хиртом отождествляет Ку-сенгуна с китайским вице-губернатором области Юйчжоу Го Инь-цзянем и относит битву к 733 г. (В. В. Бартольд, Новые исследования об орхонских надписях, — Сочинения, т. V, М., 1964, стр. 327; F. Hirth, Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, — ATIM, Neue Folge, 1899, стр. 92). Однако это отождествление сомнительно, так как в китайских известиях о событиях 733 г. речь идет о нападении киданьского вождя Кэтуганя на пограничные провинции империи (в набеге принял участие тюркский вспомогательный отряд), между тем как в надписи Бильге-кагана сообщается о войне с киданями и татабы и разгроме их войска, что относится к 721—722 гг. (см.: Liu Mau-tsai, Die chinesischen. . . Nachrichten, стр. 354). Об исправлении чтения имени Ку (прежнее чтение Куг) см.: Tekin, A Grammar. . ., стр. 279.

[62] A. v. Gabain, Steppe und Stadt im Leben der ältesten Türken, — «Der Islam», Berlin, 1949, Bd 29, H. 1, стр. 37.

[63] О погребальном обряде у кыргызов см.: С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 565—567; его же, История Тувы, стр. 97—99.

[64] Датировка надписи концом VII в. по упоминаемому в ней слову *tačam*, которое В. В. Радлов и С. Е. Малов рассматривали как личное имя Ильтерес-кагана, встречающееся в Онгинской надписи, неверна, так как правильное чтение этого слова — *atačym* ʻмой батюшка’; см. : С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 68.

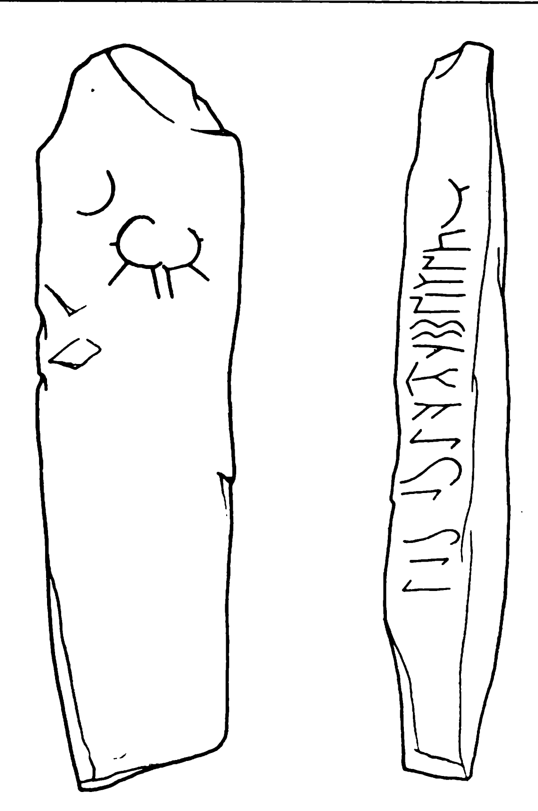

Рис. 2. Стела с надписью из погребального комплекса Бильге-кагана (*прорисовка по фотографиям автора*)

В погребальном комплексе Бильге-кагана обнаружена антропоморфная стела с надписью: *tölis šadyn taš balbaly* ʻкаменный балбал шада тёлисов' [65]. Шад тёлисов, одно из высших лиц империи, отнюдь не враг, а кто-либо из князей каганского дома, сын или брат Бильге-кагана (в надписи он носит титул *apa tarqan* ʻглавнокомандующий войском', БК, Ха, 13). Поэтому балбал шада тёлисов свидетельствует не об убийстве Бильге-каганом сына или брата, а о поминальном подарке. Этот балбал и помечен родовой каганской тамгой, дополненной личным знаком. Очевидно, даром был и балбал в Онгинском погребальном комплексе с надписью: «балбал Ишбара-таркана» [66]. В надписи Кюльтегина упомянут наиболее сильный в 80-х годах VII в. враг его

---

[65] В. В. Радлов, Атлас древностей Монголии, табл. XXVI, 6—7.
[66] Tekin, A Grammar. . ., стр. 293.

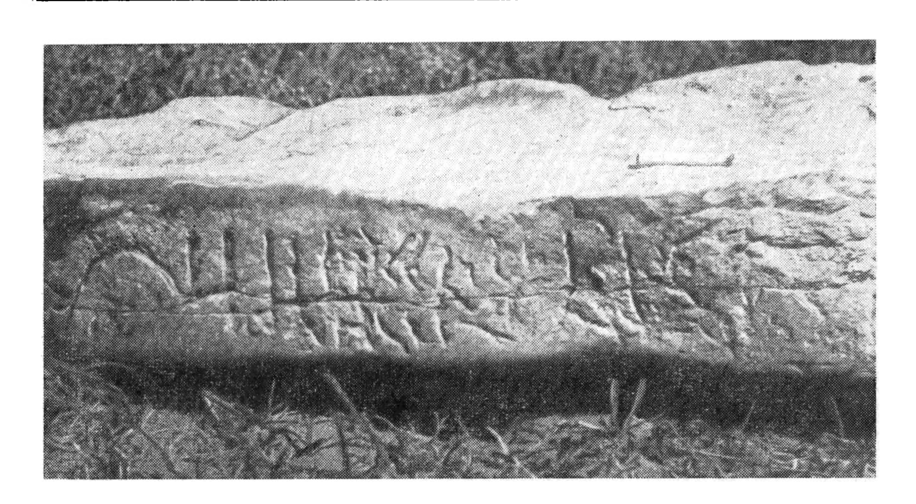

Рис. 3. Общий вид надписи на стеле из погребального комплекса Бильге-кагана (*фото автора*)

отца, Ильтерес-кагана, глава токуз-огузов Баз-каган (КТб, 14). Походом против огузов, их разгромом и подчинением руководил Тоньюкук, командующий войском при Ильтересе (Тон. 15—16) [67]. Однако балбал, олицетворявший душу Баз-кагана, был установлен в погребальном комплексе Ильтерес-кагана (КТб, 16).

В енисейских рунических надписях слово *balbal* предположительно отмечается еще в двух надписях — пятом памятнике с Уйбата и второй надписи с Тубы [68]. Однако чтение этого слова в обоих надписях сомнительно. Так, 3-ю строку в наскальной надписи с р. Тубы предпочтительнее читать: *idil jerime beŋgü bol* 'О страна моя Идиль! Вечно существуй!'

Этим исчерпываются возможности установить семантику и взаимную связь некоторых основных терминов из рунических текстов Монголии и Енисея, имеющих отношение к древнетюркскому погребальному обряду. Очевидно, что в дискуссии относительно значения тех или иных элементов этого обряда и их места в древнетюркской культуре, начатой еще в конце прошлого века и продолжающейся в археологической литературе и в настоящее время, использование сведений руники может оказаться немаловажным, так как позволяет более точно соотнести разноречивые итоги современного обследования памятников с культовой терминологией их создателей.

---

[67] См. также: С. Г. Кляшторный, Руническая надпись из Восточной Гоби, — «Studia Turcica», Budapest, 1971, стр. 249—258.

[68] С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, № 34, 36, стр. 65—66.

М. А. Усманов

А. Н. САМОЙЛОВИЧ И ИЗУЧЕНИЕ АКТОВЫХ ИСТОЧНИКОВ ДЖУЧИЕВА УЛУСА

Начало научных публикаций и текстологического изучения тюркоязычных письменных памятников средневековья связано с именами таких отечественных востоковедов, как Х. М. Френ, И. И. Хальфин, В. В. Григорьев, М. А. Казембек, И. Н. Березин, Х. Фаизханов и др. Одним из объектов пристального внимания названных ученых были официальные акты, т. е. ярлыки и послания, ханов Золотой Орды и родственных с ней в династийном отношении государств [1]. И это вполне понятно: при чрезвычайной малочисленности сохранившихся автохтонных исторических источников по истории тюркоязычных народов Восточной Европы данный комплекс письменных памятников приобретает первостепенное источниковедческое значение, что справедливо как в собственно историческом, так и в филологическом планах.

В развитии изучения ханских ярлыков особый этап составляют широко известные труды И. Н. Березина. Достаточно сказать, что и в наши дни его публикации и исследования продолжают оказывать определенное влияние на изучение средневековой истории тюркских народов СССР.

В 80-х годах XIX в., в связи с публикацией известной статьи акад. В. В. Радлова, посвященной ярлыкам Токтамыша и Тимур-Кутлуга [2], текстологическое исследование золотоордынских официальных актов поднялось на более высокую ступень, ибо этому ученому удалось по-новому прочесть многие места названных памятников и подвергнуть тщательному филологическому анализу тексты сложных уйгурописьменных документов.

---

[1] Историографию вопроса см.: М. А. Усманов, Официальные акты ханств Восточной Европы XIV—XVI вв. и их изучение, — «Археографический ежегодник. 1973 г.», М., 1974.

[2] В. Радлов, Ярлыки Токтамыша и Тимур-Кутлуга, — ЗВОРАО, 1889, т. 3, стр. 1—40.

Глубокая эрудиция В. В. Радлова, тюрколога в широком смысле слова, высокая квалифицированность его лингвистического анализа, в частности, и плюс огромный авторитет ученого создавали впечатление, что указанной публикацией в целом завершены возможности текстологического изучения названных ярлыков. Однако, как показало время, труд В. В. Радлова в развитии изучения ярлыков также составлял лишь этап, о чем свидетельствуют исследования А. Н. Самойловича, первые статьи которого, посвященные изучению ярлыков, были опубликованы по рекомендации самого В. В. Радлова на страницах официального органа — «Известий Российской Академии наук».

Правда, А. Н. Самойлович не издавал, как В. В. Григорьев и И. Н. Березин, специальных книг по ярлыкам; он не занимался также и полной публикацией отдельных текстов. Формально им опубликованы лишь несколько заметок и этюдов, если быть точным — четыре небольшие статьи [3]. Однако и в них ученый сумел сделать не меньше, чем некоторые его предшественники в объемистых работах.

Работы А. Н. Самойловича, посвященные ярлыкам, интересны с разных точек зрения: во-первых, уточнения, исправления чтения отдельных слов и фраз уже опубликованных документов; во-вторых, раскрытия и толкования содержания и значения конкретных терминов; в-третьих, решения некоторых общетеоретических вопросов изучения ярлыков в целом.

Естественно, что правильное чтение старинных текстов, т. е. овладение навыками практической палеографии, имеет первостепенное значение для осмысления содержания изучаемых документов. Однако, это необходимо особо отметить, не только во времена И. Н. Березина, затем А. Н. Самойловича, но даже и в наши дни продолжают оставаться неразработанными как практические, так и теоретические проблемы текстологии тюркоязычных документов средневековья в целом. Это справедливо как в отношении наиболее трудно расшифровываемых уйгурописьменных памятников, так и в отношении арабописьменных текстов. Поэтому вполне понятно, что таким пионерам в изучении ярлыков, как И. Хаммер, В. В. Григорьев, Я. О. Ярцов, И. Н. Березин и даже В. В. Радлов, приходилось идти на ощупь, опираясь более на интуицию, на личный опыт, чем на традиционные и отработанные приемы в сфере древнеуйгурской и арабо-тюркской палеографии. Именно этим обстоятельством и объясняются некоторые ошибоч-

---

[3] Тийишь (тишь) и другие термины крымско-татарских ярлыков, — ИРАН, сер. 6, 1917, т. 6, № 15, стр. 1277—1278; Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга, — там же, 1918, № 10, стр. 1109—1124; Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана, — ИТОИАЭ, 1927, т. I (58), стр. 141—144; Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XVI—XVII веках, — ЗИВАН, 1932, т. I, стр. 123—128.

ные прочтения, следовательно, и неточные толкования, имеющиеся в публикациях названных авторов. Что касается А. Н. Самойловича, то ему удалось предпринять некоторые практические шаги в использовании возможностей сравнительной палеографии. Так, например, подвергая тщательному анализу текст ярлыка Тимур-Кутлуга, опубликованный до него И. Хаммером, И. Н. Березиным, Г. Вамбери и В. В. Радловым, он не только внес более десяти существенных исправлений в чтение и осмысление текста [4], но также путем выявления палеографических особенностей как уйгурской, так и арабописьменной версий текста пришел к выводу, что ярлык представляет собой не подлинник, как полагали ранее, а более позднюю, причем не очень точную копию [5].

Привлечение возможностей палеографического анализа позволило А. Н. Самойловичу исправить прочтение И. Н. Березина в ярлыке Токтамыша от 1391 г. фразы: *tib Temir-Pulad* 'говоря, Темир-Пулад' на *tidimiz bulaj* 'мы сказали так' [6]. В результате этого стало вполне понятным не только одно трудно объяснимое место в названном ярлыке, но выяснился и другой, весьма существенный факт: данный ярлык оказался не подтвердительным, т. е. повторно выданным Токтамышем после некоего Темир-Пулада, как полагали раньше, а являлся изначальным. Между прочим, в пользу вывода А. Н. Самойловича, выражаясь его же словами, говорит «еще и общее построение ярлыка, отличное от нормального построения подтвердительных ярлыков» [7].

В прочтение ярлыков Тимур-Кутлуга, Токтамыша и др., выполненное его предшественниками, А. Н. Самойлович внес около тридцати исправлений. Одно из них, как мы видели выше, имело весьма существенное значение. Другие, являясь, по выражению самого ученого, «мелкими», также были важны для правильного понимания содержания текстов вообще, правильной оценки лингвистических особенностей памятников в частности. Например, вряд ли оспорима ценность исправлений بیری на بایزه, сочетания راست ترخان на ازاد ترخان [8], *sanï* на *sajï*, *šusun* на *susun*, *čaqyrub* на *čuqarub* и т. д. [9].

[4] А. Н. Самойлович, Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга, стр. 1115—1121.
[5] Там же, стр. 1122.
[6] А. Н. Самойлович, Несколько поправок к изданию и переводу. . ., стр. 141—142.
[7] Там же, стр. 142.
[8] А. Н. Самойлович, Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга, стр. 1118—1119.
[9] А. Н. Самойлович, Несколько поправок к изданию и переводу. . ., стр. 142.

Именно на основе таких исправлений в чтении отдельных слов и фраз, а также на базе широкого сравнительного анализа текстов различных письменных документов из разных регионов улуса Джучи и русских переводов татарских официальных актов А. Н. Самойлович внес много нового в осмысление значения отдельных терминов или оборотов речи. Между прочим, одна из первых работ ученого в области изучения ярлыков была посвящена уточнению терминов, содержащих слово *tijiš* (в текстах часто تیش вместо تییش) в крымскотатарских ярлыках-посланиях [10]. Объясняя содержание слова как «дача (разновидность дани)», он обратил внимание на необходимость отличать его от похожего на него внешне слова تیش в значении «зуб», ибо среди «подарков», получаемых крымскими ханами и родовитыми феодалами из Москвы, часто содержались и моржовые клыки, которые татары называли *balïq tiši*. Так исследователь внес определенное уточнение в прежние сбивчивые и ошибочные толкования полифонического начертания تیش в разных контекстах [11]. Что касается вопроса о социальном содержании и этимологии термина, то он нуждается еще в специальных исследованиях.

Весьма интересным, хотя и не доказанным полностью, представляется и следующее предположение А. Н. Самойловича: вместо старого (например, у И. Н. Березина) понимания термина *tartnaqčï* как «весовщик» (в фразе *tamγačï tartnaqčïlar*) возможно толкование *tartnaq* как «дар», «подарок» и, следовательно, *tartnaqčï* — «собиратель» таких «даров», точнее, разновидности п о д а т и. При этом он ссылался на «Опыт словаря» В. В. Радлова, где *tartu*, *tartuq* объясняется как «подарок» и «подать» [12]. Для такого понимания содержания слова действительно имеются веские основания, ибо термин *tartnqčï* мог образоваться не только от корня *tartu* со значением «вешать» (например, в казахском

[10] А. Н. Самойлович, Тийишь (тишь) и другие термины. . ., стр. 1277—1278.

[11] Например, Н. И. Веселовский во всех случаях под تیش понимал лишь моржовые клыки (ЖМНП, нов. сер., 1915, ч. LVI, апр., стр. 329—331).

[12] А. Н. Самойлович, Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга, стр. 1113. О разных попытках перевода термина см.: Г. А. Федоров-Давыдов, Общественный строй Золотой Орды, изд-во МГУ, 1973, стр. 95—96 (у последнего автора термин преподносится везде как *тартанак*, что, видимо, является результатом систематической опечатки). Кстати, определенный интерес в этом плане представляют данные крымскотатарских сойургальных ярлыков (ملک نامه), которые в отличие от тарханных еще не подвергнуты тщательному анализу. Например, в ярлыке Давлат-Гирая от 984/1576-77 г. (Отдел рукописей ЛО ИВАН СССР, Т314) читаем: قاره آت تارتوب کوک مهرلوک و ال نشانلیغ ملک نامه اوتول و استدعی قیلدغی, где *qara at tartup* ‘преподнося (даря) вороного коня’ как бы этимологизирует термин *tartnaqčï* (см. также документы Т312, Т315, Т340 и др. из названной коллекции).

языке: *tarazïγa tartu* 'вешать на весах'), но и от *tartu* (*tartuq*) в смысле «дар», «подарок» в том же казахском языке. Предлагая такую версию толкования термина, А. Н. Самойлович, возможно, имел в виду и то обстоятельство, что в подвластных Чингизидам странах обычным было взимание обязательных «даров», что хорошо прослеживается в ряде документов крымско-московской переписки [13].

Все это показывает, как важно более широко привлекать данные различных тюркских языков, в особенности ногайского и казахского, которые используются при изучении ярлыков по сравнению со старописьменными языками менее активно.

Опыт с термином *tartnaqčï* свидетельствует о сложности вопросов золотоордынской налоговой терминологии. И хотя мы и отдаем предпочтение объяснению *tartnaqčï* как «сборщик подати», все же считаем целесообразным этот вопрос пока оставить открытым, ибо если анализируемый термин образовался от корня *tartuq* 'дар' или *tartu* 'дарить' (по аналогии: *tamγa* — *tamγačï*, *sauγa* — *sauγačï*), то требуется специальное лингвистическое объяснение его компоненту *-naq-*.

Интересен и анализ А. Н. Самойловичем одного термина в ярлыке Тимур-Кутлуга, который он смог разъяснить благодаря широте круга источников, использованных при сравнительном исследовании.

Этот термин И. Н. Березин читал как *bulγurdï* и предположительно объяснял, что это — «смолотый хлеб, пшеница и земледельческие произрастания». В. В. Радлов оставил его вообще без перевода. Сравнительный же метод позволил А. Н. Самойловичу прочесть это слово по-новому — *bal qurtï*, т. е. «пчела», в результате чего загадочное до этого место из названного ярлыка стало вполне понятным [14]. В то же время у А. Н. Самойловича были сомнения в правильности перевода В. Д. Смирновым отдельно стоящего слова *qurt* или *qurut* как «пчела»; еще более сомнительным он назвал его перевод словосочетания *qurt 'ameli* как «пчелиное дело» [15]. Исследователь видел здесь какое-то традиционное, но еще не осмысленное понятие, поэтому сам он этот вопрос оставил открытым. Все сказанное выше свидетельствует, с одной стороны, об эрудиции А. Н. Самойловича как текстолога, с другой — говорит о его бережном отношении к документам. В своих статьях, посвященных ярлыкам, А. Н. Самойлович по-

---

[13] См., например, «Сборник Русского исторического общества. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными», т. 41, СПб., 1884; т. 95, СПб., 1895.

[14] А. Н. Самойлович, Некоторые данные о пчеловодстве. . ., стр. 126.

[15] Там же, стр. 127.

казал себя исследователем тонкого вкуса, относящимся с большой чуткостью к объектам исследования.

Тонкое понимание А. Н. Самойловичем значения отдельных слов и терминов средневековых актовых источников наглядно прослеживается в его варианте перевода традиционного обращения-формулы ярлыков типа *Toqtamïš sözüm* (*Temir-Qutluγ sözüm*, *Meŋli-Giräj sözüm*). Эту формулу древнерусские толмачи переводили в калькированной форме: «Токтамышево слово». Их переводу в своих работах следовал И. Н. Березин [16]. Я. О. Ярцов, М. А. Казембек, В. Д. Смирнов и др. пытались предложить другие варианты перевода (например, «Токтамыш. Слово мое»; «Токтамыш, мое слово» и т. д.) [17]. В. В. Радлов переводил: «Я, Токтамыш, говорю» [18].

Наличие таких разных вариантов перевода одной и той же небольшой, но емкой по содержанию формулы свидетельствует о том, что названные ученые, улавливая особое ее значение, пытались найти максимально адекватный русский перевод. На наш взгляд, эту задачу более удачно решил А. Н. Самойлович, предлагая новый вариант перевода: «Мое — Тимур-Кутлуково слово», тем самым сохраняя не только грамматические особенности формулы, но и передавая повелительный тон, торжественный, высокий характер монаршего обращения. Это предложение было поддержано в дальнейшем и таким блестящим знатоком древнетюркских памятников, как С. Е. Малов [19].

В области дипломатики А. Н. Самойлович выделял при анализе ярлыка Тимур-Кутлуга составные части документа: обращение, подтверждение тарханства. Хотя А. Н. Самойлович не пошел дальше, данный опыт все же говорит в пользу того, что приемы дипломатики — этой мало освоенной в тюркологии вспомогательной исторической дисциплины — позволили бы более глубоко раскрывать содержание документов через осмысление функций отдельных формул и конкретных статей. Иначе говоря, дальнейшее исследование ярлыков перспективно прежде всего в аспекте историко-сравнительного изучения не только отдельных терми-

---

[16] См., например: И. Березин, Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадат-Гирея, Казань, 1851, стр. 10, 15.

[17] В. Григорьев, [Я. О. Ярцов], Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея, — ЗООИД, 1844, т. I, стр. 339; «Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу. 1392—1393 год». Издан князем. М. А. Оболенским, Казань, 1851, стр. 37; В. Д. Смирнов, Крымско-ханские грамоты, — «Известия Таврической ученой архивной комиссии», Симферополь, 1913, № 50, стр. 167 и сл. (В. Д. Смирнов фактически принял версию перевода Я. О. Ярцова).

[18] В. Радлов, Ярлыки Токтамыша и Тимур-Кутлуга, стр. 6, 20.

[19] С. Е. Малов, Изучение ярлыков и восточных грамот, — сб. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его 70-летию», М., 1953, стр. 189.

нов, как это было до сих пор, а всего комплекса официальных актов улуса Джучи, с одной стороны, и отдельных документов внутри всего комплекса — с другой. Для этого ханские ярлыки и послания необходимо рассматривать, во-первых, как самостоятельный подвид источников; во-вторых, применять для их исследования не только прежний историко-филологический метод анализа, но также и специальные приемы дипломатики.

А. Н. Самойлович обратил внимание на необходимость изучения ярлыков и ханских посланий не только как узколокальных документов. Он показал возможность расширенного толкования полученных результатов применительно к территории всего бывшего улуса Джучи. Следует только оговорить, что в области социально-экономической и политической истории наблюдается больше общих закономерностей, чем в истории этнической.

Естественно, что Крымское ханство XVII в. во многих отношениях отличалось от Крыма XIV—XV, даже первой половины XVI столетия, что, между прочим, хорошо прослеживается и на оформлении документов в Крыму в течение XV—XVIII вв. У наиболее ранних крымскоханских ярлыков много общего с подобными документами Золотой Орды, Казани. Что касается известной «османизации» в сфере делопроизводства в Крыму, то она затронула жалованные ярлыки, выдаваемые крымцам, лишь во второй половине XVI в., и то частично. Следовательно, совершенно прав был А. Н. Самойлович, который собственно золотоордынские ярлыки рассматривал во взаимосвязи с более или менее аутентичными крымскими документами, удачно выделяя их в особую группу «старейших» ярлыков Джучиева улуса в целом [20]. Более того, как нам представляется, в комплекс ярлыков улуса Джучи можно было бы включить и крымскоханские ярлыки второй половины XVI в.[21].

Таковы вкратце основные итоги работы А. Н. Самойловича в области изучения актовых источников ханств улуса Джучи.

[20] А. Н. Самойлович, Несколько поправок к изданию и переводу. . ., стр. 141.

[21] Речь здесь идет лишь о ярлыках. Что касается ханских посланий, то они в крымско-турецкой переписке подвергались османизации еще в конце XV в., в крымско-московских же сношениях этот процесс начался где-то в конце XVI столетия.

СПИСОК ТРУДОВ А. Н. САМОЙЛОВИЧА * (С УКАЗАНИЕМ РЕЦЕНЗИЙ НА НИХ) И ЛИТЕРАТУРА О НЕМ

Составил Ф. Д. Ашнин

СПИСОК ТРУДОВ А. Н. САМОЙЛОВИЧА

1903

1. Западный Туркестан со времени завоевания арабами до монгольского владычества. Историко-географический очерк. (Извлечение из труда В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», СПб., 1900. Приспособлено для студентов Факультета восточных языков при изучении истории Западного Туркестана), СПб., 144 стр.

1906

2. Книга рассказов о битвах текинцев. (Предварительное сообщение), — ЗВОРАО, т. 16 (1904—1905), вып. 4, стр. 0201—0211. [Есть отд. отт.]

3. Текинские загадки, — ТВ, 17 сент., № 141. [Статья не окончена и без подписи. Авторство устанавливается по № 21.]

1907

4. П. М. Мелиоранский (Некролог), — ЖМНП, ч. 7, апр., отд. 4, стр. 107—122.

---

* Предлагаемые материалы содержат библиографию всех выявленных печатных трудов А. Н. Самойловича. Не учтены только статьи и заметки, опубликованные в 11-томной «Русской энциклопедии» под ред. С. А. Адрианова и др. (СПб., 1911—1916) и в «Малой энциклопедии» Мейера (рус. издание). Каждая работа (за исключением некоторых помеченных знаком*) описана de visu. Все работы расположены в хронологической последовательности по годам их опубликования. В пределах года принят следующий порядок: книги, статьи и заметки на русском языке, статьи и заметки на других языках народов СССР и на иностранных языках, рецензии, редактирование. В особый раздел выделена библиографическая литература о А. Н. Самойловиче.

5. Памяти П. М. Мелиоранского, — ЗВОРАО, т. 18 (1907), вып. 1, стр. 01—024 [Библ. трудов П. М. Мелиоранского — стр. 015—024], 1 л. портр. [Есть отд. отт., 24 стр.]

Рец.: Э. П[екарский], — ЖС, год 16 (1907), вып. 4, отд. 3, стр. 63.

6. Туркменский поэт-босяк Кӧр-Молла и его песня о русских. (Этнографический набросок), — ЖС, год 16 (1907), вып. 4, отд. 1, стр. 215—225.

7. Рец.: С. Агабеков. «Учебник тюркменского наречия с приложением сборника пословиц и поговорок тюркмен Закаспийской области». Асхабад, 1904, — ЗВОРАО, т. 17 (1906), вып. 2—3, стр. 0184—0188.

8. Рец.: Ц. Жамцаранов. Материалы к изучению устной литературы монгольских племен, — ЖС, год 16 (1907), вып. 4, отд. 3, стр. 66—67.

9. Рец.: С. И. Поляков. Записки Бабера (Бабер-намэ. Ильминский. Казань, 1857). Пер. с джагатайского, — ЗВОРАО, т. 17 (1906), вып. 1, стр. 074—083.

1908

10. Мухаммед Салих. Шейбани-намэ. Джагатайский текст. Посмертное издание проф. П. М. Мелиоранского. Под наблюдением и с предисловием А. Н. Самойловича, СПб., [2], XVIII, 14 стр. + 227 стр. араб. пагинации, 4 л. илл. (Изд. фак-та вост. яз. СПб. ун-та, № 27).

11. К статье: По поводу издания Н. П. Остроумова «Светоч ислама», — ЗВОРАО, т. 18 (1907—1908), вып. 4, стр. 0210.

12. Персидское «сäргäрдāн» — текинское «сäргäздан», — ЗВОРАО, т. 18 (1907—1908), вып. 4, стр. 0167.

13. По поводу издания Н. П. Остроумова «Светоч ислама», — ЗВОРАО, т. 18 (1907—1908), вып. 4, стр. 0158—0166.

14. Поездка в Туркестан в 1906—1907 г. (20 июля 1906 — 21 января 1907) [Содержание доклада, прочитанного в Вост. отд-нии 22 ноября 1907 г.], — ЗВОРАО, т. 18 (1907—1908), вып. 4, стр. XVIII—XIX.

15. Этнографические мелочи из дневников путешествовавшего по Туркмении, — ЖС, год 17 (1908), вып. 1, отд. 5, стр. 122—125.

16. Рец.: Лев Афанасьев. Словарь сартовских слов. . . Скобелев, 1908; «Сартовский переводчик. Среднеазиатские наречия. . .». Под ред. Ягелло. Ташкент, 1908, — ЗВОРАО, т. 18 (1907—1908), вып. 4, стр. 0193—0195.

17. Рец.: «Материалы по земле-водопользованию в Закаспийской области. . .». Асхабад, 1903; «Материалы по водопользованию у туркмен Закаспийской области. . .», СПб., 1904, — ЖС, год 17 (1908), вып. 1, отд. 3, стр. 111—114.

18. Рец.: «Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым». Ч. IX. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым, СПб., 1907, — ЖС, год 17 (1908), вып. 2, отд. 3, стр. 252—253.

19. Рец.: «Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности, 34 тома за 1907 год (т. 417—450)», — ЗВОРАО, т. 18 (1907—1908), вып. 4, стр. 0191—0193.

20. Рец.: W. Radloff. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, СПб., 1908, — ЖС, год 17 (1908), вып. 2, отд. 3, стр. 254—255.

1909

21. Загадки закаспийских туркменов в русском переводе (с приложением материалов по библиографии загадок туркменских племен), — ЖС, год 18 (1909), вып. 2—3, отд. 1—2, стр. 52—83. [См. извлечение под № 3.] [Есть отд. отт. СПб., 1909, 32 стр.]

22. Из туркменской старины. [I. Сказание о приходе текинцев в Ахал], — «Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина», СПб., стр. 559—564 (ЗИРГО по отд. этногр., т. 34).

23. Из туркменской старины. II. Мервские воспоминания, — ЖС, год 18 (1909), вып. 4, отд. 2, стр. 78—85. [Есть отд. отт. СПб., 1909, 8 стр.]

24. К изучению Хивинского ханства, — ЖС, год 18 (1909), вып. 2—3, отд. 3, стр. 295—296.

25. Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство командированного СПб. Университетом и Русским комитетом приват-доцента А. Н. Самойловича в 1908 году, — ИРКСА, № 9, стр. 15—29.

26. Пережиток шаманства у туркменского племени чоудур, — «Этнографическое обозрение», вып. 4, стр. 172. [Извлечение из работы № 25.]

27. Туркменские развлечения, — «Ежегодник Русского антропологического общества при СПб. ун-те», т. 3, стр. 65—82.

28. Хивинский рассказ про Анна-Мрат Бову, — ЖС, год 17 (1908), вып. 4, отд. 2, стр. 490—494.

29. Рец.: А. А. Володин. 1) Туркменская степь и трухмены. 2) Из трухменской народной поэзии. («Сборник матер. для опис. местн. и плем. Кавказа», вып. 38. Тифлис, 1908), — ЖС, год 18 (1909), вып. 1, отд. 3, стр. 115—116.

30. Рец.: А. Калмыков. Хива. (Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 12-й. Ташкент, 1908), — ЖС, год 18 (1909), вып. 1, отд. 3, стр. 112—115.

31. Рец.: П. К. Коковцов. К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья. . . «Изв. имп. АН», 1909, — ЖС, год 18 (1909), вып. 2—3, отд. 3, стр. 294—295.

32. Рец.: «Отчет Петровского Общества исследователей Астраханского края за 1901 год». Астрахань, 1909; то же за 1900 г. Астрахань, 1909, — ЖС, год 18 (1909), вып. 2—3, отд. 3, стр. 291—293.

33. Рец.: П. А. Риттих. По Балканам. . . СПб., 1909, — ЖС, год 18 (1909), вып. 2—3, отд. 3, стр. 296—297.

34. Рец.: А. А. Семенов. Очерки из истории присоединения вольной Туркмении. . ., — ЖС, год 18 (1909), вып. 2—3, отд. 3, стр. 297—298.

35. Рец.: «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. XIX. Оренбург, 1907—1908, — ЖС, год 18 (1909), вып. 2—3, отд. 3, стр. 289—291.

36. Рец.: «Этнографическое обозрение. . .», 1909, № 1, — ЖС, год 18 (1909), вып. 2—3, отд. 3, стр. 293—294.

1910

37. «Вот — вагонный пассажир». Песенка-сатира ташкентских сартов, — ЗВОРАО, т. 19 (1909), вып. 4, стр. 0159—0163.

38. Два отрывка из «Хорезм-намэ», — ЗВОРАО, т. 19 (1909), вып. 1, стр. 078—083.

39. Из хивинских сказаний о животных, — ЖС, год 19 (1910), вып. 3, отд. 5, стр. 271—273.

40. К вопросу о сартах. [Рец. на: Н. П. Остроумов. Сарты. Этнографические материалы. Общий очерк. Ташкент, 1908, 3-е дополненное издание], — ЖС, год 19 (1910), вып. 3, отд. 3, стр. 265—269.

41. К статье «Указатель к песням Махтумкули», — ЗВОРАО, т. 19 (1909), вып. 4, стр. 0216—0218. [См. № 50.]

42. Как Мулла-Гаиб спас в Бухаре музыку и поэзию, — «Средняя Азия», Ташкент, кн. 7, стр. 82—87.

43. Крымская песня про Порт-Артур, — ЖС, год 19 (1910), вып. 1—2, отд. 2, стр. 129—131.

44. [Легенда о Коркуде и Кöр-оглы. Содержание доклада, прочитанного в Вост. отд-нии 24 янв. 1908 г.], — ЗВОРАО, т. 19 (1909), вып. 4, стр. IV—V.

45. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. [I]. Краткая опись среднеазиатских рукописей собрания А. Самойловича, — ЗВОРАО, т. 19 (1909), вып. 1, стр. 01—030. Есть отд. отт., 30 стр. [Дополнения см. под № 41, 50, 88, 197.]

Рец.: [Н. П. Остроумов], — ТВ, 1909, 14 июня, № 124.

46. Новое о туркменах, — ЖС, год 19 (1910), вып. 3, отд. 5, стр. 274—275.

47. Пальван-ата и грешница. (Перевод со среднеазиатско-турецкого), — «Средняя Азия», Ташкент, кн. 7, стр. 81—82.

48. «Пшик-эфсанеси» — «Сказка с кошкой» (Хивинская версия), — ЖС, год 19 (1910), вып. 1—2, отд. 2, стр. 121—128.

49. Три туркменских сказки. (В русском переводе), — «Кауфманский сборник», М., стр. 118—128.

50. Указатель к песням Махтумкули, — ЗВОРАО, т. 19 (1909), вып. 4, стр. 0125—0148. [Прил. к № 45.]

51. [«Хивинские придворные книгохранилища и книгопечатня». Содержание доклада в Вост. отд-нии], — ЗВОРАО, т. 19 (1909), вып. 4, стр. XXVIII.

52. Шейбани-намэ. Персидский unicum библиотеки Хивинского хана. [Рукопись Муллы Бенаи, содержащая истории Шейбани-хана], — ЗВОРАО, т. 19 (1909), вып. 4, стр. 0164—0176.

53. Рец.: «Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer». Hrsg. und Übersetz. von W. Radloff. St.-Pbg., 1909, — ЖС, год 19 (1910), вып. 1—2, отд. 3, стр. 167—170.

54. Рец.: «Tišastvustik, ein in türkischer Sprache bearbeitetes Buddhistisches Sutra». Transcr. und Übersetz. von W. Radloff. St.-Pbg., 1910,—ЖС, год 19 (1910), вып. 1—2, отд. 3, стр. 170—171.

55. Рец.: مجمع ۳۰ شعرا شاهی پیرو فیروز («Собрание 30 царских поэтов, сопутствующих Фируз'у»). Хива, 1909, 1638 с., — ЗВОРАО, т. 19 (1909), вып. 4, стр. 0198—0209.

1911

56. К вопросу о наречении имени у турецких племен, — ЖС, год 20 (1911), вып. 2, стр. 297—300.

57. О мусульманском отделе на выставке произведений печати, — «СПб. вед.», 25 мая (7 июня), № 114.

58. Отзыв о рукописном собрании татарских, киргизских и башкирских сказок А. Г. Бессонова, — «Отчет имп. Рус. географ. об-ва за 1909 год», СПб., стр. 106—109.

59. Русские потешные в Турции, — «СПб. вед.», 1 (14) нояб., № 243.

60. Хивинская сатира на казак-киргизов, — ЗВОРАО, т. 20 (1910), вып. 1, стр. 052—055.

61. Рец.: «Кауфманский сборник», [М., 1910], — «СПб. вед.», 14 (27) дек., № 278.

62. Рец.: E. Denison Ross. A Collection of Poems by the Emperor Babur. . ., — ЗВОРАО, т. 20 (1910), вып. 1, стр. 093—0101.

1912

63. Монголо-шаманский обряд завораживания бунчуков в начале XVI в. [Бабуровское описание], — ЖС, год 20 (1911), вып. 3—4, стр. 429—432.

64. Мусульманская периодическая печать. Печать русских мусульман. — Османская печать в Турции, — МИ, т. 1, № 2, стр. 257—287; № 3, стр. 463—492; № 4, стр. 611—644.

65. Среднеазиатско-турецкие надписи на глиняном кувшине из Сарайчика, — ЗВОРАО, т. 21 (1911), вып. 1, стр. 038—047.

66. Туркменские заговоры [Заклинания в транскрипции с переводом на рус. яз.], — ЖС, год 21 (1912), вып. 1, стр. 117—124.

67. Рец.: Вл. Гордлевский. Османские сказания и легенды. . . М., 1912, — МИ, т. 1, № 4, стр. 582—584.

68. Рец.: Вл. Гордлевский. Очерки по новой османской литературе. . . М., 1912, — МИ, т. 1, № 4, стр. 584—587.

69. Рец.: В. Заварин. Османские загадки, собранные в Брусе. . . М., 1912, — ЖС, год 21 (1912), вып. 1, стр. 204—207.

70. Рец.: Ибрагим-Шинаси. Медхал-и-хукук-и-асасиэ, — МИ, т. 1, № 1, стр. 107—108.

71. Рец.: С. В. Фарфоровский. Трухмены (туркмены) Ставропольской губернии. Казань, 1911, — ЖС, год 21 (1912), вып. 1, стр. 207—209.

72. Рец.: Шуэб-бей. Хукук-и-идарэ. Ч. 1, 2, — МИ, т. 1, № 1, стр. 109—117; № 3, стр. 401—412.

1913

73. Бахчисарайский певец, поэт, летописец и метеоролог Хабибулла-Керем, — ИТОИАЭ, № 50, стр. 205—221. [Есть отд. отт., 17 стр.]

74. [О крымскотатарских диалектах, народной словесности и о цеховых мусульманских организациях в сравнении с туркестанскими. Доклад о поездке в Бахчисарай летом 1913 г.],—ИТОИАЭ, № 50, стр. 293—295.

75. [Наречия ногайцев и туркменов Ставропольской губернии. Предварительное сообщение на заседании Вост. отд-ния 29 ноября 1912 г.], — ЗВОРАО, т. 21 (1912), вып. 4, стр. LXXIII — LXXV.

76. Об изменениях в 12-летнем животном цикле у некоторых турецких племен, — ИТОИАЭ, № 49, стр. 133—138.

77. Песнь о крымских событиях, — ИТОИАЭ, № 50, стр. 81—98.

78. Предварительное сообщение о новом списке сокращений «Семи планет» Мухаммеда Ризы. [Описание рукописи, ее датировка и значение], — ИТОИАЭ, № 49, стр. 139—141.

79. Среди ставропольских туркменов и ногайцев и у крымских татар (Отчет о командировке в 1912 г.), — ИРКСА, сер. II, № 2, стр. 54—74.

80. Хронограмма Ахмед-табиба на смерть его светлости сейид Мухаммед Рахим бахадыр хана и на воцарение его высочества

сейид Эсфендияр Мухаммед бахадыр хана, — «Восточный сборник», кн. 1, СПб., стр. 165—182.

81. Первый букварь для туркменов. [Рец. на: А. С. Алиев. Туркменская речь. Звуковой метод обучения в туркменской школе. Ч. 1. Изд. 1, Баку, 1913], — «СПб. вед.», 13 (26) окт., № 229.

82. Рец.: Н. А. Караулов. Краткий очерк грамматики горского языка «болкар» [В «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 42, 1912], — ЗВОРАО, т. 21 (1912), вып. 4, стр. 0152—0161.

1914

83. Абду-с-Саттар казы. Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX века. Издал, перевел, примечаниями и введением снабдил А. Н. Самойлович, СПб., XXII, 157, 82 стр. + 55 стр. арабск. пагинации. (Изд. фак-та вост. языков СПб. ун-та, № 34). [Текст также на туркм. яз.]

Рец.: В. Д. Смирнов, — ЗВОРАО, т. 24 (1917), стр. IX—XI; Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 212—216.

84. В. В. Радлов как турколог, — «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русск. геогр. об-ва», т. 15, вып. 1 (1912), СПб., стр. 23—33.

85. Вильгельм Томсен как тюрколог, — «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русск. геогр. об-ва», т. 15, вып. 1 (1912), СПб., стр. 16—22.

86. Краткая опись среднеазиатско-турецких сказок и сказаний собрания А. Н. Самойловича, — ЖС, год 21 (1912), вып. 2—4, стр. 533—537.

87. Материалы для указателя литературы по енисейско-орхонской письменности, — «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русск. геогр. об-ва», т. 15, вып. 1 (1912), СПб., стр. 55—80.

Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 217—218.

88. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. II. Третье дополнение к указателю песен Махтумкули. III. Стихи Доулет-Мамеда моллы, отца Махтумкули, — ЗВОРАО, т. 22 (1913—1914), вып. 1—2, стр. 128—153. [См. № 41, 45, 50, 197.]

Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 216—217.

89. [Об открытом В. Л. Котвичем памятнике с орхонскими письменами], — ЗВОРАО, т. 22 (1913—1914), вып. 1—2, стр. VII. [Изложение выступления по докладу В. Л. Котвича: «Поездка в долину Орхона летом 1912 года», сделанному на заседании Вост. отд-ния 28 марта 1913 г. Ср. № 224.]

90. [Отзыв о туркменской рукописи «Из туркменских преданий» Н. П. Остроумова], — ЗВОРАО, т. 22 (1913—1914), вып. 1—2, стр. XV—XVI.

91. Сказка «Сорок небылиц» по туркменскому, узбецкому и киргизскому вариантам, — ЖС, год 21 (1912), вып. 2—4, стр. 477—484.

92. ایشتلگەنچە یازو نە؟ — «معلم»، اورنبورغ، 1914، س. 8، ب. 113—116.

93. Предисл., ред. и пер. песен в кн.: В. Н. Шнитников, Материалы по киргизской и татарской музыке, — ЖС, год 22 (1913), вып. 3—4, стр. 400—416.

1915

94. Запретные слова в языке казак-киргизской замужней женщины, — ЖС, год 24 (1915), вып. 1—2, стр. 161—168.

Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 218—219.

95. Новые материалы по языку и фольклору шушинских татар [=азербайджанцев]. (Предварительное сообщение), — ЖС, год 23 (1914), вып. 3—4, Прил. I, стр. 020—022.

96. Песни крымских татар про вторую отечественную войну [в транскрипции], — ЖС, год 23 (1914), вып. 3—4, стр. 409—420.

97. Рец.: М. Гаврилов. Рисоля сартовских ремесленников. Исследование преданий мусульманских цехов. . . Ташкент, 1912, — ЖС, год 23 (1914), вып. 1—2, стр. 229.

98. Рец.: Р. Карутц. Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке. Пер. Е. Петри, СПб., [б. г.], — ЖС, год 23 (1914), вып. 1—2, стр. 227—228.

99. Рец.: «Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы. Крым. Путеводитель». Под ред. К. Ю. Бумбера ‹и др.›. Симферополь, 1914, — ЖС, год 23 (1914), вып. 1—2, стр. 225—226.

100. Рец.: «Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы. По Крыму». Сб. 1. Симферополь, 1914, — ЖС, год 23 (1914), вып. 1—2, стр. 224—225.

101. Рец.: «Сборник инструкций и программ для участников экскурсий в Сибирь». Изд. 2, СПб., 1914, — ЖС, год 23 (1914), вып. 1—2, стр. 223—224.

102. Рец.: Г. Ф. Чурсин. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913, — ЖС, год 23 (1914), вып. 1—2, стр. 230.

103. Ред.: «Пословицы, поговорки и приметы крымских татар», собранные А. А. Боданинским, Мартино и О. Мурасовым, — ИТОИАЭ, № 52, стр. 1—67. [Совм. с П. А. Фалевым.]

Рец.: В. А. Гордлевский, — ЗВОРАО, т. 25 (1917—1920), вып. 1—4, 1921, стр. 89—132. Просмотрена в корректуре и дополнена примечаниями А. Н. Самойловичем.

1916

104. Опыт краткой крымско-татарской грамматики, Пг., 5, 104 стр.

Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 219—221.

105. Руководство для практического изучения османско-турецкого языка, ч. 4, Пг., VIII, 64 стр. [Совм. с Х.-Н. Кады-заде]. [Часть 2 см. под № 115.]

106. Современные среднеазиатско-турецкие документы из Ташкента. Пособие для курсов окраинных туземных языков для чинов судебного ведомства, вып. 1. Текст, Ташкент, 80 стр. араб. пагинации. [Описано по экземпляру БАН СССР.]

107. Драматическая литература сартов, — «Вестник Об-ва востоковедения», СПб., № 5, стр. 72—84.

108. Из казак-киргизских материалов М. Чокаева. . . [Заговор-шутка и скороговорки], — ЖС, год 25 (1916), вып. 1, Прил. № 4, стр. 05—07.

109. Из хивинской поэзии. Стихи его высочества сейид Эсфендияр бахадыр хана. [Заметка о собрании стихов Фарруха и образцы некоторых из них в переводе А. Н. Самойловича], — «Восточный сборник», кн. 2, Пг., стр. 182—189.

110. «О, господи!» Стихотворение Айни Бухарского. Перевод в прозе, — ТВ, 3 (16) июля, № 144.

111. *Предисловие* в кн.: Э. К. Пекарский, Краткий русско-якутский словарь, изд. 2, СПб., стр. III—XVI.

112. Татарин о татарах. [О Джемаледдине Валидове и его книге «Милет ве миллиет»], — «Восточный сборник», кн. 2, Пг., стр. 71—85.

113. Турецкий народец хотоны. 2. Хотонские записи Потанина, — ЗВОРАО, т. 23 (1915), вып. 3—4, стр. 278—290. [Имеется аннотация П. Пельо в «T'oung Pao», vol. 22, 1923, стр. 394, а также турецк. обработка: *Abdallah oğlu Hasan, Hoton türkleri ve dilleri, — «Azerbaycan Yurt Bilgisi», İstanbul, 1934, Jg. 3, H. 33—34, стр. 321—324.]

114. Рец.: Н. С. Лыкошин. «Хороший тон» на Востоке. . . Пг., 1915, — «Восточный сборник», кн. 2, Пг., стр. 191—199.

1917

115. Руководство для практического изучения османско-турецкого языка, ч. 2, вып. 1, Пг., 7, 41 стр. [Часть 4 см. под № 105.]

116. Собрание стихотворений императора Бабура, ч. I, Текст, Пг., 34, 90 стр., с тремя факсимиле (Изд. фак-та вост. языков Петроградск. ун-та, № 44).

Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 226—228.

117. К вопросу об этнографическом изучении Крыма. [О тамгах в Крыму, о пережитках рабства (чора), о наречении новорожденных, о необходимости зафиксировать верования, обычаи, народное творчество], — «Записки Крымского об-ва естествоиспытателей и любителей природы», Симферополь, т. 6 (1916), стр. 130—134; прения по докладу — стр. 134—136.

118. О материалах Радлова по народной словесности крымских татар и караимов [«Образцы народной литературы», ч. VII, СПб., 1896], — «Записки Крымского об-ва естествоиспытателей и любителей природы», Симферополь, т. 6 (1916), стр. 118—124.

119. Тийишь (тишь) и другие термины крымско-татарских ярлыков, — ИРАН, сер. 6, т. 6, № 15, стр. 1277—1278.

120. Четверостишия — туйуги Неваи. (Посвящается памяти Ф. Е. Корша) [Приводится текст 16 туйугов и их русский перевод], — «Мусульманский мир», вып. 1, Пг., стр. 10—22.

Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 225—226.

121. *Ред.* и *указатель* собственных имен в раб.: Г. Н. Потанин, Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки, — ЖС, год 25 (1916), вып. 2—3, стр. 47—198. [Указатель: стр. 192—198. Ред. совм. с др.]

1918

122. Крымско-татарские скороговорки, — СМАЭ, т. 5, вып. 1, стр. 197—200.

123. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга, — ИРАН, сер. 6, № 10, стр. 1109—1124.

То же: «Азиатский сборник», Пг., стр. 1109—1124.

Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 229—230.

124. Сказка о хитрости Дидоны и Константинополь, — ИРАН, сер. 6, № 7, стр. 571—576.

То же: «Азиатский сборник», Пг., стр. 571—576.

Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 228—229.

125. Среди крымских татар летом 1916 г. [О 12-летнем животном цикле, пережитках рабства (чора) и текст крымско-татарской песни «Умер бедняга» с переводом Самойловича], — ИТОИАЭ, № 54, стр. 73—80.

Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 224—225.

126. Турун-тудун. (Еще пример турко-булгарского ротацизма), — СМАЭ, т. 5, вып. 1, стр. 398—400.

Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 228.

1919

127. Литература турецких народов, — «Литература Востока. (Сборник статей)», вып. 1, Пг., стр. 34—49.

1920

128. Турки. [О тюркологических материалах отдела рукописей], — «Азиатский музей Российской Академии наук. 1818—1918. Краткая памятка», Пг., стр. 33—43.

Рец.: С. Е. Малов, — «Казанский музейный вестник», 1922, № 1, стр. 196—197.

1922

129. Некоторые дополнения к классификации турецких языков, Пг., 14 стр. с табл. (Петрогр. ин-т жив. вост. языков, 4).

Рец., аннот. и реф.: عەلی رەحیم ، — «مەعاریف» ، قازان ، 1923 ، س • 5—6 ، ب 38—50; A. Dirr, — «Islamica», Leipzig, 1924, t. I, стр. 134—135;
ع • سەعدی ، — «بزنك ايول» ، قازان ، 1925 ، س • 9—10 ، ب • 21—30 : س • 11—12 ، ب • 22—26 : 1926 ، س • 1—2 ، ب • 17—21 : ب • چودانزاده ، « تورك — تاتار دیالەكتولوژیسی (گیریش) » ، باكو ، 1927 ، ص • 44—47; Th. Menzel, — «Der Islam», Berlin, 1927, t. 16, № 1/2, стр. 30—33; В. Гурко-Кряжин, — НВ, 1928, кн. 16—17, стр. 385—386; R. Rahmati, — «Ungarische Jahrbücher», Berlin, 1929, t. 9, стр. 321—324; R. Arat, — «Türkiyat mecmuası», İstanbul, 1953, t. 10, стр. 97—101.

130. Востоковедение в Петрограде, — НВ, кн. 1, стр. 465—466.

131. Из туркестанской живой старины. I. Фер-Набире [К вопросу о терминах родства]. 2. Хивинский народный календарь, — НП, № 2, стр. 42—43.

132. Памяти Н. Ф. Катанова, — «Восток», кн. 1, М., стр. 104—105.

133. Первое тайное общество младобухарцев, — «Восток», кн. 1, М., стр. 97—99.

134. Петроградский Институт Живых Восточных Языков, — НВ, кн. 1, стр. 458—460.

135. Радлов как турколог, — НВ, кн. 2, стр. 707—712.

136. Рец.: «Наука и просвещение», № 1, Ташкент, 1922, — «Восток», кн. 2, М., стр. 153—154.

137. Рец.: Новый журнал «Революция» на узбекском языке [Обзор первых трех номеров ж. «Инкилоб», издававшегося с 1 февраля 1922 г. в Ташкенте], — НВ, кн. 1, стр. 471—473.

1923

138. Кукольный театр в Туркестане [О народных представлениях в Зап. и Вост. Туркестане], [Пг.], [б. г.], [4] стр., с илл. (Рус. музей. Этногр. отдел. [Издания], вып. I). [Датируется на основании записи в выпускных данных.]

Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 232—233.

139. Одежда ставропольских туркменок, [Пг.], [б. г.], [4] стр., с илл. (Рус. музей. Этногр. отдел. [Издания], вып. VI). [Датируется на основании записи в выпускных данных.]

Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 233.

140. Названия дней недели у турецких народов, — «Яфетический сборник», 2, Пг., стр. 98—119.

141. Памяти проф. В. Д. Смирнова, — «Восток», кн. 3, М., стр. 207—209.

142. Приложение к списку сибирских турок. [Классификация тюркских языков Сибири], — в кн.: С. К. Патканов, Список народностей Сибири, Пг. (Российская Академия наук. Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России, 7), стр. 11—13.

143. Турецкие и монгольские элементы в населении Авганистана. (Краткая библиографическая справка), — «Афганистан (Сборник статей)», ч. 1, М., [на обл.: 1924], стр. 98—107.

Рец.: Ф. Аристов, — «Жизнь национальностей», М., 1924, № 1, стр. 176; Стрелков, — «Печать и революция», М., 1924, № 6, стр. 196.

144. تورکولوژی قورولتای لازمدر، — «معارف و مدنیت»، باکو، س ۰ 10، ص ۰ 19—20.

145. Рец.: Журнал «Туркмен или» («Туркменский народ»), № 1, 1922, — «Восток», кн. 2, М., стр. 154.

1924

146. Аист и соловей. Хивинская легенда, — «Звезда Востока», М., № 1, стр. 7.

147. Востоковедение в Ленинграде, — НВ, кн. 6, стр. 508—511.

148. Государственный Турецкий высший педагогический институт в Баку, — НВ, кн. 6, стр. 519—521.

149. Из поправок к изданию и переводу «Кутадгу билиг», — ДРАН-В, окт.—дек., стр. 148—151.

150. К вопросу о наследниках хазар и их культуры, — «Еврейская старина», Л., т. 11, стр. 200—210.

Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 230—232.

151. К истории и критике Codex Cumanicus, — ДРАН-В, апр.—июнь, стр. 86—89.

152. Новый турецкий алфавит. (Письмо из Азербайджана), — НВ, кн. 5, стр. 388—391.

153. Памяти первого якутского ученого лингвиста С. А. Новгородова, — «Жизнь национальностей», М., № 1, стр. 189—190.

154. Первый Азербайджанский съезд краеведения, — НВ, кн. 6, стр. 517—518.

155. Первый Всеазербайджанский съезд краеведения, — «Краеведение», М., т. 1, № 4, стр. 442—444.

156. Профессор Н. Ф. Катанов — первый ученый из абаканских турков, — «Жизнь Бурятии», Верхнеудинск, № 6, стр. 107—113.

157. Сводный протокол совещания о приспособлении латинского алфавита к турецким языкам. [Составлен на основе обсуждения трех докладов А. Н. Самойловича специальной комиссией при участии Л. В. Щербы, Э. К. Пекарского, С. Е. Малова и А. Тагизаде], — ИРАН, сер. 6, т. 18, стр. 653—661, особое мнение А. Тагизаде, — стр. 661—662.

158. Туркменская женщина, — «Звезда Востока», М., № 1, стр. 17. [В конце статьи подпись: А. С.]

159. Mə'ryzə. Əqserijjeti turq əhalisindən mutəsəqqil muttəfik cumhyrijjət və oblastlarda tə'xirə ogradıla bilməjən məarif və mədənijjət pratiki məsələlərin muzaqirə və həlli için turqoloklar kyryltajının çagırılıması vacib oldygy həkkində mə'ryzə dur, — «Jeŋi jol», Baqu, 6 ijyn, № 13.

160. Turqcənin koca ata kanyny həkkində. [По поводу «новой теории» о старом законе сингармонизма], — «Jeŋi jol», 3 nojabr., № 89.

161. Пер.: Революция. Стихи узбецкого поэта Чолпана. Поэту, — «Звезда Востока», М., № 1, стр. 15.

162. Рец.: Д. Валидов. Татарская литература. Очерк истории образованности и литературы волжских татар. Вып. I. М.—Пг., 1923, — «Восток», кн. 4, М., стр. 183—184.

163. Рец.: А. А. Диваев. Киргиз-казацкий богатырский эпос... Ташкент, 1922, — «Восток», кн. 4, М., стр. 184—185.

164. Рец.: Ибрагимов [Г]алимджан. Черные маяки, или белая литература (на казанско<-татарско>м языке), М., «Нашрият», 1924, 70 стр., — «Звезда Востока», М., № 1, стр. 20.

165. Рец.: «Меариф ве медениет» («Просвещение и культура»). Литературно-научный ежемесячный журнал на азербайджанско-турецком языке. 1923—1924, № 1—12, — НВ, кн. 5, стр. 417—419.

166. Рец.: Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка... Вып. 6, 1923; С. А. Новгородов, Н. Е. Афанасьев и П. А. Слепцов. Якутский букварь с книжкой для детского чтения. 1923; Якутская хрестоматия. Под ред. С. А. Новгородова. Госиздат, 1923, — «Восток», кн. 4, М., стр. 185—186.

167. Рец.: Н. Сокольский. Очерки современной Турции. Тифлис, 1923, — «Восток», кн. 4, М., стр. 184.

168. Рец.: «Шарк кадыны» («Восточная женщина»). Литературный и общественно-политический иллюстрированный журнал. Баку, 1923, № 1, — НВ, кн. 5, стр. 419—420.

1925

169. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка, Л., 154 стр. (Ленингр. ин-т жив. вост. языков, 10).

Рец.: H. W. Duda, — «Islamica», Berlin, 1926, стр. 151—158; В. Гурко-Кряжин, — НВ, кн. 16—17, 1928, стр. 385—386; آ. جعفر اوغلی، — «توركيات مجموعه‌سی»، استانبول، 1928، ج. 2، ص. 525—526; Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 221—224.

170. Двадцать дней в Казани (12 апреля—3 мая 1925 г.), — «Вестник научного об-ва татароведения», Казань, № 1—2, стр. 26—28. [Татарский вариант см. под № 175.]

171. И. Н. Березин как турколог (1818—1918), — ЗКВ, т. I, стр. 161—172.

172. Краеведение в Татарской АСС Республике, — «Краеведение», М., т. 2, № 1—2, стр. 87—90.

173. Названия дней у азербайджанских турков, — «Яфетический сборник», 3, М.—Л., стр. 65—70.

174. О слове «гиль» — «дом», «семья» в наречиях переднеазиатских турков, — «Яфетический сборник», 3, Л., стр. 99—102.

175. قازاندا يگرمی كون (12.IV—1925—3. V)، — «بيش يل ايچنده (1920 25 VI 1925)»، قازان، 1925، ب. 286—288.

176. Ред.: С. И. Руденко, Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. 2. Быт башкир. [=ЗРГО по отд. этногр., т. 43, вып. 2], Л. [Совм. с С. Е. Маловым.]

1926

177. Из туюгов чагатайца Эмири, — ДАН-В, май—июнь, стр. 75—77.

Рец.: I. H. Ertaylan. Le poète tchagataien Yūsuf Emīrī et deux manuscrits de la bibliothèque de l'Université d'İstanbul, — в кн.: «Akten des vierundzwanzigsten Internationalen Orientalisten-Kongresses München 28. August bis 4. September 1957», Wiesbaden, 1959, стр. 380—382.

178. Извлечения из трактата по просодии Мир Али Шира Невайи «Мӣзāну-ль авзāн», — «Восточный сборник», I, Л., стр. 105—114.

179. К вопросу о классификации турецких языков, — «Бюллетень орг. комиссии по созыву I-го Всесоюзного тюркологического съезда», 2, Баку, стр. 3—6.

Рец.: Th. Menzel, — «Der Islam», Berlin, 1927, t. 16, № 1/2, стр. 30—33.

180. Кавказ и турецкий мир, — «Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана», Баку, № 2, стр. 3—9.

181. Литовские татары и арабский алфавит, — «Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана», Баку, № 3, стр. 3—7.

182. [О координации работ по созданию тюркских национальных письменностей в связи с генетическим родством тюркских языков], — «Первый Всесоюзный тюркологический съезд. 26 фев-

раля — 5 марта 1926 г. (Стенографический отчет)», Баку, стр. 328—329.

183. О «пайза» — «байса» в Джучиевом улусе. (К вопросу о басме хана Ахмата), — ИАН СССР, сер. 6, № 12, стр. 1107—1120. [См. тур. пер. под № 400.]

184. Работа семинариев Ленинградского института живых восточных языков имени А. С. Енукидзе, — НВ, кн. 13—14, стр. 456—457.

185. Современное состояние и ближайшие задачи изучения турецких языков, — «Первый Всесоюзный тюркологический съезд. 26 февраля—5 марта 1926 г. (Стенографический отчет)», Баку, стр. 131—139; заключит. слово, стр. 151—152.

Аннотация: Th. Menzel, — «Der Islam», Berlin, 1927, t. 16, № 1/2, стр. 61—64.

186. Чагатайские туюги Лютфи, — ДАН-В, май — июнь, стр. 78—80.

187. لیـنـنـگـراد توركییات سیمنارییەسی، — «مەعارف وۋ ئوقوُتغوچی»، تاشكینت ، 1926، س • 5، ب. 13—12 .

188. Рец.: Н. И. Ашмарин. Подражания в языках Среднего Поволжья. Баку. 1925 (Отт. из «Изв. Азерб. гос. ун-та им. В. И. Ленина»), вып. 1—2, 3—5, — «Сунтал», Чебоксары, № 8, стр. 16.

189. Рец.: Сборник туркменских народных поговорок, пословиц и загадок. Собран М. Гельдиевым. Полторацк, Туркменгосиздат, 1925, 56 стр., — «Этнография», М., № 1—2, стр. 361.

190. Рец.: G. Jacob. Geschichte des Schattentheaters im Morgen- und Abendland. Изд. 2-е, полностью перераб. с библиогр. прил. Ганновер, 1925, 284 стр., — «Этнография», М., № 1—2, стр. 360—361.

1927

191. Из истории туркменской литературы, — «Туркменская искра», Ашхабад, 18 февр., № 40. [См. туркменский вариант под № 212.]

192. К вопросу о двенадцатилетнем животном цикле у турецких народов. (Вопросник, источники, варианты названий годов, легенды о происхождении, приметы), — «Восточные записки Ленингр. ин-та жив. вост. языков», т. 1, Л., стр. 147—162.

193. К истории крымско-татарского литературного языка, — «Вестник Научного об-ва татароведения», Казань, № 7, стр. 27—33. [См. тур. пер. под № 404.]

194. К истории культурных и этнических отношений в Волжско-Уральском крае, — НВ, кн. 18, стр. 210—217.

195. Кастрен — турковед, — «Памяти М. А. Кастрена. К 75-летию со дня смерти», Л., стр. 76—86.

196. Краеведение на Советском Востоке. (Путевые заметки) [О постановке краеведения в Ойротск. а. о., Башкирии, Астрахани, Махачкале, Баку и Ашхабаде], — «Туркменоведение», Ашхабад, № 1, стр. 39.

197. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе, IV. Чагатайский поэт XV в. Атаи, — ЗКВ, т. 2, вып. 2, стр. 257—274. [См. № 88.]

198. Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана, — ИТОИАЭ, т. I (58), стр. 141—144.

199. О слове «казак», — «Казаки. Антропологические очерки». Под ред. С. И. Руденко, Л., стр. 5—16. (Материалы ОКИСАР, вып. 11). [См. тур. пер. под № 403.]

200. Один из списков «Родословного древа Туркменского» Абуль-гази-хана, — ДАН-В, № 2, стр. 39—42.

201. Оседлое население Туркестана, [Л., 1927], [8 стр.]. (Русский музей. Ленинград. Этнографический отдел. Краткие путеводители). [Датируется по ежегоднику «Книга в 1927 г.», М.—Л., 1930, стр. 582.]

202. Отрывок из «Теашшук-намэ» с игрою рифмующих слов, — ДАН-В, № 2, стр. 36—38.

203. Переиздание «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, — ИАН СССР, сер. 6, № 18, стр. 1688—1694.

204. Персидский турколог XVIII века Мирза Мехди-хан, — «Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана», Баку, 1927 [на обложке: 1928], № 5, стр. 3—15. [С резюме на фр. яз., стр. 13—15.]

205. Полтора месяца в Туркмении. (Сообщение о научной командировке), — «Туркменоведение», Ашхабад, № 2—3, стр. 51, с портр.

206. Список сокращений названий живых турецких диалектов и письменных турецких языков, — ИАН СССР, сер. 6, № 18, стр. 1692—1694. [Приложение к работе под № 203.]

207. Старейшие упоминания арабов в турецкой литературе, — ДАН-В, № 8, стр. 155—156.

208. Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования, — «Языковедные проблемы по числительнным, I. Сборник статей», Л., стр. 135—156.

209. Туркестанский устав-рисоля цеха артистов, — «Этнографический отдел Гос. Русского музея. Материалы по этнографии», т. III, вып. 2, Л., стр. 53—56.

210. Хивинские туюги XIX века, — ДАН-В, № 2, стр. 43—45.

211. بزنڭ حاقمزدا ایلەن اومیتلەر بوشا چیقمادی، (مەشهور تورك دیلی بلیکیلەریندەن [آلیملەریندەن] پروفەسسور سامایلوویچ بیلە گوورك)،—«توركمەنستان»، آشغابات، 14.IX.1927، س، 171.

212. تورکمەن ادەبیياتى تاریخندان ، — «تورکمەنستان» ، آشغابات ، 17.II.1927 ، س ، 32 .

213. موحەببەت ۋە تەعەششوق نامە ، — «مەعارف ۋە ئوقوتغوچى » ، تا شكینت ، 1927 ، س ، 3—4 ، ب ، 42—44.

214. Рец.: «Turkiāt mağmu'ası» — журнал по тюркологии. . ., т. 1, 1925; «Tatar tiiatiri. 1906—1926». Татарский театр. (Сборник на татарском языке). Казань, 1926, — ЗКВ, т. 2, вып. 2, стр. 373—379.

1928

215. Вильгельм Томсен и тюркология, — «Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти», Л., стр. 14—34.

216. Галимджан Ибрагимов как татаровед, — «Вестник научного об-ва татароведения», Казань, № 8, стр. 9—13. [См. на тат. яз. № 222.]

217. Дополнение к предложенным Радловым и Томсеном переводам одного стиха Кутадгу-билиг, — ДАН-В, № 2, стр. 23—25.

218. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, — сб. «Мир-Али-Шир», Л., стр. 1—23. [См. тур. пер. под № 401.]

219. Об «Опыте словаря тюркских наречий» академика В. В. Радлова и о проекте его переиздания, — «Изв. Вост. фак-та Азерб. гос. ун-та», Востоковедение, т. 3, Баку, стр. 1—6. [См. сокр. нем. пер. под № 405.]

220. Первая азербайджанская конференция по орфографии, — НВ, кн. 20—21, стр. 493—494.

221. Следы влияния исламской культуры на турецкие племена Алтайско-Саянского района, — «Культура и письменность Востока», кн. 2, Баку, стр. 142—145.

222. عالیمجان ئیبراهیمف — تاتارنى ئويرەنوچى ، — « عالیمجان ئیبراهیمف (XX یللق ئەدەبیى ، عیلمى - ئیجتیماعى حزمەت بەیرەمنە قاراتىلب چعارلعان عیلمى - تەنقیدى جیینتق») ، قازان ، 1928 ، ب ، 149—163.

223. ئوزبیك شیۋەلەرىنىڭ تەسنیفى توغریسدا ، — « مەعارف ۋە ئوقوتغوچى » ، تاشكینت ، 1928 ، س . 2 ، ب . 49 .

224. Le monument turc d'Ikhe-khuchotu en Mongolie centrale, II. Essai de déchiffrement de l'épitaphe [Транскрипция текста, перевод и примечания], — RO, t. 4, стр. 92—107.

225. Рец.: Эмир Али-Шир Неваи. Сравнительное изучение двух языков: фарсидского и тюркского. Собрал и переложил на туркменский язык А. Куль-Мухамедов. Полторацк (Асхабад), 1925, — «Мир-Али-Шир», Л., стр. 172—174.

226. Рец.: حسین بایقرا دیوانی (Диван Хусейна Байкары). Баку, 1926, — «Мир-Али-Шир», Л., стр. 171—172.

227. Рец.: نوايى — Сборник Азербайджанского Литературного общества, № 2. Баку, 1926, — «Мир-Али-Шир», Л., стр. 167—170.

228. Рец.: على شير نوايى — وقفيه (Вакфийе). Баку, 1926; منشات (Муншаат). Баку, 1926, — «Мир-Али-Шир», Л., стр. 170—171.

1929

229. Женские слова у алтайских турков, — «Язык и литература», т. 3, Л., стр. 221—231.

230. Махтум-Кули и Хаким-Ата, — «Туркменоведение», Ашхабад, № 12, стр. 28—29.

231. Объяснено ли название «Крым»?, — ИТОИАЭ, т. III (60), стр. 60—62.

232. Очерки по истории туркменской литературы, — «Туркмения», т. 1, Л., стр. 123—167.

233. Шейбани-хан и Боз-Оглан. (К вопросу о влиянии туркменской литературы на узбекскую), — «Туркменоведение», Ашхабад, № 6—7, стр. 40—41.

234. Про грамоту Османа II нащадкам іудейки Кіри. [Язык фермана, изданного и переведенного проф. В. Д. Смирновым], — «Східний світ», Харків, № 3 (9), стр. 220—221.

235. [ئوزبيك ئەدەبي تىلىنىڭ قورولىشى يوللارى توغرىسىدا]،—«قزل ئوزبېكستان»، تاشكينت، 26. V. 1929، س، 113.

236—237. Ред.: «Доклады Академии наук СССР». Серия В, Л., № 16—17.

238—240. Ред.: «Известия Академии наук СССР». Серия 7. Отделение гуманитарных наук, Л., № 8—10.

1930

241. Казаки Кошагачского аймака Ойротской автономной области, — «Казаки. Сборник статей антропологического отряда Казахстанской экспедиции 1927 г.», № 3, Л. («Материалы Комиссии экспедиционных исследований», вып. 15. Серия Казахстанская), стр. 303=327.

242. Китайская «пай-дзы» в старотурецком толковании на арабский коран, — «Вестник Научного об-ва татароведения», Казань, № 9—10, стр. 27—28.

243. Л. Я. Штернберг и турлология, — «Памяти Штернберга. 1861—1927». Л., стр. 173—176.

244. Советский Восток. (Наброски просвещенца), — Новый мир», М., № 4, стр. 115—120.

245. Элементы диалекта «джокчи» в литературном чагатайском языке, — «Научная мысль», Самарканд, вып. 1, стр. 11—14.

246. Caqatāj ədəbii tilidə «çoqcьlьq» unsurlarь, — «Ilmii fikr», Samarqand — Taşkent, стр. 9—12.

247. *Предисловие* к кн.: Якуб Кемаль, Тюрко-татарская рукопись XIV века «Нехджу-ль Ферадис», [Симферополь], Крым, гос. изд-во, стр. 3—4.

248. Ред.: «Алексей Александрович Шахматов. 1860—1920», Л. (АН СССР. Очерки по истории знаний, вып. 8) [Совм. с С. Ф. Ольденбургом].

249—260. Ред.: «Доклады Академии наук СССР». Серия В, Л., № 1—12.

261. Ред.: «Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук СССР по отделению гуманитарных наук, избранных 12 января и 13 февраля 1929 года». Приложение к Известиям Академии наук по отделению гуманитарных наук за 1928 год, Л.

262. Ред.: «Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук СССР по отделению общественных наук, избранных 31 января 1929 года», Л.

263—272. Ред.: «Известия Академии наук СССР». Серия 7. Отделение гуманитарных наук, Л., № 1—10.

273. Ред.: «Памяти Л. Я. Штернберга. 1861—1927», Л., 1930 (АН СССР. Очерки по истории знаний, вып. 7). [Совм. с С. Ф. Ольденбургом.]

1931

274. [Вопросы унификации и упрощения алфавитов], — «Стенографический отчет IV Пленума Всесоюзного центрального комитета нового алфавита, происходившего в гор. Алма-Ата», [М.], стр. 191—201; закл. слово — стр. 219—221.

275. Заключение по спорным вопросам якутского языка. [О нормировании якутского литературного языка], — «Советская Якутия», Якутск, № 1, стр. 104—106.

276. [О необходимости создания нового, латинизированного алфавита для дунган и уйгуров Казахстана], — «Стенографический отчет IV Пленума Всесоюзного центрального комитета нового алфавита. . .», [М.], стр. 179.

277. Отзыв о работе А. Кульмухаммедова, — в кн.: А. Кульмухаммедов, Материалы по среднеазиатским литературным памятникам, Ашхабад (Труды секции литературоведения Туркменкульта), стр. 3—5.

278. После [Чрезвычайной] сессии [Академии наук СССР, происходившей в Москве 21—27 июня 1931 г.], — ВАН, внеочередной номер, стлб. 123—126; с портр. на стлб. 107.

279. Реконструкция Всесоюзной Академии наук. [Итоги реорганизации в свете требований Устава АН СССР 1930 г.], — «Фронт науки и техники», М., № 4—5, стр. 68—74.

280. Социалистическое соревнование трех Академий [АН СССР, Всеукраинской и Белорусской], — ВАН, № 2, стлб. 1—10.

281. Les langues turques, — «Encyclopédie de l'Islam», Leiden — Leipzig, t. IV, livr. O, стр. 956—963. [Имеется парал. изд. на нем. и англ. яз. Перев. на тур. яз. см. под № 402.]

282—286. Ред.: «Доклады Академии наук СССР». Серия В, Л., № 1—5.

287—296. Ред.: «Известия Академии наук СССР». Серия 7. Отделение общественных наук. Л., № 1—10.

1932

297. [Выступление на встрече с рабочими завода «Красный Путиловец» 28 ноября 1931 г.], — «Академия наук на заводах и фабриках Ленинграда», Л., стр. 16—17.

298. Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV—XVII веках, — ЗИВАН, т. I, стр. 123—128.

*299. Ответ на «Обращение общественных, хозяйственных и научных организаций Урала к Академии наук СССР», — «Бюллетень выездной редакции газеты „Уральский рабочий“ и „На смену“», № 3, 8 июня, стр. 2—3.

300. Отрывки впечатлений [от выездной сессии Академии наук СССР, посвященной проблемам Урало-Кузбасского комбината в июне 1932 г.], — ВАН, № 9, стлб. 5—16.

301. [Θzbek ədebii tiliniŋ quriliş jollarь haqida], — «Til-ьmla Kənferensijəsi. 1929-nci jьl majnьŋ 15—23-nci kynləridə Samarqandda bytyn Θzbekistan mьqajasьda toplanƣan əzbek til-ьmlacьlarь və ədiblər kənferensijəsiniŋ tola hьsabь», Taşkent, стр. 16—18.

302. № 298 в пер. на нем. яз.: Beiträge zur Bienenzucht in der Krim im 14.—17. Jahrhundert, — «Festschrift Georg Jacob zum siebzigsten Geburtstag 26. Mai 1932, gewidmet von Freunden und Schülern. Hrsg. von Th. Menzel, Leipzig, стр. 270—275.

303. Ред.: «Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук СССР по отделению общественных наук, избранных в 1931 и 1932 годах», Л.

304—313. Ред.: «Известия Академии наук СССР. Серия 7. Отделение общественных наук», Л., № 1—10.

314. Ред.: «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», Л. («Труды Историко-археографического ин-та и Ин-та востоковедения. Материалы по истории народов СССР», т. 6, вып. 3).

1933

315. [Выступление на выездной июньской сессии АН СССР 1932 г.], — «Проблемы Урало-Кузбасского комбината», т. 2, Л., стр. 9—10.

316. [Некоторые вопросы терминологии], — «Язык и письменность народов СССР. Стенографический отчет I Всесоюзного пленума Научного совета ВЦК НА 15—19 февраля 1933 г.», М., стр. 138—139.

317. [Некоторые вопросы языкового строительства], — «Язык и письменность народов СССР. Стенографический отчет I Всесоюзного пленума Научного совета ВЦК НА 15—19 февраля 1933 г.», М., стр. 75—77.

318. [О журнале «Вокруг света»], — «Вокруг света», Л., № 8, стр. 23, с портр. и факсим.

319. Первые переводы «Коммунистического Манифеста» на казахский и узбекский языки, — «Памяти Карла Маркса», М.—Л., стр. 827—840.

320. Турецкая республика, — «Вокруг света», Л., № 9, стр. 2—3.

321. Языковое строительство в Турции, — «Письменность и революция», кн. 1, М.—Л., стр. 187—191.

322. Ред.: «Известия Академии наук СССР». Серия 7. Отделение общественных наук, Л., № 1.

323. Ред.: «Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик в 1932 году». Л. [Совм. с акад. А. А. Борисяком.]

323а. Ред.: «Узбекистан. Труды и материалы первой конференции по изучению производительных сил Узбекистана. 19—28 декабря 1932», т. 1, Л. (АН СССР. СОПС). [Совм. с другими.]

1934

324. Академик Марр и востоковедение, — «Литературная газета», М., 22 дек., № 171. [Перепечат. в ж. «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., 1935, № 3—4, стр. 213—214.]

325. Иранский героический эпос в литературах тюркских народов Средней Азии, — «Фердовси. 934—1934», Л., стр. 161—175.

326. Ленин и востоковедение, — «Вестник знания», Л., № 1, стр. 7—8.

327. Мировой ученый. [Некролог Н. Я. Марра], — «Комсомольская правда», 21 дек., № 294. [Перепечат. в ж. «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., 1935, № 3—4, стр. 203—204.]

328. Н. Я. Марр. [Некролог], — «Вечерняя Москва», 20 дек., № 291. [Перепечат. в ж. «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., 1935, № 3—4, стр. 199.]

329. [Н. Я. Марр. Некролог], — «За коммунистическое просвещение», М., 21 дек., № 292. [Перепечат. в ж. «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., 1935, № 3—4, стр. 199.]

330. Надпись эпохи Тоньюкука, — «Известия», 15 дек., № 292.

331. [Некоторые вопросы формирования крымско-татарского литературного языка], — «Красный Крым», Симферополь, 15 окт., № 239, с портр.

332. Новая письменность [для народов Советского Востока], «Известия», 27 дек., № 302.

333. Новые тюркские руны из Монголии [I], — ИАН СССР ООН, № 8, стр. 631—634.

Рец.: A. Caferoğlu, — «Ülkü», Ankara, 1937, t. 9, № 50, стр. 154—156.

334. Общие итоги конференции, — «Киргизия. Труды первой конференции по изучению производительных сил Киргизской АССР», Л., стр. 7—12.

335. Отклики Хивинской придворной хроники XIX в. на приезд английского майора Эббот. [Обнародование данных придворной хивинской хроники феодального стиля поэта-историка Агахи, относящейся к посещению Хивы в конце 1839 г.], — «Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова», Л., стр. 259—265.

336. Памяти академика С. Ф. Ольденбурга. (1863—1934), — ВАН, № 3, стлб. 17—28.

337. Памяти Э. К. Пекарского, — ИАН СССР ООН, № 10, стр. 743—747.

338. Советское востоковедение Ленинской эпохи, — «Памяти В. И. Ленина. Сборник статей к 10-летию со дня смерти. 1924—1934», М.—Л., стр. 787—808.

339. III Всекрымская языковая конференция, — «Экономика и культура Крыма», Симферополь, № 9—12, стр. 25—27.

340. Хивинские маршруты первой половины XIX века по Каракумам, — «Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Сборник статей», Л., стр. 451—462.

341. Чагатайский язык, — Большая Советская Энциклопедия, М., т. 61, стлб. 19—20. [Без подписи. Авторство устанавливается со слов К. К. Юдахина.]

342. Medenij, ilmij til icyn kureş — partijanьŋ Lenin — Stalin millij sijasetini jaşavqa keciryvniŋ en muhim faktorlarьndandьr. [Akademik Samojlovicnen musahabe], — «Jaŋь dynja», [Aqmescid], 27 okt., № 249.

343. Terminler haqqьnda. Akademik Samojlovicniŋ Qrьm tatar tili 3-çi konferentsijasьnda japqan сьqьşьndan, — «Jaŋь dynja», 30 okt., № 252.

344. Zengin ve medenij til oqrьnda (Akademik Samojlovicnen musahabe), — «Jaŋь dynja», 15 okt., № 239.

345. Рец.: «Рабочая книга по узбекскому языку». Под общ. ред. И. А. Киссена и К. А. Ушарова. Ташкент, 1932, — «Библиография Востока», вып. 2—4 (1933), Л., стр. 91—93.

346. Рец.: «Терминологический словарь». Терминологическая комиссия НМС НКП, Кзыл-Орда, 1931, — «Библиография Востока», вып. 2—4 (1933), Л., стр. 93—95.

347. Рец.: «Турецко-русский словарь». Сост. Д. А. Магазаник. М., 1931, — «Библиография Востока», вып. 2—4 (1933), Л., стр. 95—97.

348—349. Ред.: «Библиография Востока», вып. 2—4 (1933); вып. 5—6 (1934), Л.

350. Ред.: «Большой Алтай. Сборник материалов по проблеме комплексного изучения и освоения естественных производительных сил Алтайско-Иртышского района», т. I, Л. [Совм. с другими.]

351. Гл. ред.: «Киргизия. Труды первой конференции по изучению производительных сил Киргизской АССР», Л.

352. Ред.: «Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Сборник статей», Л. [Совм. с другими.]

353. Ред.: «Труды Казахстанской базы». Вып. 1. Результаты карагандинской зоологической экспедиции АН СССР, Л.

353а. Гл. ред.: «Узбекистан. Труды и материалы первой конференции по изучению производительных сил Узбекистана. 19—28 декабря 1932», т. 4, Л. (АН СССР. СОПС).

353б—353в. Ред.: «Узбекистан. Труды и материалы первой конференции по изучению производительных сил Узбекистана. 19—28 декабря 1932», т. 3 и т. 5, Л. (АН СССР. СОПС). [Совм. с другими.]

1935

354. Академик С. Ф. Ольденбург как директор Института востоковедения Академии наук СССР, — ЗИВАН, т. 4, стр. 7—11.

355. [Воспоминания о Н. Я. Марре], — «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., № 3—4, стр. 158—160.

356. Второй лингвистический конгресс в Турции и советско-турецкие научные отношения, — ВАН, № 1, стлб. 17—28. [Текст доклада, прочитанного на сессии АН СССР 28 декабря 1934 г.]

357. Н. Я. Марр как востоковед, — «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., № 3—4, стр. 43—49.

358. Не «идол», а «племя», — СЭ, № 6, стр. 44—46.

Рец.: A. Caferoğlu, — «Ülkü», Ankara, 1936, t. 8, № 44, стр. 158.

359. Новые тюркские руны, II, — ИАН СССР ООН, № 7, стр. 657—659. [См. № 333.]

Рец.: A. Caferoğlu, — «Ülkü», Ankara, 1937, t. 9, № 50, стр. 154—156.

360. Сокращенный перевод отрывков из хивинских хроник XIX века о хивинско-каракалпакских отношениях, — «Мате-

риалы по истории каракалпаков. Сборник» («Труды ИВАН», т. 7), стр. 91—134.

361. Туркология и новое учение о языке, — «Академия наук СССР академику Н. Я. Марру. XLV», М.—Л., стр. 113—120.

362. Cuci ulusu veya Altın Ordu edebî dili [Доклад, прочитанный на втором лингвистическом конгрессе в Турции летом 1934 г.], — «Türk Dili. Türk Dili Araştırma Kurumu Bülteni», İstanbul, № 12, стр. 34—49.

363. Ред.: «Библиография Востока», вып. 7 (1934), Л.

364—365. Ред.: «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», М.—Л., т. 3—4.

366—369. Ред.: «Труды Ин-та востоковедения АН СССР», М.—Л., т. 6; т. 7; т. 10 [вып. 1]; т. 11.

1936

370. Академия Наук Всесоюзная, — Энциклопедический словарь Гранат. 1-й дополнительн. том. «Абиссиния — Баренцево море», [М.], стлб. 241—245.

371. Алма-атинские встречи, — «Социалистическая Алма-Ата», 21 июня, № 32.

372. Беседа с академиком А. Н. Самойловичем [в связи с 1-м лингвистическим съездом Туркмении], — «Туркменская искра», 17 мая, № 112, с портр. [Туркменский вариант см. под № 382.]

373. *Богатый* и *бедный* в тюркских языках, — ИАН СССР, отд. общ. наук, № 4, стр. 21—66.

374. За высокую квалификацию работников языкового фронта, — «Туркменская искра», 24 мая, № 118, с портр. [Туркменский вариант см. под № 383.]

375. Не «турки», а «царица», — СЭ, № 2, стр. 55—56.
Рец.: A. Caferoğlu, — «Ülkü», Ankara, 1937, t. 9, № 50, стр. 156—157.

376. [Некоторые вопросы языкового строительства Туркмении], — «Туркменская искра», 21 мая, № 115.

377. [О состоянии и задачах советского востоковедения. — Речь на мартовской сессии АН СССР в 1936 г.], — ВАН, № 4—5, стр. 34—35.

378. Разработка научной терминологии на языках тюркской системы. (Термины по астрономии на азербайджанско-тюркском языке), — «Революция и письменность», сб. 2, стр. 21—25.

379. Стамбульские впечатления 1936 года. (Третий турецкий языковой конгресс и культурный рост Турции), — «Звезда», Л., № 12, стр. 161—168.

380. Третий лингвистический конгресс в Турции, — ВАН, № 11—12, стр. 51—55.

381. Якутская старинная устная литература. [Вступит. статья], — «Якутский фольклор», М., стр. 7—40.

382. Akademik A. N. Samojlovic Aşqabaatda [Tyrkmenistaan 1-nçi dil-imla qurьltajь haqьnda bir gyrriŋ], — «Sovet Tyrkmenistaanь», Aşqabaat, 17 maj, № 112.

383. Dil frontьnda iişqəərleriŋ joqarь kvalifikatsijalarь uqrьnda. (Prof. Potselujevskiniŋ dokladь bojьnca сьqьр keplemelerde akademik A. N. Samojloviciŋ sөzi), — «Sovet Tyrkmenistaanь», 26 maj, № 119.

384. Ред.: «Библиография Востока», вып. 8—9 (1935), Л.

385—386. Ред.: «Большой Алтай. Сборник материалов по проблеме комплексного изучения и освоения природных ресурсов Алтайско-Иртышского района», т. 2—3, М.—Л. [Совм. с другими.]

387. Ред.: «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», М.—Л., т. 5.

388. Ред. и предисл.: «Казахстан в изданиях Академии наук. 1734—1935». Сост. БАН СССР, М.—Л. («Труды Казахстанского филиала АН СССР», вып. 9).

389—391. Ред.: «Труды Ин-та востоковедения АН СССР», М.—Л., т. 17; т. 19; т. 21.

1937

392. Академик В. В. Радлов, — ВАН, № 1, стр. 124—125.

393. Памяти великого тюрколога академика В. В. Радлова. (К столетию со дня рождения: 1837—1937), — «Революция и национальности», № 2, стр. 79—81.

394. Türkiye ile Sovyetler Birliğinde başlıca dilcilik meseleleri ve dil kuruluşunun pratiği, — «Üçüncü Türk Dil Kurultayı. 1936. Tezler. Müzakere zabıtlar», İstanbul, стр. 319—327. [При участии И. И. Мещанинова и Х. Ф. Габидуллина. Перед загл. авт.: Profesör Samoiloviç'in tezi.]

395. Ред.: «Библиография Востока», вып. 10 (1936), Л.

396. Ред.: «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», М.—Л., т. 6.

397—399. Ред.: «Труды Ин-та востоковедения АН СССР», М.—Л., т. 25; т. 26; т. 28.

1939

*400. № 183 в пер. на тур. яз.: Cucu ulusunda payza ve baysa'ya dair, — «Türk hukuk ve iktisat tarihi mecmuası», İstanbul, c. 2 (1932—1939).

1944

401. № 218 в пер. на тур. яз.: Orta Asya edebî türkçesinin tarihine dair, — «Ankara üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya fakültesi yıllık araştırmalar dergisi. I. 1940—1941», İstanbul, стр. 73—95. [Пер.: Абдюлькадыр Инан.]

1946

402. № 281 в пер. на тур. яз.: Türk lehçeleri, — «Türk dili. Belleten», seri III, İstanbul, sayı 6—7, стр. 591—608. В огл.: Türk dilleri: tasnıf, umumî vasıfları, yazılar ve edebî lehçeleri, türk olan ve olmıyan diller arasında karşılıklı tesirler. [Пер.: Шериф Хулюси.]

1957

403. № 199 в пер. на тур. яз.: Kazak kelimesi hakkında, — TDAY, стр. 95—104. [Пер.: Саадет Чагатай.]

1960

404. № 193 в пер. на тур. яз.: Kırım-türk yazı dilinin tarihçesi, — TDAY, стр. 373—379. [Пер.: Расиме Уйгун.]

405. № 219 в сокр. пер. на нем. яз. с предисл. проф. О. Прицака к кн.: W. R a d l o f f, Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte. (Опыт словаря тюркских наречий). Mit einem Vorwort von O. Pritsak, Bd I, 's-Gravenhage, стр. XX—XXIII.

1961

406. Вопрос о русалках — «су-кызы» в Туркменистане, — «Изв. АН ТуркмССР, сер. обществ. наук», № 3, стр. 94—95.

407. О траурном цвете, — «Изв. АН ТуркмССР, сер. обществ. наук», № 5, стр. 88.

1973

408. Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым, — «Тюркологический сборник. 1972», М., стр. 186—211.

409. Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями, — СТ, № 5, стр. 105—110.

ЛИТЕРАТУРА О А. Н. САМОЙЛОВИЧЕ

1. [Об удостоении работы студента А. Н. Самойловича «Опыт лингвистического исследования текинского говора туркменского диалекта» награждения золотой медалью], — «Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1903 год», СПб., 1904, разд. «Записка о наградах, которыми удостоены сочинения студентов С.-Петербургского университета, представленные ими на темы, объявленные в сентябре 1902 года. . .», стр. 73—74.

2. «Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1906 год», СПб., 1907, стр. 48 и 51.

3. К. Г. Залеман, Новые поступления в Азиатский музей. [Список рукописей и местных изданий, привезенных А. Н. Самойловичем из Туркестана], — ИАН, сер. 6, СПб., 1908, т. 2, стр. 1301—1302.

4. «Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1907 год», СПб., 1908, стр. 35, 82, 144, 194.

5. «Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1909 год», СПб., 1910, стр. 108.

6. «Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1910 год», СПб., 1911, стр. 152, 219—220.

7. «Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1911 год», СПб., 1912, отд. VI, стр. 51; отд. VII, стр. 124—126.

8. «Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1912 год», СПб., 1913, стр. 151, 234—235.

9. «Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1913 год», СПб., 1914, стр. 252—253; отд. XI, стр. 91.

10. «Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1914 год», СПб., 1915, стр. 185.

11. «Отчет о состоянии и деятельности имп. Петроградского университета за 1915 год», Пг., 1916, стр. 207—209.

12. «Отчет о состоянии и деятельности Петроградского университета за весеннее полугодие 1916 года», Пг., 1917, стр. 148—150.

13. В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, И. Ю. Крачковский, Записка об ученых трудах А. Н. Самойловича, — ИРАН, сер. 6, 1924, № 12—18, стр. 553—555.

14. А. Н. Самойлович. (Список трудов за 1916—1925 гг.), — «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 341.

15. Приезд профессора Самойловича, — «Туркменская искра», 1927, 13 сент., № 208.

16. А. Н. Самойлович [Краткая биография], — «Туркменская искра», 1927, 28 окт., № 247, с портр.

17. [А. Н. Самойлович], Полтора месяца в Туркмении. (Сообщение о научной командировке), — «Туркменоведение», 1927, № 2—3, стр. 51, с портр.

18. پرافیسور آ· ن· سامایلوویچڭ 25 ییللق فەننی حزماتی حاقندا ت·س·س·ج· مەركەزی ایجرا قومنڭ قاراری، — «توركمەنستان»، آشغابات، 31. VII. 1927، س· 204; с портр.

19. ب·چوبانزاده، پروفەسسور آلەكساندر نیقولایەویچ سامائیلوویچ، — «معارف ایشچیسی»، باكو، 1928، س· 7—8، ص· 80—86; с портр.

20. Ф. П — о в, Академик Александр Николаевич Самой-

лович. (К 25-летию научной деятельности), — «Туркменоведение», 1929, № 5, стр. 29—31.

21. H. Çevdetzaade, Ulь tyrkilooɋ. (Rьgarььsьr Copanzaadaanьꞑ maqaalasьndan alьnan), — «Tyrkmen medenijeti», Aşɋabaat, 1929, № 7—8, стр. 23—25, 1 л. портр.

22. Nuɋmat Hekiim, Akadiimik Alььksaandьr Nikalaajeviic Samajьlooviic. (Ьlmьь, ictimaaɋьь hьzmatьna 25 jьl doolmaq mьnaasьbatь bilen), — «Tyrkmen medenijeti», Aşɋabaat, 1929, № 7—8, стр. 26—27.

23. A. Qulmuhammedif, Akadььmьk A. N. Saamajlovic, — «Tyrkmen medenijeti», Aşɋabaat, 1929, № 7—8, стр. 28—29.

24. Th. Menzel, Über die Werke des russischen Turkologen A. Samojlovič, — AOr, 1929, vol. 1, № 2, стр. 209—234.

25. В. В. Бартольд, Записка об ученых трудах профессора А. Н. Самойловича, — «Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук по отделению гуманитарных наук, избранных 12 января и 13 февраля 1929 года», Л., 1930, стр. 116—119.

26. «Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1929 год». I. Общий отчет, Л., 1930, стр. 57—58, 233—234.

27. «Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1929 год». II. Отчет о научных командировках и экспедициях, Л., 1930, стр. 284.

28. «Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1930 год», Л., 1931, стр. 36, 242—243.

29. «Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик в 1931 году», Л., 1932, стр. 43—44.

30. «Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик в 1932 году», Л., 1933, стр. 35.

31. «Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик в 1933 году», Л., 1934, стр. 204.

32. «Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик в 1934 году», М.—Л., 1935, стр. 67—68.

33. Akademik A. N. Samojlovic Aşɋabaatda, — «Sovet Tyrkmenistaanь», Aşɋabaat, 1936, 17 maj, № 112.

34. В Алма-Ату приезжает академик Самойлович, — «Социалистическая Алма-Ата», 1936, 23 мая, № 11.

35. Академик Самойлович в Алма-Ате, — «Социалистическая Алма-Ата», 1936, 3 июня, № 17.

36. Самойлович Александр Николаевич, — «Сибирская советская энциклопедия», т. 4 [Материалы], Новосибирск, [б. г.], стлб. 764.

37. V. Minorsky, Oriental Studies in the USSR, — JRAS, 1943, vol. 30, fasc. 1, стр. 86.

38. «Sovietico-Turcica», Budapest, 1960, стр. 231—235.

39. Ф. Д. Ашнин, Александр Николаевич Самойлович (1880—1938), — НАА, 1963, № 2, стр. 243—264 (библиография трудов А. Н. Самойловича — стр. 253—263; литература о нем — стр. 264).

40. Д. Нуралыев, Исгендер Җахангир түркмен эдебияты хакында [А. Н. Самойлович как исследователь туркменской литературы], — «Эдебият ве сунгат», Ашгабат, 1963, 19 окт., № 84; 23 окт., № 85; 26 окт., № 86.

41. Д. Нуралыев, Рус алымлары ве түркмен халк даредиҗилиги [Роль А. Н. Самойловича в изучении туркменской культуры], — «Изв. АН ТуркмССР. Сер. обществ наук», 1964, № 6, стр. 62—72.

42. Б. В. Лунин, Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении, Ташкент, 1965, стр. 172—177, 191—194, 357.

43. Л. В. Дмитриева, Материалы к описанию рукописного наследия А. Н. Самойловича, — НАА, 1966, № 3, стр. 206—211.

44. Д. Нуралиев, Из истории изучения туркменской литературы. (Дооктябрьский период). Автореф. канд. дисс., Ашхабад, 1966, стр. 14—21 [А. Н. Самойлович как основоположник научного изучения туркменской литературы].

45. Д. Нуралыев, Академик А. Н. Самойлович түркмен эдебияты хакында, Ашгабат, 1971, 140 стр.

46. И. В. Стеблева, Самойлович Александр Николаевич, — «Краткая литературная энциклопедия», т. 6, М., 1971, стлб. 638.

47. К. Аимбетов, Незабытое из прожитого, Нукус, 1972, стр. 265—267 [о встрече с А. Н. Самойловичем в 1935 г.].

48. А. Н. Кононов, История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972, стр. 150—153 и др. по указателю имен.

49. А. Садыков, Россия и Хива в конце XIX—начале XX века, Ташкент, 1972, стр. 82—96.

50. А. Моллаев, Рус алымы түркмен диалекти хакында [О неопубликованной рукописи А. Н. Самойловича «Опыт лингвистического исследования текинского говора туркменского диалекта». 1903 г.], — «Мугаллымлар газети», Ашгабат, 1972, 19 июля, № 85.

51. А. Моллаев, Гымматы эгсилмеҗек хатлар [А. Н. Самойлович в письмах к А. Н. Поцелуевскому], — «Яш коммунист», Ашгабат, 1972, 7 окт., № 119.

52. П. Азимов и Б. Чарыяров, А. Н. Самойлович и туркменское языкознание, — СТ, 1973, № 5, стр. 71—75.

53. Н. А. Баскаков, А. Н. Самойлович в письмах к В. А. Гордлевскому, — СТ, 1973, № 5, стр. 84—92.

54. А. Н. Кононов, А. Н. Самойлович — грамматист, — СТ, 1973, № 5, стр. 37—48.

55. А. Моллаев, Рукописи 70 лет [Об «Опыте лингвистического исследования текинского говора туркменского диалекта», 1903 г.], — «Памятники Туркмении», Ашхабад, 1973, № 2, стр. 26.

56. А. Моллаев, Җанланан архив [Об архиве А. Н. Самойловича в освещении Д. Нуралиева, о чем см. под № 45], — «Совет эдебияты», Ашгабат, 1973, № 3, стр. 125—128.

57. К. М. Мусаев, А. Н. Самойлович и сравнительная лексикология тюркских языков, — СТ, 1973, № 5, стр. 49—57.

58. Д. М. Насилов, А. Н. Самойлович о классификации тюркских языков, — СТ, 1973, № 5, стр. 76—83.

59. Д. Нуралиев, А. Н. Самойлович — исследователь туркменской литературы и фольклора, — СТ, 1973, № 5, стр. 66—70.

60. Э. И. Фазылов, А. Н. Самойлович — исследователь тюркских памятников средневековья, — СТ, 1973, № 5, стр. 58—65.

61. Э. И. Фазылов, Фанга бағишланган умр. (Жизнь, отданная науке), — «Гулистон», Тошкент, 1973, № 6, стр. 28—29.

62. Б. Ч. Чарыяров, Памяти академика А. Н. Самойловича, — «Изв. АН ТуркмССР. СОН», Ашхабад, 1973, № 5, стр. 94—95.

63. С. М. Абрамзон, Академик А. Н. Самойлович как этнограф, — «Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. 1972—1973. 23—26 июля 1974 г.», Л., 1974, стр. 51—54.

64. [А. Н. Кононов], Самойлович Александр Николаевич, — «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период». Под ред. и с введением А. Н. Кононова, М., 1974, стр. 254—256.

65. Б. В. Лунин, Александр Николаевич Самойлович, — Б. В. Лунин, Историография общественных наук в Узбекистане. Био-библиографические очерки, Ташкент, 1974, стр. 325—332, с портр.

66. Б. В. Лунин, История Средней Азии в трудах А. Н. Самойловича, — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1974, № 7, стр. 68—77.

67. А. Моллаев, Об одной рукописи академика А. Н. Самойловича [Об «Опыте лингвистического исследования текинского говора туркменского диалекта» 1903 г.], — «Изв. АН ТуркмССР. СОН», Ашхабад, 1975, № 1, стр. 46—51.

Л. В. Дмитриева

МАТЕРИАЛЫ К ОПИСАНИЮ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ А. Н. САМОЙЛОВИЧА [1]

Библиография печатных трудов выдающегося советского тюрколога акад. Александра Николаевича Самойловича (17.XII.1880—13.II.1938) составлена [2]. Она насчитывает более 300 работ. Рукописное же наследие ученого до сих пор полностью не собрано и не изучено. Большое число рукописных материалов А. Н. Самойловича хранится в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ). Их дополняют материалы Архива АН СССР, поступившие туда в 1950 г. из Института востоковедения АН СССР (ныне Ленинградское отделение ИВАН СССР) [3]. Отдельные рукописи и письма А. Н. Самойловича встречаются и в других фондах Архива АН СССР (например, в фондах В. В. Радлова, В. В. Бартольда, С. Ф. Ольденбурга и др.). Бесспорно, рукописные материалы ученого и документы, имеющие отношение к его жизни и деятельности, есть еще в других архивах и учреждениях как Ленинграда (например, в Государственном историческом архиве Ленинградской области [4], в разных фондах Архива ЛО ИВАН СССР и др.), так и ряда других городов. Долг тюркологов — принять активное участие в поисках и собирании рукописного наследия А. Н. Самойловича, а также в публикации сообщений о своих находках.

Кроме того, в библиотеке ЛО ИВАН СССР имеются книги по тюркологии с очень интересными пометками А. Н. Самойловича.

---

[1] Статья была напечатана в НАА, 1966, № 3, стр. 206—211.

[2] См.: Ф. Д. Ашнин, Александр Николаевич Самойлович (1880—1938), — НАА, 1963, № 2, стр. 242—264 (см. также выше, стр. 263—288).

[3] В 1949 г. по распоряжению Президиума АН СССР ИВАН СССР передал Архиву АН СССР все фонды академиков-востоковедов, в том числе и фонд № 81 (А. Н. Самойловича). В Архиве АН СССР этот фонд был обработан вновь, к нему были присоединены некоторые новые материалы, и он стал фондом № 782.

[4] См.: «Материалы по истории Ленинградского университета. 1819—1917. Обзор архивных документов», Л., 1961, стр. 70, 71, 114.

Эти книги, видимо, принадлежали ученому и после его смерти были переданы в Библиотеку. Книги с такими пометками могут быть и в библиотеке восточного факультета ЛГУ. Их следовало бы собрать и присоединить к фонду А. Н. Самойловича.

Приводимый ниже обзор содержит краткое описание рукописных материалов А. Н. Самойловича, находящихся в Рукописном отделе ГПБ (фонд № 671) и в Архиве АН СССР (фонд № 782). В обзоре сохраняется тот принцип классификации и расположения материала, по которому была проведена обработка фондов в местах их хранения.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА. ФОНД № 671

I. Материалы к биографии. Единицы хранения № 1—12: личный листок по учету кадров, заполнены только — дата, место рождения, национальность; командировочное удостоверение от 7 мая 1911 г., выданное Русским музеем для поездки в Турцию; удостоверение от 3 июня 1919 г., выданное Комиссариатом народного просвещения РСФСР для содействия в поездках в Москву профессору I Петербургского университета и Лазаревского института А. Н. Самойловичу, и т. п.

II. Материалы служебной и общественной деятельности. Единицы хранения № 13—76: деятельность как члена АН СССР (№ 13—35), научно-издательская (№ 36—65), педагогическая (№ 66—76).

III. Мемуарные материалы. Единицы хранения № 77—81: записные книжки — 1902—1904 гг. (№ 77), 1905 — 2 августа 1906 г. (№ 78), 26 августа — 21 ноября 1906 г. (№ 79), 1907—1911 гг. (№ 80), 1927 г. (№ 81).

IV. Работы А. Н. Самойловича.

1. *Литература.* Единицы хранения № 82—104:

Черновик работы, содержащей тексты стихов «Дивана» Бабура, их перевод и предисловие к работе, — без даты, 605 лл. (№ 82) [5].

Работа «Наставление Бабура сыну», представляет собой переписанный А. Н. Самойловичем текст сочинения Бабура «Мубаййин», без предисловия, — без даты, 266 лл. (№ 83).

Замечания к печатным изданиям разных переводов (В. Л. Вяткина, С. И. Полякова, Островского, В. Эрскина, А. Паве де-Кур-

---

[5] Изданы тексты с предисловием: «Собрание стихотворений императора Бабура», ч. I. Текст, Пг., 1917.

тейя, Мирзы-Рахима) «Бабур-наме» по изданиям Н. И. Ильминского и А. Беверидж — 1907 г., 34 лл. (№ 84) [6].

Выписки и отдельные замечания к тексту «Бабур-нама» — Териоки, 20 мая—6 июля 1915 г., 89 лл. (№ 85).

Рецензия на английский перевод «Бабур-нама», опубликованный А. Беверидж, — без даты, 64 лл. (№ 86). А. Н. Самойлович отмечает следующие недостатки работы А. Беверидж, посвященной «Бабур-нама»: 1) «далека» от освоения «чагатайского» языка, «чагатайско»-узбекских и русских пособий по этому языку; 2) оказывает незаслуженное предпочтение Хайдерабадской рукописи, хотя та имеет дефекты; 3) крайне слабое знакомство с русскими работами о Бабуре и о Средней Азии.

Материалы к рецензии на книгу: E. Denison Ross. A Collection of Poems by the Emperor Babur. . . — без даты, 74 лл. (№ 87) [7].

Выписки стихов из произведений Навои — без даты, 571 карточка (№ 88).

Рукопись дивана Махтумкули, переписанная муллой Мирзабеком, — 1909 г., 146 лл. (№ 89).

Образцы стихов и краткие данные о разных туркменских поэтах, группируемых по племенам, — 1906 г., 53 лл. (№ 90) [8].

Записи туркменских сказок, пословиц, загадок, собранных А. Н. Самойловичем, с указанием, где и когда они записаны, — 1906—1907 гг., 25 лл. (№ 91).

Записи А. Н. Самойловичем стихов Тукая (с переводами), татарских сказок и пословиц (без перевода) — 1908—1909 гг., 10 лл. (№ 92).

Работа «Избранные пословицы турецких народов»: русский перевод пословиц с указанием, с какого языка сделан перевод; пословицы распределены по темам, — без даты, 72 лл. (№ 93).

Рукопись на татарском языке, переписанная Мусой Чурмановым, — 1897 г., 82 лл. (№ 94).

Перевод туркменского «Сказания о стране Мерв и правителе ее Коушут-хане» — без даты, 22 л. (№ 95).

Выписки и замечания к изданию стихов Махтумкули Валидовым — без даты, 22 лл. (№ 96).

Статья «Стихи монаха из Старого Афона»: текст стихов и сведения об их авторе — без даты, 17 лл. (№ 97).

Выписки из разных изданий стихов узбекских поэтов (преимущественно стихов Хувайда, изданных М. Хартманом), имеют

---

[6] Издано в сокращении и переложении: [Рец. на:] С. И. Поляков, Записки Бабера (Бабер-намэ. Ильминский, Казань, 1875). Пер. с джагатайского, — ЗВОРАО, 1907, т. 17, стр. 074—083.

[7] Изданы: ЗВОРАО, 1911, т. 20, стр. 093—0101.

[8] Использованы отчасти в статье: «Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе», I, — ЗВОРАО, 1910, т. 19, стр. 01—030.

заглавие «Материалы к турецким — песне и стиху» — без даты, 45 лл. (№ 98).

Черновик статьи «Книга рассказов о битвах текинцев. (Предварительное сообщение») — 1904 г., 26 лл. (№ 99) [9].

Работа «Турецкие этюды. Исследования по истории среднеазиатско-турецких литератур и языков»; не закончена — 1917—1918 гг., 839 лл. (№ 100). Приложен план работы: «I. Среднеазиатско-турецкая литература мусульманского периода и ее отношение к другим турецким литературам; II. Старотурецкий „тафсир“ Азиатского музея; III. Об одном термине крымско-татарских ярлыков; IV. Басма-байса; V. Старотурецкие предсказания на 12 лет звериного цикла; VI. Дополнение к вопросу о челеби». Здесь же план нового варианта работы, который не был выполнен: «Предисловие: § 1. Связь настоящей работы с предыдущей — „Книга рассказов о битвах текинцев“; § 2. План, приемы и цель работы. Введение: I. О среднеазиатско-турецкой литературе мусульманской эпохи. — § 1. Литература предмета; § 2. Установление периодов; § 3. Вопрос о племенных литературах. II. Средний, или чагатайский, период. — § 1. Навои; § 2. Лутфи; § 3. Хусайни; § 4. Второстепенные писатели; § 5. Общая характеристика поэзии среднего периода. III. Император Бабур как писатель. — § 1. Биографические сведения; § 2. Мемуары Бабура; § 3. Религиозный трактат „Мубаййин“; § 4. Мистический трактат „Рисала -иВаладие“; § 5. Мелкие стихотворения».

Материалы и выписки, озаглавленные: «О русском народном стихосложении», — без даты, 5 лл. (№ 101).

Разрозненные листы с записями разных текстов на тюркских языках — 1928—1929 гг., 4 лл. (№ 102).

Статья «Новейшие османские дестаны»: небольшое пояснение о дестанах вообще, перевод (в стихах) и разбор трех новых турецких дестанов — 1911 г., 56 лл. (№ 103).

Статья «К вопросу об османских дестанах»: о статье М. Ф. Кёприлю «Наши дестаны», напечатанной в турецкой газете «Икдам» от 18 марта 1914 г.; здесь же эта газета и печатные тексты других турецких дестанов — 1914 г., 23 лл. (статья занимает 9 лл.; № 104).

2. *История и этнография.* Единицы хранения № 105—120.

Работа «Несколько заметок о российских мусульманах» — 1917 г., 128 лл. (№ 105). Приложен план работы: «I. Национальный и численный состав российских мусульман турецкой национальности. II. Об общенациональных и племенных наименованиях российских мусульман-турок. III. О литературных языках их. IV. Их материнские языки. V. Мусульманские области Российской республики».

---

[9] Издана под тем же названием: ЗВОРАО, 1906, т. 16, стр. 0201—0211.

Этнографические материалы по карачаевцам и балкарам, озаглавленные «Поездка в Балкарию в 1929 г. Некоторые соображения о прошлом карачайско-балкарского племени по данным их языка», — 1930 г., 134 лл. (№ 106). Однако никаких сведений о «прошлом» этих народностей материалы не содержат.

Статья «Первое тайное общество младобухарцев» — без даты, 12 лл. (№ 107) [10].

Выписки из разных книг, замечания и другие записи о туркменах — 1905—1906 гг., 268 лл. (№ 108).

Текст из «Родословной туркмен» Абулгази — 1911 г., 42 лл. (№ 109).

Выписки текстов из узбекских сочинений, касающиеся истории туркменов-текинцев XVIII—начала XIX в.; выполнены по просьбе А. Н. Самойловича муллой Авазом-кази — 1892—1893 гг., 8 лл. (№ 110).

Узбекская рукопись по истории туркменов, без начала и конца, — без даты, 45 лл. (№ 111).

Работа «Туркменские отзвуки на Гöк-тепе, события 1879—1881 гг. Статья о стихотворном историческом повествовании у туркмен» — 1907 г., 91 лл. (№ 112). Содержит выписки стихов, их переводы, сведения об авторах.

Выписки из разных рукописей, книг на узбекском и других тюркских языках, имеющие отношение к истории туркменов, — без даты, 90 лл. (№ 113—115, 117).

Черновые выписки к статье «Ругательства и проклятия у туркмен и хивинских сартов и узбеков» — без даты, 65 лл. (№ 116).

Черновые выписки к статье «Люди и природа в глазах туркмен» — без даты, 52 лл. (№ 118).

Материалы к статье «Разновидности туркменской игры в бабки» — без даты, 4 лл. (№ 119).

Отрывок из статьи «Этнографические мелочи из дневников путешествовавшего по Туркмении» — 1908 г., 5 лл. (№ 120) [11].

3. *Языкознание*. Единицы хранения № 121—135:

Работа «Система турецкой грамматики. Опыт установления грамматических категорий» — 1912—1915 гг., 589 лл. (№ 121). Содержит лишь материалы и выписки по названной теме. Грамматические категории устанавливаются по чисто морфологическим признакам. Здесь же листы из другой работы А. Н. Самойловича — «Опыт краткой крымско-татарской грамматики» [12].

Статья (машинопись, с поправками автора) «Слово „рука“ в языках тюркской системы» — без даты, 10 лл. (№ 122).

---

[10] Издана под тем же названием: «Восток», кн. 1, М., 1922, стр. 97—99.

[11] Статья издана под тем же названием: ЖС, 1908, год 17, вып. 1, отд. 5, стр. 122—125.

[12] Эта грамматика издана под тем же названием: Пг., 1916.

Материалы и выписки, озаглавленные: «К вопросу об имени татар», — без даты, 7 лл. (№ 123).

Статья «Греческого ли происхождения название кушанья „пастырма“?» — без даты, 40 лл. (№ 124).

Материалы и выписки на карточках, озаглавленные: «Названия хивинских кушаний», — без даты, 90 лл. № 125.

Незаконченная статья «Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями», — 1918 г., 23 лл. (№ 126). Статья представляет собой очень общий обзор, основанный на данных памятников домонгольского периода, главным образом по работам В. В. Радлова [13].

Тезисы, озаглавленные: «Что нужно для усовершенствования турецкого алфавита и правописания», — без даты, 4 лл. (№ 127). В них проводится мысль о необходимости при унификации турецкого алфавита основываться на арабском алфавите, введя в него «для гражданских целей» дополнительные знаки для некоторых гласных с использованием уже имеющихся («алиф», «вав», «йай»).

Статья «Некоторые дополнения к классификации турецких языков» — без даты, 38 лл. (№ 128) [14].

Работа «Опыт лингвистического исследования текинского говора туркменского диалекта. (Грамматика, тексты, словарь)» — 1903 г., 6 общих тетрадей (№ 129). Словарь построен по тематическому принципу.

«Краткий текинско-русский словарь» — без даты, 94 лл. (№ 130).

Работа «Грамматика чагатайского языка». На титульном листе обозначено: «Лен. Ин-т живых восточных языков им. Енукидзе» — без даты, 162 лл. (№ 131). К работе приложено начало ее развернутого плана: «Предисловие; введение. I. 1. Что такое чагатайский язык; 2. Из истории изучения чагатайского языка. II. Общие основы грамматики турецких языков. Часть первая. Основы правописания с применением арабского и уйгурского алфавитов, в связи с фонетикой. 1. Арабский и уйгурский алфавиты». Рукопись фактически содержит отдельные разделы, материалы, записи по второй части: «Учение о грамматических формах (морфология)».

Незаконченная работа «Изучение анатолийско-румейского турецкого языка» — без даты, 70 лл. (№ 132). Приводятся известные по печатным источникам сведения, но поданы и обработаны они очень своеобразно.

Статья «Османский алфавит» — без даты, 20 лл. (№ 133) [15].

---

[13] Д. М. Насилов подготовил публикацию этой работы А. Н. Самойловича; см.: СТ, 1973, № 5, стр. 105—110.

[14] Издана под тем же названием: Пг., 1922.

[15] Вошла в сокращенном и переработанном виде в кн.: «Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка», Л., 1925.

Немногочисленные выписки (занимают по 1—2 строки на каждом листе) грамматических форм, фонетических вариантов из сочинений Абулгази. Озаглавлено: «Язык Абульгази» — без даты, 94 лл. (№ 134).

Конспекты некоторых лекций В. Д. Смирнова по грамматике турецкого языка, работы Pfizmaier'a «Grammaire Turque» (Vienne, 1847) и некоторых лекций П. М. Мелиоранского по курсу «Введение в изучение турецких наречий» — без даты, 39 лл. (№ 135). Конспекты лекций выполнены А. Н. Самойловичем в студенческие годы, а конспект работы Pfizmaier'a — позже.

4. *Описание библиотек и редкостей.* Единицы хранения № 136—145:

Список книг личной библиотеки А. Н. Самойловича — без даты, 29 лл. (№ 136—137).

Отчет о разборе библиотеки В. В. Радлова — 1918 г., 2 лл. (№ 138).

Выписки из рукописей, перечень названий некоторых рукописей, хранящихся в Азиатском музее и в Публичной библиотеке в Петербурге, — 1907 г., 53 лл. (№ 139).

Выписки такого же характера, но выполненные по каталогу Rieu [16] — 1909 г., 85 лл. (№ 140).

Работа «О двух турецких рукописях Парижской библиотеки»— 1913 г., 301 лл. (№ 141). Содержит несколько листов замечаний к рукописи «Хосров и Ширин» Кутба, неполный текст этой рукописи (переписан А. Н. Самойловичем) и переводы ее отдельных листов.

Переписанный А. Н. Самойловичем в русской транскрипции текст рукописи на литовско-татарском языке (арабским письмом), из собрания Ахвердовой, — 1923 г., 14 лл. (№ 142).

Черновики статьи о тюркоязычных древностях Азиатского музея — без даты, 23 лл. (№ 143) [17].

Материалы к статье «Хивинские придворные библиотеки» — без даты, 52 лл. (№ 144) [18].

Рукопись арабского молитвенника с пояснениями и подстрочными переводами по-польски и на литовско-татарском языке (рукопись передана С. Я. Шимкевичем) — без даты, 24 лл. (№ 145).

5. *Рецензии, отзывы, некрологи и т. п.* Единицы хранения № 146—152:

Рецензия на книгу: Л. Ф. Б о г д а н о в, Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и адми-

---

[16] См.: C h. R i e u, Catalogue of the Turkish Manuscripts in the British Museum, London, 1888.

[17] Издана: «Азиатский музей Российской Академии наук. 1818—1918. Краткая памятка», Пг., 1920, стр. 33—43.

[18] Вошли в доклад «О хивинской придворной библиотеке и книгопечатании»; упоминание о нем см.: ЗВОРАО, 1910, т. 19, стр. XXXVI.

нистративном отношениях, СПб., 1909, — без даты, 2 лл. (№ 146).

Выписки, замечания, отзывы о различных грамматиках тюркских языков, составленных в России в XVIII—XIX вв., — без даты, 8 лл. (№ 147).

Материалы к некрологу «Памяти П. М. Мелиоранского» — без даты, 3 лл. (№ 148) [19].

Работа, озаглавленная: «Труды, научные взгляды и заветы Мелиоранского (Мелиоранский как языковед-тюрколог)», — без даты, 20 лл. (№ 149). Содержит лишь выписки из работ П. М. Мелиоранского.

Собранные А. Н. Самойловичем из разных газет отзывы о трудах тюрколога-литературоведа А. Саади (машинопись) — 1930 г., 13 лл. (№ 150—151).

Начало статьи, написанной в защиту В. В. Радлова против нападок В. Банга, — без даты, 4 лл. (№ 152).

6. *Библиографические заметки.* Единицы хранения № 153—158:

Библиография по теме «Русская литература и Восток» — 30-е годы, 35 лл. (№ 153—154).

Библиографические заметки по тюркологическим работам, сведения о некоторых тюркологах, заметки к работам А. Н. Самойловича, его письма и т. п. — без даты, около 1200 лл. (№ 155—158).

К фонду приложены многочисленные письма к А. Н. Самойловичу и материалы других лиц, находившиеся среди бумаг фонда А. Н. Самойловича.

АРХИВ АН СССР. ФОНД № 782

Опись 1.

Работа «Хивинские материалы по истории каракалпаков XVIII—XIX вв.» — без даты, 170 лл. (ед. хр. № 1) [20].

Материалы по командировке в Турцию: удостоверение, квитанции, выписки и вырезки из газет и т. п. — 1933 г. (ед. хр. № 2).

Отрывок из черновика статьи «Обзор попыток толкования названий десятков» — без даты, 2 лл. (ед. хр. № 3) [21].

---

[19] Некролог издан: ЗВОРАО, 1907, т. 18, стр. 01—015.

[20] Издана: «Сокращенный перевод отрывков из хивинских хроник XIX века о хивинско-каракалпакских отношениях», — «Материалы по истории каракалпаков. Сборник», М.—Л., 1935 («Труды Института востоковедения АН СССР», т. 7), стр. 91—134.

[21] Вошел в статью: «Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования», — «Языковедные проблемы по числительным. I. Сборник статей», Л., 1927, стр. 135—156.

Черновики статей «Сказка о хитрости Дидоны и Константинополь»[22], «Из туркменской старины. II. Мервские воспоминания»[23], «Татарин о татарах»[24], «Крымская песня про Порт-Артур»[25], рецензия на кн.: W. Radloff, Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen[26] (ед. хр. № 4—8).

Опись 2.

Большое количество писем к А. Н. Самойловичу, касающихся самых различных сторон его тюркологической и вообще научно-исследовательской, издательской и общественной деятельности (письма П. М. Мелиоранского, В. В. Радлова, В. Д. Смирнова, Ф. Е. Корша, В. В. Бартольда[27], А. А. Шахматова и многих других), заслуживают особого описания.

АРХИВ АН СССР. ДРУГИЕ ФОНДЫ

Кроме фонда № 782 рукописные материалы самого А. Н. Самойловича или имеющие непосредственное к нему отношение есть и в других фондах Архива АН СССР. Нам известны следующие:

Замечания В. В. Бартольда как оппонента на диссертацию А. Н. Самойловича (1914 г.); заметки В. В. Бартольда о научных трудах А. Н. Самойловича (1924 и 1929 гг.) (фонд 68, опись 1, № 58, 255, 262).

Письма А. Н. Самойловича — В. В. Бартольду (1906—1929 гг., фонд 68, опись 2, № 219), П. К. Коковцову (1932—1937 гг., фонд 779, опись 2, № 369), В. Л. Комарову (1936 г., фонд 277, опись 2, № 1011), В. Л. Котвичу (1924—1928 гг., фонд 761, опись 1, № 27), В. И. Ламанскому (фонд 35, опись 1, № 1265), С. Ф. Ольденбургу (1911—1929 гг., фонд 208, опись 2, № 516), Э. К. Пекарскому (1914—1928 гг., фонд 202, опись 2, № 402), В. В. Радлову (1911 г., фонд 177, опись 2, № 230), А. А. Самойловичу (фонд 723, опись 1, № 165), М. Д. Сигорскому (1933 г., разряд IV, опись 51, № 5), А. А. Шахматову (1909—1919 гг., фонд 134, опись 3, № 1343), Л. Я. Штернбергу (1913 г., фонд 282, опись 2, № 258); письмо

---

[22] Издана под тем же названием: ИРАН, серия 6, 1918, № 7, стр. 571—576.

[23] Издана под тем же названием: ЖС, 1909, год 18, вып. 4, отд. 2, стр. 78—85.

[24] Издана под тем же названием: «Восточный сборник», кн. 2, Пг., 1916, стр. 71—85.

[25] Издана под тем же названием: ЖС, 1910, год 19, вып. 1—2, отд. 2, стр. 129—131.

[26] Издана: ЖС, 1908, год 17, вып. 2, отд. 3, стр. 254—255.

[27] Одно из писем В. В. Бартольда представляет собой интересную официальную докладную записку «Главные возражения против программ, предлагаемых специалистами-тюркологами».

А. Н. Самойловича в АН СССР с благодарностью за избрание в члены-корреспонденты (Ос. III—ч. III, 1925, § 38).

В фонде № 142 (фонд Н. Я. Марра) есть автограф статьи А. Н. Самойловича «Н. Я. Марр — востоковед» (опись 2, ед. хр. № 101) [28].

В Архиве востоковедов ЛО ИВАН СССР есть автограф неопубликованной статьи А. Н. Самойловича «О надписи тюркскими рунами на р. Бегре в Тувинской республике» (разряд II, опись 4, ед. хр. № 56) [29].

По мере дальнейшего обнаружения материалов и более детального исследования перечисленных в данной статье станет возможным составление полного описания всего рукописного наследия А. Н. Самойловича.

---

[28] Издана под названием: «Академик Марр и востоковедение», — «Литературная газета», 22.XII.1934.

[29] Упоминание о ней см.: А. М. Щербак, Работы Дж. Клосона по алтаистике, — НАА, 1963, № 3, стр. 153.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН СССР — Библиотека Академии наук СССР.
ВАН — «Вестник Академии наук СССР», М.
ВДИ — «Вестник древней истории», М.
ВЯ — «Вопросы языкознания», М.
ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР.
ДАН-В — «Доклады Академии наук СССР. Серия В».
ДРАН-В — «Доклады Российской Академии наук. Серия В».
ДТС — «Древнетюркский словарь», Л., 1969.
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.,
ЖС — «Живая старина», СПб., Пг.
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения (имп.) Русского археологического общества», СПб., Пг.
ЗЗСОИРГО — «Записки Западно-Сибирского отделения имп. Русского географического общества», Омск.
ЗИВАН — «Записки Института востоковедения АН СССР», Л.
З(И)РГО — «Записки (имп.) Русского географического общества», СПб., Л.
ЗКВ — «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (Академии наук СССР)», Л.
ЗООИД — «Записки Одесского общества истории и древностей».
ИАН — «Известия имп. Академии наук», СПб.
ИАН СССР — «Известия Академии наук СССР», М.—Л.
ИВАН — Институт востоковедения АН СССР.
ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», СПб.
ИРАН — «Известия Российской Академии наук», Пг.
ИРКСА — «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях», СПб.
ИСО АН СССР — «Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук», Новосибирск.
ИТОИАЭ — «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии», Симферополь.
КПВ — «Культура и письменность Востока», Баку.
КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», М.—Л., М.
КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», М.—Л., М.
ЛО ИВАН — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР.
МИ — «Мир ислама», СПб.
МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР», М.
НАА — «Народы Азии и Африки. История, экономика, культура», М.
НВ — «Новый Восток», М.
НП — «Наука и просвещение», Ташкент.
ОКИСАР — Особый комитет для исследования союзных и автономных республик.

СВ — «Советское востоковедение», М.—Л.
СМАЭ — «Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого», Пг., Л.
«СПб. вед.» — «С.-Петербургские ведомости».
СТ — «Советская тюркология», Баку.
СТОЭ — «Сборник трудов Орхонской экспедиции», СПб.
СЭ — «Советская этнография», М.—Л., М.
ТВ — «Туркестанские ведомости», Ташкент.
УЗ ИЯЛИЯФ — «Ученые записки Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР».
УЗ ТомПИ — «Ученые записки Томского государственного педагогического института».
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
AO Bud. — «Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae», Budapest.
AOr — «Archiv Orientální», Praha.
APAW — «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften», Philologisch-historische Klasse, Berlin.
ATIM — «Alttürkischen Inschriften der Mongolei», St.-Pbg.
CAJ — «Central Asiatic Journal», The Hague — Wiesbaden.
HJAS — «Harvard Journal of Asiatic Studies», Cambridge, Mass.
JA — «Journal asiatique», Paris.
JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London.
JSFOu — «Journal de la Société Finno-ougrienne», Helsinki.
KCsA — «Kőrösi Csoma-Archivum», Budapest.
MSFOu — «Mémoires de la Société Finno-ougrienne», Helsinki.
PhTF — «Philologiae Turcicae Fundamenta», Wiesbaden.
RO — «Rocznik Orientalistyczny», Lwów, Kraków.
SPAW — «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Kl.», Berlin.
TDAY — «Türk dili araştırmaları yıllığı. Belleten», Ankara.
TP — «T'oung Pao», Paris — Leiden.
UAJ — «Ural-Altaische Jahrbücher», Wiesbaden.
UJ — «Ungarische Jahrbücher», Berlin.
WZKM — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes».
ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Leipzig, Wiesbaden.
ZfVps — «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft», Berlin.

ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
111	18 снизу	одинарными	ординарными
253	8 снизу	*его же*, История Тувы,	Л. Р. *Кызласов*, История Тувы,
276	17 сверху	(1920 25 VI 1925)	(1920 $\frac{25}{\mathrm{VI}}$ 1925)
289	2 снизу	باكو	موسكوا

Примеч. 2 на стр. 31 следует читать:

[2] «Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков», М., 1956, стр. 58.

2 р. 40 к.